АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

ЗАЛОЖНИКИ ПУСТОТЫ

ВИТАЛИЙ АБОЯН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знаменитый цикл Вадима Панова «Анклавы» продолжается!

Катастрофа едва не привела к гибели все человечество, но тех, кто рвется к мировому господству, не останавливают такие мелочи. Они готовы все повторить, и судьбы отдельных людей их нисколько не волнуют. Какое им дело, например, до бывшего военнослужащего внутренних войск Баварского Султаната? Капралу Микмаку довелось убивать, и нельзя сказать, что это занятие ему пришлось по душе. Теперь Микмак зарабатывает продажей «бютена» – артефактов высокоразвитой технологии, которая существовала до злополучного Дня Станции. Откуда Микмаку было знать, что случайная находка в небоскребе, который стал подводным гротом, перевернет не только его жизнь, но и жизнь всего человечества…

- Виталий Абоян
  -
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- Эпилог

Виталий Абоян
Заложники пустоты

© Панов В., Абоян В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Сегодня он нырял один. Никто не захотел бы провести целый день без всякой пользы. Хотя там, на дне, много чего интересного, но слишком уж глубоко это самое дно.

Первые две попытки не увенчались успехом.

Он нырял, зажав зубами армированный шланг, который закрепил на борту своей лодки. Ныряльщик всё продумал на случай, если лодка перевернется, к концу шланга привязан довольно большой кусок пенопласта.

Во время первого погружения ныряльщик не стал опускаться на самое дно. В его планах первым делом значилась разведка. Вода казалась кристально чистой, однако впечатление обманчиво – он повернул голову и посмотрел наверх: пляшущие на далекой поверхности моря блики полуденного солнца теряли свою четкость в мутном мареве.

Жаль, что на нормальное оборудование не хватало денег, сколько всего можно было бы поднять имей он хотя бы обычный акваланг. Еще большее сожаление ныряльщик испытывал по поводу отсутствия гидрокостюма – несмотря на то, что в конце апреля вода в Средиземноморье уже неплохо прогревалась, здесь, на глубине нескольких десятков метров, холод пробирал до костей. И не хватало нормального света – обычный, завернутый в целлофановый пакет фонарик сдох в течение первых пяти минут после погружения. Оставался еще один, но его стоило поберечь для более важного дела.

Да, похоже, обросшие ракушками и мохнатые от разношерстных водорослей холмы это именно то, что он ищет. Стопроцентной уверенности нет, но очень похоже. Теперь дело за малым – опуститься вниз, в холод и мглу, еще на пятнадцать метров и найти… фактически, он собирался, как говорят русские, найти иголку в стоге сена. Причем проблема заключалась еще и в том, что он не знал заранее, как должна эта иголка выглядеть.

Долгие полчаса подъема на поверхность. Спешить нельзя, хотя очень хочется. Три-пять рывков, и он окажется у самой поверхности. Можно будет выплюнуть наполняющий рот вкусом заплесневелой резины шланг и вдохнуть полной грудью свежий морской бриз. Но нельзя поддаваться соблазну – кессонная болезнь не заставит себя ждать, не пройдет и нескольких секунд, как боль в спине скрутит, заставив взвыть. А опускаться вниз для декомпрессии с плохо соображающим пострадавшим ныряльщиком сегодня некому. Еще немного. Суставы слегка ломит, но это не страшно. Нужно забраться в лодку и сделать

перерыв. У него есть сэндвичи, как раз можно заняться обедом. А потом – снова в воду.

Второе погружение закончилось неудачей – шланг выскользнул из крепления и свалился в воду. К счастью, ныряльщик еще не успел опуститься достаточно глубоко, поэтому экстренное всплытие не обернулось трагедией.

Нет, так дело не пойдет. Нужно всё поправить и проверить. И только тогда снова нырять.

На ремонт нехитрого оборудования ушло сорок минут. Ныряльщик подергал шланг настолько сильно, насколько позволяла прочность самой трубки. Отлично, а крюк, на котором шланг висит, снимается легко, так что в случае опрокидывания утлого суденышка проблем не будет.

Опустившись на самое дно, ныряльщик аккуратно разгреб руками ил. Мимо проплыла мурена, не обратив на человека внимания. Он здесь чужой, подводные обитатели плевать на него хотели. Хотя акула, наверное, с удовольствием бы полакомилась человечинкой. Но акул, к счастью, здесь нет.

Под илом поверхность тоже густо обросла мелкими острыми ракушками. Достав нож, ныряльщик нетерпеливо отодрал моллюсков, вспугнув недовольно замахавшего клешнями краба. Ничего, сегодня тебя есть не будут, вот и радуйся.

Ныряльщик опустился еще ниже, чтобы получше рассмотреть то, что ему удалось отыскать, но в этот момент жесткий конец шланга натянулся, и неплотно зажатый зубами загубник выскочил изо рта – не хватило длины. На мгновение им завладела паника, ныряльщик вертел головой и в полумраке не мог найти темно-зеленый шланг, сливающийся с окружающим ландшафтом. Вот про цвет он как раз и не подумал! Если он не найдет дыхательную трубку, это погружение, скорее всего, станет для него последним. Даже если успеть подняться на поверхность до того, как легкие полыхнут огнем боли и заставят вдохнуть холодную соленую воду, кессонная болезнь оставит его инвалидом до конца жизни. Если вообще – оставит в живых.

Ему казалось, что все уже кончено, когда рука наткнулась на скользкий пластик, а в следующее мгновение пальцы, будто бы живущие собственной жизнью, воткнули воняющий резиной конец шланга в рот. Ныряльщик несколько раз конвульсивно вдохнул, выплюнув через клапан соленую воду, и наконец успокоившись, понял, что прошло не более десяти секунд. У страха глаза велики.

Только вот нож он потерял.

Его метания подняли со дна целое облако ила, и видимость пропала окончательно. Чтобы прочесть надпись на пластине,

которую он очистил, пришлось выпустить изо рта конец дыхательной трубки – теперь он крепко сжимал её левой рукой, пропустив для надежности между пальцев, – и практически упереться лицом в дно. Да, надпись была подходящей, здесь будет чем поживиться. Наконец он нашел нужное место, это здание, а внутри должно быть много интересного.

Среди водорослей и успевших отрасти за несколько лет кораллов найти то, что нужно, не так-то просто. Сегодня на поиски он потратил не меньше часа, а бывали дни, когда найти не удавалось совсем ничего. Конечности от холода уже совершенно занемели, пальцы рук плохо сгибались, а зубы отбивали чечетку на силиконе загубника.

И тут появилась одна проблема – для того, чтобы добраться до искомого, нужно забраться внутрь. Залезть в длинный, кажущийся в подводной тьме бесконечным, коридор, превратившийся теперь в живописный подводный грот. Даже если бы длины шланга хватило, плавать в подводном лабиринте, цепляясь пластиковым хвостом за каждый угол, просто невозможно. Нужно решаться.

Ныряльщик остановился перед входом. Нужно плыть прямо, чтобы не заблудиться. Можно повернуть, но только один раз. Главное, чтобы все не оказалось зря – место можно запомнить и потом вернуться сюда еще несколько раз, если там есть что-нибудь интересное.

Грудная клетка, сдавленная тяжестью многометрового столба морской воды, мерно вздымалась, насыщая кровь кислородом. Надо надышаться так, чтобы хватило хотя бы на две минуты. Можно успеть. Лучше – на три, тогда он успеет точно. И еще необходимо закрепить конец шланга, чтобы его не пришлось искать – времени на поиски не будет.

Вдох, еще, последний, руки четким быстрым движением привязывают жесткий шланг к поржавевшим за четыре года перилам, проверочный рывок – все держится, узел не расслабился – и, оттолкнувшись изо всех сил ногами, ныряльщик исчезает в темном прямоугольнике входа.

Прямо, еще, еще, вот, кажется, здесь налево. Легкие как будто распирает изнутри, нужно выпустить немного воздуха. Стайка пузырьков весело уносится к потолку. Ныряльщик достает второй заготовленный фонарик – интересно, сколько продержится этот? Хотелось бы подольше, потому что впереди, за поворотом, не видно практически ничего.

Еще раз налево, здесь дверь. Руки скользят по обросшей слабо колышущимися водорослями ручке. Не заперто.

Руки, что есть сил, дергают за всё, что попадается. Уже очень

хочется вдохнуть, а еще предстоит обратный путь. Только сначала нужно найти хоть что-то полезное.

Фонарик, похоже, скоро закончит жизнь. Не то целлофан негерметичен, не то давление в несколько атмосфер без специальной защиты способны выдерживать только люди. Нужно спешить, без света ничего не найдешь.

Вдохнуть хотелось настолько сильно, что ныряльщик уже не понимал, отчего перед глазами мельтешат черные круги – то ли фонарь гаснет, то ли это проблемы со зрением.

Руки вынимают ящик за ящиком. Ничего примечательного, обычное офисное барахло. Когда этот поросший водорослями и ракушками подводный сад был офисом, ящики двигались куда легче. Сейчас кажется, что вокруг не вода, а мед. Хотя это только кажется. Это от…

Фонарик моргнул дважды и погас навсегда. Ныряльщик в последнем сполохе неверного электрического света успел заметить, что сзади возвышается что-то, густо обросшее лохмотьями водорослей. Руки заскребли по колышущимся из стороны в сторону зарослям, чтобы быстрее развернуться. Пальцы наткнулись на нечто твердое, на ощупь – явно технологического происхождения. Ныряльщик уже ни о чем не думал – очень хотелось вдохнуть, он просто машинально рванул этот странный выступ, и тот легко оторвался, оставшись в руке.

Перед глазами что-то замелькало. Вспыхнуло несколько раз, на мгновение осветив темноту офиса, и оставило тьму в покое. Или это мерещится от недостатка кислорода?

Нужно выбираться. Быстро, очень быстро, потому что рот, конвульсивно сокращаясь в непреодолимой жажде вдоха, уже тянет внутрь прохладную жидкость. Пока удается удержаться от того, чтобы не заглотить порцию соленой воды, но силы на исходе.

Поворот, впереди уже виден сумрачный свет. Еще чуть-чуть. Замерзшие конечности наливаются тяжестью, словно внутрь каждой руки запихнули по свинцовой болванке, а ноги будто прикованы ко дну. Еще несколько метров.

Снаружи свет кажется слепяще ярким, хотя здесь, на глубине, в мареве поднятого им со дна ила царит синеватая мгла. Не важно, где шланг?

Глаза уже ничего не видят, но руки помнят. Рот хватает загубник, легкие жадно заглатывают порцию холодного затхлого воздуха вместе с просочившейся влагой. Ныряльщик закашливается, но теперь не страшно, теперь воздух в руках.

И именно в этот момент грянул гром. Вода вздрогнула, а со дна мимолетной судорогой подняло новое облачко ила. Потом

ударило еще и еще, словно молотом по колоколу, если сидеть внутри него.

Всплывать нужно медленно, но получится ли? Нужно постараться.

Ныряльщик посмотрел на предмет, зажатый в правой руке – маленький черный цилиндрик, похожий на электронный гаджет. Ерунда какая-то, но, может, и удастся продать.

Он бежал, что есть сил. Даже, наверное, быстрее. Угораздило же согласиться.

А казалось, задача выеденного яйца не стоит. Когда к нему подвалил какой-то хрыч – ну, забулдыга чистой воды, кто б мог подумать, что так все обернется? – и предложил поучаствовать в деле, сомнения долго не терзали. Какие могут быть сомнения при виде такого количества наличности? Столько денег – настоящих бумажных денег, а не циферок на электронном счете – он разом никогда не видел. Ну, там, в кино или в новостях, когда полицейскую хронику показывали, конечно, видел. Но чтобы живьем, своими, так сказать, собственными глазами… Тем более что всё это богатство ему предлагалось забрать с собой вот прямо сейчас.

Нет, разумеется, отказаться он не мог. Не поняли бы его. Ни мать, которая пилила больше всех, что он, дурень, не может заработать даже на корм её идиотской собачонке; ни жена, которая давно с ним не спит, потому что, по её мнению, муж у неё неудачник. Она спала с Фаридом, держащим мясную лавку в двух кварталах от их дома, он прекрасно знал это. Да вообще – все это знали.

Так что, когда немытые пальцы коснулись аккуратненьких ровных пачек по сто тысячеевродиновых бумажек в каждой, оторваться от такого сокровища было уже никак невозможно. Это был шанс. Первый и последний в жизни – забыть про собачек и мясников, убраться отсюда и зажить нормальной жизнью. Куда убраться и как именно зажить, в тот момент он не задумывался. А сейчас желание подумать об этом возникало, но совершенно не было времени. Очень уж велика перспектива распрощаться с собачками и мясниками навсегда, так никуда и не уехав.

Впереди стена. Невысокая, метра три всего. Поверхность шероховатая. Давай же, с разбега!

Пальцы скребут по бетону, оставляя кровавые полосы и белые кусочки сорванных ногтей.

А ты и не знал, что люди способны на такое, ведь так?

Знал, не знал – какая разница? Наверное, знал. И тот хмырь, что выдал ему эти злосчастные пачки евродинов, скорее всего, тоже знал. Иначе не подвалил бы к нему, другого кого-нибудь

выбрал бы.

На миг в памяти ожила картинка из прошлого – яркое солнце, бьющее прямо в глаза, игриво выглядывает из-за скалы, на которой он висит, вцепившись в теплый шероховатый камень пальцами левой руки. И никаких страховок. Страховки – это для неудачников. А его жена – тогда она еще не была женой – стоит на утесе в пяти метрах под ним и смеется. Радуется жизни. Тепло, весело, классно. Тогда не было никакой Станции, никаких мясников, и маме в голову не могло прийти завести мерзопакостного французского бульдога. Но всё течет, всё изменяется.

Пули вошли в забор рядом с коленкой с сочным уханьем и треском крошащегося бетона. Не останавливаться, главное – ни секунды промедления. Следующая пуля найдет цель.

Только куда дальше? Пальцы, не чувствуя боли, мертвой хваткой впились в край забора. Один рывок, и будешь наверху. Но дальше пути нет – сверху забор украшали густые мотки сверкающей в свете прожекторов проволоки. По ней наверняка пропустили ток, попробуй прикоснуться, и превратишься в жаркое.

Вместе с деньгами ему выдали пластиковый пропуск и маленькую черную палочку. Даже – штырёк. Рассказали, куда прийти, что сказать, кому показать пропуск и в какую щель сунуть пластиковую карточку. На входе у них стоит стационарный наноскоп, но чувствительный прибор ничего подозрительного в черном штырьке, который на всякий случай спрятан за подкладку пиджака, не обнаружил. Или наноскоп обнаружил, но охранник не обратил внимания?

Не важно. Теперь не важно.

Не то охранник все же опомнился, не то пропуск действовал только в одном направлении, но факт оставался фактом – когда он попытался убраться из огромного ангара, вонзив в прорезь детектора выданную заказчиками карточку, к нему подошел охранник и очень вежливо предложил пройти с ним. Идти никак не следовало, об этом разве что не было написано крупной арабской вязью на лбу вежливого охранника, и он побежал. Так, как не бегал никогда раньше.

Ловким движением удалось протиснуться между довольно плотными кольцами проволоки, не зацепив ее. На радостях он едва не свалился с забора, снаружи высота почему-то была намного больше – метров пятнадцать, а то и все двадцать. Сердце бешено заколотилось в груди, а до этого момента оно словно бы замерло, боясь получить разряд электрического тока. Куда теперь?

Он всегда был парнем смышленым. Просто не повезло в жизни. В тот день многим не повезло – когда случилась авария на Станции, и весь мир полетел в тартарары. А ведь мог подняться до капера. Но не судьба.

Он быстро нашел то, о чем говорил человек, лица которого он так и не увидел. Только пухлые, лениво шевелящиеся под укороченной наномаской губы.

Черный штырёк подошел, будто для этого его и смастерили. Надо думать, так оно и было. Дело сделано, осталось выйти. Вот тут и начались проблемы.

Впереди, метрах в пяти-семи, стоял огромный щит с крупными, в человеческий рост буквами: «ESA», и что-то еще мелко. Там, внизу, прямо под буквами, виднелась покрытая пятнами коррозии перекладина. Если допрыгнуть до нее, можно затормозиться, схватившись за неё руками, а потом до земли уже не так страшно. Главное не сломать ногу, тогда бежать не удастся.

Он оттолкнулся изо всех сил и, вытянув вперед руки, прыгнул. Расчет оказался верен, всё получилось бы. Если бы не очередь, выпущенная из «ревуна» на вышке справа.

Руки попали точно в перекладину, только схватиться им уже было не суждено: мертвое тело, перевернувшись от удара о нижнюю кромку вывески с буквами, с неприятным влажным звуком упало в аккуратно подстриженную возле забора траву.

Нейлоновая сеть с тихим плеском медленно исчезала под водой, оставляя на поверхности разлетающуюся в стороны мелкую рябь. Потертый белесый буй, приспособленный из видавшей виды пластиковой канистры, с глухим стуком перевалился через борт и плюхнулся в море. Сегодня улов должен быть хорошим, и не только сеть поможет в этом.

– Поднажми! – крикнул капитан четверке отъявленных лентяев, которых его угораздило сегодня посадить на весла. Денег платить этим нищебродам капитан не собирался, обойдутся пайком из того, что не подойдет для рынка.

В невысокой надстройке маленького рыбацкого баркаса лежал брикет взрывчатки, который капитан нашел на берегу. Не то военные обронили, не то вынесло море. Оно теперь много разных сюрпризов приносит, правда, с каждым годом все меньше и меньше.

Свой баркас он тоже нашел на берегу. Через месяц после того, как рвануло на Станции, и Марсель со всеми жителями и небоскребами, полными верхолазов, торжественно отчалил от берегов Европейского Исламского Союза и скрылся в соленых водах Средиземноморья.

Тогда многие боялись появляться здесь. Даже спасатели особенно не лезли на берег – французская атомная станция, что работала раньше недалеко от Женевы, говорят, рванула от души, и кто его знает, что несли в море потоки мутной дождевой воды. Наверное, ничего хорошего не несли.

Но он плевать хотел на россказни о радиации, он привык не обращать внимания на то, что не мог самостоятельно осмотреть или пощупать. Он и еще несколько парней из их городка провели тогда на побережье пару недель. И не проиграли – баркас валялся на брюхе почти целый. Небольшой ремонт, и судно уже четвертый год исправно помогает добывать дары моря. Выживать помогает. А радиация – так кто её видел? Ничего от неё капитану не сделалось.

– Давайте, лентяи, отрабатывайте ужин! – гаркнул он на гребцов и раскурил коптящую самокрутку. – Напрягитесь или рыба уйдет от нас.

– Мы… – отдуваясь, начал один из гребцов, но тут же прикусил язык, заметив суровый взгляд капитана.

– Пасть закрой, а то станешь наживкой.

Конечно, бросать это отребье за борт он не собирался. Только на самом деле они хорошо понимали, что такие нищеброды никому не нужны. Их никто не хватится, а если и хватится, то ничего не добьется.

Баркас медленно тащился по дуге, оставляя за собой нитку разношерстных буев. По правому борту, метрах в ста пятидесяти, кружили чайки. Много чаек, они то и дело падали в воду, выныривая с рыбешкой в клюве. Там крутилась стая сардин, судя по всему – большая стая. Если знать, куда смотреть, можно заметить глянцевые спины тунцов, что прибыли на этот пир снизу, из морских глубин. А по воде добирались люди. Скорости не хватает – если бы можно было запустить двигатель… Это если бы на баркасе вообще был двигатель – за отсутствием нормальных батарей Ллейтона его давно сняли, чтобы освободить в трюме место для улова. Да и этому отребью грести все ж легче.

Если бы был двигатель, можно было бы поймать столько сардин, что не влезли бы в увеличенный трюм. А так, на веслах – рыба до горизонта успеет добраться, пока они доплывут до стаи.

– Давайте, еще немного, – скорее для себя пробормотал капитан.

Откуда-то слева донесся грохот. Раскатистый, сотрясающий воздух, словно удар далекого грома. Шторм? Капитан повернул голову и всмотрелся в горизонт, недовольно сморщив губы. Если грохотать не перестанет, то сардин не видать, как своих ушей – рыба, напуганная звуком, уплывет в противоположном от сетей

направлении.

Далеко, почти у самого горизонта на темной подернутой легким волнением морской глади появилось несколько темных точек. И одна точка побольше. Собственно, не точка, а жирная черта, которая довольно резво увеличивалась в размере.

Капитан поднес к глазам бинокль с треснувшей линзой в правом окуляре – тоже подарок Посейдона, – но большой необходимости в этом уже не было. И так ясно, что пожаловали военные. Чего им здесь надо? Не иначе объединенный флот родного Исламского Союза решил устроить показательные маневры, чтобы отщепенцам из Северной Африки неповадно было.

Громыхнуло еще раз. И еще. Теперь капитан явственно ощутил, как сотрясается воздух. Куда они стреляют? Сощурив правый глаз, рыбак внимательно рассматривал происходящее.

Огромный крейсер палил изо всех пушек. Причем палил он, как померещилось капитану, в направлении более мелких кораблей своей же эскадры. Или это только так показалось? Слабое подозрение, что те корабли совсем не свои, появилось и тут же исчезло – очень неправдоподобная версия: нападение на огромный крейсер флота ЕИС прямо у родных берегов.

Пушки выплюнули очередную порцию огня и дыма, а через пару секунд воздух вокруг вздрогнул, по воде пошла рябь. Всё, сардины рванули в другую сторону.

Капитан краем глаза успел заметить, что один из кораблей сопровождения полыхнул короткой яркой вспышкой, но теперь рыбаку стало не до средиземноморской эскадры. Он поджёг запальный шнур, самодельный – главное, чтобы не сгорел быстрее, чем надо, а то сардин ловить будет некому, – и, как мог далеко, бросил взрывчатку в сторону бурлящей в воде стаи. Эх, не добросить, был бы мотор…

Небольшой продолговатый брикет шлепнулся в воду, легкий дымок возвещал о том, что с запальным шнуром все в порядке, он продолжает гореть.

– Стоп машина, – крикнул капитан гребцам и добавил, что есть сил вращая штурвал: – Разворачивай посудину правым бортом!

Гребцы налегли на весла – вот тут они работали на совесть: подорваться на собственной взрывчатке никому не хотелось. Баркас неспешно сбавлял ход, забирая носом влево.

По правому борту ухнуло, и вода поднялась, тяжелым ленивым фонтаном опадая обратно в море. Капитан потряс головой – заложило уши – и посмотрел на дело рук своих. Горстка рыбешек и несколько чаек, сбитых взрывной волной,

плавали во все еще неспокойной воде. Промелькнула спина тунца, двигается медленно – видно рыбина жива, но её оглушило. Нужно быстрее тянуть сеть, чтобы собрать все, что можно. Как некстати приперлись вояки со своими маневрами!

– Активней налегай на весла, активней!

Капитан снова взглянул сквозь единственный окуляр бинокля на крейсер. И обмер – огромная серая туша корабля медленно заваливалась на левый борт, не прекращая при этом постреливать из оказавшихся теперь сбоку орудий. Были явственно видны сыплющиеся в воду черные точки: люди прыгали за борт в надежде спастись.

А потом всё произошло очень быстро. Почти мгновенно. Вытянутый, обтекаемый, словно бок дельфина, борт крейсера вдруг вздулся, а потом его разорвало изнутри. Когда спустя полминуты дым рассеялся, крейсера больше не было. Только вспененная вода продолжала бурлить, выбрасывая на поверхность тела моряков.

Не отрывая глаз от окуляра бинокля, капитан нащупал рукоять топора.

– Да и хрен с ней, с этой рыбой, – пробормотал он, перерубая канат сети.

С третьего удара канат лопнул, обрубок скользнул за борт, оставляя сети с поплавками-канистрами полную свободу действий. «Сеть жалко, только себя жальче», – подумал капитан. Да уж, со взрывчаткой он как-то совсем не вовремя подсуетился.

– Разворачиваемся правым бортом, и домой. На полном ходу!

Один из гребцов – грязный детина с нечесаной бородой – что-то прокряхтел в ответ. Выражал недовольство. Мол, улов-то где?

Бунт на борту? Капитан достал из-за пояса «дыродел», передернул затвор и направил ствол в лицо нищеброду. Откуда тому знать, что внутри нет ни одного патрона.

– Греби, давай! Или рыбам на корм захотел?

Мужик бросил на капитана полный ненависти взгляд и положил руки на весло.

– Так-то лучше. Или у кого-то здесь есть желание отправиться на беседу к воякам?

Послышался плеск весел о воду. К воякам никто не хотел, все понимали, что разговор будет коротким.

1

Палец с ритмичностью метронома ударял по клавише, страницы на экране сменяли друг друга. Участки кода, не складывающегося ни во что осмысленное, скорее всего, являются ни на что не годными наработками машинистов корпорации. Скукота.

Микмак с удовольствием зевнул, забрызгав экран компьютера маленькими точечками слюны, и выключил машину. Все хотят найти клад. Не золото пиратов, оставшееся еще с дикого Средневековья, а настоящий клад. В информационный век нетрудно догадаться, что окажется кладом наиболее ценным. Разумеется, информация.

На этом носителе информации было хоть отбавляй, правда, особой ценности она не представляла. Все мечтали найти читаемый, не отформатированный SSD-накопитель, снятый с банковской машины. Тот, на которых хранили данные по счетам клиентов. Шансов отыскать подобное богатство немного – все банковские компьютеры, конечно же, объединены в сеть, и активы без особых проблем успели перекочевать на другие серверы, разбросанные по всему миру. Да и Марсель рухнул в море не за пару секунд, так что времени у автоматических систем сохранения информации было предостаточно.

Но упорные слухи о том, что практически все банки обладают носителями с данными счетов VIP-клиентов на отдельном выделенном сервере, который не имеет непрерывного доступа в сеть, будоражили умы кладоискателей вот уже четвертый год. Если бы только найти такой SSD… Вряд ли «випы» хранили в банках по паре евродинов, а обладая ключами к пропавшим счетам, легко сделать эти счета своими.

Пока вроде бы никто не сорвал куш. И сегодня Микмак не стал исключением – то барахло, что принес ему Искандер, ни на что не было годно. SSD удалось восстановить, почти две трети информации Микмак прочел. Но сама информация оказалась совершенно бесполезной. Разве что можно поупражняться в программировании, изучив наброски корпоративных машинистов.

– Опять пустышка? – проскрипел Старик Ромеро.

На самом деле Ромеро не был стариком, ему едва исполнилось пятьдесят, но его все так называли. Ромеро, видимо, нравилось, и он с удовольствием поддерживал имидж – создающая впечатление стариковской неряшливости неизменная седая щетина на покрытом морщинами, словно иссушенном

солнцем и соленым морским бризом лице, какое-то непонятное тряпье, в которое Ромеро постоянно рядился. И, самое главное, скрипучий, будто заржавевший голос. Микмак знал, что Старик скрипит специально. А может, настолько привык делать вид, что по-другому разговаривать уже не получалось.

– Угу, – промычал Микмак. – Но носитель рабочий.

Ромеро хмыкнул и поменял местами ноги, которые крест-накрест сложил на видавшем виды столе. Наверное, Старик сожалел, что у него нет сапог со шпорами – они бы внесли последний штрих в его любимый образ крутого ковбоя.

– Хочешь продать ребятам, что компьютеры для «минусов» собирают?

– Хотя бы, – пожал плечами Микмак.

Можно, конечно, попробовать продать сам код – зачем-то же его писали. Не исключено, этими потерянными исходниками могли заинтересоваться те, кто четыре года назад работал над какой-то неведомой Микмаку технологией. Вот только, скорее всего, заинтересованные лица ныне покоились недалеко от того места, где Искандер нашел SSD. Точнее, предводитель водолазов припер ни на что не годный системный блок целиком. Это ж надо таким болваном быть, чтобы тащить со дна подобную тяжесть!

Микмак еще раз зевнул и потер лоб чуть выше линии роста темно-русых, стриженных не столь уж коротким «ежиком», волос. Голова не чесалась, просто он всегда так делал, когда о чем-то задумывался – дурная привычка. А сейчас он думал о том, почему ему всегда хочется спать. Даже тогда, когда вставал ближе к полудню, хоть такое случалось и нечасто. Сны – вот, что ему мешало. Он не просыпался, но, как будто и не спал. Он словно переживал события двухлетней давности заново, раз за разом.

Дело было в Праге. В те времена Микмак служил обычным капралом во внутренних войсках Баварского Султаната. Нормальной работы не было, а пушечного мяса на внутреннем фронте начавшего трещать по швам Султаната не хватало, поэтому брали туда почти всех. Выбор был небольшой: влачить жалкое существование в нищете или пойти во внутренние войска. Микмак выбрал второй вариант. И через полгода относительно спокойной службы попал он на зачистку столицы чешского эмирата от взбунтовавшихся радикальных суннитов, пропагандирующих экстремистские и сепаратистские настроения.

…Манесов мост они миновали на удивление быстро и легко. Ни одного выстрела, словно все сепаратисты мигом передумали отделяться от Баварского султаната и сделались лояльными гражданами. Слишком тихо, это настораживало.

За мостом они разделились. Микмак со своим взводом пошел

в сторону Староместской площади по Капрова. Остальные двинулись по Широкой до Везеньской, где по оперативным сведениям окопался штаб сепаратистов. В штаб на Везеньской Микмак не верил, но не его это дело – решать, по какому маршруту двигаться. Тем более что ему было велено зачистить центр и на Везеньску соваться не пришлось бы.

Для центра города тишина стояла необыкновенная. Нет, звуки были – шорох осколков стекла под ногами, приглушенные рядами домов звуки боя, всё еще идущего где-то в Градчанах. Даже птицы, кажется, щебетали. Но не было слышно человеческих звуков, и от этого становилось не по себе: ты в городе – месте обитания людей, а самих людей не слышно.

Спокойствие расхолаживает. Метров сто ползли еле-еле, дергаясь от каждого шороха и наводя прицел на всё, что двигалось или потенциально могло начать двигаться. Потом поняли, что в этом районе никого нет. Похоже, что даже местные ушли. Или нет – не ушли, просто затихли. Правильно сделали, что затихли.

– Неравный бой ведут бойцы доблестной армии султана на улицах Праги, очищая город от скверны. Сотни тысяч ни в чем не повинных мирных жителей, попавших в западню суннитских ублюдков, ждут помощи…

Микмак прижался спиной к теплой штукатурке, слушая голос, доносившийся из разбитого окна на первом этаже. Человеческая речь вселяла веру в жизнь, хоть это и был голос диктора новостного канала – в квартире включился коммуникатор. Возможно, его не выключили жильцы, когда спешно покидали свой дом, а теперь здесь дали электричество, и он включился. Просто так электричество в район зачистки подавать никто не станет – значит, зачем-то это понадобилось руководству.

Микмак осторожно выглянул из-за откоса окна. Сначала ствол автоматической винтовки – изображение в небольшом окошечке на глазных наноэкранах показывало картинку и мечущееся по ней перекрестье целеуказателя, – потом уже посмотреть глазами. Целеуказатель метнулся в правый нижний угол поля зрения и замер неподвижно. Микмак прищурился – «балалайка» автоматически увеличила область интереса в окошке – и напряг слух. Сквозь бормотание новостного ведущего пробивалось тихое хмыканье.

Так и есть – девчонка. Молодая совсем, лет четырнадцать-пятнадцать, темноволосая, черноглазая, вся зареванная. Зарылась в какое-то тряпье на диване, боится.

– Эй! – негромко позвал Микмак.

Девчонка на секунду подняла глаза, и Микмак увидел страх, поселившийся в них.

– Не бойся, здесь свои. Бандитов уже выкурили отсюда.

Девчонка, не сводя с Микмака мокрых от слез глаз, кивнула. Бойцу даже показалось, что губы тронула едва заметная улыбка. А в следующее мгновение…

Наверное, сказался боевой опыт. Немного его было, этого опыта, но, сколько было – весь его. Микмак не увидел, скорее, почувствовал движение. Не то движение, такого не должно было быть в этом месте. Чисто машинально он вскинул винтовку, уперев приклад в плечо, а дальше сработала автоматика в «балалайке». Оставалось только нажать курок. Микмак медлить не стал – потому что не успел подумать. И поэтому остался жив.

Пуля размозжила девчонке голову, украсив бежевую стену за её спиной отвратительной багряной кляксой. Из её рук выпал «дыродел», стукнув металлом о пластик пола.

Выстрела было два – девчонка промахнулась. Скорее всего потому, что стреляла уже после смерти.

Микмак замер, потеряв ориентацию.

Ты же только что убил мирного жителя. Девчонку ты убил, ребенка совсем!

Из окна раздавались выстрелы, кто-то кричал. Микмак несколько раз куда-то целился, но целеуказатель (хвала небесам) так ни разу и не остановился, не найдя что-нибудь живое. А коммуникатор продолжал рассказ о доблестном походе воинов султана.

– Молодец. – Лейтенант похлопал Микмака по плечу. – Их здесь было шестеро. Если бы ты не заметил… Сейчас лежали бы на булыжнике с простреленными спинами.

Сепаратисты. И дети – тоже сепаратисты. Так сказал лейтенант, он, вроде бы, проверил «балалайки» убитых – у всех была найдена провокационная литература.

Лейтенант на секунду замер, потом махнул рукой, указав куда-то на север.

– Планы поменялись, – сообщил он. – Двигаемся на север, к Староновой синагоге. Пойдем через кладбище, там лучше видимость.

Бойцы трусцой побежали назад, метров через пятьдесят повернули направо, скрывшись между деревьями. Микмак бежал вместе со всеми. Мыслей не было, рациональное в голове отключилось, уступив место автоматизму, доверяющему только данным «балалайки» и собственным инстинктам. Нельзя даже сказать, что было страшно – стало все равно, безразлично.

Еврейское кладбище оказалось странным местом – повсюду,

насколько хватало глаз, торчали или валялись на земле камни, старые, поросшие мхом, исписанные неведомыми словами на неведомом языке. И почему-то здесь сильно, просто удушающе воняло дерьмом.

– Что делать будем? – спросил Микмак Старика, еще несколько раз со скрежетом потерев ногтями лоб. Боль от царапин согнала навалившиеся воспоминания о сегодняшнем сне.

Ромеро был боссом в их предприятии. Собственно, он и организовал контору. Нашел Искандера с его водолазами, взял Микмака. Но самое главное, Старик умел находить клиентов. Здесь, в новоиспеченной Марсельской бухте, «бютен», как называли усеявшие дно останки былого Анклава, в прямом смысле валялся под ногами. Даже без специального подводного оборудования можно было найти многое. Не сейчас, четыре года назад – нынче на отмелях давно уже выгребли все более или менее ценное. Но куда девать такое «богатство», знали немногие. Не в пример Ромеро.

Старик, не опуская ног, порылся в ящике стола – должно быть, жутко неудобно, но образ не позволял поменять позы, – вытащил оттуда толстую и корявую сигару, откусил от неё зубами кончик и смачно сплюнул его на пол. Небольшой корявенький кругляшок цвета дерьма, залитый слюной Ромеро, нелицеприятно расположился точно по центру халупы, которую Старик упорно именовал офисом. Потом он раскурил сигару. Офис наполнился гадостным едким дымом.

Микмак поморщился и встал, чтобы открыть окно. Ромеро жестом велел сесть на место.

Интересно, зачем он курит эту дрянь? В ней же точно нет ни грамма табака, а из чего делают так называемые сигары местные китайцы, не знает, наверное, и сам Ромеро. И окно не дает открыть.

– Не надо привлекать внимание улицы, – объяснил свою выходку Ромеро.

Да, людской молвы он боялся, как черт ладана. Поэтому они до сих пор ютились в покосившейся лачуге на берегу, хотя давно уже могли снять нормальный офис в Марсель-нуво. Незачем людям знать, что у ребят Ромеро – именно так он всегда и называл их предприятие – водятся деньги.

– Железки, которые Искандер притащил два дня назад, ребята нашли в том же месте, что и этот твой… – Он покрутил пальцем, направив его на прицепленный к компьютеру твердотельный накопитель.

– SSD?

– Да, эсэсдэ. Солидные люди выразили интерес к этому

«бютену». Возможно, они возьмут и эсэсдэ – заплатят больше твоих любителей конструкторов «Сделай сам».

– Из Марселя-нуво?

– Кто?

– Солидные люди.

Ромеро хмыкнул и сплюнул мутную коричневатую слюну на пол. Он опустил ноги и подвинулся на стуле, чтобы удобней было сидеть, но ответить не успел – его скрутил приступ конвульсивного кашля.

– Китайские сигары не доведут тебя до добра, – сказал Микмак и, резко поднявшись, распахнул окно. Пускай Старик рассуждает о том, что людям знать нужно, а что нет, ему всё равно, потому что дышать этой дрянью Микмак больше не собирался. В лицо ударил свежий ветер, несущий со стороны моря ароматы соли, рыбы и гниющих под весенним солнцем водорослей. Так-то лучше.

– В Марселе-нуво нет солидных людей, – наконец откашлявшись, сказал Старик. После приступа его голос стал еще более скрипучим, а вечно прищуренные глаза превратились в совершенно неразличимые щелочки: две глубокие морщины по бокам от носа, а не глаза. – Это большая бестолковая деревня, а не Анклав.

Микмак давно хотел спросить, где находит покупателей «бютена» Ромеро, но не спрашивал – и так ясно, Старик не ответит.

Марсель-нуво образовался на месте развалин северной окраины бывшего Марселя – настоящего Анклава, – которая не утонула в море, но почти полностью разрушена землетрясением. Этот псевдоанклав на самом деле был даже не деревней. Больше всего эта мешанина магазинчиков, лавочек и обитающего в развалинах многочисленного жулья походила на огромный блошиный рынок, который ради удобства жить рядом с работой осваивали как продавцы, так и покупатели. Двумя факторами, способствующими развитию нового «анклава», были частично сохранившиеся транспортные магистрали – а транспортный узел старого Марселя находился как раз в оставшейся на берегу северной части, – и, конечно же, «бютен».

– Ты им саму эту штуку не показывай, – продолжал увещевать Ромеро. Перепиши на компьютер то, что, на твой взгляд, может показаться им интересным, и там покажи. Но ничего действительно важного. Понял?

Микмак кивнул. Он и сам уже подумал об этом. Если «солидные люди» знают, что покупают, они поймут, о чем идет речь по корпоративным меткам в программах. Вот именно их он

и покажет потенциальным покупателям.

Рука сама потянулась к носителю и выдернула провод из блока, считывающего с SSD данные. Безопасность превыше всего, действия доведены до автоматизма.

Микмак поднял зажатый в пальцах темно-серый брикетик SSD и вопросительно вскинул брови.

– Брось в ящик стола. У тебя там много компьютерного барахла валяется, никто не заподозрит, что среди хлама может быть что-то ценное, – сказал Ромеро.

Микмак обратил внимание, что Старик постоянно косится в сторону распахнутого окна. Ну, конечно же, как бы на них не обратили излишнее внимание.

– Когда прибудут твои солидные люди?

Старик резко дернул глазами влево, активировав часы на глазных наноэкранах, и ответил:

– С минуты на минуту.

Ромеро поднялся, чинно прошествовав к окну, высунулся наружу, повертев головой.

– Искандера нет. Я же ему говорил.

– Он всегда опаздывает.

Старик издал какое-то неопределенное рычание: не то сетовал по поводу Искандера, не то просто не нашелся, что сказать. О привычке начальника водолазной команды приходить позже назначенного срока он знал прекрасно.

– Искандер любит море, ты же знаешь. Он никогда не может от него оторваться.

– Тиной тянет, – невпопад буркнул Ромеро и закрыл окно.

Хвала богам, он хотя бы сигару выбросил.

– Кто эти люди? Покупатели? – спросил Микмак. – Хотелось бы знать, с кем имеешь дело. Когда заранее знаешь, чего ожидать от человека, добиться от него можно большего.

Ромеро многозначительно поднял вверх оттопыренный указательный палец. Ох уж эта его манера все делать многозначительно! Жест означал, что задавать подобные вопросы не стоит.

– Мы ведь тоже в деле, Ромеро, – напомнил Микмак.

– Мы давно распределили обязанности, – проскрипел Старик и закудахтал, словно его скрутил застрявший где-то в глубине трахеи кашель. На самом деле, он изображал смех. Не смеялся, а именно изображал. – Искандер достает, ты находишь в «бютене» смысл, а я нахожу людей, которым все это добро нужно. Ведь так?

– Но я рассказываю о найденном смысле тебе. И Искандер приносит побрякушки сюда, в офис. А ты…

– *Мои* покупатели тоже приходят сюда.

Из-за неплотно прикрытого окна послышался звук захлопнувшейся двери мобиля. Те самые солидные люди?

– Похоже, прибыли, – подтвердил догадку Микмака Старик. – А Искандера все нет.

Ромеро недовольно поцокал языком, вернулся к окну и снова распахнул его. В затхлую атмосферу офиса ворвался свежий ветер, крики чаек и голоса людей. Слов за шумом моря и ветра не разобрать.

Мобиль с покупателями прибыл с парадной стороны офиса. То есть с противоположной от той, где располагалось распахнутое Стариком окно. Микмак, смотревший наружу через тощую спину Ромеро, видел идущую наискось широкую тропу, ведущую вниз, к морю. Именно оттуда должен прийти Искандер – крупный курчавый француз, скорее по традиции, чем по велению ума или сердца, почитающий Аллаха. Обычно Искандер появлялся там в неизменных темно-синих плавках – он носил только темно-синие, – мокрый, с ластами, маской и баллонами акваланга в руках. Свои баллоны он не доверял никому. Может, правильно делал.

Но сейчас Искандера не было на тропинке, и не виднелась его мокрая курчавая голова, словно поплавок, выныривающая из-за осыпающегося края высокого берега. Ромеро явно нервничал из-за опоздания подводника – похоже на то, что солидность людей в этот раз действительно была велика.

Старик высунулся наружу, перегнувшись через узенький подоконник. Пытался увидеть приближающегося Искандера. Он что-то бормотал, но Микмак не расслышал слов.

А дальше события стали развиваться настолько молниеносно, что Микмак не уловил момента, когда всё началось.

Старик как-то странно крякнул, будто подавившись, руки его суетливо заскребли по давно не мытому пластиковому подоконнику, оставляя в пыли светлые полосы. Его ноги несколько раз дернулись и поехали назад, а сам Ромеро повис на оконной раме, едва не вывалившись наружу.

Микмак ни о чем не думал. Понимание, да и вообще – какие бы то ни было мысли пришли потом. А сначала он начал действовать.

Правая рука открыла ящик стола, в который по совету Ромеро он положил SSD, нашарила там сам накопитель и резким движением метнула легкий брикетик в окно. Неизвестно, долетит ли он до моря, но, во всяком случае, Микмак теперь точно не знает, куда он упал.

Потом он поднял крышку компьютера и уничтожил всё, что оставалось на диске с того SSD. Смысла, конечно, ни на грош –

восстановить данные легко можно с помощью бесплатной программки из сети.

Пришел в себя Микмак только возле стола Ромеро, куда он, как оказалось, уже успел подойти. Указательный палец правой руки лежал на кнопке, спрятанной под столешницей. Нажав на нее, можно отправить сигнал тревоги Искандеру, у ныряльщика есть приемник. Только что-то останавливало Микмака. Что?

Ясно, что в Ромеро стреляли. И не только стреляли, но попали. Стрелок, вероятно, находился где-то сбоку – справа или слева от офиса. Как ни старался, Микмак не мог разглядеть на теле Старика входного отверстия пули. Он видел только тощую задницу и безвольно разъехавшиеся по полу ноги. Кто стрелял? Гости или…

Голоса всё так же слышались за окном. Ни тембр, ни ритм не изменились – выстрела «солидные люди» явно не слышали. Собственно, его не слышал и Микмак. А Искандер так и не появился. Что он там, на дне морском, интересно, нашел? Палец, уже почти надавивший на кнопку, отодвинулся и, чиркнув по шероховатой поверхности столешницы, спрятался в кармане своего хозяина.

В дверь тихонько постучали. Так обычно стучат, чтобы соблюсти приличия, а не для того, чтобы получить разрешение.

Так и есть – без всякой паузы дверь распахнулась, и на пороге появился прилично одетый, действительно солидный человек средних лет в сопровождении пары амбалов в костюмах подешевле – на их фоне даже Микмак, мужчина широкоплечий и роста немаленького, смотрелся жалко – и небритого немолодого человека со странной прической, с ног до головы облаченного в застиранную джинсу. Они даже не пытались удивиться происходящему или сделать вид, что не имеют к происшедшему никакого отношения.

А Искандер, между тем, так и не появился.

2

Тук-тук-тук-тук. Стеклянный стук, быстрый, словно пулеметная очередь, разносился по кухне. Вместе со стуком в затхлом воздухе кухни распространялся едкий аромат бабушкиных капель. Был бы с них толк. Искореженные артритом дрожащие руки тщетно пытались отмерить нужное количество капель, выбивая дробь горлышком пузырька о край стакана с водопроводной водой.

Все говорили, что водопроводную воду пить нельзя. Ее давно уже нельзя было пить, но на очищенную питьевую денег все равно не хватало. Да и в чем вред, понятно тоже не было.

Лёшка вздохнул и ушел в залу.

Зала никакой залой не была. Так, обычная комнатушка, пятнадцати метров площадью. Старенький диван, устланный измятым, давно нестиранным бельем, неработающий коммуникатор на стене – черный экран покрылся толстым слоем пыли, на котором запросто можно писать, – стол, заставленный подсыхающими объедками, на полу затертый – местами проступала плетеная серая основа – синтетический ковёр. Ага, запустил он квартиру. Совсем запустил.

Раньше за порядком следила бабушка, а теперь она заболела. Лёшка ходил с ней в поликлинику, но ничего путного там не сказали. Выдали список лекарств, которые нужно купить, и попытались вселить надежду, что всё наладится.

Не наладилось. Только капли эти свои вонючие бабушка продолжала глотать, будто слаще в жизни ничего не было.

Лёшка знал, куда обратиться. Были в столице нормальные клиники. Но там требовалось платить. За прием врача, за процедуры, за обслуживание. Разве что дышать внутри этих клиник разрешалось бесплатно. А денег взять неоткуда.

Лёшка работал. Там, где получалось. Последние три недели он подрабатывал у Мирзамана Мирзоева на вокзале – выгружал из вагонов какие-то тюки. Что в тех тюках и принадлежали ли они вообще Мирзаману, Лёшка не знал. Ему платили, а остальное его не интересовало.

Это он так себя убеждал. А на самом деле что-то внутри грызло, не давало покоя. И не было особых сомнений в том, что он ночами просто-напросто ворует, причем не для себя, а для вконец обнаглевшего жулья.

Но не было и иного пути. Лёшка пытался доучиться в университете, оставался еще один год. Благо поступил он – всего за месяц до аварии на Станции – на бюджетный курс. Но

положение в стране до сих пор оставалось тяжелым и стипендию не платили. Хорошо, нашли возможность не закрывать университет совсем. Хотя учиться на первом курсе начали не как обычно в сентябре, а весной следующего года.

Бабушкиной пенсии решительно не хватало. Даже на житье впроголодь. Поэтому Лёшке приходилось искать работу. А что он мог найти? Ничего не умеющий, жизни не нюхавший пацан.

Лёшке всегда нравились компьютеры. Он бредил Сетью и программированием еще с детства. В шесть лет он распотрошил программную начинку подаренного ему родителями планшета, а спустя год создал патч, позволяющий качать из Сети платные программы. И, разумеется, пользоваться ими бесплатно.

Но ломать быстро надоело. Каким бы виртуозом ни был ломщик, он оставался разбойником, способным лишь разрушать то, что сделали другие люди. Можно перехитрить задумку инженера и взорвать его творение, которое считалось нерушимым. Это сложно, но куда проще, чем построить такой же архитектурный шедевр. Ломать – не строить. Лёшка считал эту старинную пословицу честной. И он хотел не просто повторить, не сделать копию, пусть и столь же совершенную. Он желал превзойти уже построенное, выиграть гонку, сделав лучше свое, а не разрушив чужое.

Но это лишь мечты. А за окном, под низким свинцовым небом, по которому быстро, словно куда опаздывая, летели тучи, вольготно расположилась реальность. И главный менеджер этой самой реальности, как выясняется, забыл оставить на подвластной ему территории место для простого питерского пацана по имени Алеша.

А теперь еще заболела бабушка. Она пока не слегла, передвигалась по их маленькой квартирке сама. Но доктор сказал – когда бабушку попросили подождать в коридоре, – что дальше будет хуже. Проблема крылась не в руках или ногах, болезнь поразила голову. Мозг, который отказывался управлять телом. И общаться с бабушкой становилось трудней с каждым днем.

Доктор, к которому они попали на повторный прием – «контрольный осмотр через полгода», – оказался нормальным парнем. Выписал он, конечно, ерунду, которая только немного сглаживала проявления болезни. Он сам об этом честно сказал – ничего другого он выписать не мог. Но лечение существовало. Не лекарства – медикаменты тут бессильны. Так сказал доктор. Нужен курс каких-то процедур, нужны особые наны. Доктор дал адрес, куда можно обратиться, но лечение стоило столько, что… Что это всё равно как, если бы лечения не существовало вовсе:

Лёшка сроду не видел одномоментно такого количества денег. Можно взять кредит, только вот кто его даст нищему студенту, не имеющему постоянного дохода?

– Лешенька, ты цветы полил? – послышался с кухни бабушкин голос.

– Полил, полил, – проворчал Лёшка, тупо пялясь в пыльный экран неработающего коммуникатора.

Цветов в их квартирке не было. В этой – никогда.

Цветы разводила мама. Когда она была. Потом, когда родителей не стало, их трехкомнатную квартиру пришлось продать – платить за неё было нечем. И жить было не на что. Думали, денег, полученных от продажи квартиры, хватит надолго, во всяком случае, до окончания Лёшкой университета. Но чаяниям не суждено сбываться, мечты должны оставаться мечтами.

Родители делали все, что могли. Они пытались наладить жизнь, создать для сына нормальные условия… Их так и не нашли. Если вообще искали. В первый год после Катастрофы было не до поиска пропавших горожан. Хотя продажные полицейские и сейчас для неспособных заплатить граждан представляли скорее опасность, чем являлись защитой.

И Лёшка, и бабушка понимали, что стремительно разваливающаяся, попавшая в глубочайший кризис страна… попавший в кризис мир – не самое лучшее место, чтобы хранить наличность. Но иного пути они не нашли.

Инфляция съела сумму, являвшуюся совсем недавно небольшим состоянием, всего за полгода. От «квартирных» денег не осталось ничего. Но пенсию, какой бы нищенской она ни была, государство платило бабушке исправно. На неё и жили. Выживали.

– Хотела картошки сварить…

– Да, бабушка.

– Только чего-то не нашла картошки.

В голосе бабушки явно ощущались нотки озабоченности. Она была расстроена, вот-вот заплачет. Теперь она плакала часто. Раньше на её глазах тоже нередко появлялись слезы, Лёшка знал это, но она старательно прятала от внука свое отчаяние. А теперь… Теперь у Лёшки возникало ощущение, что они с бабушкой поменялись местами.

– Её нет, бабушка.

– Как же так… Как же это мы без картошки-то? Куда же нам…

Лёшка тяжело вздохнул и отвернулся к окну.

Бабушка тихо, почти беззвучно плакала на кухне. Она оплакивала отсутствие у них картошки. Оставалось еще четыре

упаковки синтетического супа, но бабушка о них не помнила. Или помнила, но надолго застряла на картошке. Её теперь не сбить с курса: начала рыдать, значит, не успокоится, пока вдруг её внимание не привлечет что-то другое. Одна беда – в их доме почти нечему привлечь внимания. Лёшке было жаль бабушку, очень жаль, но поделать он ничего не мог. Да и не стоило ничего в такой ситуации делать – так сказал тот доктор. Только ждать.

Когда станет еще хуже.

За грязным, уже год немытым окном продолжали свой бег темные тучи, поливающие землю мелким противным дождем. Уже весна, совсем не холодно, градусов десять тепла, не меньше, но даже на вид снаружи было сыро и неуютно. Очень не хотелось туда, страшно не хотелось пополнить и так огромную армию бездомных.

Только иначе лечение бабушки не оплатить. Лёшка всё посчитал – денег за квартиру должно хватить. Может быть, даже что-то останется. Несколько раз он заходил в офисы контор, занимающихся торговлей недвижимостью, но так и не решился заговорить с клерками.

Ему, молодому и здоровому, не хотелось на улицу. А бабушке и вовсе там не выжить.

На площадке внизу резвились дети. Лет десяти. Маленькие, похожие с высоты двадцатого этажа на муравьев фигурки, не обращая внимания на дождь, весело прыгали по подвесным дорожкам, катались на качелях и что-то лепили в песочнице. Детская площадка была новой, поставили меньше месяца назад. Значит, есть деньги в бюджете. Значит, начала налаживаться жизнь.

Только не у Лёшки, у других.

Он надел не по сезону теплую куртку – главное, она не промокает, – повесил на плечо небольшую сумку и вышел из дома. Бабушка на кухне продолжала причитать по поводу отсутствия картошки. Ну нет больше сил на это смотреть. И слушать – тоже нет.

Загаженный и покореженный лифт, подозрительно поскрипывая, спускался вниз. «Трахни меня, если хочешь», и номер коммуникатора. Наверняка написал отвергнутый хозяйкой этого коммуникатора шалопай. В отместку. Нацарапал нетвердой рукой, ощущая себя победителем. Лёшке бы его проблемы.

Он открыл дверь парадного, ветер тут же бросил в лицо пригоршню противной холодной мороси. Лёшка поморщился.

Идти недалеко, всего три остановки троллейбуса. Так что тратить деньги на общественный транспорт нет никакого резона.

Он шел быстро, натянув капюшон и вжимая голову в плечи – так меньше влаги попадало за шиворот. Хотелось поскорее добраться, спрятаться в тепле.

Шумящая во дворе детвора, которой нипочем даже холодный апрельский дождь, осталась позади. Теперь Лёшка шёл мимо высокого ободранного забора. Лет пять назад им огородили площадку, на которой собирались что-то строить. Но стройка так и не началась. Случилась авария на Станции, Катастрофа. Последнее время жизнь в городе начала походить на ту, какой она была до злополучного дня. Так что, возможно, за этим забором, увешанным размокшими обрывками афиш и каких-то политических призывов, скоро опять появятся строительные краны.

Улица была пустынна, ни впереди, ни сзади, насколько хватало глаз, людей не было. Только ободранная собачонка неспешно трусила метрах в двадцати впереди Лёшки, то и дело обнюхивая забор.

Ловко перепрыгивая лужи, Лёшка добрался до перекрестка. Здесь направо. Переулок довольно темный – каждый раз, проходя здесь, Лёшка испытывал не то, чтобы страх, но какую-то неуверенность в собственных силах. По спине пробежал неприятный строй мурашек. Может, это дождь забрался за воротник?

Лёшка поднял глаза. Оказалось, дождь закончился. В быстро затянувшуюся прореху в плотном облачном строе на пару секунд даже неуверенно выглянуло солнце. Светило словно бы испугалось той картины, что увидело здесь, поспешив спрятаться за непроницаемыми свинцовыми тучами.

Лёшка стянул капюшон – утепленный, отороченный искусственным мехом, в нём было нестерпимо жарко и душно, – стряхнул переливающиеся шарики брызг с рукавов и поправил немного сползшую вбок сумку.

– Эй, пацан!

Все-таки здесь кто-то был. Смешно предполагать, что днем окажешься на улице в одиночестве.

Лёшка посмотрел по сторонам. Прямо продолжался переулок – тот самый, что всегда не нравился, – направо уходил узкий проход, вероятно ведущий во двор, слева – витрина какого-то магазина. Витрина была темной и заляпанной чем-то белым изнутри, этот магазин давно не работал, возможно, со дня Катастрофы.

Никакого смысла бежать во двор. Он может оказаться закрытым, это настоящая западня. Идти назад? Только Лёшка никак не мог понять, откуда донесся до него нахальный, немного

с хрипотцой голос.

– Да ты, ты. Чего озираешься?

Из-за магазина появился человек. Видимо, там был еще один проход. В другой двор. Сколько человеку лет, с такого расстояния Лёшка определить не мог. Да и какая разница? Подобная встреча в подобном месте не обещала ничего хорошего.

– Чего надо?

Лёшка попытался придать голосу максимально независимую интонацию, мол, ему совершенно все равно, кто и о чем его спрашивает. Но получилось плохо – голос дрожал и сбивался на хрипоту. И внезапно очень сильно захотелось пить.

Он никогда не отличался какой-то особенной физической силой. Да что там греха таить, и не особенной тоже не отличался. С самого рождения он был тщедушным, всего опасающимся ребенком, выросшим в тощего, дрожащего от любого хулиганского возгласа недомерка. Драться Лёшка боялся, оправдывая страх тем, что практически любой соперник явно сильнее его, и исход поединка предрешен заранее.

– Закурить не найдется?

Значит, будут бить. Быть битым совсем не хотелось. Да и не в синяках-то дело.

– Не курю, извини.

Не курил Лёшка на самом деле. Но кого это интересует? Да и спрашивали его просто так, чтобы к чему-нибудь прицепиться. Бежать назад? Задатками спринтера природа Лёшку тоже обделила.

– М-м, – промычал любитель курева, – жаль.

Мужчина развернулся и быстро пошел вперед, свернув направо метрах в тридцати от Лёшки. Сердце стучало так, что казалось, выпрыгнет из груди. Лёшка заметил, что обеими руками вцепился в свою сумку, в которой лежало его главное сокровище.

Компьютер, купленный родителями лет пять назад, он самостоятельно усовершенствовал, что-то поменяв и добавив. На рынке возле «Медной гадюки» продавалось всё, что душе угодно, и часть заработанных ночной работой денег была пущена на приобретение новых комплектующих для компьютера. Конечно, не «раллер», но вещь вполне приличная. Лёшка боялся за комп больше, чем за себя – синяки пройдут, а новую машину он вряд ли сможет купить. Сегодня повезло.

Левая рука, оторвавшись от сумки, нашарила под курткой небольшой медальон и сжала его. Всесильная Цифра!

Когда он добрался, собрание уже началось. Лёшка осторожно, стараясь не шуметь, стянул мокрые кроссовки, сбросил на пол куртку и, вытащив комп из сумки, прошел в зал.

Раньше здесь была школа, потом её закрыли. Что в этом здании находилось теперь, Лёшка понять не мог, да и не было ему особенно интересно. Но по субботам в бывшем спортивном зале собирались люди, к которым причислял себя и он. Поклонники Цифры – всемогущей силы, которая призвана покорить мир.

– Цифра поработила человека, сделала зависимым. И именно Цифра освободит человека! Позволит преодолеть себя. Позволит подняться очень высоко. Выше неба! Выше звезд! Власть Цифры сменится властью над Цифрой. И двоичный код станет символом нашей свободы! – доносилось с импровизированной трибуны, собранной из матов в южном углу спортзала.

Это были слова из «Чисел праведности». Лёшка знал их наизусть, так же, как все остальные, кто приходил сюда.

Лёшка окинул взглядом зал, выискивая место, где можно присесть. Десятка три человек, в основном молодежь, ровесники Лёшки или немного старше. Подростков и людей за тридцать почти нет. Большинство с бритыми наголо головами – согласно моде, установленной Сорок Два. Сам Лёшка ничего не имел против утверждения, что Сорок Два был пророком – первым пророком Цифры, – но поклонником предводителя тритонов не являлся, поэтому никогда не брил голову. Он носил довольно длинные волосы, обычно нечесаными прядями неаккуратно свисающие до плеч. А на самом деле, ему никогда не нравилось стричься.

– Цифра призвана освободить человечество. Но без помощи самого Человека Цифра бессильна. Мы, люди, подобно богам, призваны вдохнуть в Цифру жизнь, – продолжал проповедь Коннектор.

Лёшка сел на пол – места на мате ему не досталось, – не нужно опаздывать, – сложив ноги на манер индийских йогов. Он поднял крышку своего компьютера и подключился к внутренней сети Обители Цифры.

Именно так человек, называвший себя Коннектор, именовал их организацию. Большинство посторонних, знавших о существовании Обители Цифры, считали их сумасбродной сектой, а Коннектора – или безумцем, или шарлатаном. Лёшка понимал, что подобные представления недалеки от истины, но он верил. В силу Цифры, в возможность лучшей жизни, в скорый приход Эпохи Цифры, когда всё изменится. Простые, ничего не значащие слова. Всё изменится… Очень похоже, что никто – даже их предводитель Коннектор – не мог точно сказать, что же должно измениться. И, главное, как. Но это не важно, важно, что люди верили в перемены, знали, что они возможны. И пытались

понять.

Лёшкина «балалайка» запросила разрешения на автоматический запуск программного обеспечения сети. Коротким движением указательного пальца правой руки он активировал сегодняшний алгоритм. Святое писание Цифры.

Перед глазами побежали ряды нулей и единиц, быстро сменяя друг друга. Хоровод двоичного кода успокаивал и, вместе с тем, не давал сознанию расслабиться, настраивал на более тонкое восприятие Цифры. Коннектор говорил, что бегущая перед глазами строчка нулей и единиц есть не что иное, как истинная молитва адепта Цифры. Только двоичный код и никаких слов. Возможно, он и прав.

На экране компьютера, сквозь мельтешение «цифровой молитвы», Лёшка читал сегодняшнее задание. На каждой встрече адепта Цифры ждало задание – иногда нечто безобидное, просто для тренировки. Порой Лёшке приходилось ломать что-то, чего он сам не понимал. Успокаивало только то, что ломали они все через внутреннюю сеть Обители Цифры.

Сегодняшнее задание оказалось простым. Всего лишь взломать охранные системы местного порносайта. Плевое дело.

Лёшке не нравилось заниматься взломом, но Коннектор утверждал, что взлом тренирует навыки истинного нейкиста, позволяет максимально сродниться с сетью, стать её частью. Еще помогал «синдин». По рассказам самого Коннектора, троица Сорок Два освобождала сознание, давала возможность переместить границы восприятия за пределы известного людям, сделать разум более цифровым. Лёшка не спешил опробовать зелье, его смущали возможные проблемы со здоровьем. Да и откуда у него могли взяться деньги на покупку «синдина»?

Нули и единицы перед глазами сменяют друг друга всё быстрее и быстрее. Пальцы лихорадочно стучат по клавишам.

– Человек – Бог, а Цифра есть путь человека к Богу! – голос Коннектора звучал громко, словно усиленный мощными динамиками. – Цифра поработила человека, но Цифра даст человеку свободу, поведет его ввысь…

Еще немного, осталось несколько шагов, и доступ к файлам сервера питерского порнобизнеса будет открыт.

«Привет».

Сообщение, высветившееся на экране, было столь неожиданным, что на мгновение Лёшкины пальцы остановились, перестав забивать нужные данные в программу взлома.

«Ты кто?»

Доступ к его машине надежно защищен. Во всяком случае, так считал хозяин компьютера.

«Не важно. Ты не ответил на приветствие».

Стало быть, его еще и учить хорошим манерам собираются. А если так?

Лёшка свернул окно, в котором шаг за шагом его червь продирался сквозь стройные ряды охранных программ порносервера. Новые окна сменяли друг друга, нули и единицы мельтешили перед глазами, почти слившись в сплошную линию.

– Бог есть Разум. Человек – сосуд, вместилище духа. Мир управляется Разумом, а сейчас, в Эпоху Цифры, мир управляется человеком. Мы Боги!

Коннектор сорвался на визг. Проповедь подходила к концу. Да она и не имела значения – слова Поэтессы знали все присутствующие здесь. Важен фон, звучание слов Прародительницы веры в истинность Цифры.

Кто же ты такой? Лёшка никак не мог поймать вторгшегося в его компьютер. Это кто-то из собравшихся в зале – ломали из локальной сети. Но кто? Лёшка на секунду оторвался от экрана, окинув взглядом помещение. Все адепты сидели на матах, уткнувшись в экраны своих машин. Ни один не вызывал ни малейшего подозрения.

«Я жду».

Нахал! Он еще, видите ли, ждет!

Вот он. Вот его адрес в локальной сети. Сейчас, сейчас, подожди. Сейчас ты свое получишь.

Лёшка отправил неизвестному ломщику червя собственного сочинения, но вредоносный софт вернулся назад – по открытому только что адресу никого не было. Понятно, путает следы.

«Привет», – набрал он ответное сообщение и ткнул в кнопку «отправить».

Ага, значит, так всё просто – сообщение ушло, а, стало быть, отправившей его программе взломщиком Лёшкиного компьютера доверен алгоритм смены адреса. Теперь не уйдешь!

«Видишь, как всё просто. Иногда достаточно просто быть вежливым», – пришло ответное сообщение, а на экране всплыло сообщение: «Пользователь в локальной сети не обнаружен».

Лёшка резко обернулся, услышав – нет, скорее, почувствовав каким-то неведомым доселе чувством, – что по залу кто-то идет. Но рассмотреть ушедшего человека не смог – он увидел только руку, закрывающую дверь в зал. Лёшка вскочил и выбежал в коридор, гулким эхом повторивший стук его шагов. Но там никого не было. Может, показалось?

– Что-то случилось? – послышался из-за спины голос Коннектора.

Лёшка понял, что двоичный код больше не бежит перед

глазами: проповедь закончилась.

– Нет, все в порядке.

На глазных наноэкранах появилось сообщение о завершении операции взлома порносайта. Об успешном завершении. Сегодняшнее задание он выполнил.

3

– Что-нибудь нашел?

– Нет. Я ничего не искал. Люблю море. Просто нырял – смотрел, что внизу, – ответил Джио.

– Там давно ничего не видно, – возразил Минелли.

Лучано Минелли владел небольшим ресторанчиком на восточной окраине Марселя-нуво. Джио любил обедать здесь – когда водились деньги, ибо цены в «Раковине русалки» очень даже кусались. Натуральные продукты, что делать. И с Лучано – братом по крови – Джио давно водил приятельские отношения. Близко не дружили, но испытывали друг к другу изрядную симпатию.

Новорожденный Анклав Марсель-нуво, конечно, никаким Анклавом не являлся. Однако власти Европейского Исламского Союза, на землях которого он отчасти располагался, не имели ничего против существования разрастающегося псевдоанклава. Анклав не анклав, а офшорной зоной Марсель-нуво был совершенно точно. Так же точно, как то, что городок являлся накопителем всяческого рода проходимцев и людского сброда.

– Угу, – Джио кивнул, – всё заросло водорослями и кораллами. Природа возрождается.

– Рыбы много?

– Не очень. Слышал, километрах в пятидесяти к западу взорвался европейский крейсер?

– Ходят слухи, его подбили.

Джио махнул рукой.

– Врут. Только рыба теперь отсюда уйдет: из крейсера наверняка много всякого дерьма вылилось.

Минелли буквально на секунду исчез за перегородкой, появившись снова с громадным сотейником в руках, из которого валил пар, наполняя небольшой зал заведения дивными ароматами. Это была паста. С соусом, который умел готовить только Минелли.

Кулинар явно был расстроен – от разнообразия местной морской фауны сильно зависело меню его ресторана. Не станет рыбы или креветок, придется отказаться от нескольких блюд. А это может отвадить ряд состоятельных клиентов.

– Давай пасту скорее, Лучано, – нетерпеливо проворчал Джио, готовя приборы к началу трапезы. – Сил уже больше никаких нет терпеть. Со вчерашнего дня ничего не ел.

– Скажи честно – не можешь устоять перед пастой Лучано Минелли, – ввинтив в воздух поднятый кверху указательный

палец, заявил владелец ресторана. – А то, можно подумать, что ты приходишь сюда только ради удовлетворения низменных животных потребностей в регулярном питании.

– Если бы было так, Лучано, я бы ходил в фастфуд Хареви – синтетическую еду не приходится ждать. Да и обходится она не в пример дешевле.

– Не нужно экономить на здоровье и удовольствии. А удовольствие – одна из частей здоровья.

– Знаю, Лучано, – улыбнулся Джио, – поэтому и хожу обедать к тебе. Когда могу себе позволить.

Перемешанная с красноватым соусом, тертым сыром и маленькими кусочками поджаренного мяса, паста, источая неземной аромат душистых трав (и где он их только берет?), упала в большую плоскую тарелку, стоящую на исцарапанном заскорузлом, но натурально деревянном столе.

– У тебя здесь сеть нормально работает?

– Конечно работает! И защита стоит. У меня же хороший ресторан.

Внешне «Раковина русалки» выглядела не лучше заштатной столовой. Над её дизайном никто не работал, все и внутри и снаружи небольшого домика, к которому со временем пристроили средних размеров веранду, а впоследствии и второй этаж, было сделано руками самого Лучано и его близкими. Но кухня Минелли заслуживала самых высших похвал. Джио подозревал, что не всё здесь было столь натуральным, как то утверждал хозяин, но оспаривать вкусовые качества подаваемых блюд не пытался. Незачем, лучшего в муравейнике под названием Марсель-нуво все равно не сыщешь.

Джио достал из кармана свой незарегистрированный коммуникатор и вбил в поисковую строку интересующее его название.

– Решил самостоятельно заняться сбытом «бютена»? – Лучано, лукаво улыбнувшись, погрозил приятелю пальцем.

– Нет. Просто нужно кое-что проверить.

– Значит, ты все-таки что-то нашел.

– Я многое нахожу. Но не все знаю, куда применить. Эксперт должен владеть ситуацией, как ты считаешь?

– Конечно, конечно.

Мир Марселя-нуво крутился вокруг «бютена». Этим французским словом называли все, что удавалось поднять со дна. Все, что осталось от некогда могущественного европейского Анклава Марсель, погибшего в водах Средиземноморья в день аварии на Станции. Эвакуации не было – её не успели организовать. Скорее всего жители приморского Анклава не

успели даже толком сообразить, что происходит: Анклав, почти мгновенно разрушенный землетрясением, исчез в замутненных в тот день водах спустя каких-то пятнадцать часов после начала Катастрофы.

На дне осталось многое от былого Анклава. И тонны разнообразных, полезных в хозяйстве вещей, и ржавые теперь, но вполне работоспособные мобили, и так необходимые в нынешний век лекарства – те, что были упакованы в герметичную упаковку. Там, на дне, лежала целая жизнь, жизнь нескольких миллионов человек и города-государства. И где-то там, среди водорослей, ила и снующих туда-сюда косяков рыб, разъевшихся на вдруг свалившихся им на головы останках странных двуногих существ, прятались тайны корпораций, работавших в Марселе. Найти какую-нибудь технологическую разработку корпорации – вот главный приз, ради которого в морские глубины отправлялись тысячи охотников за «бютеном». От доморощенных ныряльщиков с садовыми шлангами, зажатыми в зубах, до профессиональных, хорошо экипированных команд, организованных, скорее всего, самими корпорациями.

Джио нырял мало. Больше из интереса и для удовольствия. Для работы водолаза он подходил не очень – невысокого роста, тщедушный, со впалой грудью и большими, обведенными черными кругами, болезненного вида глазами. Глядя на него, можно было предположить, что на дне давление сплющит его совершенно.

Бизнес Джио заключался в другом – не весь поднятый со дна «бютен» легко мог найти своего покупателя. Скорее, наоборот: прямое назначение найденных остатков былой цивилизации часто оставалось скрытым. Землетрясение и последовавший за ним оползень сыграли роль отличного миксера, перемешавшего всё – найти зоны тех или иных корпораций под водой теперь практически невозможно, всё свалено кучей. Да и сам «бютен» полностью оправдывал свое название – самый натуральный хлам малопонятного назначения. Откуда, скажите на милость, среднестатистическому жителю Марселя-нуво знать, куда можно применить индуктор двигателя Крайтона-Симмондса? А обнаружить весь двигатель в сборе удавалось не так уж и часто.

Найти добытому кем-то «бютену» достойное применение – в этом и состояла функция Джио, Джордано Лоренцо – бывшего инженера и машиниста, бывшего капера, бывшего успешного и уверенного в себе довольно еще молодого человека. Без людей, подобных Джио, большая часть «бютена» становилась никому не нужным мусором. Эксперты были подобны богам, как любил говорить Джио, они вдыхали в никчемный хлам жизнь, наделяли

его функцией и давали ему цену. И, разумеется, имели со всего этого свой процент.

Минелли стянул с головы огромный поварской колпак и привычным жестом вытер руки о белоснежный передник. Когда он был в колпаке, могло показаться, что голову талантливого повара украшает густая вороная шевелюра, но на деле он был лыс, и лишь тонкая полоска вьющихся, всё еще черных, как смоль, волос обрамляла блестящее, словно полированное, темя. Без профессионального головного убора Минелли казался меньше и смотрелся каким-то жалким и уставшим – плечи тут же опускались, уголки глаз съезжали вниз, лоб перечеркивали глубокие морщины. Скорее всего, так он выглядел всегда, только в кулинарии он был богом, а снятый колпак возвращал его облик с небес на грешную землю.

– Что ты хочешь проверить?

А сеть, заметил Джио, у Лучано защищена действительно неплохо. Для чего Минелли была нужна такая мощная и дорогая цифровая цитадель, Джио не знал. Наверное, добыча натуральных продуктов требовала конфиденциальных разговоров и общения с не самыми законными организациями как в Марселе-нуво, так и за его пределами. Хотя законных организаций в псевдоанклаве отродясь не водилось. Так же, как самого понятия закон. Здесь правил бал естественный отбор. Но не тот, что когда-то давно изобрел старик Дарвин, а отбор человеческих отношений, хитрости и грубой физической силы.

– Попалась мне вот эта вещица, – Джио вытащил из кармана меленький не то пластиковый, не то резиновый прямоугольничек, подвешенный на тонкой серебристой цепочке. Черную поверхность брелка украшала мелкая белая надпись, состоящая из нескольких слов.

– Похоже на электронный носитель. Как в компьютерах. Пробовал подключить её к компу?

Джио кивнул, промокая рот салфеткой.

– Хорошо бы сейчас бокал кьянти, – посетовал он.

К сожалению, удовлетворить желание Джио не мог даже такой чародей, как Лучано Минелли.

– Тоскана… Ты же знаешь…

– Знаю.

От Тосканы, где раньше делали кьянти, цена на бутылку которого перед Катастрофой достигла каких-то просто астрономических высот, мало осталось. Нет, сама итальянская провинция не погрузилась в Средиземное море, подобно Анклаву Марсель, но Пиренейский полуостров потрепало землетрясениями, проснулись старые и вылезли, как прыщи на

теле Земли, новые вулканы. Так что о виноделии, и без природных катаклизмов сильно подпорченном исламскими властями Европы, теперь пришлось забыть. Может быть, когда-нибудь в будущем…

– Говорят, из винограда, выросшего на вулканических почвах, получается необыкновенное вино.

– Будем надеяться, – улыбнулся Минелли. – И тогда хоть наши дети попробуют новый кьянти.

Джио взял стакан, запотевший, с потрескивающими внутри кусочками льда. Пальцы ощущали приятную прохладу. Он в приветственном жесте чуть приподнял сосуд, отдавая должное мастеру, только что сотворившему настоящее произведение кулинарного искусства, и сделал несколько глотков.

Сеанс работы в сети не был долгим. Джио не требовалось кому-нибудь звонить или подключаться к виртуальной конференц-связи. Он всего лишь хотел проверить одну вещь – посмотреть в поисковой системе то слово, что было написано на черном пластиковом прямоугольнике. На ощупь пластик и правда был мягким, словно резина. Возможно, это было прихотью дизайнеров. Может быть, мягкая оправа несла противоударную функцию.

– Да, я пробовал подключить это, – сказал Джио.

Лучано, видимо, все еще поглощенный мечтами о возрождении итальянского виноделия, не сразу понял, о чем говорил его приятель и постоянный клиент.

– Не работает.

– Носитель пуст?

– Он вообще не распознается системой. Это что-то другое.

– И что ты пытаешься найти?

Джио на секунду оторвал взгляд от экрана коммуникатора и улыбнулся Лучано:

– У меня тоже есть свои методы. Но я не умею добывать хорошую еду.

– Хорошую еду делаю я.

– И делать её я тоже не умею.

Лучано улыбнулся и скрылся за перегородкой, отделяющей зал от кухни. Во владениях семейства Минелли что-то скворчало, булькало, гремело и наполняло заведение ароматами еще не доведенных до готовности яств. Приближалось время обеда, и рестораторы готовились принимать проголодавшихся гостей.

Джио еще раз бросил взгляд на черный корпус сегодняшнего «бютена». Лучано видел вещицу, он явно прочел надписи на её боку, но ничего не сказал. Он не знает, что это такое. Простая безделушка? Или за неё удастся что-нибудь получить?

Пальцы Джио, аккуратно примериваясь к каждой букве на маленькой виртуальной клавиатуре, набрали короткое слово. Всего пять букв: «АКОПТ». Именно так, заглавными буквами, было написано на мягком черном пластике. И длинный ряд из двенадцати цифр, не разделенных пробелами или точками.

Поисковая система сети задумалась всего на долю секунды, на экране появился длинный список ссылок на страницы, содержащие искомое Джио сочетание букв. И только один настоящий «АКОПТ». «Шаровые краны, запорные арматуры. Лучшая сантехника Баварского Султаната», – прочитал описание Джио. Нет, это явно не то. Но других «АКОПТов» не было.

Поиск цифр и вовсе был делом бесперспективным – мало ли в сети цифр. На всякий случай Джио забил цифры вместе с «АКОПТом» и получил тот же результат. То есть никакого.

Джио двигал пальцем строчки со ссылками вверх, размышляя о значении надписи. Буквы на гаджете четкие, никаких сомнений в правильности написания нет. Но этой надписи нет ни в одном из файлов? Слишком ценная вещь, чтобы доверить её секреты сети? Очень может быть.

Так и есть.

– Привет, Джио!

Эксперт по «бютену» резко поднял голову, машинально сбросив открытую страницу. Несколько привычных действий, и в памяти местного сетевого ретранслятора не осталось данных о только что проведенном поиске. Если верить корпорации, владевшей поисковой машиной, то данных не осталось и в сети. Но это – если верить, а Джио излишним доверием к корпорациям не отличался.

– Привет, Беата, – искренне улыбнувшись, ответил на приветствие мужчина.

Дочь Лучано Минелли Беатриче была брюнеткой невысокого роста, не обиженной матерью-природой пышными формами «там, где надо» и тонкими и грациозными – в иных местах. Любой мужчина, по убеждению Джио, непроизвольно задерживал взгляд на таких девушках, как Беата, отдавая должное точеным чертам лица, но неуклонно скользя глазами вниз, цепляясь за округлости в области груди и надолго останавливаясь пониже талии. Любой, даже из тех, кого в России называли «голубыми», а на английском – «весельчаками».

Беате еще не было и шестнадцати. Её родители справедливо переживали за дочь, не разрешая гулять по Марселю-нуво без сопровождения старших – кого-то из родителей или брата Джузеппе. Но что поделать с молодой кровью – сейчас Беата вернулась как раз с одной из своих прогулок, разрешения на

которую ни у кого не спрашивала. До полудня еще больше часа, вряд ли девушка отправилась прогуляться на рассвете, скорее всего, её не было дома всю ночь.

Джио невольно усмехнулся мыслям, а его взгляд скользнул по аппетитным округлостям Беаты, обтянутым короткой черной юбкой. Не зря переживает за дочь Лучано, ох не зря.

– Иди, помоги матери, – голос главы семейства был холодным, как айсберг. Похоже, присутствие Джио спасло Беату от ощутимого удара по тем самым округлостям.

Что греха таить, округлости Беаты действительно привлекали Джио. А чем он, скажите, хуже «любого мужчины»? Тем, что приятельствует с Лучано? Так ведь это не мешает ему ценить женскую красоту. Правда, Беатриче вызывала в нём чувство неоднозначное. На самом деле в его взгляде было куда больше отцовской нежности, чем неприкрытой похоти самца.

– Папа, я…

Неверный шаг. Оправдываться не стоило.

– Иди, помоги матери, – прошипел Лучано.

Если она произнесет еще хотя бы слово, присутствие Джио не спасет её прекрасный зад от побоев.

– Спасибо, Лучано, – чтобы разрядить обстановку, сказал Джио, показывая хозяину «Раковины русалки» зажатый между пальцами черный гаджет: – Ничего об этом не нашел. Буду думать, куда применить.

Минелии, не проронив ни слова, взял оставленные Джио на столе евродины и спрятал их в кармашке фартука. Беата, проявив благоразумие, быстро перебирая хорошенькими ножками, скрылась на кухне. Из-за перегородки донеслось приглушенное ворчание Анжелики, жены Лучано.

– Девочка выросла, – заметил Джио, наблюдая, как губы Лучано беззвучно двигаются, выговаривая одно итальянское ругательство за другим. – Ты же не можешь держать её взаперти вечно.

– У тебя нет дочери, Джио, – тихо произнес Минелли и резким движением натянул на вспотевшую лысину поварской колпак. Он снова превратился в бога кулинарии, способного сотворить любое блюдо и всегда радующегося гостям.

Много ты знаешь, друг Лучано.

Джио сильно прикусил губу, пытаясь прогнать из головы наваждение – маленькая Вилли тянет к нему ручки, бормоча что-то на своем смешном детском наречии.

– Но ведь это не означает, что я не понимаю тебя. Ведь так, Лучано?

Минелли ничего не ответил. Лишь кивнул в знак согласия

и принялся натирать и без того блестящую барную стойку, возле которой стоял.

4

Халид аль Хатеми стоял почти точно в геометрическом центре зала. Он был недвижим, но всем своим видом демонстрировал неукротимую энергию и напор, подобно великим античным мастерам, сумевшим заморозить движение в куске мрамора. И хотя Традиция не одобряла художественные изображения человеческого тела, Халид с детства восторгался скульптурой древних европейцев. Использовать умения чужих Традиций во благо своей – не грех, а высокое искусство. В этом аль Хатеми был глубоко убежден.

Фарфоровая чашка, застывшая в нескольких сантиметрах от пухлых губ, которые сверху украшали пышные черные усы, медленно двинулась. Губы вытянулись трубочкой и с удовольствием втянули густой ароматный кофе. Настоящий, с настоящих африканских плантаций, возрожденных пару лет назад. Многие из тех, кто покупал кофе, не верили в его африканское происхождение – не важно, они тоже видели главное: дивный вкус замечательного напитка, делающего мысли четче.

– Утечка топлива устранена, – раздался голос прямо внутри головы. Сеть в центре управления полетами Европейского Космического Агентства работала исправно, и руководитель центра Халид аль Хатеми пользовался всеми доступными (и даже немного больше – спасибо машинистам) функциями «балалайки».

– Причина?

– Программный сбой процедуры закрытия клапана топливопровода. Машинисты устранили проблему, проведена полная проверка системы. Сбоев не обнаружено.

– Отлично, – сделав еще один маленький глоточек кофе, прокомментировал сообщение Халид. – Продолжайте продувку двигателей.

– Есть!

На огромном экране, занимающем почти всю северную стену Центра, белоснежную ракету, увенчанную черным обтекателем, окутали клубы белого пара. По углам картинки отображались данные со всех систем ракеты-носителя и стартового стола. Автоматика работала отлично, но и в этот раз не обошлось без сбоев.

Космическая программа Европейского Исламского Союза, которая всего пару лет назад, казалось, умерла безвозвратно, сегодня перестала быть чем-то из ряда вон выходящим. Конечно, первые после Катастрофы запуски – в Европе, в Китае или

в Америке – не сопровождались столь бурным ликованием масс, как это было в двадцатом столетии. И космос давно утратил сказочную романтику, да и сами массы ныне заняты куда более прозаическими проблемами. Сегодня главным пунктом в повестке дня стояло выживание, а космос… Космос всё еще вызывал восторг. Но теперь, скорее, как символ возрождения былого величия человеческой цивилизации, а не как сказка о супергероях, отправившихся в небо.

Сегодня под обтекателем ракеты «Ариан-16» «супергероев» не было. Пилотируемый полет запланирован только в декабре, а до того нужно сделать еще хотя бы два успешных беспилотных запуска. Не только страны Исламского Союза, вся планета остро нуждалась в новой разветвленной сети спутников связи. Многое сделали в «Науком», их орбитальная группировка превосходила космические силы всех государств вместе взятых в разы. Вот это и смущало… И Халида аль Хатеми, и руководителей Исламского Союза в Эль-Париже.

Казалось бы, всего пять лет назад спутники в космос отправлялись чуть не каждую неделю. Что уж говорить о коммерческих запусках аэрокосмических корпораций в Анклавах. Всего пять лет – что могло измениться?

А изменилось многое. Природа не выносит простоя, наука и техника не терпят даже снижения темпа. Прошло лишь пять лет, а они уже не могут выполнить ни одного пуска, не увязнув в каких-нибудь сбоях, отказах, программных ошибках… Халид потянул еще кофе и поморщился, набрав полный рот разбухшей кофейной гущи. Чудесный напиток закончился, очень хотелось выпить еще, но врачи не рекомендуют.

Цифры на экране быстро сменяют одна другую. Системы носителя работают штатно, автоматике не требуется вмешательство человека.

– Зажигание!

Мгновение, и белые клубы, в которых почти исчез грациозный корпус ракеты, озарились красно-оранжевыми сполохами. Словно из-под дюз маршевых двигателей вставало солнце.

– Отрыв!

Конструкции стартового стола неспешно отвалились в сторону, и ракета – огромная, стотонная туша – медленно поползла вверх. В момент отрыва Халид всегда замирал, уподобившись античному изваянию. Он знал всю механику космических полетов, мог с точностью до сантиметра рассказать, куда двинется ракета в следующий момент, но всё равно ощущение, что неподъемная громадина никак не сможет

оторваться от поверхности родной планеты, каждый раз не давало ему покоя. Казалось, еще мгновение, и огромный белый столб начнет заваливаться вбок. Но нет, раз за разом «Арианы», изрыгая водопады пламени, уносились в небесную высь.

Проблемы случались позже, обычно во время отделения ступеней. Но сейчас не время думать о проблемах.

Халид поставил чашку, которую всё еще держал в руке, на блюдце и почувствовал, что большой и указательный пальцы ноют от того, что тонкая фарфоровая ручка слишком сильно давила на плоть.

Руководитель ЦУПа прошел между рядами столов, на каждом из которых стоял компьютерный терминал. Люди работали, большинство о чем-то разговаривало с помощью «балалаек», кто-то неотрывно смотрел в свой экран, машинисты быстро стучали по клавишам.

Стул у широкого массивного стола с несколькими терминалами, на которые выводилась практически вся информация о полете, подвинулся к решившему сесть аль Хатеми словно бы сам собой. Работники ЦУПа хорошо знали, как нужно работать, Халид никогда не повышал голос, его ничто не раздражало в собственном ведомстве.

– Первая ступень отработала. Сброс, запуск двигателей второй.

Голос транслировался на весь зал через динамики и вторился внутри головы, отправленный туда «балалайкой». В космической отрасли издревле принято все дублировать, даже на земле. Надежность здесь превосходила все возможные пределы. Халид опустил глаза на бегущие по терминалу строчки. Цифры были хорошими, все шло, как должно. Но…

– Работа двигателей второй ступени штатная.

Первый рубеж пройден.

– Корректировка курса.

Всё в порядке – в дела людей вмешались природные стихии, маневровые движки отлично отработали, нивелировав порыв ветра.

– Отделение второй ступени. Старт двигателей третьей ступени.

В огромном зале повисла тишина. Только слышно, как тихонько постукивают клавиши «раллеров» – машинисты продолжают вносить коррективы и считывать данные.

– Старт успешен. Выход на расчетную траекторию.

Почти все. Остались считаные мгновения – таймер на экране отмеряет секунды. Четыре, три, две, одна…

Секундная пауза и сообщение:

– Спутник выведен на опорную орбиту. Начато тестирование систем.

Тестированием займутся машинисты. Не зря же они молотят по клавишам, что дятлы по дереву. Главное – в этот раз космос покорился. Под высоким потолком главного зала ЦУПа послышались аплодисменты и восторженные возгласы. Халид аль Хатеми позволил себе улыбнуться.

– Когда будет выход на рабочую высоту? Или как там вы это называете?

Человек, задавший вопрос, сидел рядом с начальником ЦУПа. Он не радовался с остальными, с самого старта ни разу не оторвал ягодицы от стула, вальяжно откинувшись, словно пришел сюда отдохнуть. Его вообще не интересовал космос, этот человек находился здесь, чтобы следить. Он был неприятен Халиду, но его присутствие здесь значило довольно много, поэтому показывать свою неприязнь варвару аль Хатеми не собирался.

– Сейчас – проверка систем. По плану запуск четвертой разгонной ступени должен произойти через семьдесят шесть минут. Если что, у нас есть резерв в два витка.

– Вы ведь понимаете, что не выполнить миссию мы не можем?

Аль Хатеми тяжело вздохнул. Он не знал, что впихнула цюрихская корпорация «Раумфарт» под колпак обтекателя, но почему-то ощущал себя подельником шайтана.

– Страховые компании… – начал он, но так и не сдвинувшийся с места господин перебил его.

– Страховые компании вы упомянули абсолютно не к месту. У нас иные задачи, уважаемый Халид.

Очень хотелось плюнуть наглецу в лицо. Набрать побольше слюны и плюнуть так, чтобы потекло по маленьким, глубоко посаженным глазкам, на уродливый, вздернутый и немного расплющенный, как гнилая картошка нос, сползло на тонкие, ухмыляющиеся губы… Он разволновался, нужно держать себя в руках.

– Что это вы зажмурились, уважаемый Халид?

Зажмурился, вот как? Аль Хатеми почувствовал, что неуклонно краснеет, но ничего не мог с собой поделать. В конце концов, он заведовал космосом, а не политическими течениями, чтобы успешно изображать каменное лицо разведчика.

– Глаза устали, – ответил руководитель полетов. – Спать, знаете ли, приходится немного.

– К сожалению, в ближайшие дни отоспаться нам с вами вряд ли придется.

Аль Хатеми совершенно не заботило, что придется делать

этому наглому варвару. А вот свои заботы он знал хорошо.

– Отзыв получен, все системы функционируют в штатном режиме.

Сообщение пришлось как нельзя кстати. Аль Хатеми очень хотелось прекратить бессмысленный и унижающий его разговор, но он никак не мог придумать, каким образом это сделать.

– Отлично, – отвернувшись от «дорогого» гостя, сказал руководитель полета в воздух: «балалайка» передаст его голос каждому из находящихся в зале. И гостю в том числе. – Корректировка орбиты на первом витке.

– Есть. Начало разгонного импульса через четыре минуты.

Халид кивнул, скорее, сам себе, ибо за его жестами в данный момент никто не наблюдал.

– Я так понимаю, у нас всё получается? – поинтересовался развалившийся в кресле варвар.

«Интересно, у кого это – «у нас»? У этого господина пока что хорошо получалось только зудеть под руку и мешать работать».

– Маневры планируется выполнить в штатном режиме, господин Биггле, – не поворачивая головы, процедил сквозь зубы Халид.

Гость хмыкнул.

Двигатели отработали, как положено, груз достиг геостационарной орбиты. Четыре спутника ESA заняли положенные им позиции. Пятый аппарат, о котором и беспокоился гость, предстояло вывести в расчетную точку завтра.

– Кажется, всё прошло успешно, – не то с утвердительными, не то с вопросительными интонациями произнес гость, а Халид, наконец, понял, что тот просто-напросто плохо понимает происходящее в ЦУПе. Что ж – хороший повод отыграться.

– В космонавтике ничего не кажется. Мы, знаете ли, в большинстве своем здесь агностики. Привыкли оперировать точными понятиями.

5

Отвечать, лежа лицом на твердом столе со связанными и задранными назад руками, было неудобно. Но приходилось. При попытке помедлить с ответом кто-то сильно дернул руки Микмака, отчего плечевые суставы затрещали, а на глаза выступили слезы. Нет, рыдать он не собирался, слезы текли самостоятельно.

Они хотели знать, где Ромеро взял то, что показывал им при встрече. Микмак не мог ответить на этот вопрос, тем более, что вообще не знал, что и когда Старик показывал этим солидным господам. Кстати, лиц солидных господ разглядеть он не успел – мощный удар в челюсть поверг Микмака на пол до того, как он успел присмотреться. А потом его уложили на стол Старика, выкрутив назад руки, чтобы не рыпался.

Судя по звукам, кто-то занимался компьютером Микмака. Скорее всего лохматый в джинсе. Хотя на ломщика или машиниста он похож не был – те чаще брили голову наголо. Возможно, «минус», но некоторые «минусы» в компьютерах разбирались неплохо.

– Так, значит, ты не знаешь, где Ромеро взял этот «бютен»? – в сто двадцать пятый раз повторил «солидный человек».

– Я даже не знаю, о каком именно «бютене» идет речь, – снова попытался объяснить Микмак.

Ему не верили. Не было резона – им нужна информация, и они её найдут.

– Что там, Хармс? – вопрос был адресован кому-то из своих.

– Вот, последние данные. Восстановить удалось не всё: часть диска уже использовалась повторно. Похоже, что системными файлами, – ответил голос Хармса. Видимо, именно он возился с компьютером Микмака.

– И что же там было?

Микмак решил, что вопрос был адресован всё тому же Хармсу. Но, как оказалось, ошибся – резкая боль скрутила руки. Микмак тихонько взвыл.

– Ты страдаешь тугоухостью? – поинтересовался кто-то из громил.

– Нет… я просто не понял… Там было… Я даже не знаю… – Микмак лихорадочно придумывал ответ, попутно размышляя, с какой целью он пытается скрыть выброшенный в окно SSD-накопитель.

Хотя нет, на самом деле он, конечно же, понимал, для чего старался. Он просто тянул время, пытался разгадать намерения

и планы захватчиков. На сами-то планы Микмаку плевать, но вопрос заключался в том, значится ли в них Микмак живым. Стоило постараться оставаться потенциально полезным.

На самом деле он вообще никак не мог понять, что здесь происходит. Если «солидным господам» так нужно знать, где Старик взял какой-то хлам, который впарил им при первой встрече, так отчего было не спросить у него самого? Для чего понадобилось убивать Ромеро, чтобы теперь пытаться выяснить у Микмака то, чего он не знал?

– Я не знаю, о чем вы спрашиваете! – выкрикнул Микмак и добавил скороговоркой, чтобы у громил не успело возникнуть желания в очередной раз выкрутить ему руки. – На диске много информации, я не знаю, о каких конкретно данных вам рассказывать!

Он почувствовал, как чья-то пятерня почти нежно погладила его по голове, а потом ухватила за волосы и резко дернула вверх. Микмак ожидал, что хрустнут шейные позвонки, но, хоть и стало больно, никаких звуков позвоночник не издал. А вот горло перехватило.

Перед глазами плясали темные круги, но сквозь эту пляску Микмак успел рассмотреть то, на чем лежал – хаотическое нагромождение линий, в которых, если приглядеться, можно распознать грубо сработанную карту, и корявая рваная надпись: «ail d paplon». То есть Aile de Papillon – Крыло Бабочки, мыс к западу от этого места. Что там нашел Ромеро? Тот самый «бютен», из-за которого «солидные господа» отправили бедного Старика к праотцам? Впрочем, бедным Ромеро не был.

А мгновением позже на разрисованный Стариком лист упал компьютер, практически упершись Микмаку в лицо. Глаза пришлось сильно напрячь, сведя их к переносице, чтобы прочитать открытые окна. Да, эти ребята точно знали, что ищут. Две из четырех сохраненных Микмаком меток сейчас парой десятков строчек текста маячили прямо перед его глазами.

– Вот это – что? – уточнил голос «солидного господина», и рука, держащая за волосы, исчезла. Микмак уронил голову на клавиатуру, измазав кровавой слизью, что сочилась из разбитых губ, монитор.

Компьютер грубо выдернули из-под лица; Микмак снова упал на лист с картой.

– Уделал всю машину, – недовольно высказался кто-то и ощутимо ткнул Микмака в бок.

– Ничего, протрешь, – возразили ему откуда-то сзади и справа.

Их здесь четверо. «Солидный», «минус» и два громилы

в костюмах, которые, впрочем, не придавали им той самой солидности. Первый прямо за спиной, стоит почти вплотную, «минуса» можно вообще в расчет не брать, один из громил справа. А вот второй… «Что это он делает? Собрался вырваться на свободу? Глупые мысли и, главное, абсолютно бесполезные. Но вот зачем они убили Ромеро?»

Нужно отвечать, а то суставы могут не выдержать. И так связки растянуты донельзя.

– Данные с какого-то носителя. Наши подводники принесли, я его проверял! – не дожидаясь физических воздействий на организм, выпалил Микмак.

– И что ты там нашел?

– Ничего не нашел. Вот эти метки и куча бесполезного кода. Обрывки, обломки – программный мусор. Накопитель четыре года в морской воде пролежал, что из него можно выжать?

– А зачем данные стирал?

– Так зачем они мне? Диск на компьютере не резиновый.

Ромеро с ними уже встречался. Могли взять его тогда же, а не тащиться сюда. Но не взяли и притащились. И самого Ромеро, который мог что-то знать, застрелили. Непонятно – действия законченных идиотов.

– Где сам носитель?

– Какой?

Резкий удар в область печени и рывок за связанные кисти. Чёрт, он же спросил совершенно неосознанно, просто задумался! Правда, стоит признать, сейчас для размышлений время не самое удачное.

– Не знаю. У меня в столе много всякого барахла лежит. Может, какой-то из них.

Зашуршали выдвигаемые из стола ящики.

На идиотов эти люди не походили. «Солидный» точно не походил, за остальных Микмак не поручился бы. Раз они убрали Ромеро, значит, он не был им нужен. Им нужно то, что подводники обнаружили на дне, а Ромеро, стало быть, ничего конкретного об этом «бютене» не знал. Не консультировался у экспертов, или те не смогли сказать Старику ничего вразумительного?

– Так он же эту инфу только что удалил! – недовольно взвизгнул голос того, кто занимался компьютером. Наверняка «минус».

«Солидный» вздохнул и отошел на несколько шагов. Шаги размеренные и громкие, так ходят люди, которые уверены в себе, в своем положении и вообще – в завтрашнем дне.

Микмак зажмурился, решив, что его сейчас будут бить.

Наверное, очень сильно.

Но бить не стали. Только дернули за руки, снова вышибив из глаз слезу, и усадили на стул. Тот самый, на котором всего полчаса назад сидел Старик Ромеро.

Самого Ромеро – ни живого, ни мертвого – в офисе не было. Труп зачем-то вынесли.

Как следовало ожидать, перевернули всё вверх дном. Что они искали: какой-то конкретный «бютен» или информацию?

– Ладно, мне надоела наша невразумительная беседа, – произнес «солидный», неспешно, словно просто для того, чтобы занять руки, передергивая затвор «дыродела». Микмак успел заметить, что казенную часть украшала витиеватая не то гравировка, не то чернение. – Поговорим более предметно.

После этих слов Микмак больше не видел ни гравировки, ни хозяина красивого пистолета. Теперь все его внимание занимало черное, кажущееся бездонным, отверстие ствола.

– Где вы нашли тот «бютен», что показывал мне Ромеро?

– Где-то у Крыла Бабочки! – выпалил Микмак первое, что пришло в голову. Черная оружейная бездна давила на нервы и мешала сосредоточиться. – Я точно не знаю, добычей «бютена» у нас занимается водолазная команда. Я работаю здесь, в офисе.

– Куда ты дел накопитель, с которого слил на свой комп эти метки?

– Выбросил. Откуда мне было знать…

Внезапный удар по лицу прервал тираду оправданий Микмака. Холодная сталь «дыродела» била больно. Глаз стремительно заплывал.

– Именно поэтому ты выбросил накопитель прямо перед тем, как мы вошли в ваш… офис? – «Солидный» брезгливо осмотрел помещение, которое назвал офисом. Назвал с сарказмом и с не меньшей, чем читалась во взгляде, брезгливостью.

Микмак сплюнул на пол набежавшую кровь и ощупал языком губу. Ерунда, зубы целы, а это заживет. Если успеет.

Теперь он увидел всех, находившихся в офисе. Насчет «минуса», как оказалось, Микмак ошибся – с компьютером работал один из громил. Как положено, машинист был лыс и умеренно татуирован по блестящей макушке, однако внешними данными ничем не отличался от второго здоровяка, который мучил Микмака. Собственно, функции лохматого с разноцветными волосами, запакованного в драную джинсу, Микмак так и не понял.

– Что ты знаешь о метках?

«Солидный» не кричал, говорил спокойно и даже проникновенно. Но почему-то от его слов начинали ныть зубы.

А вот лохматый в джинсе нервничал, он ерзал на краешке стола, отбивая пальцами бешеный ритм по столешнице и то и дело посматривая в направлении потолка, словно оттуда к нему должны были явиться ангелы небесные или еще кто-нибудь в этом духе.

– Подводники притащили этот накопитель, – шепелявя, начал объяснять Микмак, – я прочел с него, что сумел, сохранил метки. Ромеро сказал что-нибудь слить с него, чтобы показать вам. Ведь это вы собирались покупать у Старика «бютен»?

Громила, замерший за спиной «солидного», шевельнулся, явно намереваясь врезать Микмаку по физиономии, но хозяин остановил его.

– Мы, – подтвердил он.

– Ну так… – Микмак на секунду запнулся, но договорил начатое до конца: – Денег не хватило?

Бить его не стали. Только «солидный» вскинул брови, а «минус» в джинсе шумно и с чувством расхохотался. Он смеялся до тех пор, пока в уголках глаз у него не показались слезы.

– То есть ты решил, что мы какие-то голодранцы, вознамерившиеся забрать силой то, что не можем купить? – хохотнув еще несколько раз, спросил он.

– Что вам нужно?

На самом деле, тот факт, что прибывшие в офис люди не были голодранцами или бандитами, как говорили в старину, с большой дороги, только осложнял дело. С теми можно было бы договориться. Или как минимум было бы ясно, чего от них ожидать. А вот что нужно этим господам, Микмак пока понять не мог. Но совершенно точно, их очень интересует SSD-накопитель, так опрометчиво выброшенный Микмаком в окошко.

– Мирт, развяжи его, – кивнул «солидный» одному из громил.

Прочный пластиковый жгут, который стягивал запястья Микмака, рассекли ножом, не особенно заботясь о сохранности рук – мощное, покрытое каким-то специальным напылением (скорее всего обычный нож эти путы не взял бы) лезвие прочертило две глубокие царапины, тут же наполнившиеся кровью. Но ощущать себя свободным было приятно. Хотя Микмак прекрасно осознавал иллюзорность этой свободы.

– Скажи, ты когда-нибудь видел такое?

«Солидный» господин подвинул к столу, перед которым сидел Микмак, табурет и опустился рядом с пленником. В его руках появился планшет, экран повернут в сторону Микмака.

На яркой, сделанной солнечным днем, фотографии большую часть занимало пронзительно голубое, кажущееся каким-то бездонным небо. Лишь внизу – узкая серая полоска бетона, слегка

разбавленного яркими пятнами зелени, на котором высились три белых цилиндра, украшенные красной окантовкой сверху и снизу. Размер цилиндров определить трудно, так как сравнить их было не с чем – фотограф не озаботился поиском красивых или хотя бы просто удачных видов, – но если эти зеленые пятна являются кустами, а не травой, то высотой сооружения никак не меньше пяти-шести метров.

Рука доведенным до автоматизма движением вытянулась, и палец чиркнул по экрану, чтобы листнуть следующую фотографию в альбоме. Микмак непроизвольно сжался, ожидая удара, но «солидный» не возражал.

На планшете появилось новое изображение: четверо улыбающихся во весь рот мужчин на фоне какого-то полуразобранного агрегата. И такое же яркое, слепящее даже на фотографии, небо.

– А это?

– Нет, – помотал головой Микмак.

Людей, изображенных на фотографии, он никогда не встречал. И не видел на других фотографиях. А вот местность оказалась знакомой. Не то, покрытое растрескавшимся с лезущей изо всех щелей зелени бетоном, пространство, а фон – на фоне за оградой густой и сочной растительности торчала верхушка «Воды и неба» – самого высокого небоскрёба Марселя. Еще того Марселя, настоящего Анклава, а не его недоразвитого потомка под названием Марсель-нуво. Облицованная специальными стеклянными панелями громада полуторакилометрового небоскреба была построена так, что казалось, будто в небо поднимается столб чистейшей морской воды. На то, что вода именно морская, намекали просвечивающие сквозь волнистые стеклянные стены голограммы обитателей средиземноморских глубин. Теперь тонны стекла, некогда создававшие красоту «Воды и неба», покоились в воде настоящей.

– Вы хотите найти «бютен» из того, что за спинами этих людей? – догадался Микмак.

– Можно и самих людей, – усмехнулся «солидный».

– Нет, я никого из них не знаю. И никогда не видел.

– Ты запоминаешь всех, кого видел?

– Нет, конечно. Этих не помню.

А ты посмотри внимательней.

Разве что… Планшет от него отодвинули. Но Микмак заметил… или показалось? На фотографии были еще люди. Сразу он не обратил внимания, потому что они были далеко и в фокус объектива не попали – несколько размытых пятен. Но в одном из этих пятен Микмак (или все-таки показалось?) заметил знакомые

черты. Если бы не размытость, то, вероятно, смог бы даже сказать, кто это.

Микмак с трудом удержался, чтобы не дернуться следом за планшетом. «Солидный» мог понять, что его что-то заинтересовало в фотографии. А ведь этого не нужно Микмаку?

– Итак, – официальным тоном, торжественно встав, словно в зале суда, начал «солидный», – вернемся к нашей теме: куда ты дел поднятый со дна накопитель?

Микмак повертел головой, соображая, как правильно ответить этому… господину. Он все еще пытался понять план его действий – пока варианты не сходились в логически устойчивую картину. Вопрос, для чего они убили Ромеро, оставался открытым. И, кстати, куда подевался Искандер? Или его они тоже?.. Ведь точное место погружений знает только начальник подводников. Или знал?

– Не знаю я. Честно, не знаю.

– Тут у него много барахла, в том числе накопителей, – подал голос бугай с татуировками на башке. Последние полчаса он активно перетряхивал содержимое стола Микмака, – но меток нет ни на одном из них.

– Ты уже всё проверил?

Громила выдернул из подключенного к «раллеру» привода накопитель и, подняв его в огромной ладони, кивнул:

– Теперь – всё.

«Солидный» повернулся к Микмаку. Он молчал, только вздернутые брови и разведенные в стороны ладонями вверх руки говорили лучше языка.

Микмак пожал плечами.

– Скажи, а зачем ты нам тогда нужен, если ничего не знаешь?

– Но…

Только его оправдания никому здесь не были интересны. Это вообще глупо – оправдываться.

– Вот Ромеро тоже ничего не знал. Притащил нам обросшую ракушками железку, сам не ведая, что несет. А потом оказалось, что места, где её нашли, показать не может, что было рядом с железкой, тоже не знает. Точнее, сам-то «бютен» он, конечно, видел, но совершенно не имел понятия, что это и куда его можно применить.

– Но ведь он вышел на вас, – зачем-то прошептал Микмак.

– Да нет, уважаемый капрал Микаэль Маклин, это мы на него вышли, – возразил «солидный», наклонившись к самому лицу Микмака. – Так, где накопитель? Или то, куда ты слил все данные. Или ты помнишь все данные наизусть?

«Солидный» наклонился так, что его лицо оказалось точно

напротив лица Микмака. Капельки слюны брызгали на лоб с каждым словом, но Микмак старался не морщиться и не моргать.

– А, может быть, ты знаешь больше того, что осталось на том SSD?

Подумай, может ты должен что-то помнить?

Секундное удивление, откуда они могли узнать его имя, тут же исчезло – они наверняка просканировали его «балалайку». Или вообще подключали её к своему «раллеру» – в чипе про Микмака все написано. Если не вдаваться в подробности. Но внутренний голос тут же подсказал, что странным было не обращение по имени, а упоминание воинского звания, в котором Микмак служил во внутренних войсках Баварского султаната.

– В окошко выбросил, – вздохнув, честно признался Микмак.

«Солидный» усмехнулся. Он, похоже, по жизни весельчак.

– Тогда поднимайся и иди на берег. Не найдешь – пристрелю.

Микмак верил, что пристрелит. Он вообще был уверен, что пристрелит в любом случае. Но на крутом берегу, изрытом скальными щелями и многочисленными гротами, явно больше шансов уцелеть, чем здесь…

– Почему мы не пошли по Маиселовой? – спросил Микмак у лейтенанта, когда понял, наконец, что они идут по неудобному маршруту и притом закладывают крюк метров в сто.

– Они перекрыли подступы к Староновой синагоге, улицы отлично простреливаются. А сюда они не ходят. Разве что по нужде.

Микмак хмыкнул. Он уже дважды наступал в свежий источник вони, стоявшей в этом месте.

Перед глазами появилась пиктограмма, приказывающая бойцам остановиться. Микмак замер, осматривая пространство перед собой. Тихо, на фоне белого забора на древние камни медленно планировали два зеленых листа, невесть по какой причине сорвавшиеся с веток.

– Действовать придется аккуратно, – сообщил лейтенант. – В синагоге сепаратисты захватили группу туристов…

– Туристов?! – изумился кто-то из бойцов.

Микмак испытывал не меньшее удивление, чем подавший голос Хагри.

– Откуда здесь туристы?!

– Откуда мне знать? – ответил лейтенант. – Поступили сведения. Улицы блокированы – к синагоге уже пытались подойти. Террористы отлично вооружены и ответят шквальным огнем на нашу атаку. Наша задача…

В подтверждение слов лейтенанта из-за невысокого забора

раздался гулкий грохот, листва на деревьях вздрогнула, и вниз полетела целая ватага зеленых планеров. Микмак почувствовал, будто кто-то пощекотал его между лопаток, лейтенант рефлекторно пригнулся. Идти за этот забор очень не хотелось. Уж лучше здесь нюхать дерьмо.

– Короче, выносим забор вон там. – Командир взвода показал, где. – Под огневым прикрытием пересекаем Маиселову и врубаемся в синагогу. Место, где делать в синагоге дырку, я покажу. Всё ясно?

Что ж тут неясного? Вышли на перекресток, поработали чуток мишенями, потом те, кто успел добежать, ныряют внутрь старого тесного здания и стреляют во всё, что движется. Нет, не во всё – там же какие-то туристы. В конце концов, Прага является частью Баварского султаната, и беспокойства в нескольких её районах – еще не повод закрывать город для желающих полюбоваться его красотами.

Как же они могли попасть в зону боевых действий?!

Лейтенант замер на несколько секунд. Указательный палец его правой руки активно елозил по цевью автомата – он вносил свои корректировки в присланный начальством план операции. Потом загрузил индивидуальные планы в «балалайку» каждого бойца и скомандовал: «Пошли!»

Рядовой Чаглар резко вскинул полагавшийся ему по штату «Ари», РПГ коротко кашлянул, и стена, мгновенно покрывшись паутиной трещин, рухнула наружу.

Перед глазами маячили яркая стрелка, обрисовывающая персональный маршрут бойца, и пляшущий в поисках живой мишени целеуказатель. Микмак прыгнул в дыру и, что есть сил, побежал туда, куда показывала стрелка. Вот неровная, будто помятая стена Староновой синагоги с наглухо закрытой темной дверью. Вот Чаглар, едва высунувшись из пробитой им дыры в заборе, закладывает второй снаряд в дверь. Тяжелое прямоугольное полотно с закругленным верхом мгновенно срывается с петель и вместе с приличных размеров куском стены исчезает в полумраке синагоги. Путь открыт.

До здания добрались без потерь. Все целы.

Микмак перепрыгивает через груду осыпавшейся со стен синагоги штукатурки, рефлекторно рыская из стороны в сторону, чтобы противнику было сложней целиться, оказывается внутри. И вдруг понимает, что здесь слишком тихо. Шум создают только бойцы его взвода. Никакого шквального огня на улице, как обещал лейтенант, не было. И внутри террористов не видно.

Зато видны заложники – впереди, прямо перед Микмаком под выбелившим всё вокруг слоем пыли лежат четыре тела. Из-под

белого явно проступают багрово-красные мазки.

И вот тут началось нечто странное.

6

Ночью звуки становились другими. Вроде бы те же самые – стук металла, шорох щебня под ногами, приглушенные расстоянием и стеной городские шумы, – но всё же другие. Лёшка был уверен: он легко сможет узнать день сейчас или ночь, не пользуясь зрением, если послушать звуки, любые, без разницы.

– Заснул, что ли? – стараясь не шуметь, прошипел напарник.

Лёшка стоял в вагоне, заваленном какими-то тюками из скользкой синтетической рогожки. Очень тяжелыми. Что пряталось внутри грязно-серых мешков, Лёшка не знал. Его дело – выгружать.

– Сейчас, вытащить нужно.

– Давай уже, замерз тут ждать тебя. Так и на патруль нарваться недолго.

На самом деле полицейский патруль большой опасности не представлял. Полицейские на товарной станции давно прикормлены Мирзаманом и сделают вид, что ничего не заметили. Есть, конечно, вариант нарваться на новичка. На наглого или тупого – нормальные люди, будь они хоть трижды полицейскими, понимают, что у всех есть крыша и теребить её без особой на то нужды не стоит. Так что тащить в обезьянник их не будут, максимум – придется вызванивать Мирзамана. Хотя чертов чурка не любит, когда его по ночам беспокоят.

Руки тянули изо всех сил. Сил в них, надо признать, было немного. Мешок за что-то зацепился и никак не желал сдвигаться. А нужно выгрузить еще три.

Лёшка работал на вокзале трижды в неделю. Ночами. Называлось это работать грузчиком, его даже официально зарегистрировали в какой-то виртуальной фирме, оформленной на неизвестного Лехе человека, которого он в глаза никогда не видел. Скорее всего бедняга и не подозревал, что является директором этой сомнительной конторы – обычная практика: немного возни с электронными базами данных МВД, пара-тройка «взносов» знойным барышням в налоговой службе, и готово дело. Попробуй потом докажи, что из родного Бобруйска ни разу в жизни не выезжал.

Но на самом деле Лёшка прекрасно понимал, что никакие они не грузчики, а самые что ни на есть настоящие воры. Причем мелкие и лишенные всяческой перспективы в жизни.

Мирзаман обычно давал четкие указания, из какого вагона сколько брать. Отвозили на тележке всегда в одно и то же место. Мирзаман его называл складом. При складе работал

«кладовщик» – дядя Коля. Это он так велел называть его. На «дядю» этот громила с проломленным в далеком прошлом носом, прорехами вместо нескольких зубов и огромными кулачищами походил мало. Он больше напоминал киношного уголовника или сбежавшего из психушки маньяка.

Но как же вытащить этот мешок, пропади он?! Лёшка дернул несколько раз, руки соскользнули, и парень растянулся на пыльном полу вагона. Хорошо, не вывалился наружу – падать на бетон с высоты подножки особого желания не было.

– Ты сегодня вообще работать собираешься? – зашипел напарник.

– Сейчас, сейчас. Застрял мешок. Сейчас вытащу.

Но Мирзаман, хоть и был сволочью, платил неплохо. Если сравнивать с зарплатой за легальную работу, которую Лёшке удалось найти. Во всяческих закусочных, чайханах и дастарханах предлагали втрое меньше. А рабочий день, как положено, восемь часов. Не нравится – желающих море.

Здоровенный тюк наконец-таки отцепился и поехал с горы своих собратьев вниз. Лёшка тащил его вбок, но все равно мешок свалился на ногу. Правая голень онемела, наступать на ногу было больно.

– Держи, – тихонько сказал в проем двери Лёшка и стал понемногу подавать мешок к выходу.

Ему не нравилось то, чем он занимался. Ему было противно и мерзко ощущать себя вором. Но бабушка заболела, и ей требовалось лечение. Нормальное лечение в нормальной клинике. В платной, а не в той, где лечат по медицинскому полису.

Напарник, принявший тяжеленный мешок, крякнул и с грохотом уронил его на тележку.

– Смотри, охрана на шум набежит, – Лёшка не преминул «вернуть должок».

– А ты держи мешки лучше, когда подаешь, – огрызнулся напарник.

Как зовут второго сегодняшнего «грузчика», Лёшка не знал. Он вообще не любил заводить шапочные знакомства. По большому счету, и в Университете у него не было друзей. Так, приятели, которым он приятен, похоже, на самом деле и не был. Если уж начистоту – так же, как и они Лёшке.

Доктор сказал, что у бабушки болезнь Альцгеймера. Мозги потихоньку разрушались. И с каждым днем это становилось все заметнее. Доктор и не тешил надеждой, так и сказал – сначала будет говорить невпопад, потом делать непонятно что. Дальше будет только хуже – совсем скоро он обещал, что бабушка начнет

ходить под себя, причем не потому, что не сможет дойти до туалета, а потому что ей будет все равно. Как младенцу.

Болезнь Альцгеймера в нынешний просвещенный век излечима. Только в государственную программу это лечение не входит. «Ты не расстраивайся, – сказал врач, – оно и раньше, до Катастрофы, не входило в список. А теперь… теперь, сам понимаешь, самые простые лекарства на вес золота. Точнее, на его цену». Это Лёшка прекрасно понимал, болеть во все времена дорого. Но почему его должен подбодрить тот факт, что и до Катастрофы бабушкину болезнь лечить было недешево, он не понял.

Лёшка сходил в клинику. В ту самую, визитку которой выдал доктор. В клинике визитку посмотрели, пожали плечами и назвали сумму. Сказали, что это плата за первичный курс, а могут потребоваться и последующие. В худшем варианте, сказала унылая девица в регистратуре, нужна пожизненная терапия с регулярной настройкой нанов.

Да, болезнь Альцгеймера лечили нанами. Лёшка потом почитал в Сети. Наны латали поврежденную нервную ткань, останавливали процесс разрушения. Они следили за химическим балансом и чем-то еще там, в мозгах. То, что не удавалось восстановить, наны замещали собой. Насколько это было возможно. И для слаженной работы микророботов требовалась тщательная настройка, которая тоже стоила отдельных и очень немалых денег. Круг замыкался: хочешь жить – плати.

Лёшка выдернул из кучи очередной мешок и сгрузил его вниз напарнику. Сообщнику, если называть вещи своими именами.

Не стоит себя обманывать. Денег, которые он зарабатывает воровством для Мирзамана Мирзоева, все равно не хватит на лечение. Даже на первичный курс. Только если продать квартиру – суммы, вырученной за бабушкину каморку, в которой они жили третий год, совершенно точно должно хватить на первичный курс и даже, возможно, на один повторный. А если потребуется еще? А эта самая настройка нанов, которая тоже не три рубля стоит? И самое главное – где в таком случае им с бабушкой жить? Именно им с бабушкой. Сам-то Лёшка как-нибудь перекантовался бы, а вот, что делать с бабушкой, не знал.

Хотя, где и как перекантовался бы он сам, Лёшка тоже представлял очень смутно. Точнее, вообще никак. Короче, вариант с продажей жилья был как бы и не вариант, а так – мысли отчаяния, которые вряд ли дойдут до действия.

Мешки, которые они таскали из поездов, всегда были одинаково большие и одинаково тяжелые. Лёшка не знал, что внутри них, да и Мирзаман настоятельно не рекомендовал

любопытствовать. Как-то один из напарников, паренек, по имени Жорик, разрезал мешок. Внутри лежали какие-то непонятные не то бруски, не то небольшие коробки. Их там было много. Но коробки Жорик открыть не сумел. Чем закончилось дело с разрезанным мешком и что хранилось в тяжелых, похожих формой и размером на кирпичи металлических коробках, Лёшка так и не узнал. Только Жорик больше не появлялся на ночных работах. Возможно, просто не совпадал по сменам с Лёшкой, но желание узнавать, что спрятано внутри, тот случай отшиб полностью.

Понятно, в мешках что-то ценное. Иначе зачем столько платить пацанам, которые их таскают? Ясно же, что «грузчикам» перепадает, в лучшем случае, десятая часть стоимости украденного, а то и меньше. Вот если бы работать без Мирзамана, то денег наверняка хватит и на лечение, и вообще на нормальную жизнь…

Только это утопия. Не то, что можно работать без Мирзамана – вон, сколько составов стоит и в каждом что-нибудь да найдется. Проблема в другом: украсть-то можно, только куда потом девать награбленное? Вот Мирзаман – деловой человек, он и руководит процессом. А Лёшка – мелкая сошка и должен знать свое место.

Последний мешок дался особенно тяжело, да и травмированная нога изрядно болела.

Домой Лёшка пришел только под утро. Бабушка не спала, однако на появление внука в столь поздний час (или, скорее, ранний) никак не отреагировала. Теперь она часто ни на что не реагировала. Дальше будет хуже, и, что самое отвратительное, обрисованные доктором перспективы особых сомнений не вызывали.

Спать уже не хотелось. Хотелось поесть и помыться. Сначала помыться. Как обычно, экономя воду, потому что коммунальные услуги, снабжение которыми слишком часто давало сбои, дорожали день ото дня.

После душа в голове немного прояснилось, но настроение оставалось таким же поганым.

Из-за горизонта, с противоположной от Финского залива стороны, отлично видного отсюда, с высоты двадцатого этажа, рвалось вверх солнце. Оно еще не показалось из-за торчащих, словно обгорелый лес, серых, покрытых городской копотью бетонных многоэтажек, но небо уже раскрасилось во все оттенки бордового и оранжевого, напоминая поджаренный стейк с кровью.

Это все от голода – какой такой стейк может напоминать восход солнца?

Стейков не было. Была только предпоследняя упаковка синтетического супа, уже опостылевшего за несколько недель кряду. Нужно купить хотя бы соевые котлеты, все ж какое-то разнообразие.

В Университет Лёшка прибыл за пятнадцать минут до начала занятий. Синтетический суп, обильно сдобренный, вероятно, синтетическими же и весьма едкими специями, настойчиво пробивал дорогу во внешний мир в виде мощной «ароматной» отрыжки. Спать совершенно не хотелось, даже появилась какая-то ненормальная бодрость и ясность ума. Кто-то из однокурсников поинтересовался, какую траву курит Лёшка.

На лекциях усталость взяла свое. Лёшка честно пытался вникнуть в объяснения профессора, но ничего не получалось. Звуки словно бы проходили сквозь слой ваты, прежде чем добраться до Лёшкиных ушей.

– Эксперимент, предложенный Джоном Беллом в 1964 году, был впервые практически осуществлён Фридманом и Клаузером в 1972 году, а затем многократно повторен разными группами исследователей, – слышал Лёшка сквозь пелену, все больше застящую взор. – Во всех таких экспериментах неравенство, выведенное Беллом, нарушалось. Это доказало, что никаких скрытых параметров не существует. Случайность победила… Послушайте, студент! Да, вы, вы.

Лёшка вздрогнул, на пол полетела сумка, из которой с грохотом вывалился компьютер. Не повредился? Нет, вроде бы все цело.

– Вы долго собираетесь по полу ползать?

Получалось неудобно. Плохо получалось. Сейчас влепят пропуск, а пропуск это опять же деньги, это отработка и очередной минус в рейтинговую карту. Нельзя ему минус, никак нельзя. Во что бы то ни стало – закончить Университет. Тогда есть какая-то надежда, тогда…

– Я вас слушаю, студент.

Профессор желал знать, чем таким важным занимался Лёшка ночью, что теперь не имеет возможности внимать интереснейшей истории о неравенстве Белла.

– А вы в курсе, что ваш компьютер – тот самый, что вы так нежно прижимаете к груди – создан на основе технологий, которые удалось разработать только благодаря фундаментальным знаниям. К подобным знаниям, в частности, относится и изучаемое нами сегодня неравенство? Заметьте – нами, не вами.

Выглядел Лёшка сейчас, наверное, глупо. Он ловил продолжающий выскальзывать компьютер, стараясь запихнуть его

в открытую сумку. Но в сумку тот не лез, как оказалось, Лёшка держал её вверх ногами.

И, что самое обидное, он прекрасно разбирался в принципе работы современных компьютеров, да и о неравенстве Белла тоже кое-что слышал. Наверняка профессор знал больше. Да и по содержанию лекции Лёшка не знал всего. Только о том, о чем просил профессор, он знал. Но не мог же он вот так нагло и дерзко высказаться, что, мол, разумеется, знаю. Не мог.

– Что ж вы молчите?

Из аудитории доносились смешки. Сокурсники Лёшку недолюбливали. Собственно, они вообще не обращали на него никакого внимания. Да и он не баловал окружающих ответными чувствами.

– Извините, – промямлил он.

– Надеюсь, вы больше так не будете, – коверкая голос на манер разговора трехлетнего ребенка, ответил профессор. – Садитесь!

На задних рядах заржали. Как лошади в стойлах.

– Продолжим, – сказал профессор. – Первое, что вам стоит уяснить, ничего смешного в неравенствах Белла нет.

Как шел на собрание, Лёшка не помнил. Ноги промочил так, что хлюпало в ботинках. Видимо шел, не разбирая дороги, прямо по лужам. Повинуясь инстинктам, а инстинктам на лужи плевать. Но дорогу, как выяснилось, Лёшкины инстинкты знали хорошо.

В пустом темном коридоре Лёшкины шаги гулко вторились эхом из-под потолка. Даже в эхе ощущалась сырость и хлюпанье.

В старом спортзале с прогнившим и местами даже провалившимся полом собралось уже человек двадцать. Свободные маты еще не закончились, поэтому Лёшка выбрал из груды один и притащил его в дальний угол, поближе к стене. Он не любил широких просторов, терпеть не мог быть на виду.

Мат тоже был влажным, и от него сильно разило плесенью. Лёшка немного поерзал на упругой поверхности замерзающей задницей, потом сообразил подложить сумку, из которой уже вытащил компьютер.

В теплой куртке в зале было жарко. Лёшка расстегнул молнию и скинул отороченную искусственным мехом одежду. Потом залез за высокий воротник свитера и вытащил оттуда серебристый медальон на пластиковом шнурке – маленький человечек, самоотверженно несущий на спине ноль.

Перед глазами появились цифры. Только нули и единицы. Строчка за строчкой, они сливались в хоровод, уносящий сознание не то чтобы далеко, а куда-то вглубь. Началась сегодняшняя молитва, а с возвышения в центре у окон раздался

голос Коннектора, тут же повторенный «балалайкой» внутри головы. Пришло время узнать сегодняшнее задание.

Лёшка поднял крышку компьютера, система загрузилась через несколько секунд. А еще через мгновение, после того, как открылось окно сети Обители Цифры, перед ним появилось личное сообщение, которое заставило Лёшку забыть и про молитву, и про проповедь Коннектора, и про задание.

Чего хлопаешь глазами, это ведь просто надпись на экране?

На экране значилась сумма. Большая до неприличия. И только один вопрос: «Хочешь получить эти деньги?»

Лёшка повертел головой, пытаясь по внешнему виду вычислить того, кто уже во второй раз сломал его защиту и вторгся внутрь виртуального пространства его компьютера. Нет, это бессмысленное занятие – сидят, уткнувшись в компы, у всех лица подсвечены мертвенным электрическим светом снизу, что делало людей похожих на каких-то мифических призраков или живых мертвецов. И сам Лёшка выглядел точно так же. Сборище зомби, читающих двоичный код.

Спохватившись, Лёшка сжал пальцами медальон, словно опасаясь кары вымышленных сетевых богов, и тут же устыдился своей секундной слабости. Ерунда какая, атавизм. Цифра есть порождение разума, а не иллюзорный мир, навязанный человеку фантазией и животными страхами.

Ответ на заданный неведомым ломщиком вопрос мог быть только один. Однако существовало слишком много «но».

Пальцы Лёшки легли на клавиатуру и быстро забегали по клавишам, набирая программный код.

7

Дым Джио увидел еще за пару кварталов, но не придал значения черному мареву, медленно расползающемуся по небу со стороны моря.

Несмотря на довольно ранний час на улицах Марселя-нуво было людно. И людские массы выражали явное беспокойство. Это Джио понял после, в те минуты, когда шел по Авеню де Мер, он не замечал ничего, кроме яркого весеннего солнца, маячившего точно перед ним в проеме между домами.

Он шел в «Раковину русалки», чтобы узнать, о чем вчера говорили люди. Послушать лично не удалось – появились дела. Вечером в заведении Лучано собиралось много народу, причем, как правило, людей не самых бедных. Джио нужна была информация. Ну и завтрак тоже, само собой.

В третьем доме от моря на Ру Орор ни завтрака, ни информации предложить ему не смогли. «Раковины русалки» больше не существовало. Только дом, черный от копоти, окруженный грязными лужами – пожарным удалось справиться с огнем – и кучкой головешек, бывших еще вчера верандой, выстроенной руками талантливого кулинара Лучано Минелли.

Несколько человек, облаченных в помятую серую форму, лениво копались на пепелище. Местные безы, Служба безопасности Анклава Марселя-нуво.

Безы смотрелись жалко: они явно не знали, что нужно делать. Да и безами они никакими не были – обычные уголовники, работающие под крылом крышующего весь этот муравейник Франсуа Мажида. Хотя, по большому счету, от настоящих безов, из настоящей СБА, эти отличались разве что уровнем образованности. Естественно, в худшую сторону.

– Что здесь случилось? – спросил Джио у беза, с интересом высматривающего что-то среди еще дымящих углей, и заставил себя добавить: – Офицер.

«Офицер» – во всяком случае, погоны на нём были капитанские – поднял на Джио ленивый взгляд. Глаза пробежались по одежде Джио и, видимо, не найдя в ней ничего для себя интересного, вернулись к лицу.

– Пожар, – объяснил очевидное без и с отвращением сплюнул в мокрую остывающую золу под ногами.

– Никто не пострадал?

– Нет, – почти не открывая рта, промычал офицер.

Джио уже приготовился к худшему, и после слов беза на душе сделалось немного спокойней. Хотя восстановить ресторан

Лучано вряд ли удастся.

Но капитан уничтожил надежду выстрелом в упор:

– Только хозяин с семьей. Что-то они, видно, не поделили с соседями. – Он пожал плечами. – Хотя господину директору этот… – Мимолетный едва уловимый прищур: офицер прочитал файл из базы данных, загруженной в «балалайку». – Минелли выплаты сдавал исправно. Все внесено в срок.

– Их убили?

Без отшвырнул остроносым ботинком головешку и медленно побрел к дому. Там уже возилось двое его коллег. Джио пошел следом. Сзади подъехал еще один мобиль Мажида с надписью «СБА» на борту и гербом Анклава Марсель, перечеркнутым словом «нуво», а вывалившие из него безы резво окружали пострадавшее здание ярко-желтой лентой с надписью, призывающей «ни пересекать».

– Скорее всего. Трупы в доме лежат, а там почти ничего не сгорело. Пожарные быстро приехали. Вряд ли они угорели. Наверное, их убили, а потом подожгли ресторан. Ну, знаете, чтобы следы замести.

– Угу, – промычал Джио.

Он знал. Как знали подобное все. Он уже не слушал банальности, выдаваемые безом за верх профессиональных знаний, потому что увидел все сам.

Нет, он не видел ни тела Лучано, пытавшегося защитить свою семью, ни Анжелики – изнасилованной, растерзанной, зарезанной – или что еще они могли с ней сделать? Нет. Он видел только измазанную копотью и чем-то густым и темным руку, которая торчала из проема двери. Остальных частей тела видно не было, труп лежал внутри дома, и только кисть руки с красивыми тонкими пальцами, словно сломанная ветка, свешивалась с крыльца. Рука Беаты.

Джио остановился, будто его парализовало. Ноги отказывались идти, тело не подчинялось. Беатриче, девочка… Только вчера он видел ее, умилялся девичьими проделками, любовался попкой, обтянутой короткой юбкой… Это было всего лишь вчера! За что? В чем она-то виновата?!

Недалеко от входа, среди углей что-то блеснуло, отразив в глаза Джио красно-оранжевый свет утреннего солнца. Это был медальон. Вчера он видел эту безделушку на груди Беаты. Джио наклонился и взял медальон в руку.

– Выйдите, пожалуйста, оттуда!

Джио понял, что просьба, которую чей-то голос повторяет уже не в первый раз, относится к нему. Только что приехавшие безы, опутавшие место происшествия желтой лентой, выгоняли

с пепелища зевак. И его в том числе. Но ведь он не просто пришел поглазеть, он…

А что он? Родственник, свидетель?

Джио быстро засунул медальон Беаты в карман, стараясь, чтобы движение не заметили безы – иначе придется вернуть, всё, что лежит на месте преступления, является вещдоками, – и поспешил покинуть огороженную площадку.

Подоспевшее подкрепление смотрелось бодрее той тройки, что сновала здесь с самого начала. Видимо, Мажид постепенно подбирал относительно квалифицированные кадры, и олухи, подобные разговаривавшему с Джио офицеру, работали только на должностях патрульных.

Кому мог насолить Лучано? Мягкий, даже добрый человек? Он никому не сделал ничего плохого, с конкурентами и то старался все вопросы решать мирным путем, договариваться. Не договорился?

Здесь же кроется совсем другая причина. Согласись, ты же понимаешь, о чем речь.

Меньше суток назад Джио искал отсюда данные по той безделушке, что и сейчас лежала в кармане. Что он хотел найти и для чего вообще искал упоминания этого странного слова в Сети?

Кто-то внутри, кто-то посторонний, зудел, подсказывая правильный, на его взгляд, ответ. Нет ничего в этом ответе правильного, отрезал сам для себя Джио. Ничего он не знал, ничего такого не предвидел.

Ты же вспоминал о Вилли.

Мертвая, измазанная засохшей кровью, рука Беаты стояла перед глазами. Наваждение не желало исчезать, да и не было оно наваждением: достаточно сделать десяток шагов, поднырнув под ядовито-желтую ленту, и наваждение станет реальностью…

– Мама, а что ты делаешь? – тоненький детский голосок начинал срываться на плач.

Вильгельмина не получала ответа уже в четвертый раз. Её мать была увлечена работой: она смотрит на свое творение и не может оторваться.

– Вилли, не трогай маму, она занята. – Он пытается увести дочь, но девочка начинает хныкать. Теперь поток слез не остановить.

– Оставь ее, – говорит Джоконда.

В голосе на самом деле укоризна, или ему только кажется? Ему теперь вообще слишком часто что-нибудь кажется. Потому что скоро всё должно закончиться, а он не знает, как тому помешать.

– Вилли, иди ко мне.

Он присаживается, чтобы стать с дочерью одного роста, и протягивает к ней руки. Но Вилли надувает губки и мотает головой из сторону в сторону. Она не хочет идти к отцу.

И ты знаешь, что она поступает правильно.

Он улыбается и гонится за ней на четвереньках. Вильгельмина хохочет, убегая, и тут же забывает недавнюю обиду.

Незарегистрированный коммуникатор невозможно вычислить, нельзя узнать, кто им пользовался и о чем шел разговор. Но вот откуда производилось подключение, выяснить, насколько понимал Джио, можно относительно легко. А если знать сервер, через который коммуникатор выходил в сеть, значит, – чисто теоретически – можно найти в логах этого сервера информацию, о чем производился запрос. Вероятность малая, но она есть. Особенно если кто-то намеренно искал именно эту информацию.

Джио опустил руку в карман и нащупал прохладную змейку металлической цепочки, на которую был подвешен принесший несчастье гаджет. Выбросить? Какой смысл? Если гаджет ищут, то Джио в покое не оставят. Странно, что он вообще до сих пор еще жив. Что они хотели узнать у Лучано? Ведь убийцы наверняка задавали вопросы перед тем, как всех их убить. Или они просто убирали свидетелей?

Рука Беаты…

Лучано они наверняка убили последним. После того как заставили его рассказать все, что он знал и о чем мог только догадываться. Возможно, незарегистрированным коммуникатором у Лучано вчера пользовался не только Джио. Если так, то до него просто еще не дошла очередь. Ему просто-напросто повезло.

В голове стоял какой-то туман. Но соображали мозги хорошо и, казалось, без участия самого Джио. Он немного пришел в себя только спустя минут десять, обнаружив, что уже давно не стоит возле пепелища, бывшего еще вчера рестораном натуральной морской кухни «Раковина русалки», а довольно бодро шагает по мощенной камнем улице туда, где располагается главная достопримечательность Марселя-нуво – сохранившийся почти в целостности транспортный узел старого Марселя. Власти Эль-Парижа всячески поддерживали, в том числе и финансово, начинания новоявленных местных властей – дороги, которые до Катастрофы вели в Анклав Марсель, сегодня оставались единственной связующей нитью центра страны с юго-восточными провинциями.

Правильно, домой заходить нельзя. Там наверняка уже побывали люди, убившие Лучано. Надо думать, перевернули все вверх дном. Не важно, о доме в Марселе-нуво можно забыть, теперь это не его дом. И сожалеть об испорченных кем-то вещах нет никакой необходимости. Теперь нужно думать, как жить дальше. И что делать со злополучным «бютеном».

В полукилометре от транспортного узла Джио остановился. Под ребрами кололо от быстрой ходьбы, дыхание сбивалось, на лбу выступила испарина. Ему всего-то тридцать семь, а уже стал разваливаться, как старая калоша. Или дело вовсе не в возрасте?

Джио оглянулся, оценив взглядом пройденный только что путь. Улица поднималась довольно круто вверх, если бежать так, как только что бежал он, запыхаться немудрено и пятнадцатилетнему пацану. Для чего он бежит? Куда?

Скорее уж, откуда. Но ведь ты хочешь, чтобы было еще и «зачем». Ведь хочешь же, признайся, ты ждал этого шанса все эти годы.

На самом деле нет никакой уверенности, что Лучано с семьей пострадал именно из-за незарегистрированного коммуникатора, которым пользовался Джио.

Нет уж, называй вещи своими именами.

Ладно, из-за того «бютена», что сейчас лежит в кармане Джио. Из-за небольшой, обернутой в мягкий черный пластик электронной безделушки, назначение для которой придумать довольно сложно.

Это другим сложно, не тебе.

Он ведь просто так решил. Никто не угрожал, никто не спрашивал об этом «бютене». Но и исключить подобное нельзя.

Джио поймал себя на том, что, немного отдышавшись, продолжает медленно брести в сторону транспортного узла. Он принял решение, оно не подлежало обсуждению. Просто вдруг засомневался, попытался увидеть дело с другого, непредвзятого ракурса.

В конце концов, что его держало здесь, в Марселе-нуво? Дом, собранные за почти четыре года вещи, работа? Нет. Это все было тщетным, бессмысленным бытием, не позволяющим окончательно исчезнуть в собственных воспоминаниях и сомнениях. От всего этого Джио избавился бы без особого сожаления. Он и шел в транспортный узел избавляться. Именно поэтому он принял столь поспешное решение и тут же бросился приводить его в исполнение.

Он понял, что не боится. Во всяком случае, за себя. И сделать это рано или поздно пришлось бы. Так почему не сегодня?

Джио окружали полуразрушенные старые здания, оставшиеся

от окраин утонувшего Анклава Марсель. С потрескавшимися фасадами, покосившиеся, кое-где с провалившейся крышей – они выглядели вековыми монстрами, пытающимися устоять под натиском новых построек, в большинстве своем кособоких, но нагло растущих, словно грибы после дождя. Только не было никакой разницы между старыми монстрами и новой архитектурной порослью – эпоха сменяла эпоху, новые поколения приходили на смену старым, но искусственные пещеры людей, хотя и тянулись все выше, оставались искусственными пещерами.

Деревьев здесь почти не было. Негде им здесь появиться – все свободное пространство тут же закатывалось в бетон, на нём возводились новые магазины, рестораны, многоквартирные ульи. Не до деревьев.

Не о том он думает. При чем здесь деревья? Нужно придумать, как пройти незамеченным в транспортный узел – на входе, маячившем впереди, установлены довольно мощные наноскопы. Если они и не распознают устройство спрятанного в кармане Джио «бютена», то странностью его вида вполне возбудят любопытство охраны. А если те, кто убил Лучано… и Беату… ищут именно этот гаджет, то охрана может быть в курсе.

Так как же тогда попасть внутрь? Если охрана знает о гаджете, то об особенностях его физиономии она знает и подавно. Или Джио уже сходит с ума, ожидая нападения из-за каждого поворота?

Но лучше не испытывать судьбу и не входить внутрь здания транспортного узла.

Джио активировал «балалайку» и отдал команду вывести на глазные наноэкраны расписание отбывающего из Марселя-нуво транспорта. Ближайшая «суперсобака» до Эль-Парижа уходит через три дня. Вот и хорошо, не будет соблазна воспользоваться скоростным транспортом, при посадке на который, наряду с джетами и стратами, контроль максимально строгий.

Глаза быстро нашли то, что нужно. Возле транспортных узлов всех без исключения Анклавов найти такие лавки было не проблемой. Марсель-нуво исключением не являлся.

– Добрый день, – поздоровался он, войдя в темное помещение.

Над дверью висели колокольчики, звякнувшие, когда Джио открыл дверь. Человек, стоявший за прилавком, молча кивнул в ответ.

Лавка занимала длинное и узкое помещение, уходящее в глубь старого, постройки двадцатого, если не девятнадцатого столетия здания. Надо же – такая древность, а пережила

и Нефтяные войны, и недавнюю Катастрофу. По обеим стенам развешаны всевозможные предметы, не все из которых на самом деле являлись законными. Но вопрос законности, судя по всему, хозяина лавки беспокоил мало. Скорее всего он вел этот бизнес давно и знал все возможности и подводные течения.

– Что вы хотите приобрести? – спросил продавец.

Джио окинул взглядом выставленный товар, сделал это скорее машинально. Он знал, что ему нужно.

– У вас есть нанонепроницаемый материал, имитирующий литой металл?

– Разумеется.

На лице продавца появилась снисходительная улыбка. Конечно, у него был такой безобидный товар, о котором спрашивал покупатель. Стоило ли открывать подобную лавку у транспортного узла, не имея в ассортименте даже самых простых вещей.

– Вот такой. – На прилавке появился рулон похожего на толстый полиэтилен материала и брусок, совершенно неотличимый от пластилина из детского набора. – Есть еще готовые контейнеры разных размеров. В том числе и снабженные программными замками. Вам какого рода груз требуется упаковать?

Рассказывать о грузе Джио не собирался. Не ровен час те, кто идет по следу, зайдут и сюда.

Если вообще за ним кто-нибудь идет.

– Я, пожалуй, возьму вот это, – ответил Джио, показав пальцем на брусок пластилина.

– Четыреста евродинов.

Цена запредельная. Даже за такой товар, как этот. Но есть ли смысл торговаться? В других лавках вряд ли будет намного дешевле, а светиться лишний раз не стоит. И продавец, съевший собаку в своем деле, это прекрасно понимает.

Джио перевел на указанный счет деньги и вышел на улицу. В лицо светило солнце и дул прохладный, пахнущий морем ветер.

8

За окном вдаль уходили дома. Много домов. Почти так же много, как и четыре года назад. Это был Цюрих, но Цюрих другой, изменившийся.

Чтобы сейчас наслаждаться видами города из окна заново отстроенного офиса СБА, пришлось немало потрудиться. Хотя смотреть тут, по большому счету, особенно не на что.

Ник Моратти резко задернул штору, вызвав недовольное урчание привода, спрятанного в карнизе. Дизайнеры не предполагали, что директор Службы Безопасности Анклавов снизойдет до собственноручного закрывания штор. И они, мать их, сильно ошиблись: Ник Моратти привык делать собственноручно всё и вся. Если не в прямом, то в переносном смысле.

– Как прошло? – спросил Ник, не оборачиваясь. Он думал, представлял, как все пройдет, и что он будет делать потом. Перспектива немного нервировала, но, несомненно, грела душу.

Теодор Биггльс, человек совершенно невзрачной внешности – невысокий, среднего телосложения со светлыми, но не соломенными, а какого-то серого оттенка волосами, водянистыми, не то голубоватыми, не то опять же серыми глазами, какой-то весь неказистый, несмотря на его дорогой костюм, – замер на секунду, не донеся до полуоткрытого рта взятое из вазы на столе президента СБА яблоко, потом резко пожал плечами и с хрустом вонзил зубы в сочный плод. Ник ждал, Биггльса всегда приходилось ждать, такова уж его натура – он никогда не спешил. И при этом никогда не опаздывал.

– По плану, – шепелявя из-за того, что его рот был набит недожеванным яблоком, ответил Биггльс. – Точнее, согласно штатному расписанию, как там они это называют.

– Как реагируют?

Биггльс снова пожал плечами и сделал круглые глаза, словно испугавшись.

– Ворчат. Недовольны.

– Не важно.

– Я тоже так думаю.

Ник бросил гневный взгляд на Биггльса. Совершенно необязательно поддакивать.

Теодор Биггльс официально не значился в администрации президента Моратти. Он вообще в СБА не значился. Точнее, в базах данных не фигурировало его имя. А вот номер «балалайки»… всех его «балалаек» там имелся. Причем не

обычная идентификационная метка, а служебная, зашитая в особой микросхеме.

Биггльса Ник нашел, можно сказать, на улице. Когда началась кампания по борьбе с тритонами – гнусным наследием баварского ублюдка Сорок Два, – Биггльс правильно понял намерения руководства и самостоятельно организовал «сбор урожая»: с легкой руки Тео в специальном здании СБА, которое считалось вычислительным центром, появилось больше тритонов, чем при помощи любой из профессиональных команд безов. Биггльс был предприимчив, лоялен и, что немаловажно, умен. Он оказался настоящим самородком, а на ценности у Ника глаз был наметан.

– Все-таки здесь их слишком много, – пробормотал Ник, нависая над голограммой, крутившейся в самом центре длинного стола для совещаний.

Вообще-то дизайн нового офиса Моратти нравился. Больше, чем в предыдущем кабинете. Иногда стоит устроить всепланетный беспорядок, чтобы появился повод сменить декорации.

На голограмме медленно двигалось десятка три разноцветных светящихся точек, зависших над половинкой глобуса. Геостационарные спутники. Корпоративные, аппараты государств и правительств. И орбитальная группировка «Науком», разумеется. Для наукомовских спутников отвели красный цвет, на голографической скульптуре, украшавшей стол президента СБА, он преобладал.

– Угу, – кивнул Биггльс и покосился на яблоки. Ник вздохнул и согласно кивнул.

Биггльс обладал всеми возможными достоинствами. Кроме нормального воспитания. Иногда его поведение просто бесило.

Тео потянулся, решив не подниматься из кресла, схватил румяный плод и с воодушевлением вонзил в него зубы.

– Вы, шеф, верно заметили – их действительно слишком много. Так и есть.

Именно этот довод Моратти привел верхолазам. Он собрал всех на «товарищеский» ужин. Любимого Ником «Эдельвейса» теперь не было, на его месте быстро рос новый отель, правда, Хилтон в этот раз к строительной площадке отношения не имел – места делились согласно «купленным билетам». Но на третьем этаже нового офиса СБА теперь имелся замечательный ресторан. Его тяжелая архитектура, взятая с лучших образцов ампира эпохи Гитлера и Сталина, производила гнетущее впечатление не хуже «Камелота». А может, и лучше.

Ник тогда привел расчеты, проведенные по подсказке Тео. Идея, конечно, принадлежала Моратти, но Биггльс, надо отдать

ему должное, довел её до совершенства. Информация заинтересовала всех. Каждый желал оттяпать кусок от вкусного пирога. Каждый надеялся, что его кусок будет самым большим. Поэтому денег жалеть не стали.

А идея родилась из этой вот голограммы: над Северным полушарием, особенно в приполярных районах, плотность спутников корпорации «Науком» превышала все мыслимые пределы. Для обеспечения устойчивой связи и покрытия сетевым сигналом ста процентов территории в этой зоне хватило бы чуть больше трети имеющегося количества орбитальных ретрансляторов. Нетрудно сделать выводы – оставшиеся шестьдесят пять процентов космических аппаратов использовались для чего-то еще.

– Там обязательно должен быть вход. Если он не там, то больше быть ему негде, – сказал Моратти.

Биггл наконец-таки закончил с яблоками.

– Мы просчитали зоны покрытия этих спутников – вход должен быть там.

Тео словно уговаривал Моратти поверить в то, о чем тот сам давно догадался.

– Все данные указывают на Кольский полуостров, – добавил Биггл.

– Все указывает на Станцию. Они должны иметь доступ туда. И Мертвый должен иметь возможность как-то связываться с этим, стоящим всем костью в горле, тринадцатым полигоном.

– Угу, – снова промычал Биггл. – Не по проводам же они связь держат. Кроме этих спутников, другого варианта нет.

– Но они нам не верят.

– Они нам верят, – с успокаивающими интонациями в голосе ответил Теодор. – Они сами себе не верят. И жмутся, как обычно.

– Да, сейчас каждый евродин на счету. Работы, – Ник кивнул в сторону зашторенного окна, – еще невпроворот.

– Но если сорвать банк…

– Если сорвать банк, работы станет еще больше. Но от неё можно будет получать удовольствие.

Ник усмехнулся. Ему нравилось думать о вероятном призе. Но он прекрасно умел отделять мечты от реальности.

Как бы то ни было, они согласились. Боссы «Раумфарта» будут продолжать сотрудничество столько, сколько нужно.

– Чем ты их взял?

Моратти знал, что Биггл не любит раскрывать свои секреты. Не собирался он изменять своим принципам и на этот раз.

– У людей слишком много слабостей, чтобы не найти хотя бы одну у любого, – с улыбкой чеширского кота на лице ответил

Тео. – А некоторые еще и умудряются слишком много трепаться о них в Сети.

Да уж, по вопросам знания людских слабостей Биггльсу равных не было. Пожалуй, тут он перещеголял даже самого Моратти.

Корпорация «Раумфарт» изготовила тот самый «особый груз», который доставил на орбиту один из спутников. Корпорации Цюриха разработали целое семейство орбитальных аппаратов, которые должны заняться вторжением в космическую сеть «Науком». Официально в документах Европейского Аэрокосмического агентства значилась геологоразведка и обеспечение нужд метеорологической службы Европейского Исламского Союза. Отчасти так оно и было – европейцы должны иметь свою выгоду в деле. Но и кусок пирога им тоже пришлось пообещать. Правда, на большой кусок они рассчитывать не могли и прекрасно это понимали: с технологиями даже столь развитого государства, как Исламский Союз, тягаться с мощью «Науком» было бессмысленно.

Цюрих вполне мог бы обойтись и без помощи ESA. Если бы не одна небольшая проблема – у Анклава не было собственного космодрома. Да и доставкой орбитальных грузов ни одна из цюрихских корпораций не занималась. А начинать с нуля… Слишком долго: при таких сроках затея теряла смысл.

Когда Ник прочитал план, предложенный корпорациями, ему понравилось. Но Биггльс сказал, что план полное дерьмо. Именно так и выразился, вполне для него характерное выражение. Моратти хотел послать Тео куда подальше, но, быстро перебрав в голове все, связанное с Биггльсом, так и не вспомнил ни одного случая, когда бы тот ошибся. Что это было – гениальность, сверхъестественное чутьё или простое везение, – Ник не знал, но поводов не прислушаться к мнению Биггльса и в этот раз не видел.

Во всяком случае, Моратти выслушал его предложение. И ничего не понял. Кроме того, что Биггльс давно все продумал, причем продумал тщательно и имел на каждую возможную неудачу по три обходных пути.

Так вот, Биггльс имел пути воздействия на руководство корпорации «Раумфарт». И он ими воспользовался, заставив – переговоры, разумеется, Ник вел лично, но Биггльс на них присутствовал – заняться разработкой и производством того, что скоро достигнет спутников «Науком».

– Что наши машинисты? – поинтересовался Биггльс.

Моратти помедлил с ответом. Он на секунду задумался над этим «наши» в вопросе Теодора и над интонацией, с которой это слово было произнесено. Нет, никакой должности в СБА он не

получит. Никогда. И все его «номера» Ник легко может удалить из особого списка в любой момент, когда только посчитает нужным. Но ухо с Тео нужно держать востро.

– Говорят, что готовы. Ждут не дождутся – для них это развлечение.

– Для них это работа.

– Но настоящие профессионалы всегда работают с удовольствием.

9

Красивая голубая вода весело билась о металлический борт. Яркие солнечные блики, словно перепрыгивающие с волны на волну золотые рыбки, создавали иллюзию, будто море по-летнему теплое и ласковое. Вот только Микмаку, которому только что позволили выбраться из воды на платформу, так не казалось. У него зуб на зуб не попадал, и уже давно он перестал ощущать пальцы рук и ног. Он не засекал, сколько провел под водой, но точно не меньше полутора часов. Хотелось съежиться, расположиться как-то так, чтобы ветер не трогал мокрое тело, а только солнце, уже почти вступившее в свои летние права, грело, грело и грело.

– Нашел что-нибудь? – спросил его Хармс.

Микмак хотел ответить, но челюсти свело судорогой, и он лишь помотал головой. Что там можно найти? В холоде, темноте и мути, поднятой со дна командой из пятнадцати водолазов.

Хармс выдернул из рук Микмака компьютер, упакованный в водонепроницаемый корпус. Микмак не собирался присваивать чужую машину, просто не мог разжать пальцы. Хармс недовольства не высказывал, он вообще не имел ничего личного к Микмаку и относился к происходящему как к обычной работе. А как ему еще надо было к этому относиться? Для него это и было обычной работой. Микмак его понимал.

Когда они прибыли на точку, плавучая платформа уже стояла здесь. Довольно большой металлический квадрат, метров тридцати по ребру, с квадратным же отверстием в центре. Над отверстием установлены мощные лебедки и система блоков на выносных штангах. Эти люди собирались поднять со дна что-то достаточно крупное.

И они поднимали. Точнее, под присмотром нескольких вооруженных ныряльщиков работали водолазы Искандера. И сам Искандер. Оказалось, главный подводник был отправлен на дно, как только началась операция, и так ни разу и не показывался наверху. Правда, ему оставили гидрокостюм.

Палуба плавучей платформы уже была довольно плотно уставлена какими-то контейнерами, огромными, похожими на камни, образованиями, сплошь обросшими ракушками и предметами явно техногенного происхождения. Впрочем, техногенное тут было все, и техногенность эта вырисовывалась отчетливей, как только мощная струя брандспойта сбивала слой ила и прижившихся морских обитателей с очередной детали.

SSD-накопитель нашли довольно быстро. Нашел его Хармс.

Гаджет немного пострадал от удара о скалы, но это не являлось большой проблемой – Микмак восстановил уже не один десяток таких же, – и Хармса трещина в черном корпусе твердотельного накопителя не расстроила.

Ничего нового из обретенной информации Микмак не узнал, но Хармс вроде бы остался доволен полученными данными. И «солидный», имени которого Микмак так и не услышал, тоже лучился счастьем.

А потом его привезли сюда. Дали в руки непромокаемый комп, в зубы воткнули воняющий тухлятиной шланг, соединенный с тарахтящим на палубе насосом, и велели искать те цистерны, которые «солидный» показывал Микмаку на фото. Собственно, сами цистерны их интересовали мало. Им нужен был программный код, якобы в них залитый. Для этого-то и выдали компьютер во всепогодном армейском корпусе.

Микмак ползал по дну, периодически меняя дислокацию – сам не распоряжался, просто сверху грубо дергали за шланг и тащили его, куда было нужно. Особо не посопротивляешься: не будешь ползти следом за шлангом, захлебнешься.

На дне оказалось много «бютена». Микмак даже не представлял, что его здесь настолько много. Но распознать обломки старого Анклава удалось не сразу – опыта не было и поначалу покрытые илом и густым слоем медленно колышущихся водорослей детали неведомого агрегата казались обычными валунами. Приноровился Микмак быстро.

Несколько раз компьютер давал отклик на подключение – деталь оказывалась рабочей. Такие забирал кто-то из водолазов. Но меток, как в том накопителе, что притащил Искандер, нигде не было.

– Пойди погрейся, – предложил Хармс.

Микмак повертел головой. Погреться здесь негде – на плавучей платформе не было надстроек, ничего, где можно хотя бы укрыться от пронизывающего насквозь ветра.

– Это шутка? – стуча зубами, поинтересовался Микмак.

Хармс усмехнулся и показал мускулистой ручищей в сторону толкущихся возле поднятого «бютена» людей.

– У них там виски есть. Пойди хлебни немного.

– Не надо. Спасибо, – сквозь зубы процедил Микмак.

– Пойди, пойди. Нужна тебе эта гордость? Все равно через полчаса обратно в воду кинут. Так что иди, пока предлагаю. Эй, Митчелл, – крикнул он подельникам, – дайте парню пару глотков вашего пойла.

– Пусть идет, мы не жадные, – отозвался тот, кого Хармс назвал Митчеллом.

Микмак кое-как добрел до шумной компании, рассматривающей «бютен». У кого-то из них в руках был шланг, из которого била морская вода. Мощная струя ударила по ногам, но после пронизывающего ветра, окончательно заморозившего Микамака, забортная вода показалась теплой.

Виски было дрянным, и тяжелым жгучим комком сползло по пищеводу вниз. Казалось, еще немного, и страшное пойло прожжет в пустом с утра желудке дыру. Но спустя еще минут пять по телу начало расползаться блаженное тепло, и Микмак с благодарностью снова принял предложенную бутыль, сделав несколько судорожных глотков. Много пить не стоило – если его опять пошлют вниз, избыток алкоголя в крови вполне может и убить. Хотя особых надежд остаться живым к завершению этой истории Микмак не испытывал.

Не то под действием виски, не то из-за чрезмерной усталости на него накатило странное безразличие. Ко всему: к людям, что со взведенными автоматами наперевес курсировали вдоль внешней кромки платформы, к тем, кто сейчас в холоде и полумраке ползал по дну морскому; к собственной судьбе наконец. Ему было плевать, ни целей, ни вообще – мыслей. Он словно превратился в машину, готовую сорваться с палубы в воду в любую минуту, чтобы продолжить поиски какого-то мифического электронного мусора на глубине в несколько десятков метров. А способность самостоятельно выбирать маршрут передвижения по платформе и разговаривать – дана просто для более правильного функционирования системы. Робот – вот, кем ощущал себя Микмак. Когда робот закончит работу, его сдадут в утиль: для следующего задания эта модель вряд ли пригодится, а модернизация обойдется слишком дорого.

– С машинистами всегда нормальные ребята работают, – услышал Микмак, не сразу поняв, что говорят о нем.

– Держи, глотни еще, – перед глазами снова появилась бутыль со светло-коричневым содержимым.

Микмак принял сосуд и, приложившись губами, начал глотать. Горло уже привыкло, и пищевод перестало печь, будто в него залили раскаленный металл. Виски падало в глубь организма легко и с удовольствием.

– Хватит, хватит!

Бутыль отобрали, потекло по губам, разошлось по еще влажной груди. Намокшая кожа мгновенно потеплела, Микмак торопливо растер остатки виски по телу.

– Присосался. – Это говорили про него. – Того и гляди упадет. Хармс! Забери своего подопечного, а то он тебе сейчас не в те места провода вставлять начнет.

Компания, продолжающая передавать бутыль по кругу, весело засмеялась. На лице Хармса улыбки не было. Ему не пришлось идти, Микмак самостоятельно вернулся к «опекуну».

Не меньше стакана крепчайшего виски на пустой желудок давало о себе знать – шатало ощутимо. Или это волны качают платформу? Хотя волны были и раньше, а качка явно усилилась.

Откуда-то справа послышался крик. Даже не крик, а душераздирающий вой. Будто с кого-то живьем сдирали кожу. Микмак повернулся на шум – никаких эмоций, заложенная в живого робота программа требовала узнать, что происходит, чтобы иметь возможность правильно реагировать на входящие импульсы.

Около самого борта платформы барахтался один из подводников Искандера. На нём не было гидрокостюма, и, судя по синюшности рук и землистому цвету лица, в воде он провел изрядное количество времени. Его глаза – настолько широко открытые, что, казалось, вот-вот вывалятся из глазниц – метались из стороны в сторону, и даже, несмотря на брызги, было ясно, что по щекам ручьем текут слезы. Он кричал от боли, раздирающей его изнутри, выламывающей все суставы и перекусывающей позвоночник.

Микмак никогда прежде не видел такого, но догадался, что происходит – декомпрессионная болезнь, кессонка. Нет, его лицо и грудь серые не от холода, это газовая эмболия – он попросту задыхается, скоро землистый оттенок сменится на отчетливый фиолетовый. На плече орущего подводника вдруг, как по мановению волшебной палочки, расплылся огромный синяк, надулся, пополз по руке вниз. Наверняка внутри у него кровь кипит, как вода, вылитая на раскаленную сковороду. Сосуды лопаются, заливая внутренности густой, пузырящейся кровью. «Не жилец», – автоматически отметилось в голове Микмака. Как, впрочем, и положено, роботы именно так и думают.

– Да, заткните же его кто-нибудь! – Раздался голос откуда-то из-за спины Микмака.

Он не стал смотреть, кто крикнул. Какая разница?

Ошалевшая от неожиданности происходящего охрана, курсирующая вдоль борта, вскинула автоматы. Две или три очереди прочертили воду. Крик оборвался резко, обреченный подводник, судорожно булькнув, почти мгновенно скрылся в волнах. Только небольшое темное облачко отмечало место его всплытия.

Микмак почувствовал, что кто-то похлопывает его по плечу. Он обернулся. Это был Хармс. Жалеет его? Странно, чего его жалеть? Или увидел в Микмаке собрата? А, может быть, просто –

человека?

Через минуту еще один водолаз появился в волнах и так же истошно завопил. Теперь охрана не медлила – живые роботы отслужили свое, восстановлению они больше не подлежали. В следующего всплывшего подводника стрелять не пришлось: он был уже мертв.

Хармс дернул глазами, посмотрев на часы. Микмак не смог определить выражение его лица – озабоченное, сочувствующее или совершенно безразличное.

– Пора, – сказал Хармс, кивком показав на воду и выдал ему армейский комп. – Скоро стемнеет.

Понятно, значит нужно снова лезть в холодную воду. Они куда-то спешат. Интересно, куда? Как будто кто-то сейчас прискачет и предъявит права на тот «бютен», который банда «солидного» подняла сегодня со дна.

Микмак подобрал валяющийся у самого борта шланг с загубником, схватил загубник зубами и, не раздумывая, прыгнул в воду.

Ожидаемого озноба не случилось. Видимо, виски отшибло чувствительность напрочь. И моральную – тоже; Микмак понял, что никаких чувств мучения и гибель водолазов в нём не вызвали.

Теперь тухлятина в воздухе, которым Микмак дышал, не ощущалась. Он чувствовал только густой перегар, которым наполняли воздух в шланге его легкие.

Тяжелый, увешанный свинцовыми слитками пояс стремительно тащил его на дно. Уши закладывало, Микмак не успевал продуваться, да и не особенно тщательно старался это делать. Какого-то значительного дискомфорта бульканье в ушах не добавляло. Дискомфорта и так было хоть отбавляй.

Микмак, подгребая руками, перевернулся головой вниз. Он всматривался в мутный полумрак, маячивший прямо под ним. В этой зоне никого не было, несколько шлангов тянулись вниз справа, метрах в пятидесяти. А может, и ближе – под водой расстояние оценить сложно.

Мутное марево вздыбливалось холмами и уходило вниз темными, черно-зелеными впадинами. Микмак попытался представить, что под ним улицы красивого некогда Анклава Марсель, и не смог. Не могли быть эти безмолвные, обросшие медленно колышущимися щупальцами водорослей холмы тем самым солнечным Анклавом. Теми улицами, по которым Микмак гулял однажды. А вот пражским районом Йозефов, после того, как по нему прокатился взвод внутренних войск Баварского Султаната, это вполне могло быть.

Беглый осмотр полумрака, царившего внутри синагоги,

ничего не дал – кроме четырех мертвых тел на полу, здесь никого не было. Потом «балалайка» переключила наноэкраны в режим тепловизора, но и здесь…

Микмак не видел никого, кроме бойцов своего взвода, появлявшихся из-за спины то справа, то слева. И еще несколько ярких, как будто огненных хвостов, прочертивших темноту.

Он тщетно пытался поймать цель, целеуказатель перед глазами метался, как заведенный, ствол его автомата описывал дугу за дугой, но палец по-прежнему лежал на спусковом крючке, не решаясь надавить на него – стрелять здесь было решительно не во что. То есть – не в кого.

Тогда, черт вас раздери, почему бойцы падают один за другим?!

Где туристы? Где эти чертовы туристы?!

Похоже, Микмак орал во все горло. Было страшно, очень страшно – темнота вдруг озарялась вспышками, и следом за ними, коротко вскрикнув, падал кто-нибудь из бойцов. Уцелевшие бойцы метались, будто все разом потеряли ориентиры. Словно их забросило из небольшого старого здания синагоги в какое-то безграничное пространство, хитро искривленное неведомыми богами.

В ушах орал голос лейтенанта: «Отходим, всем покинуть здание!» Микмак тоже метался, сам не понимая, что ищет: выход из этого дьявольского места или террористов, которых никак не могут засечь ни глаза, ни «балалайка» с её набором дополняющих зрение средств визуализации. Но ничего не находилось; то и дело мельтешили горящие свечи, которые отчего-то не гасли на весьма ощутимом сквозняке, то и дело кто-то вскрикивал и падал, но проем двери – он должен ярко сверкать полуденным солнцем среди этого мистического полумрака – будто исчез, переместился в мифический параллельный мир.

Микмак в очередной раз резко повернулся, ведя перед собой по дуге ствол автомата, и уткнулся во что-то мягкое. Палец конвульсивно дернулся, ствол изрыгнул сноп пламени. Но целеуказатель так и не поймал цель – Микмак не сразу сообразил почему. Но если какие-то высшие силы и существуют, они отвели на этот раз руку бойца: Микмак уперся стволом в лейтенанта, «балалайка» распознала своего и увела целеуказатель в сторону. Наверное, он рефлекторно дернулся за нарисованным на глазных наноэкранах перекрестьем, иначе от лейтенанта осталось бы лишь кровавое решето.

– На улицу, быстро, пошел! – заорал лейтенант. Его голос одновременно звенел внутри головы и бил по барабанным перепонкам, перекрывая общий шум и гвалт.

Его слышно слишком хорошо, не находишь? Это потому, что нет никакого шума – ты здесь один.

Командир взвода толкнул Микмака, чтобы тот двигался живей. Но боец споткнулся и упал навзничь. В полумраке снова сверкнуло, и лейтенант исчез. Совсем исчез, его застрелили. Внутри воцарилась гулкая тягучая тишина. Микмак попытался подняться и понял, что застрял между нагромождениями рухнувших при взрыве балок. В ушах шумело, ноздри жгло концентрированным пороховым дымом. «Балалайка» молчала – из их взвода в живых остался только он…

Микмак грёб к трем холмам, отчетливо торчащим над остальными неровностями морского дна. Того самого, что было не так давно улицами Марселя.

Три довольно крупных цистерны, стоящих на бетоне перед полосой каких-то кустов. Понятно, от кустов теперь ничего не осталось. Пришлись сухопутные растения по вкусу подводным обитателям или нет – вопрос, но это особо не занимало Микмака. Он плыл к тем холмам.

Внезапно в памяти всплыла и вторая фотография из показанных «солидным». Четверка жизнерадостных мужиков перед раскуроченной техникой. Нет, техника была не раскурочена, её еще не успели собрать. Надо думать, то, что сейчас спешным порядком пакуют в контейнеры на палубе плавучей платформы, и есть та самая техника. Конструктор «Сделай сам». А Микмак ищет руководство по сборке? Скорее всего. Но при чем тут три покрытые какой-то плиткой и разукрашенные красными полосками цистерны? Или это вовсе не цистерны?

И все же воспоминания Микмака вновь и вновь возвращались к фотографии с улыбающейся четверкой. Что-то в ней показалось Микмаку знакомым, что-то привлекло внимание. Но что?

Хотя какая теперь-то разница?

Одно из размытых пятен на фоне, кто-то проходивший мимо, когда четверка решила запечатлеть себя на память вместе с собираемой ими установкой.

Микмак плавно опустился на верхушку одного из холмов. Верхушка покатая, удержаться на ней довольно трудно. Но на тех цистернах вроде бы торчали какие-то навершия.

Обдирая руки о ракушки, Микмак соскреб морские наросты с верхней окантовки. В здешнем полумраке цвета различить сложно, но вроде бы красный.

Хармс говорил, что подключать комп нужно где-то внизу. Где-то у этих цистерн есть дверца, а за дверцей… прямо нарисованный камин папы Карло. Там должен быть коннектор

для внешнего подключения.

С нижней частью цистерны оказалось сложней – дно цилиндра основательно утонуло в сильно заросшем водорослями и ракушками гравии. Скорее всего раньше это было той самой бетонной площадкой. Странно, что цистерны не опрокинулись.

Но кто ищет, тот всегда найдет. Нашел и Микмак, неоднократно задававший себе вопрос, на кой чёрт он все это делает – нашел цистерны, а дальше не его забота. Конец все равно известен.

Он все-таки подключил к цистерне комп. Где-то в её электронных потрохах все еще хранился код, который резво, без каких бы то ни было сопротивлений, сгружался на диск.

Тащили наверх его быстро. Слишком быстро. Микмак сопротивлялся, как мог, а перед глазами стояло серо-фиолетовое лицо погибшего подводника. Метров за двадцать до поверхности Микмак выплюнул загубник, и выпускающий хвост юрких пузырей шланг, извиваясь змеей, улетел к поверхности. Теперь главное – не спешить, потому что колени уже ломит, а по спине то и дело проскальзывает нестерпимый зуд, который совсем скоро станет сильной, выламывающей болью.

В лицо ударил уже знакомый обжигающе холодный ветер, и Микмак заорал, что было сил: нужно выгнать из крови азот, сколько удастся. Только пулю бы не получить раньше времени – люди на платформе не любят шум. Микмак набрал в легкие побольше воздуха и нырнул, опустившись метров на пять. О каком таком времени он рассуждает? Десять минут, полчаса, час? Какое время теперь имеет значение?

Чья-то сильная рука подхватила Микмака и вытянула на мокрый металл палубы. Хармс, это был именно он. Огромный, с бугрящимися под измятой и мокрой рубашкой мышцами машинист протянул руку, ожидая, когда Микмак вернет компьютер.

Микмак кивнул и передал непромокаемый гаджет. Виски на самом деле помогло – ветер теперь не казался столь холодным, да и от купания он испытал почти удовольствие. Но в голове от прохладной воды прояснилось.

Микмак показал Хармсу снимок – он сфотографировал немощной камерой компьютера три подводных холма. С «балалайки» снимок получился бы куда лучше, но индивидуального чипа Микмак лишился еще в офисе.

Код Хармс нашел самостоятельно. Быстро пролистал его, что-то проверил какими-то своими программами и произнес, казалось, прямо в воздух:

– Мы нашли.

Он говорил с кем-то через «балалайку».

– Хорошо. Только…

Хармс замолк на несколько секунд. На его лице в это время застыло неприятное, брезгливое выражение. Ему явно не нравилось то, что говорил невидимый и неслышимый для Микмака собеседник.

А Хармс оказался нормальным парнем.

– Хорошо, – уже без прежнего энтузиазма и, не меняя выражения лица, повторил машинист.

Понятно, о чем шел разговор. Хармс пытался выгородить Микмака. Не получилось – оставлять свидетелей начальство машиниста не собиралось. Что ж – Микмак их не осуждал. Сам поступил бы так же. Наверное.

Когда все три цистерны подняли лебедками на платформу, тем, кто еще оставался под водой, просто перерезали шланги – подняться с такой глубины без воздуха нереально. Остальным, включая Микмака, крепко стянули пластиковым шнуром руки за спиной, к ногам прикрепили железки поувесистей из тех, которые сочли ненужными, и бросили за борт.

Микмак, медленно набирая скорость, планировал в сторону дна. Предзакатное солнце, пляшущее по водной поверхности ярким слепящим пятном, окрашивало морскую воду в багровые тона. Казалось, что в море вылили цистерну крови, которая неспешно растекается по округе.

Вокруг Микмака, словно падшие ангелы с неба, опускались на дно остальные. Кто-то дергался, тщетно пытаясь освободиться, кто-то, подобно самому Микмаку смотрел вверх, спокойно ожидая последнего часа.

До дна было еще далеко, когда в крови начал заканчиваться кислород. Вдохнуть хотелось очень сильно, но Микмак зачем-то терпел из последних сил, до рези в груди, до темных пятен перед глазами. И еще очень хотелось потереть лоб – руки связаны за спиной, иначе он, наверное, разодрал бы кожу на голове до крови. Идиотская привычка, она появилась после Праги. «Мозголом» сказал, что это последствие пережитого стресса. Оно и сейчас: стресс, сильней не придумаешь, апофеоз стресса, так сказать. Вот и обострилось.

Странно, кислород в крови явно подходил к концу, а сознание никак не хотело покидать Микмака. Грудная клетка конвульсивно дернулась, втянув внутрь холодную соленую воду.

Он посмотрел вниз – дно словно покрыла холодная бездушная тьма. Скоро он окажется там.

10

Мельтешение цифр перед глазами сильно мешало. Несколько раз Лёшка даже машинально попытался отмахнуться от них рукой, словно от назойливых мух. Но цифры, конечно же, никуда не исчезли – молитва продолжалась. Сейчас, сейчас, он найдет этого любителя пошутить. Учитывая ситуацию, в которую попал Лёшка, шутка не казалось смешной – означенная на мониторе сумма вполне могла бы решить проблему с бабушкиной болезнью.

«Привет», – написал Лёшка, продолжая набирать команды для программы. Небольшой скрипт – если то, что ему удалось выжать из продолжавшего маячить на экране сообщения соответствовало действительности, его программа должна сработать.

«Мне нужен ответ».

Вот, значит, как. Сегодня неведомый собеседник здороваться не пожелал. А как же приличия? А вот и ответ.

Палец утопил клавишу «enter», запустив червя, и Лёшка резко поднял голову, надеясь, если не получится затея со скриптом, хотя бы заметить реакцию ломщика на ответное вторжение.

Не получилось. Ни первое, ни второе. Никто не вздрогнул. Скрипт открыл доступ к одному из членов Обители Цифры, безмятежно рассматривающему какую-то совершеннейшую пургу на взломанном сервере. Вон та светловолосая девушка, она явно понятия не имеет ни о каких деньгах. Даже не заметила, что её комп взломали.

Рука дернулась в непроизвольном жесте, пальцы погладили полированный металл медальона. Какие только олухи не собирались здесь, в Обители. Не способны даже заметить взлом, не то, чтобы его предотвратить.

Нет уж. Так просто ты не отделаешься. Лёшка открыл окно с кодом и стремительным бегом пальцев по клавишам начал менять свою программу.

Но в глубине, где-то в темных, закрытых для всех и каждого уголках его сознания копошились странные мысли. Странными он счел их только при первом знакомстве – а на кой черт он это делает? Зачем пытается вычислить ломщика? Предложили деньги, варианта два – соглашайся или отказывайся. Пытаешься узнать, кто дает заказ, варианта опять же два – теряешь деньги или… можешь и с жизнью расстаться.

Ты же всегда был против взломов.

Но ведь это не взлом, это соревнование. Кто кого, битва умов,

война разумов…

Очередная попытка. На экране, быстро ветвясь, открылась структура всей сети Обители. А Лёшка считал, что сеть защищена более чем надежно. Зря так думал? Нет, в это верить не хотелось. Хотелось испытывать уверенность в собственной непревзойденности.

Вот этот компьютер, этот, еще один… Нет, они не подходят. Искомого IP вообще нет в системе. Но не мог же неведомый ломщик попасть сюда извне – сеть Обители Цифры не подключена к общей Сети. Если только…

Был один путь, который немного смущал. Вызывал сомнения. Ломать подобную программную защиту Лешке еще не приходилось, но алгоритм её вполне понятен. Молодой человек подключился к общей сети с помощью «балалайки», чтобы найти там необходимые для взлома найденного им алгоритма программы.

Ну, ты понял, как он сюда попадает?

То, что он собирался ломать – да нет, оно уже вроде бы сломалось, – было не чем иным, как чьей-то «балалайкой». Подключенной к сети. Кто-то, нарушив все правила Обители, не отключил свой чип после начала молитвы. Собственно, нарушил запрет и сам Лёшка, но…

– …тёмным, сбитым с истинного пути разума лживыми учениями Традиций, Цифра может показаться опасной. Но Цифра – это не враг. И не друг. Цифра есть инструмент, ключ, открывающий просвещенному человеку путь в новый, прекрасный мир. Мир познаваем. Цифра приблизит время, когда… – Коннектор, захлебываясь собственным энтузиазмом, продолжал вещать строки из «Чисел праведности».

Но Лёшка уже не слышал его слов. Точнее, слышал, но не слушал. Слова Коннектора эхом гудели в его ушах, вторя тому, что он воспринимал из собственной «балалайки» – чип, защиту которого только что вскрыл Лёшка, принадлежал создателю Обители Цифры. И «Числа праведности» Коннектор наизусть не знал, он говорил то, что приходило на его «балалайку» откуда-то из сети. Чей-то голос тихонько бормотал для Коннектора слова, которые тот с пафосом, с надрывом повторял для собравшихся адептов учения Цифры. Для людей, почитающих святым человечка, отважившегося взвалить себе на спину непосильный груз великого ничто, пойманного математиками древности в цифре ноль. А ведь Коннектор не только читал книгу Поэтессы, он ведь и «от себя» вёл проповедь.

Почему-то последняя мысль показалась Лёшке крамольной, и он тут же отбросил её. В конце концов, ломал он не для того,

чтобы узнать, что творится в «балалайке» Коннектора. Он искал путь к тому, кто взломал его компьютер.

«Неплохо, – получил Лёшка похвалу от невидимого соперника. – Но ответа так и нет».

Да, этого монстра ему не переиграть. Лёшка смотрел на бегущие по глазным наноэкранам нули и единицы, а его губы сами собой начали повторять слова, вслед сказанному Коннектором:

– Мир поднимется с колен. Цифра воспрянет, она поведет мир за собой. И скоро придет время сделать первый шаг. Скоро всем нам предстоит осуществить выбор, и вы должны сделать его правильно. Нельзя ошибиться, сегодня страна смотрит на нас, мир смотрит…

Лёшка легонько тряхнул головой, возвращаясь к реальности. Напор, с которым Коннектор говорил, заставлял непроизвольно прислушиваться к словам. Или это так действовала пляска двоичного кода перед глазами?

Вот программа, которая управляет этим цифровым вихрем. Она, кстати, работает с «балалайки» Коннектора. Если её немного подправить, чтобы не так мешала…

Кто-то таинственный, тот самый тип, что обитал в неизведанных глубинах Лёшкиного сознания, не переставал напоминать, что цель вроде как имел другую. Взлом коннекторской «балалайки» не планировался – ни сейчас, ни вообще. Но что-то не давало Лёшке покоя. Что-то в этой самой «балалайке» было не так.

«Ты все ещё не понял?»

Похоже, терпения этому заказчику не занимать. И на кой ему сдался именно Лёшка? И что, скажите на милость, он должен понять?

«Только ведь ты всё уже понял. Правда, пока еще до конца не поверил».

А разве могло быть иначе?

На душе сделалось гадко, к горлу мгновенно подкатило, и Лёшка решил, что его сейчас вырвет. Однако не вырвало. Даже не затошнило. Ерунда, чувствительный какой нашелся! Просто он никогда не задумывался об этом, но если подумать… А для чего еще нужен весь этот цирк? Скоро выборы Президента, в Сети будут задействованы большие мощности. А они здесь постоянно что-то ломают…

«Я подумаю», – бросил ответ *тому* ломщику Лёшка, и отключился от сети. Вообще отключился. И от локальной – тоже.

Резким движением он захлопнул крышку и спрятал

компьютер в сумку. Он поднялся с влажного мата и, ни на кого не глядя, уверенным шагом отправился к выходу из спортивного зала.

Решительный шаг в подобной ситуации – да для Лёшки одно это уже было большим достижением!

– Ты куда?

Коннектор, похоже, немного опешил. Во время молитвы никто никогда не покидал собрания. Это не было запрещено официально, но считалось не просто дурным тоном, а… Ну, нет, какой тут может быть грех – ведь Цифра не имеет никакого отношения к Традициям.

– Мне нужно, – не снижая темпа шагов, ответил Лёшка. Он все-таки повернулся к возвышающемуся с импровизированной кафедры проповеднику, чтобы соблюсти обычные человеческие приличия. – В туалет захотелось.

– Но постойте…

Лёшка лишь нетерпеливо махнул рукой в сторону Коннектора и захлопнул за собой дверь зала.

Все, больше сюда ни ногой.

И вот тут Лёшка понял, что, возможно, попался. Основательно и по-крупному. Он взломал «балалайку» человека, который здесь ничего не решал. Его сюда поставили, прислали выпасать стадо развесивших уши и трепещущих от слова «цифра» недоумков. Этот назывался Коннектором и вёл рассказы здесь, кто-то именовал себя сыном – или там, племянником, степень родства не слишком важна, – Господним и работал с совсем другими людьми. Но результат один.

Какой?

Лёшка до конца не понял. А *тот* ломщик понял. А может, знал с самого начала.

Лёшка на секунду остановился. Да нет, показалось, никто за ним не шел. Но перейти на бег все равно не расхотелось.

Но если рассуждать трезво – как он, простой студент, пусть и не понаслышке знакомый с компьютерными технологиями, мог взломать «балалайку» с обычного компа, которому до «раллера» жить и жить? Да и не дожить-то, на самом деле. А троица Сорок Два, а замысловатые, тщательно проработанные атаки ломщиков, а стаи тритонов, сливших разогнанные и одурманенные «синдином» сознания воедино для повышения производительности?

…То, что произошло затем, походило на сказку. Причем не на самую добрую.

Прямо перед ним лежала пачка денег. Не кучка, не несколько листиков – самая настоящая пачка, перетянутая свежей

банковской лентой. И все печати и подписи были на месте. В том числе и электронные.

Он нагнулся, намереваясь взять деньги, но рука остановилась в нескольких сантиметрах от новеньких, наверняка хрустящих банкнот. Это было предложение. Теперь не просто на словах. Если он возьмет деньги, значит, согласен. Но он до сих пор не знает, с чем.

Не важно, дело связано с компьютерным взломом, это понятно. Не просто же так его проверяли. Да, именно проверяли. И позволили кое-что увидеть. – Ясно же, что «балалайку» Коннектора взломал не Лёшка.

Нет, это сумасшествие! На что он подписывается?! Что собирается делать?!

Но рука уже сама, не советуясь с разумом, четким движением накрыла вожделенные купюры.

Нет!

Бабушке нужно лечение.

Нет!

Не отрицай, бабушке действительно нужно лечение. И ты знаешь, сколько это лечение стоит.

Нет.

Он застегнул молнию на кармане куртки, в который спрятал подброшенную пачку. Глаза каким-то генетически детерминированным движением проверили, не видел ли кто. Чисто, в коридоре ни души.

«Значит, теперь ты в деле», – появилось сообщение перед глазами.

Лёшка кивнул. Им этого достаточно – ведь он теперь на крючке.

На улице уже стемнело, и опять шел дождь. Мокрые, обозленные на весь мир прохожие спешили укрыться в своих домах. В жалких скорлупках, которые им казались настоящими крепостями. Приснопамятным поросятам, наверное, их соломенный домик тоже казался верхом фортификационного искусства.

До дома недалеко, но Лёшка решил сразу домой не идти. На Планерной свернул в противоположную сторону. Путал следы.

Он опасался не таинственных заказчиков, выдавших аванс. Те, надо думать, и так прекрасно о нём все знали – вряд ли деньги стали бы давать абы кому. Боялся Лёшка своих бывших «единоверцев» – хотя все выглядело так, будто Коннектор не догадался о том, что его «балалайку» взломали; как на самом деле обстояли дела, Лёшка не знал. Да и не только в одном Коннекторе дело. Были еще те, кто писал для предводителя

Обители Цифры слова. В самом прямом смысле. Они тоже имели отношение к этой «балалайке» во время взлома.

– Эй, паренек, пошли со мной. Погудим, – разукрашенная девица с начавшим расплываться под проливным дождем макияжем мурлыкала пьяным голосом на остановке троллейбуса. Уже поздно, транспорта ей сегодня не дождаться. Вот и решила найти «попутчика».

«Погудеть» теперь было на что. Лёшка притормозил на мгновение и тут же устыдился собственных мыслей. Деньги – на лечение бабушки.

– Поздно уже, – пробормотал Лёшка и решительно двинулся дальше по темной улице.

– Вот и помог бы девушке. Страшно ведь.

А может, ей… В кармане большая сумма денег, лишиться её очень легко, напомнил себе Лёшка. Не стоит быть идиотом, это всегда успеется.

Сейчас еще два квартала прямо, а потом можно повернуть во дворы – эти места знакомы, здесь вероятность нарваться на неприятности относительно невелика – и через двадцать минут он будет дома.

Внезапно с каким-то высоковольтным гудением над Лёшкиной головой зажегся яркий свет. Юноша непроизвольно пригнулся, вжав голову в плечи. Три ярких фонаря на несколько секунд осветили огромный плакат, выхватив из общего плана кусок надписи со словами: «…за нашего Президента!».

11

Мерное покачивание и перестук металлических частей вагона успокаивал и нагонял дремоту. Джио смотрел в окно, но не видел пейзажей, которые неспешно двигались навстречу. Периодические вздрагивания вагона и грохот колес, возвещающие, что начался очередной участок до сих пор не отремонтированного после Катастрофы железнодорожного полотна, пока не давали заснуть. А участков, восстановленных дедовскими методами, на этом отрезке пути хватало.

На пейзажи Джио уже насмотрелся. Больше суток он провел в дороге. Добираться до Авиньона пришлось по большей части пешком. Мобилей на дороге почти не было, за все время проехало не больше пяти машин. Все ржавые и помятые. По-другому и быть не могло – учитывая качество дорожного покрытия, которое растрескалось, а местами так и осталось торчать вздыбленными асфальтовыми торосами, аварии случались часто. Дорогу, судя по всему, ремонтировали неоднократно, однако качество ремонта не выдерживало никакой критики.

Однажды ему повезло – подобрали местные крестьяне. Они подвезли Джио на телеге, запряженной двойкой чахлых лошадок. Каких-то четыре года назад не удалось бы и представить такое: в здешних краях крестьяне, да еще и на лошадях.

А пейзажи тоже изменились. До того августовского дня, когда рвануло на Станции, зелень здесь можно было увидеть только на довольно широких газонах, обрамляющих многоуровневые автострады, развязки, парковки и разнообразные торговые и увеселительные центры. Потом все это великолепие околоанклавной жизни в одночасье рассыпалось в прах, превратившись в руины. Джио не бывал здесь давно, но представить, как все это выглядело года три назад, нетрудно – горы бетонных обломков, торчащие во все стороны асфальтовые пласты, вывернутые землетрясением, грязь и тонны пыли. Наверное, здесь погибло много людей. Не так много, как в городах, но трассы в этих краях были весьма оживленными.

Сегодня людям не нужны огромные скоростные дороги. По ним не на чем ездить. Каждой эпохе своё. А эпоха, если судить по весьма обширным полям, которые уже заканчивали засевать местные фермеры, теперь наступила совершенно иная. Руины массивных опорных конструкций многоуровневых мостов и эстакад, развалины придорожных строений, бетонные прямоугольники фундаментов полностью разрушенных зданий всё еще оставались здесь. Но их было немного – все, что удалось

убрать, убрали, освободив место под посевы.

Авиньон – городок небольшой. Даже если сравнивать его с муравейником непонятного статуса Марселем-нуво. Провинциальностью там сквозит изо всех мест. Кривоватые мощенные многовековым булыжником улицы, кучи мусора, куда ни глянь. А чего стоит крепостная стена, вызывающая непонятную гордость у местных жителей. Интересно, от кого они собирались обороняться этим декоративным сооружением?

Древним в Авиньоне, похоже, было всё. И атомная станция в окрестностях южного городка, неоднократно модернизированная, но работающая почти сто пятьдесят лет. История этой АЭС была опутана множеством слухов и странных фактов. Одних аварий, повлекших утечку радиоактивных элементов, за все время существования станции насчитывалось не менее десятка. Особенно странным казался тот факт, что в день взрыва на Станции обошелся малой кровью – оба действующих реактора заглушили буквально за пару дней до Катастрофы. Для проведения профилактических работ. Правдивость этой информации вызывала сомнения. Особенно если принять во внимание факт, что власти Авиньона в прошлом неоднократно скрывали проблемы с радиацией, ограничиваясь предупреждением о нежелательности купания в Роне.

Но Джио в Авиньоне привлекли не древности. Ему нужно было попасть на поезд. И провинциальный городок подходил как нельзя лучше. В Авиньоне досмотр с помощью наноскопа и в былые-то годы проводился не каждый день и без особой тщательности, а теперь и вовсе не применялся. Джио нужно было исчезнуть из Марселя-нуво, убраться из этого недоанклава как можно дальше. И, самое главное, не светить гаджет в черном мягком пластике.

Брусок непроницаемого для наноскопа пластилина лежал в кармане, но Джио так и не придумал, куда спрятать опасный «бютен». А спрятать его придется в любом случае – если просто запаковать в «пластилин», непрозрачный для наноскопа объект вызовет куда больше подозрений охраны, чем непонятный гаджет.

Пешком уйти из Марселя-нуво оказалось намного проще. Никаких досмотров и наноскопов, лишь приветственный взмах руки разморенным весенним солнцем безом – будто знакомы сто лет. С большинством шавок Франсуа Мажида этот номер до сих пор срабатывал на ура. Именно так и поступил Джио.

Солнце уже клонилось к горизонту. Однообразные пейзажи за окном окрасились в коричневато-красные тона, придав банальному виду художественный колорит.

– Добрый вечер, – сказал кто-то по-французски с ярко

выраженным южным акцентом.

Джио встрепенулся, пытаясь понять, кто с ним говорит. Оказывается, он все-таки умудрился задремать. С открытыми глазами – потому что свежевспаханные поля, подсвеченные быстро густеющим красным, он продолжал видеть.

В купе появился пожилой господин с двумя раздутыми сумками в руках. Швы на сумках держались из последних сил, и если бы не несколько витков нейлонового шнура, давно расползлись бы.

– Добрый вечер, – кивнул в ответ Джио.

Пожилой господин, кряхтя, неуклюже развернулся внутри тесного купе, и, толкая Джио локтями, принялся запихивать багаж в соответствующий отсек.

Кроме них двоих в купе никого не было. Странно – Джио слышал, что в мире транспортный коллапс является основной проблемой, а здесь поезда ходят полупустыми. Хотя в любом месте есть свои странности. Тот же Марсель-нуво продолжал существование, да и развивался даже, только благодаря сохранившимся и восстановленным транспортным путям. А восстанавливали магистрали – Джио был в этом уверен – из-за «бютена», который тоннами вывозили в Европейский Исламский Союз и близлежащие Анклавы: Цюрих, Франкфурт и даже Эдинбург.

– Еду к детям, – объяснил старик.

Джио кивнул. Охоты поддерживать беседу не было. Очень хотелось спать. Сказывался стокилометровый вояж до Авиньона и нервное напряжение, не отпускавшее и теперь. Хорошо бы выпить чего-нибудь покрепче. Но в этом поезде напитков не предлагали. Может быть, позже?

– А вы по какому делу? – поинтересовался попутчик. – В гости к кому или по работе?

Что ему нужно? Не лез бы ты, старик, не в свои дела.

– По работе, – буркнул Джио.

Он старался выглядеть максимально неприветливо, чтобы старик отвязался. Но тому, видимо, было всё равно. Или у него какая-то иная цель?

Что ж тут думать, у твоих попутчиков может быть только одна цель. Ты же знаешь – она лежит в твоем кармане.

«Только не нужно превращаться в параноика, – сказал себе Джио. – Не стоит в каждом встречном прохожем видеть угрозу».

Странно, но Джио всегда испытывал уверенность в обратном, что именно так и бывает. И теперь эта уверенность только крепла с каждой минутой. Он понимал: подобные мысли иррациональны, но…

Но они соответствуют ситуации, чёрт их побери!

– А я вот детям везу гостинец, – похлопывая себя по коленям, сообщил старик.

Он уселся на потертое сиденье напротив Джио. Его руки нервно теребили светлую ткань брюк на коленях, время от времени похлопывая по ним. Сидел он на самом краешке. Так сидят, когда не испытывают уверенности, что попали в свою компанию.

Или когда готовы удрать в любой момент.

Нет, старик просто-напросто чувствовал себя неудобно в обществе незнакомого человека. И эта его говорливость из той же оперы. Пусть говорит, в конце концов, если ему так хочется.

Старик и говорил:

– Они под Эль-Парижем живут. Давно живут, переехали еще до Катастрофы. Я им говорил… – Старик обреченно махнул рукой: дети явно плевать хотели на его мнение. – Что уж теперь. Теперь там выжить трудно, там город, все в бетоне.

Интересная логика.

– А здесь – легче? – спросил Джио. Нет, он ведь не собирался начинать беседу. Но не сидеть же, отвернувшись к окну, когда к тебе обращаются.

– Здесь есть еда. Мы выращиваем её сами, нам не нужны фабрики.

Джио поднял глаза, всмотревшись в лицо старика. Тот немного улыбался, наверное, каким-то своим мыслям, и продолжал раскачиваться вперед-назад. Не исключено, что он сам верил в то, что говорил. Не иначе, старость и отсутствие нормальных лекарств брали свое, и старик просто выжил из ума.

Такое и в страшном сне не привидится: «Нам не нужны фабрики». Что бы они делали здесь со своими полями и чахлыми лошаденками (вот вопрос, где они вообще раздобыли копытных?), если бы не два восстановленных и еще три построенных заново в прошлом и позапрошлом годах пищевых фабрикатора в Марселе-нуво?

– У вас есть ферма?

Старик покачал головой. Нет у него никакой фермы. Но что тогда он тащит в своих переполненных сумках?

– Но у многих есть. В наших краях люди помогают друг другу. Вот – собрали.

Как-то с трудом верилось в бескорыстный сбор такого количества натуральных продуктов, за которые в Марселе-нуво давали весьма неплохую цену.

– Что у вас там? – Отчего бы не спросить прямо.

Старик вздохнул. Длинно и протяжно. Да ну его, на самом

деле. Спать хотелось всё сильнее, и солнце уже скрылось за горизонтом. Скоро снаружи совсем стемнеет. В купе тоже царил полумрак, разгоняемый лишь бьющим откуда-то из-под потолка тусклым светом. Видимо, там было вентиляционное окно в коридор.

– То, что вырастили на полях.

– Что? Что конкретно?

Нет у него там никакой еды. Да и какую еду можно тащить так далеко – до самого Эль-Парижа на обычном поезде. Она же испортится. «Бютен» у него там. Может, и на самом деле старается для детей, только не едой он им помогает. Бизнес у них, наверное, семейный.

Старик снова вздохнул, несколько раз дернулся, будто собирался бежать куда-то. Но потом, резко хлопнув себя по коленям, все-таки встал и расстегнул одну из сумок. Купе наполнилось густым запахом костра.

– Держите, – сказал старик, протягивая Джио кусок копченого сала.

– Не нужно. Спасибо, – ответил Джио.

– Берите, берите. Мне, может, и не пригодится.

Джио нахмурился, не понимая старика.

– У меня дочь там. Я даже точно не знаю, где это. Какие-то Сады Хадеха, или что-то вроде того. Я плохо владею амия. Где-то недалеко от Эль-Парижа…

В сумрачном свете Джио заметил, что глаза старика стали блестеть сильнее. Он с трудом сдерживал слезы.

– Перестаньте. Им это нужнее. Вы ведь… Я справлюсь и сам, у вас дочь…

– Я найду ее, – прошептал старик. – Обязательно. Ведь эти самые Сады можно найти? Мне ведь помогут в Эль-Париже?

Он смотрел на Джио невидящим, полным мольбы взглядом, как будто именно от его соседа по купе зависело, помогут в столице несчастному старику или нет. Джио подумал, что шансов у старика немного – не станет никто помогать в Эль-Париже, у всех свои дела.

– Обязательно.

– Увижу ли я её еще? Это ведь не для еды. Это…

Он все-таки не выдержал и тихо, прикусив кулак, зарыдал.

– Вам нужно быть осторожнее в дороге, – сказал Джио и, немного замявшись, приподнялся и пожал старику руку в районе локтя.

– Я знаю. Это же целое состояние. Я и хочу это все продать там. Там, говорят, натуральные продукты дороже стоят. Там их вовсе нет. Все в бетоне…

– Зачем вы туда едете… – Джио запнулся, не зная, как обратиться к старику.

– Меня зовут Тристан.

– Джордано.

Старик часто закивал, словно давно догадывался, как зовут его попутчика.

– Моя дочь… она больна. У неё что-то с кровью. Состояние тяжелое. Она была замужем. Третья жена… Она и сейчас замужем, только муж куда-то пропал. Может, с ним что-то случилось, как думаете, Джордано?

Тристан очень хотел поверить в то, что говорил. Не верил, но очень хотел.

– А остальные его жены? – зачем-то подлил масла в огонь Джио.

Старик пожал плечами и покачал головой. Он не знал. Он вообще ничего не знал, но куда он тогда ехал, откуда ему известно о болезни дочери? Будто прочитав мысли Джио, Тристан начал рассказ:

– Она скрывала от меня. На самом деле у неё это давно. Она не говорила, но я чувствую – не хотела расстраивать старика. А когда стало совсем невмоготу, попросила приехать. А теперь она не отвечает, я звонил несколько раз, но ответа нет. Специально отправлялся в Марсель-нуво, чтобы позвонить ей. У нас ведь сеть не работает как следует, только через спутники «Науком». Но откуда у меня деньги на наукомовскую «балалайку» или коммуникатор?

Джио машинально бросил взгляд на сумки с салом – это богатство легко можно обменять на полсотни наукомовских гаджетов даже в избалованном морепродуктами Марселе-нуво. Что уж тогда говорить об Эль-Париже.

Взгляд попутчика не скрылся от старика.

– Я соврал, – признался он. – Никто не собирал для меня это. Я украл товар у соседа. У него ферма, сегодня он собирался отправлять товар на север. Он не разорится: я взял едва ли пятую часть от того, что было. Но этого должно хватить, чтобы помочь Амели…

Джио кивнул. Он не осуждал Тристана: тот спасал жизнь дочери. Или думал, что спасает. Возможно, его Амели уже нет в живых. Даже – скорее всего. И эти сумки всего лишь попытка исправить то, что исправить уже нельзя.

– Муж Амели исчез полгода назад. Когда стало ясно, что положение тяжелое. И остальные жены тоже. Дочь не рассказывает. Но я думаю, он бросил её в одной из этих государственных клиник. В тех, знаете, в которых остаются…

Плечи Тристана снова сотрясла дрожь беззвучных рыданий.

Джио знал. До Катастрофы государственные клиники были ничем не хуже частных. Местами и лучше. Но после – финансов не хватало, государственное здравоохранение стремительно разваливалось, превращаясь в хосписы, в которых даже не могли обеспечить безболезненную смерть. Частные клиники… Если знаешь, в каком заведении работают настоящие врачи, которые лечат то, что болит, можно считать, что повезло.

– Вы найдете ее. Обязательно, – сказал Джио. Он как будто охрип, горло сдавило болезненным спазмом.

Старик кивнул. Суждено ли ему вообще добраться до Эль-Парижа?

Он хотя бы пытается. Он спасает свою дочь. В отличие от тебя.

Несколько минут тишины и усталость сделали свое дело, и Джио отключился. Его сознание провалилось в черную бездну сна, но темнота не была полной.

Призрачный голубоватый свет лился откуда-то справа. Похоже, там неплотно прикрыли дверь. И свет становился ярче. Из-за приоткрытой двери слышались голоса. Тихие. Люди, которые разговаривали, явно старались не шуметь.

– Кто здесь?! – выкрикнул Джио в темноту, но ему не ответили. Или он молчал?

Джио попытался пройти немного вперед, чтобы приблизиться к двери. Но ничего не получилось: ноги словно бы приросли к полу. Да и пол ли это был? По ногам клубился непроницаемо-черный туман, обволакивающий туфли и медленно подбирающийся к коленям.

– Эй, кто-нибудь! – позвал Джио – Что здесь происходит, чёрт возьми?!

Нельзя сказать, что ему стало страшно. Но как-то не по себе сделалось, неуютно. Очень хотелось выбраться отсюда и, главное, – понять, где он вообще находится.

А где должен?

Непонятное мерное постукивание то появлялось, то снова исчезало. Казалось, что ритмичный звук исходит из самого тумана, а голоса совершенно точно доносились из-за двери.

Джио не мог идти, но дверь как будто стала ближе. И свет разгорался всё ярче, впрочем, не изменяя голубым тонам.

– Я не хочу… Ты не должен… Я никуда не поеду без тебя, – наконец Джио смог разобрать слова. И голос – говорила женщина, явно молодая – показался смутно знакомым.

– Это ненадолго. Я обязательно приеду, как только закончу работу. А сейчас вам нужно уехать, так будет безопасней. И для

вас, и для меня. Пойми…

– Ничего я не собираюсь понимать! Я не могу… понимаешь, не могу…

Второй голос Джио тоже слышал раньше. И неоднократно. Что-то неясное, но очень близкое, знакомое скрывалось в его обертонах. И слова… Они уже звучали когда-то. Наверняка этот разговор повторялся. И Джио казалось, что повторяется он тоже не впервые.

– Ты не можешь так поступать. Ты не знаешь, что они затеяли. Что они тебе рассказали? – продолжала упираться женщина.

– Они обещали…

– И ты поверил? Скажи, ты им поверил?

Дверь, окутанная черными клубами мистического тумана, теперь была прямо перед Джио. Достаточно протянуть руку и открыть ее. И черный туман не мешал сделать это. Только отчего-то не хотелось.

Ему страшно? Может быть. Возможно, он боится не тех, кто находится там, откуда льется голубой свет, а чего-то иного. Но чего?

– А ты думаешь, мне легко, – как-то нелогично ответил мужчина. – Ты хоть понимаешь, что все это значит? Для чего они это делают?

– Тогда зачем ты врешь мне? Почему мы не можем просто уехать, почему они не оставят нас в покое?

Голос женщины стал тише, а потом послышались всхлипывания. Она заплакала. Мужичина молчал. И только размеренный стук, наползающий из черноты тумана, разбавлял липкую тишину этого странного места.

Джио схватил круглую, сверкающую бутафорским золотом ручку двери и резко дернул её на себя. Хватит, пора положить конец сомнениям.

– Папочка! – закричал тонкий детский голосок, и голубой свет сделался нестерпимо ярким.

Из глаз Джио потекли слезы. Он ничего не видел, кроме яркой голубой точки, выливающей на него миллиарды люкс светового потока из какой-то невообразимой дали.

Он узнал голос. Этот голос он узнал бы из тысяч, из миллионов. Один на всю Вселенную. Голос Вильгельмины.

Ей всего шесть. Она спала, пока он разговаривал с Джокондой. Пока он пытался уговорить её уехать из этого благополучного ада. А потом она проснулась, и ничего решено не было. Но Джоконда, поддавшись импульсу, уже стояла в прихожей. Она уходила. Точнее – убегала. И Вильгельмина…

– Папочка, а куда мы идем? Еще же темно, там ночь и страшно. Там могут гулять монстры, а я не хочу к ним.

Джио рефлекторно закрыл лицо руками, пытаясь загородиться от слепящего света. Нет, нельзя закрывать глаза, нужно знать, нужно принять решение и что-нибудь сделать.

Только в тот раз ты опоздал.

Сквозь яркий свет он увидел два силуэта, быстро исчезающих в непонятном черном тумане. Вильгельмина, висящая на плече у незнакомого высокого мужчины. Девочка плакала и звала отца.

Джио не мог пошевелиться. Все тело налилось тяжестью, конечности отказывались повиноваться. Он опустил глаза – всего на мгновение – и понял, что его тело стремительно растворяется в черноте непонятного тумана.

– Папочка! – послышался далекий крик ребенка. Будто из другого полушария планеты.

Но Джио все еще видел их. Девочка подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. По спине Джио пронесся строй ледяных игл, а зубы вонзились глубоко в мякоть нижней губы – у Вильгельмины было лицо Беатриче, дочери Лучано Минелли.

Джио казалось, что сейчас он просто рехнётся. И только металлический стук из тумана продолжал отбивать мрачный ритм. Ритм смерти, ритм опасности.

– Проверка документов! Приготовить затылки, предъявить все подкожные импланты и имеющиеся удостоверения.

Джио резко вдохнул, словно слишком долго пробыл под водой, и… и проснулся. Стук – обычный грохот сцепки железнодорожного состава, именно он и врывался в сон сквозь черную завесу тумана, – ударил еще пару раз и стих. Состав остановился.

– Проверка документов! Полицейский контроль Европейского Исламского Союза.

Этот голос не был из сна. Абсолютно реальный зычный мужской бас доносился из коридора.

На сиденье напротив возился старик Тристан. Он пыхтел и с навязчивым полиэтиленовым шорохом пытался не то вытащить, не то наоборот – впихнуть что-то в сумку.

– Что случилось? – хриплым спросонья голосом спросил Джио.

– Мы въехали на территорию эмирата Рона, – объяснил Тристан. – Полицейский контроль.

– Какой контроль? Зачем?

– Не знаю.

Старик продолжал шуршать, а когда Джио потянулся к выключателю, молча отбросил его руку в сторону. Он не желал,

чтобы его видели.

Джио вспомнил о том, что лежало в кармане куртки, и сон улетучился мгновенно. Будто его и не было. Память снова захлопнула бронированные двери, ведущие в овеянные черным туманом забвения чертоги. Только тот яркий голубой свет обязательно даст о себе знать. И еще не один раз.

Проходить досмотр Джио не собирался. Одна беда – согласия никто не спрашивал, просто предлагали предъявить, чтобы не задерживать процесс: пассажиры желали побыстрей отправиться в путь, полиция – продолжить отдых на станции, пока не придет следующий поезд.

Но ведь они просканируют его «балалайку». И наноскоп у них тоже может оказаться. Да зачем им, собственно, наноскоп – хватит обычного досмотра личных вещей. А вот вещей у Джио как раз и нет. Будь он полицейским, обязательно обратил бы на странного пассажира без багажа более пристальное внимание.

Джио стал на сиденье и заглянул в узкое окошечко под потолком, сквозь которое в купе проникал приглушенный свет из коридора. Там было двое в стандартной форме европейских полицейских. Оба настоящие европейцы с курчавыми волосами под фуражками и пышными темными усами.

В коридор идти бесполезно – остановят. Но как еще выбраться отсюда?

А нужно ли выбираться? Ответ можно получить лишь пройдя досмотр, но правильно воспользоваться им уже не удастся. Так что хочешь не хочешь, а придется гадать.

Путь из купе, собственно, оставался один. Через окно на улицу. Джио подумал, что будь он на месте этих полицейских, обязательно оставил бы одного снаружи и блокировал все выходы из вагона.

За окном было темно. Единственный фонарь светил тускло. Видимо, экономили электричество. Да и висел он метрах в тридцати от того места, на которое открывался вид из купе Джио. Прямо напротив, метрах в пятнадцати, медленно набирал скорость состав. Там было настолько темно, что, если бы поезд не тарахтел колесами и сцепками, Джио мог бы и не заметить его.

План действий родился спонтанно. Так же спонтанно Джио привел его в исполнение.

Руки дернули задвижки окна, потом потянули вниз раму. Окно, на удивление, открылось очень легко, с тихим стуком исчезнув внизу. Джио не успел отдернуть руки, и пластиковая рама ощутимо ударила по кончикам пальцев.

– Вы что, совсем с ума сошли? – прошипел Тристан. – Они же вас убьют!

Джио не понял, чего больше опасался старик: того, что его попутчик может пострадать, или что действия Джио наверняка привлекут внимание к его персоне. Какая, впрочем, разница. Сейчас время подумать о собственной заднице.

– Эй!

Кричал кто-то сзади. Скорее всего тот самый полицейский, который стоял у выхода из вагона. Хотя не исключено, что Джио ошибался – оглядываться, чтобы посмотреть, он не намеревался.

– Стой, я сказал!

Голос тот же. Ага, вот прямо сразу и остановился. Покричи, покричи.

Сзади грохнул выстрел, пуля ударилась о бетон в нескольких десятках сантиметров от ног Джио и улетела под набирающий скорость состав.

Поезд, идущий по соседнему пути, оказался товарняком. Он ехал уже довольно быстро – Джио не успевал бежать за ним. Но запрыгнуть можно. Однако попытка остается лишь одна – если не удастся зацепиться за что-нибудь, он просто упадет.

Если хочешь прыгать – прыгай, а не думай, как будешь это делать.

Джио прыгнул.

Руки лихорадочно заскребли по вагону, пытающемуся ускользнуть. Еще секунда, и – всё. Но под пальцами оказалось что-то холодное. Поручень или еще какая-то технологическая загогулина, но главное, он смог зацепиться.

Прозвучало еще несколько выстрелов. Пули вонзились в борт вагона совсем рядом с головой Джио. Теперь стреляли не для того, чтобы запугать. Последние три выстрела произведены на поражение.

И все-таки ему удалось вырваться. Знать бы еще, откуда.

Джио, крепко держась за металлическую скобу, смотрел на быстро исчезающий вдали красный сигнал семафора.

12

«Раллер», стоящий перед Мельхиором Циммерманом, был выключен. Сегодня он не участвовал в действе, он только наблюдал. Так же, как в большинстве иных дней. Его задачей было не ломать, а руководить, разрабатывать стратегии и претворять их в жизнь. Мельхиор Циммерман работал в СБА Анклава Цюрих давно и два года назад дослужился до начальника отдела сетевой поддержки. Его предшественник… Впрочем, совершенно не важно, что случилось с предшественником. Он не справился, этого обстоятельства более чем достаточно, чтобы забыть его имя.

Глаза Циммермана были закрыты, и стороннему наблюдателю могло показаться, что предводитель цюрихских машинистов спит. Но впечатление это было ошибочным – он внимательно наблюдал за тем, что делают его подчиненные. А они работали. Хорошо работали, Циммерман остался доволен результатом.

«Срочно явиться в Тихое место».

Текстовое сообщение появилось на наноэкранах, открывать глаза не пришлось.

Руководство желает знать, как идут дела. Тихое место – так называли кабинет Ника Моратти. Там действительно было очень тихо, внутрь владений президента СБА не проникали ни грохот глобальной стройки, развернувшейся прямо под окнами новой штаб-квартиры СБА, ни шум из соседних помещений.

– Какие у вас успехи?

Когда Циммерман вошел в кабинет, Моратти что-то с интересом рассматривал за окном. Продолжал он смотреть на улицы Цюриха и сейчас, не удостоив начальника отдела сетевой поддержки взглядом. Циммерман не был в обиде, взгляд начальства ему не требовался. Вполне достаточно возможностей, что давала в жизни его должность. А в сравнении с теми, на кого Ник Моратти сейчас смотрел сквозь многослойное стекло со специальным звуконепроницаемым и пуленепробиваемым нанопокрытием, имел Циммерман невообразимо много.

– Пока мы работаем со спутниками. Два микробота не отвечают на наши запросы – это меньше запланированных потерь. Остальные тридцать четыре в полной боевой готовности, большая часть уже вышла на расчетные орбиты и сближается с мишенями.

– Аль Хатеми?

Имя европейца упомянул Теодор Бигглс. Мельхиор не заметил прихвостня Моратти, который тихонько сидел в кресле

у дальней стены. Освещение в том углу приглушенное, поэтому неподвижно развалившегося Биггльса легко можно было принять за упавшую на велюровую обивку кресла тень. Он и был тенью – тенью Ника Моратти.

– Мы получаем данные от них. Аль Хатеми изо всех сил пытается делать вид, что в программе личного участия не принимает. В наши дела он не суётся.

– Он боится, – сказал Моратти. – Это понятно. Они там все поджали хвосты и с удовольствием пользуются подачками Мертвого.

– Да, – согласился Циммерман. – Сеть «Науком» на сегодня более чем на семьдесят процентов вытеснила старые технологии.

– Дело не в сети, – отрезал Моратти.

– Наша затея работает? – поинтересовался Биггльс.

От Циммермана не скрылся взгляд, который Моратти бросил на своего фаворита. Теодор позволил себе лишнего? По уродливому лицу Биггльса сказать ничего нельзя, он оставался спокоен и уверен в себе.

– Судя по данным, переданным нам ESA, два микробота уже достигли спутника «Науком». Пока мы пытаемся прощупать их систему. Отклик еще не получен, но первые результаты имеются.

– И что?

Моратти наконец оторвался от лицезрения стройки, развернувшейся за окном. Он повернулся и присел на массивный подоконник.

– Мы получили схему некоторых узлов их спутника. То есть у нас есть доказательства полной работоспособности используемой нами системы. Результаты будут, это лишь вопрос времени. В данный момент основной задачей для нас является не допустить обнаружения микроботов. Специалисты прилагают все усилия. Ну, а когда мы найдем возможность подключиться в их сеть, тогда…

– Тогда я знаю, что случится, – улыбнулся Моратти. – Держите меня в курсе. Мне нужно знать, когда ваше ковыряние станет слишком заметным. Ведь вы же не сможете вечно ползать вокруг да около, боясь прикоснуться к имуществу «Науком»?

– Конечно, рано или поздно нам придется…

– Всё ясно, Мельхиор, – перебил его Биггльс.

Мерзкий ублюдок. Иногда Циммерману казалось, что в «Тихом месте» распоряжается этот уродец, а не Моратти. Скорее всего, впечатление было обманчивым, но, чем чёрт не шутит.

Все спутники корпораций Цюриха и ESA успешно выведены на положенные им орбиты. Сейчас в космическом агентстве занимались активацией их систем и вводом аппаратов

в эксплуатацию.

Спутник корпорации «Раумфарт» тоже достиг точки назначения. Этот аппарат на самом деле предназначен для поисков нефти в Арктике, где после подвижек земной коры, вызванных всепланетной Катастрофой, огромные нефтяные озера плескались под многовековыми льдами. Но было у этого спутника еще одно предназначение – поднимаясь на высокую орбиту и перемещаясь в приполярные области, он оставлял в пространстве маленьких космических роботов. Причем бросал микроскопических посланников Ника Моратти не абы где, а согласно точному расчету. Орбиты считали все в том же «Раумфарте».

Два миниатюрных спутника уже достигли конечной точки своего путешествия – одного из спутников корпорации «Науком». Он обозначен на голографической карте, что мерцала в центре стола для переговоров в «Тихом месте», как Z-6. Сейчас микроботы, размером не более сантиметра, ползают по всей поверхности наукомовского спутника, пытаясь найти место, где можно было бы подключиться. Напрямую, просто воткнув в провода контакт, став частью системы.

Моратти молчал, а Биггле, похоже, считал, что все необходимое уже сказано. Пауза затягивалась.

– Я могу идти? – спросил Циммерман, пытаясь не обращать внимания на неприятное чувство внутри. Его здесь вообще не замечали: для этих двоих Мельхиор Циммерман был не более чем говорящей мебелью.

– Да, конечно, – коротко кивнув, сказал Моратти.

Он явно задумался о чем-то, чего Циммерман не знал. А не знал он многого.

– Какие новости от твоей северной шайки? – спросил Моратти.

Биггле усмехнулся. Скорее всего термину «шайка». А зря – Моратти просмотрел досье каждого из этих отморозков. Иначе их и назвать-то было нельзя. И вопросы надежности этих людей несколько смущали Ника. Но Тео уверял, что с ними все будет в порядке. В это хотелось верить, тем более что в состав отправленной на север группировки входило около десятка настоящих безов из Цюриха.

– Я же говорил вам. – Биггле вроде бы был удивлен. – Они нашли объект. Сейчас идет подготовка к запуску.

– Хорошо. Пускай будут наготове. Как только ребята Циммермана начнут ломать наукомовские спутники по полной программе, Мертвого и всю его компанию с Тринадцатого полигона нужно будет чем-то занять.

Биггл поднялся и подошел к столу. На голограмме Земли, окруженной разноцветными точками спутников, несколько красных отметок вдруг сменили цвет на зеленый. Значит, машинистам удалось найти подступы к двум спутникам. Хорошо, но пока слишком мало. Для того чтобы выполнить задуманное, нужно управлять всей Сетью, а не её отдельными компонентами. Но это лишь вопрос времени – так сказал Циммерман, и причин не верить ему не было.

– Вы собираетесь применить находку в деле? – поинтересовался Биггл.

Моратти внимательно наблюдал за Теодором. На лице Биггла замерла неприятная улыбочка, начисто лишенная даже намеков на веселье. Глаза смотрели с прищуром, хищно, а в уголке приоткрытого рта поблескивала слюна.

– Не знаю. Но ракеты пусть будут готовы, – ответил Ник.

Биггл не говорил прямо, возможно, он и сам не отдавал себе отчета, что ему очень хочется, чтобы ракеты сыграли свою партию. Что это было? Желание оказаться полезным, увидеть, что твое дело необходимо и его высоко ценят? Вряд ли, Моратти сильно сомневался на этот счет. Скорее уж Теодору просто страсть как хотелось сделать кому-нибудь больно, что-нибудь уничтожить.

– Они уже заканчивают монтаж. Я получил сообщение с севера всего полчаса назад.

– Вот и хорошо, Тео. Можешь идти.

Биггл вскинул брови. Не ожидал, что Ник так открыто выгонит его из собственного кабинета. Теодор явно начал привыкать к своей негласной роли первого заместителя президента всесильной СБА.

СБА давно уже не всесильна. Да и президент ли все еще Моратти? Ник опустился на длинный кожаный диван, стоявший вдоль стены. Его взгляд направлен на вращающиеся вокруг призрачной планеты спутники. Не хочется вставать, а отсюда точно не разглядеть, но вроде бы еще три или четыре точки окрасились в зеленый цвет.

Разработанный им план осуществлялся, и совсем скоро станет известно, зачем корпорации «Науком» столько спутников на северных геостационарных орбитах. Точнее, подтвердят догадку Моратти – кроме Станции, обслуживать в этих краях им совершенно нечего. А Биггл…

На самом деле Ник отдавал себе отчет в том, что многие идеи, которые ему хотелось бы считать своими – да он, прямо скажем, так и делал, – принадлежали Теодору. Биггл настоящий самородок по части идей. И не все его идеи Ник видел насквозь.

Поэтому он опасался. Последнее время Биггле вел себя все наглей. Он всегда отличался плохим воспитанием и отсутствием чувства такта, ни о какой субординации с ним и говорить не стоило – он просто не понимал этого слова. Но слишком уж вольно он стал ощущать себя во владениях Моратти.

Жаль, но с чудесным мальчиком придется распрощаться. Как только закончится эта операция. Не раньше. До того он еще нужен, он еще успеет сыграть уготованную ему роль в этом спектакле.

Отправив команду через «балалайку», Моратти активировал коммуникатор, который висел на стене напротив него. На экране появилось лицо личного секретаря президента СБА. Одного из секретарей. Да, как бы там ни было, Ник всё еще президент и намерен им оставаться. СБА сильно сдала позиции после Катастрофы, но не превратилась в пустой звук. И не превратится, пока он – Ник Моратти – руководит этой мощной структурой. Ник почувствовал, что непроизвольно сжал правую ладонь в кулак.

– Свяжите меня с генералом Кравцовым, – отдал указание президент СБА.

– Так точно, – ответил секретарь с экрана.

Кравцов соблаговолил ответить через пятнадцать минут. Наверное, раздумывал, стоит ли всё еще принимать во внимание Ника Моратти. Но ответил – пусть Петербург и далеко, но и у Моратти руки не столь уж коротки. И Кравцов это прекрасно понимает. Он хоть и вояка до мозга костей, но не дурак. С такими, как он, стоит дружить. Только Ник не знал, чем взять генерала – дружить просто так мало кто соглашался. Несмотря на заверения в добрейших намерениях и во взаимной любви.

Лицо русского генерала появилось на экране коммуникатора, однако Ник не спешил отвечать. Он смотрел, пытаясь разгадать мысли Кравцова – тот всеми силами старался придать лицу спокойное и безразличное выражение, но брезгливость и неудовольствие все же просачивались наружу. Понятно, он не особенно рад Нику. Ну и пусть, Моратти и не планировал веселить генерала. Он всего лишь собирается оказать Кравцову небольшую услугу, предупредив о своих намерениях. И дав ему возможность не выглядеть потом дураком.

– Скажите, Шлоссе, – обратился Ник к секретарю, – какой уровень шифрования используют в ведомстве Кравцова?

– Наивысший. Но они могут записывать разговор. – Моратти дураков при себе не держал, и Шлоссе правильно понял, чего хотело начальство.

– Угу, – кивнул Ник. – Значит, нам тоже стоит записать этот разговор.

– Конечно, господин президент.

Ну, что же, Моратти и не ожидал от генерала Кравцова внезапных дружеских порывов. Уровень «бета», так они называли этот класс конфиденциальности цифровой связи. Максимально защищенный, но позволяющий собеседникам использовать произнесенные слова в последствии. Генерал четко давал понять, что не станет церемониться с Ником, если ему разговор не понравится.

Моратти активировал связь с Санкт-Петербургом. Кравцов говорил ровно и даже старался выглядеть приветливым. Но было абсолютно ясно, что общение с Моратти его утомляет. Он только и ждал, когда Ник расскажет ему то, ради чего, собственно, позвонил, чтобы с чистой совестью отключиться.

Обменялись приветствиями, справились о состоянии дел на вверенной каждому территории, посетовали на трудности. Со стороны можно было решить, что беседу ведут два старых приятеля, давно не видевшихся и беспокоящихся друг о друге.

– Господин генерал, – сказал Моратти, когда приличия были соблюдены, – из агентурных источников мне стала известна важнейшая информация, поделиться которой я считаю необходимым и безотлагательным.

– Внимательно слушаю, господин президент, – ответил Кравцов.

Вот уже и «господин президент» появился. А во время приветствий генерал настойчиво опускал должность Моратти. Вот теперь тебе на самом деле стало интересно, так?

– Группа террористов неустановленной принадлежности захватила бесхозный ядерный арсенал и готовится к пуску ракет. Ядерный удар будет нанесен в самое ближайшее время, господин генерал. И цель находится на территории России.

Ну да, так и есть. Теперь Кравцов старается сделать вид, что ему по большому счету наплевать на россказни Ника Моратти. Только лицо у него отчего-то перекосило, хотя сам он явно считает, что держится молодцом.

Кравцов хотел знать, куда «террористы» намерены нанести удар. Ник едва заметно улыбнулся – забавно было бы сейчас сказать, что он не знает. Но цели другие: русский генерал как раз должен знать, куда полетят ракеты.

– Удар нацелен на испытательный полигон номер тринадцать корпорации «Науком». Проще говоря, на Станцию.

На самом деле Ник не был уверен, что это стоит делать. Что ядерный удар тактическими ракетами потерянного во время Катастрофы крейсера объединенного флота Европейского Исламского Союза «Истанбул» может что-то решить.

«Истанбул», погребенный под слоем ила в прибрежных водах Белого моря, обнаружили люди Биггльса. Да, именно шайка Теодора нашла пропавший крейсер, а не безы Моратти. Бойцы цюрихской СБА лишь выполняли роль соглядатаев президента во всей этой авантюре.

– «Ошоси» или «Истанбул»? – спросил Кравцов. Понятно, генерал отлично информирован, Ник и не пытался подвергнуть этот факт сомнению.

– «Истанбул».

Моратти высказал предположение, как развернется картина гипотетической атаки. Расстановка сил в такой операции генералу, понятное дело, ясна и без Моратти, но ведь Ник *обязан* предупредить «друга».

– Я имею представление, в каком состоянии противоракетный щит России на северном направлении, – сказал Моратти. – Поэтому говорю: хотя бы попытайтесь сбить ракеты.

– Когда террористы нанесут удар?

Кравцов умный мужик. Он всё понял правильно. Вопрос: сделает ли он так, как хочет Моратти?

Сделает, куда ему деваться? Русским ведь тоже интересно, что там, внутри голубого купола Станции. И никто до сих пор не знает, какой силы удар может выдержать странное силовое поле, накрывшее непроницаемым коконом весь тринадцатый полигон.

– Точный час «Ч» мне неизвестен. Но удар можно ожидать. – Ник бросил взгляд на голограмму со спутниками: зеленых точек прибывало. – В самое ближайшее время, господин генерал. В самое ближайшее.

Кравцов хмыкнул, потер подбородок и произнес:

– Благодарю, господин президент, за ваше предупреждение. Необходимые меры будут приняты незамедлительно.

– Рад, господин генерал, что вы с надлежащей серьезностью отнеслись к моим словам.

Черт, а не слишком ли это будет круто? Кравцов Мертвому доносить не станет, Моратти прекрасно понимал, какие чувства генерал питает к Кауфману. Примерно такие же, как и он сам. Но и Мертвый не дурак – вполне может и сам догадаться, откуда растут ноги у этого «теракта». А у Цюриха нет такого же, как на Станции, силового поля.

– Но, как вам известно, агентурные сведения не всегда подтверждаются, – добавил Ник. – Вполне вероятно, что не подтвердится и это сообщение.

Кравцов кивнул. Собеседники вежливо распрощались.

Моратти довольно откинулся на мягкую, плавно принявшую форму его тела кожаную подушку и улыбнулся.

– Мы готовы начать взлом сети спутников, – прозвучал внутри его головы голос Циммермана. – Они все являются единой виртуальной структурой, у них явно одна задача.

– Разумеется, – улыбнувшись еще шире, тихо сказал Моратти.

– Теодор?

Моратти отключил вызов главного машиниста Цюриха и дал «балалайке» команду найти Биггльса.

– Да, шеф.

– Как идут приготовления на севере? Когда будет возможен пуск?

Секундная пауза – и ответ Тео. – У него всегда всё налажено и не бывает сбоев, чёрт бы его побрал:

– Через сорок восемь минут.

Значит, меньше чем через час Мертвый получит привет, которого ждал почти четыре года.

– Запуск сразу, как только будут готовы. И начинай операцию «Фанатик».

Биггльс усмехнулся. Дела, требующие расправиться с кем-то, вызывали у Тео особенное удовольствие. Чёртов извращенец.

– Так точно.

– Циммерман, – Ник вернулся к машинисту, который терпеливо ждал на своей линии, – можете начинать атаку сети спутников ровно через полтора часа.

– Понял.

Именно так – через час с половиной. Сразу никаких действий предпринимать не стоит: после удара в «Науком» первым делом проверят состояние сетей, предполагая отвлекающий маневр. Ник всегда считал себя человеком адекватным и понимал, что не он один такой умный. Никогда не поддавался тщеславности и не отказывался от помощи других умных людей. Например, Биггльса.

Но всегда помнил, что даже самый преданный пес должен иметь надёжный поводок.

13

Что-то булькало, и неприятно саднило горло. Ощущение билось где-то вдалеке, за горизонтом. И только когда из недр организма на поверхность начал вползать жуткий, раздирающий всё естество, кашель, Микмак понял, что булькало не где-то, а у него внутри.

Он резко открыл глаза и попытался сесть. Сесть не получилось – его кто-то держал, – а глаза застило красным. Проморгался, посмотрел еще раз – всё в порядке, просто прямо перед ним, сантиметрах в сорока, водная гладь, отражающая исчезающее за горизонтом солнце. Но кашель пока не отпускал.

Что же это такое происходит?

Память нехотя подсовывала устрашающие картины холодного безвоздушного мрака, но остальная часть мозга пока не понимала, к чему бы это.

– Очухался? – Голос раздавался из-за спины.

А ты и не терял сознания.

Похоже, говорил тот, кто держал. Теперь Микмак наконец понял, что происходит. Та холодная темнота, она на дне, глубоко под водой. И он тонул. Вернее…

Вернее, его топили. Руки были связаны за спиной, а ноги шустро тянула вниз какая-то железяка. Свинцовый пояс, в котором Микмак нырял в поисках непонятных цистерн с цифровой начинкой внутри, отобрали. Видимо, пожалели оборудование, которое еще могло пригодиться.

Ледяная вода раз за разом врывалась в легкие, заставляя все тело корчиться в судорогах, но он продолжал смотреть в мутную пелену поднятого со дна ила. В крови давно не осталось ни капли кислорода, а Микмак всё так же таращился в темноту, не понимая, что происходит. Его бросили в воду, чтобы убить, а он никак не умирал. И длилось это, казалось, целую вечность.

Но как же тогда он выбрался? Руки – вот они руки, не связаны. Микмак опирался ими о борт. На запястьях всё еще были четко видны следы от пластикового жгута, но самого жгута нет. И ноги… Микмак пошевелил ногами, зацепился за что-то. Сзади донеслись ругательства, и Микмака сильно ударили по спине. Но он понял, что ноги тоже свободны.

Нет, это не наказание, просто пытаются вытрясти из него воду. А трясти и нечего, хотя что-то изо рта полилось, и снова скрутил кашель. В горле саднило, а во рту появился неприятный железистый привкус – капилляры в гортани не выдерживали напора и лопались.

– Очухался, спрашиваю? – повторили вопрос.

Голос смутно знаком, но хозяина его Микмак опознать не смог. Надо ему ответить, а то не перестанет колотить по спине. Еще ребра сломает.

– Д… – Микмак хотел сказать «да», но горло будто медведь огромной лапой сжал.

– Ну, прокашляйся тогда.

По спине снова похлопали, на этот раз несильно, по-дружески. И тут Микмак вспомнил, чей это голос. Он резко обернулся: так и есть, в лодке позади него, широко расставив ноги, стоял Хармс.

– Зачем ты меня спас? – хрипя, спросил Микмак. Стоило больших усилий не закашляться. Правая рука сама потянулась ко лбу, ногти заскребли по волосам. Дурацкая привычка!

Хармс отвернулся, нахмурив брови. Он с ненастоящим интересом рассматривал что-то на сверкающей в последних на сегодня лучах солнца воде. Там ничего не было, да и не видел Хармс воду. Он старательно отводил глаза, словно нашкодивший пацан.

– Жалко стало, – тихо проворчал машинист.

Он не то стеснялся собственной жалости к Микмаку, не то того, что Микмак был его пленником. Или теперь он свободен?

– Как ты меня здесь нашел?

Микмаку, почти поборовшему приступы удушающего кашля, наконец, удалось осмотреть окрестности. Плавучую платформу, на которую загрузили «бютен», уже успели отбуксировать метров на пятьсот в сторону берега. То есть времени прошло не меньше двадцати минут с тех пор, как ненужных теперь людей Старика Ромеро бросили на корм рыбам. И его, Микмака, в том числе. Хотя, неизвестно, сколько времени Хармс приводил его в чувства в лодке.

Машинист молча поднял со дна лодки большой круглый шар. Буй был ярко-красного цвета и привязан к длинной тонкой веревке, мокрым мотком валяющейся под ногами. Микмак знал, что это. Он сам оставлял такой же самонадувающийся буй – а может быть, даже именно этот – на одной из тех цистерн с красными полосами. Только веревка у него была покороче.

– Ты меня пометил, что ли?

– Да. Я не нырял, вытащил тебя за эту веревку.

– Это линь.

– Какая разница?

– Никакой. Просто так называется. – Микмак почувствовал, что говорить стало легче. – Тебе же не разрешили оставлять меня в живых.

Хармс прикусил губу и фыркнул.

«Странно, – подумал Микмак, – он рассуждает так, будто уже умер. А может быть, и в самом деле ему это все только кажется? Так сказать, бред угасающего сознания?»

Микмак потянулся и резким хищным движением схватил Хармса за лодыжку. Машинист рефлекторно отдернул ногу. Нога, как нога, теплая и волосатая. Микмаку стало смешно, и он снова закашлялся.

– Ты чего? – с неподдельной опаской в голосе спросил Хармс.

– Подумал, не привиделся ли ты мне от удушья. И всё же – почему ты решил меня спасти?

– А я похож на бандита?

Микмак осмотрел Хармса с ног до головы: здоровенный детина с несвежепобритой головой, весь в татуировках, на лице мелкие, но вполне заметные шрамы. Ну, что еще можно было ему ответить?

– Честно говоря, похож, – сказал Микмак и снова засмеялся.

На лице Хармса застыло выражение туповатого замешательства, но спустя несколько секунд он стал хохотать вслед за спасенным Микмаком. От смеха из легких вышли остатки воды, и теперь в груди саднить почти перестало.

– Мне надоело, понимаешь?

Хармс прекратил смеяться резко, будто кто-то повернул выключатель смеха в его голове. Он мгновенно стал серьезен и снова начал смущаться, старательно рассматривая уже ставшую темной воду. А ведь метрах в пятидесяти под ними сейчас, словно армия привидений, медленно качаются из стороны в сторону трупы людей из команды Искандера. Сам Искандер, наверное, тоже там. Им недолго плавать, рыбы не заставят приглашать себя на пир дважды. Только Микмака пожалел Хармс. Случайность? Или…

– Почему именно я? – спросил Микмак.

– Как бы я вытащил всех? И потом, кроме тебя, я здесь лично никого не знал.

– Я не машинист, – на всякий случай сообщил Микмак.

– Предлагаешь выбросить тебя обратно за борт?

– Нет, не надо.

– Я ведь не тритон, не ломщик – обычный машинист. Я на корпорацию работаю, – Хармс метнул на Микмака быстрый взгляд исподлобья и снова уставился на воду. – Я не нанимался убивать, мое дело – программы. А тут вот…

– Поплыли к берегу. Или куда ты собираешься меня девать?

– Высажу на берег, делай что хочешь.

С кормы донеслось тихое жужжание двигателя. Отличный

движок, на батареях Ллейтона. У этих ребят вообще оснащение отличное, миллионы стоит.

Вода ритмично била о борт, поднимая вверх веер прохладных брызг. Берег довольно быстро приближался. Микмак посмотрел на платформу, с которой не так давно его бросали в холодную воду. От воспоминаний о водных процедурах по телу пробежали мурашки, и Микмак непроизвольно поежился. Пожалуй, дайвинга ему в этот раз хватило на всю жизнь. Плавучая платформа осталась справа, а они на катетере двигались на запад. Судя по всему, Хармс решил уйти из Марсельской бухты. Правильно решил, там можно будет незаметно смыться. Берегом или в поля – на месте разберемся. Вот только один вопрос: на кой черт Хармс спасал Микмака?

– Ты в какой корпорации работаешь? – спросил Микмак.

Хармс повернулся в сторону спасенного. Или все же пленника? Брови нахмурены, губы плотно сжаты. Выражение лица мрачное, того и гляди, гроза начнется.

– Думаешь, тебе это надо знать? – наконец процедил машинист, не разжимая зубов.

– Не надо так не надо. Просто интересно. Бойню в море твоя корпорация устроила или это чей-то… индивидуальный заказ?

Хармс промолчал.

– Мне просто интересно, с чего столько шума, – спустя пару минут сказал Микмак. – Дорогое оборудование, спешка эта, будто за вами кто-то гонится. Свидетелей убираете…

Хармс, не отрывая взгляда от пространства перед катером, резко сплюнул за борт. Его явно раздражал разговор. Но ведь не выбросит же он Микмака в море после того как сам же спас. Причем спас вопреки приказу начальства.

– Вопросы секретности, – покачал головой Микмак, он по сути разговаривал сам с собой, – они всегда требуют больших жертв. И эти, – он ткнул пальцем за спину, туда, где нашли свое последнее пристанище почти два десятка ныряльщиков Старика Ромеро, – вряд ли последние.

Хармс резко выкрутил штурвал направо, катер заложил вираж, и Микмаку пришлось ухватиться за металлический леер, чтобы не вывалиться за борт. Машинист стоял как вкопанный, мертвой хваткой вцепившись в рулевое колесо. Катер взвыл мотором, а потом клюнул носом, быстро сбавляя ход. Стало тихо, лишь волны плескались о пластик борта.

– Ты решил стать этой самой следующей жертвой? – тихо поинтересовался машинист. От его голоса повеяло ледяным холодом, даже бросало в дрожь.

– Н-нет. – Микмак покачал головой.

Выражение лица у Хармса было такое, что он на самом деле мог сейчас запросто выкинуть Микмака за борт. И противопоставить нечего – слишком разные весовые категории.

– Вот и заткнись! И больше никогда не вспоминай о сегодняшнем дне. Если, конечно, хочешь жить.

– Хорошо, не кипятись…

– Если начнешь слухи распускать, тебя найду я. Теперь ты мне, как родной, так что мне не резон, чтобы тобой занялись те ребята, что с тобой в конторе беседовали.

– Хорошо! Я всё понял.

Хармс потянул изъеденный коррозией, некогда никелированный рычаг, и катер, заурчав мотором, рванулся вперед. Полоска каменистого берега быстро приближалась.

И всё же, что это был за «бютен»? Эта мысль не давала Микмаку покоя. Какого чёрта?! Теперь про «бютен» нужно забыть навсегда, слово даже такое не вспоминать, а он все думает, что тут искала какая-то корпорация. Вот значит как – корпорация. Ведь он сразу понял, что эти странные люди не обычные бандиты. Совершенно точно, что корпорация, в которой работал Хармс, не имела никакого отношения к тем жизнерадостным мужикам с фотографии, что показывал Микмаку «солидный». И к поднятому сегодня со дна «бютену» – тоже. Иначе никто бы не мешал им доставать свое добро из-под воды.

Но Хармс заговорил сам. Черт его знает, почему. Может, просто поговорить ему в этой жизни было не с кем.

– Я и сам не знаю, что они тут искали. Моей задачей было найти те метки. Те, что ты обнаружил в … системах. И еще они хотят отыскать какой-то код. Ты не знаешь?

Микмак отрицательно помотал головой. Какой еще код?

– И я не знаю. А он им нужен. Вот позарез нужен, так что они с меня живого не слезут, пока им код не добуду. А где я его возьму, если ни на одном из поднятых носителей его вроде бы и нет?

Микмак внимательно наблюдал за своим спасителем. Хармс говорил, уставившись в одну точку перед носом катера, будто разговаривал сам с собой. Бормотал что-то о коде, сетовал, что ему тоже, пожалуй, головы не сносить, если не добудет этот злосчастный код. Его лицо не выражало никаких эмоций, он произносил слова, как робот – монотонно и без выражения. Но Микмак заметил, как Хармс запнулся.

– Это барахло какое-то особенное. Мы дома изучали метки вдоль и поперек. И не только эти, их было несколько десятков. Еще какой-то софт. Так же, как на твоем SSD – одни обрывки, ничего вразумительного. Я даже не знаю, как это все обнаружили.

Мне велели ехать сюда, я и приехал. Я же не знал…

Снова пауза. Едва заметная, скорее всего, Хармс и сам не заметил, что запнулся. Но от Микмака этот факт не ускользнул.

– И спешка эта, и… устранение свидетелей… Они не хотят, чтобы кто-то узнал о тех штуках, что подняли со дна. О них вообще мало кто знает.

– А ты? Ты ведь о них знаешь. И шайка головорезов с автоматами, лакавших виски.

Провокационный вопрос.

– Я ничего не знаю. Только то, что здесь что-то искали. Так что моя информированность ненамного больше твоей. Если, конечно, ты не врешь. Хотя мне-то какая разница?

– Здесь что-то искали и это что-то нашли, – заметил Микмак.

– И потом, я…

Хармс замялся.

– Свой?

Машинист прикусил нижнюю губу и ничего не сказал. Понятно, в подобных играх своих не бывает. Он, похоже, и сам не понимал, во что ввязался. Хотя, наверное, и не ввязывался – они же там, в корпорациях, существа подневольные, что рабы. Сказали, нужно идти, они и идут. А что потом – ведомо только верхолазам. Эти для простого человека всё равно, что боги: одинаково недосягаемы. Да и тем, и другим плевать на тебя.

Хармс не успел ответить. Катер, повинуясь командам машиниста, плавно сбавил ход и, шурша по мелкой гальке, зарылся носом в берег. Хармс тут же проворно спрыгнул в прибой – от Микмака не скрылась ловкость движений, достойная спецназовца – и начал тянуть катер.

– Помогай, чего смотришь! – отдуваясь, крикнул он.

Микмак встрепенулся и перепрыгнул через борт, едва не растянувшись на холодных камнях. Все-таки после утопления силы еще не восстановились. Когда он схватился за какой-то выступ на катере и потянул, казалось, что с тем же успехом можно пытаться сдвинуть с места скалу. Но у Хармса получалось довольно споро, и вскоре лодка крепко держалась на берегу.

– Что скажешь своим? – спросил Микмак.

Оба мужчины запыхались. Они стояли друг напротив друга, у их ног тихо плескался прибой, а по темной глади моря плясали блики взошедшей луны. «Прямо любовная идиллия, – подумал Микмак и усмехнулся. – Осталось поцеловаться на прощание».

– Не важно. Уже сказал, коль взял у них катер и уплыл.

– Да, действительно. Ну, – Микмак пожал плечами и протянул руку, – я пошел. Спасибо, Хармс.

Машинист схватил ладонь Микмака своей огромной лапищей

и сжал так, что хрустнули кости.

– Бендер. Меня зовут Бендер, – решил представиться он.

– А я Микмак. Пока, Бендер. – Хармс кивнул. – И еще раз – спасибо.

Микмак повернулся и быстро зашагал к круто уходящему вверх каменистому берегу. Предстояло вскарабкаться наверх, а там уже будет видно, куда двигаться. Сказать по правде, Микмак не очень отчетливо представлял себе, где конкретно находится. Но это не беда – он довольно хорошо знал окрестности Марселя-нуво, так что дорогу найдет и в темноте.

Подъем выдался тяжелым. Микмак содрал пальцы в кровь, несколько раз поскальзывался на влажных не то от выпавшей росы, не то от долетающих сюда брызг скалах, но спустя двадцать минут добрался до самого верха.

Марсель-нуво, как и ожидалось, редкими огнями переливался километрах в пяти-семи к востоку. Со всех остальных сторон Микмака окружала непроглядно черная тьма. Раньше ночью здесь было немногим темнее, чем днем. Но то было раньше, еще до Катастрофы. Всего три года назад не было и блеклого светового пятна на месте Марселя-нуво – электричество власти Исламского Союза подтянули к новоявленному Анклаву не так давно. Когда поняли, что жителям Марселя-нуво есть, чем заплатить за предоставленные услуги.

В паре километров отсюда должна быть дорога в Экс-ан-Прованс. Этот городок, наполовину затопленный водами озера Этан-де-Берр, превратившегося теперь в морской залив, еле-еле сводил концы с концами. Но все же как-то существовал. Надо добраться сначала туда, а потом можно решить, что делать дальше. А решать придется, очень нужно что-то решить.

Из темноты, уходящей в бесконечность прямо перед Микмаком, послышался шорох. Скорее всего какие-то зверьки. Их теперь тут много развелось, искоренять некому. Радуйтесь, твари, пока люди не очухались, скоро ваше время подойдет к концу. Еще лет десять, и цивилизация вернется на круги своя.

По большому счету, человеческая цивилизация никогда и не сходила с рельсов, на которые встала однажды. Давно, несколько тысяч лет назад. Неоднократно локомотив прогресса, поначалу волочившийся не быстрее улитки, сходил с этих самых рельсов, застревал на крутых подъемах от недостатка мощности. Но всякий раз люди, оправившись от очередной катастрофы, ремонтировали поверженного монстра, делали его еще сильнее, еще быстрее и снова ставили на отремонтированные рельсы. Прогресс развивается по экспоненте – это давно известный факт. Так что с каждым разом на ремонт требуется все меньше времени.

Микмак вытер руки о еще влажные штаны и пошел в темноту…

Больше никто не шуршал. Наверное, ночной зверек испугался человека, почуяв запах. Или…

Додумать мысль Микмак не успел. Он не сразу сообразил, что произошло. Как-то он расслабился – не просто пропустил удар, но даже не заподозрил, что могут ударить.

Маленькие искорки звезд и свет неполной луны, льющийся из-за спины, начали медленно таять, а вместо них проступало тесное, заполненное сизым пороховым дымом пространство Староновой синагоги в Праге.

На какое-то время внутри синагоги воцарилась тишина. Абсолютная, Микмаку казалось, что он не слышит даже собственного дыхания. Или он непроизвольно старался не дышать, чтобы не выдать себя? В пыльной, прокоптившейся от порохового дыма темноте ничто не шевелилось. Все ждали.

А потом откуда-то справа раздалось странное ворчание. Микмак не понял, что это был за звук. Он лишь открыл глаза и повернулся в ту сторону.

Тьма оказалась не такой уж непроницаемой. Просто все это время Микмак, как оказалось, плотно сжимал веки. Будто это могло помочь – как в детстве: закрыл глаза, и тебя никто не увидит.

За мутной пеленой, подсвеченной пронзающими тьму лучами, что-то копошилось. Что-то пыльное, замотанное в непонятные тряпки. И именно оно издавало тот странный звук.

Ворчание медленно переросло в отрывистые слова, и Микмак понял, что на самом деле никакой тишины здесь нет. Это у него с ушами проблемы, оглох он. Временно, но оглох – во время сумасшедшей бойни, завершившейся всего несколько секунд назад, стреляли все, и каждый палил куда угодно в самой непосредственной близости от ушей Микмака.

В синагоге продолжали стрелять. Только теперь грохота не было, не пришедший в себя слух бойца с трудом улавливал частые всхлипы придушенных глушителем выстрелов. И, что самое отвратительное, судя по взлетающим то тут, то там фонтанчикам известковой крошки, выбиваемой из стен пулями, стреляли в него.

Микмак выставил перед собой автомат и нажал на спуск. Оружие изрыгнуло сноп огня, до ушей донеслась приглушенная барабанная дробь. В ответ несколько пуль вгрызлись в балку, на которой лежали ноги Микмака, одна зацепила подошву ботинка, но нога не пострадала.

Микмак несколько раз дернулся, попытавшись подняться или

хотя бы просто изменить позу, но ничего не получилось: застрял он прочно. Похоже, тот, кто засел внутри синагоги, этого не понял, иначе его давно бы расстреляли в упор – сложно оказывать сопротивление будучи зажатым между рухнувшими с потолка балками и имея всего полтора метра простреливаемого пространства прямо перед собой.

И всё же справа что-то продолжало двигаться. Что-то бесформенное и темное ползло по шуршащим камням. От пуль ползущего закрывали колонны, однако рисковал он сильно – между колоннами случаются промежутки.

Микмак попытался подать сигнал этому человеку. Ведь ясно же, парень не в себе. Наверняка один из тех туристов, которых они пришли спасать, тряхнуло во время взрыва, не соображает теперь ничего. Жест Микмака не заметили, только автомат чуть не выронил.

Микмак постарался сконцентрироваться на бое. У него есть оружие, он жив и вполне боеспособен. Его прислали защитить мирных граждан.

Какой бой, какие граждане? Ты же противника даже не видел ни разу. Или, может, знаешь, сколько здесь засело «сепаратистов»?

Он попытался крикнуть человеку, продолжавшему ползти к нему. Именно попытался – горло перехватило, пыль и дым, наполнившие внутреннее пространство синагоги до отказа, забивали нос и рот, не позволяя даже сделать глубокий вдох. Но тот, как будто, услышал Микмака. Куча тряпья, копошащаяся на камнях, замерла на мгновение, а потом что-то поднялось оттуда – секунду спустя Микмак понял, что это была голова, – и на бойца внутренних войск уставились два непроницаемо черных, немигающих глаза. На голове этого человека было что-то намотано, не то полотенце, не то простыня, из-под балахона на лицо падали две длинные пряди волос. Его лицо украшала большая курчавая борода, сквозь покрывавший её слой пыли с трудом угадывался рыжий цвет.

Мужчина был еврей. Ортодокс. Скорее всего раввин этой злосчастной синагоги. Несколько секунд он пристально смотрел в глаза Микмаку, который пытался знаками показать ему, чтобы не высовывался и опустил голову, а потом подобрался и продолжил путь с прежним упорством.

Перед тем как всхлипы глушителей сменились перекрестным автоматным огнем, Микмак успел подумать, что не заметил в глазах раввина признаков безумия или дезориентации. Он делал то, что делал, совершенно осознанно. А в следующий момент времени на мысли не осталось – грохот и сыплющаяся прямо в лицо известковая крошка заставили Микмака

зажмуриться и заорать, что есть мочи. Он бы не смог объяснить, зачем орет, скорее всего, от страха. Но руки знали свое дело – указательный палец правой исправно давил на спусковой крючок, пока левая мотала цевье автомата из стороны в сторону.

Боли не было, она появится позже, когда вернется свет. Болеть должна голова – именно по ней Микмак получил короткий хлесткий удар. Если, конечно, его не станут бить после того, как он свалится на землю.

Перед тем как погасла последняя звезда, в голове, не понимающей что вокруг – Прага или Марсель-нуво, – промелькнула неоформленная и размытая мысль: а для чего Хармс так тщательно вытаскивал катер на берег? Зачастую правильные мысли появляются слишком поздно. Иногда настолько поздно, что уже не хватает времени их додумать.

Темнота окончательно лишилась звезд, и Микмак рухнул в прохладную траву.

14

Прямо перед глазами, не исчезая ни на секунду, мерцала широченная белая стрелка. Она указывала путь. И страшно раздражала. Лёшка с большим трудом подавлял иррациональное желание смахнуть доставший по самое «не могу» ориентир – толку в этом никакого, стрелка была нарисованной.

Его разбудили ранним утром. За окном была темень, солнце еще и не думало подниматься, а Лёшку заставили. Нагло взломали «балалайку» и разбудили, активировав личный Лёшкин будильник.

Когда он окончательно проснулся, умывшись и выпив прямо из-под крана несколько больших глотков холодной, отдающей тиной и химией воды, уведомили, что нужно идти к Медной Гадюке. К той, что осталась от бесследно исчезнувшего вместе с конем медного же Петра. Куда топать конкретно и к кому подойти на огромном, самоорганизовавшемся в самом центре столицы рынке, сообщат дополнительно.

Вот теперь и сообщали. В максимально доступной форме – просто вывесили на наноэкраны указатель в виде стрелки. Иногда стрелка поворачивала, Лёшка следовал за указателем. Ничего сложного, очень похоже на обычную навигационную программу. Только маршрут задавал кто-то извне и, не спросив разрешения, рисовал его поверх Лёшкиных глаз. И стрелку зачем-то сделали непрозрачной. Наверное, чтобы не отвлекался на красоты центра – облезлые стены, исписанные уродливыми закорючками граффити, благоухающие и влажные углы в подворотнях, превращенные в бесплатные общественные туалеты, обилие вывесок, наклеек, объявлений и красочной, но явно самодельной рекламы. Его вели по каким-то задворкам, в которых Лёшка никогда не бывал раньше. Потому что в обычной ситуации в эти места просто побоялся бы заходить.

Он, надо сказать, и теперь боялся. Но шел. Не знал, зачем и куда, но шёл. Потому что после встречи, которая должна была состояться у Гадюки, обещали добавить аванс. А этого уже хватит на первичный курс лечения для бабушки.

Лёшка ловко лавировал между снующими вокруг Гадюки людьми, почти не замечая их. Стрелка выписывала кренделя, попадая острием аккурат в пустое место. Лёшка не задумывался, как это работало. Но постарались те, кто его вел, на славу – точность движений стрелки впечатляла.

Дернувшись в последний раз, указатель повернулся вниз и уперся в чьи-то ноги. Лёшка медленно поднял глаза, словно

боялся обнаружить перед собой какого-нибудь диковинного монстра. Но монстра не оказалось, здесь стоял явный забулдыга, перетаптывался с ноги на ногу и шмыгал носом. Сегодня не было холодно, время от времени даже выглядывало солнце, но красноносый обладатель стоптанных на сгибах до дыр серо-коричневых сапог на искусственном меху, помятого и местами изорванного ватника и тщательно завязанной под подбородком шапки-ушанки, похоже, мёрз основательно. Может, его просто знобило. От простуды или еще от чего. Причина дискомфорта этого субъекта у Лёшки особого интереса не вызывала.

– Чё смотришь? – прошепелявил забулдыга. Нескольких передних зубов у него не хватало, а оставшиеся, покрытые желтым налетом, торчали в разные стороны.

– Да ничего, – глядя исподлобья снизу вверх, ответил Лёшка.

Природа не наградила Лёшку большим ростом, поэтому большинство людей смотрели на него свысока. Просто из-за разницы в росте, но это накладывало отпечаток и на отношение.

– А чё пришел?

Забулдыга снова поёжился, его глаза начали странно дергаться из стороны в сторону – будто искали кого-то в толпе, но слишком быстро, чтобы что-то увидеть, а по телу пробежала дрожь. Потом асоциальный элемент вздрогнул и разразился отрывистым сухим кашлем.

Странный тип. Лёшка поискал глазами стрелку, но она исчезла. Не может же такого быть, чтобы его вели к этому… к этому бродяге. Тогда, куда?

– Чё молчишь? – снова подал голос бомж.

Он явно не собирался никуда уходить. Видимо, он тут чем-то торговал. Скорее всего чем-то совершенно незаконным. Например, наркотой. Вряд ли высокого качества.

Губы Лёшки непроизвольно скривились в гримасе отвращения. После детального осмотра и появления соответствующих выводов забулдыга стал казаться еще отвратительней, чем прежде.

– Да пошел ты!

Лёшка вытянул руку, чтобы оттолкнуть бомжа с дороги, но в последний момент отдернул ее. Стало противно. А может… Да, он побоялся, что бомж начнет сопротивляться, что он окажется сильнее.

Стараясь придать лицу максимально независимое выражение, Лёшка обошел дрожащего и пританцовывающего забулдыгу. Он хотел найти какой-нибудь знак, что могли оставить здесь для него неведомые нанимателя. Те, кто вывесил на его глазные нано-экраны стрелку. Но ничего, что могло бы привлечь Лёшкино

внимание, не обнаружилось. Метрах в пятнадцати за спиной бродяги возвышался каменный постамент с извивающимся змеем и сиротливо торчащими из-за него копытами – всё, что осталось от всадника. На постаменте кто-то сидел, на Лёшку тот тип внимания не обращал. Даже смотрел совершенно в другую сторону.

А вот оборванный забулдыга, наоборот, внимательно следил за действиями молодого человека. Какого рожна ему надо?

– Так ты чё ищешь-то? – поинтересовался тот и снова шмыгнул носом. Громко, с присвистом.

– Ничего. Тебе-то какое дело?

В поле зрения Лёшки попали руки бродяги – пальцы длинные, с узловатыми суставами, скрюченные, словно лапы заморенного паука. Пальцы эти заметно дрожали. Так и есть, ему явно не хватало на дозу.

– Денег нет, – не глядя на бомжа, отрезал Лёшка.

– Понятно, – прогнусавил бродяга. – Так ты же не за покупками пришел.

Конечно, не за покупками. Он по стрелке шел. Только пока непонятно, куда пришел.

Секундочку, а откуда этому известно, зачем сюда пришел Лёшка? Молодой человек еще раз окинул бродягу полным пренебрежения и брезгливости взглядом. Тот стоял, пританцовывая, и улыбался во весь свой беззубый рот. Это, что ли, с ним и должен был встретиться Лёшка? Странные у него заказчики, очень странные.

Хотя, какими они должны быть, эти самые заказчики, Лёшка не знал. Никто и никогда ему ничего не заказывал раньше. Так, в Сети кто-то из подобных ему энтузиастов, считавших себя ломщиками, иногда предлагал поучаствовать «в деле». Но Лёшка всякий раз отказывался, чувствуя в предложении подставу. Да и принципам это претило – ломать удел слабых, а Лёшка намеревался стать сильным.

То-то теперь согласился. Стало быть, всё решает только размер оплаты? Каждый имеет цену, так что ли?

Но ведь бабушка…

Лёшка заметил, что его правая рука едва заметно танцует по штанине, имитируя работу на клавиатуре. Да, черт возьми, он хотел побывать в Сети, хотел ощутить её, заняться настоящим делом.

Сердце колотилось, грозя проломить изнутри грудную клетку. Наверное, так сильно Лёшка не волновался никогда в жизни. Бродяга, дергающийся из-за начинающейся ломки, конечно, не заказчик. Просто его прислали, чтобы не привлекать

внимания. Но это первый шаг.

Да нет, первый шаг уже сделан, ты взял деньги.

– Чем торгуешь? – стараясь говорить естественно, спросил он у бродяги.

– У тебя же нет денег, – прищурившись, ответил бомж.

– Может, дашь в кредит?

– Может, и дам.

После этих слов он полез рукой за пазуху и вытащил оттуда небольшой черный пакет.

– Специально для тебя держу.

Лёшка протянул руку, но бродяга отдернул пакет.

– Только смотри, если решишь, что тебе это не пригодится, придется оплатить посылку.

Было заметно, что забулдыга тщательно подбирает слова, явно пытаясь повторить дословно то, что ему было велено передать Лёшке. У него даже рот немного свело от натуги.

Цена не названа. Но Лёшка не сомневался, что она окажется намного больше той, что ему уже выплатили в виде аванса. Платить ему нечем, стало быть… Как ни крути, а в данный момент на кону стояла его жизнь.

Лёшка сделал шаг вперед – в лицо ударил смрад, который источал «курьер» – и резким хищным движением выхватил черный пакет. Забулдыга от неожиданности остановил на мгновение свой странный танец, но потом его ноги снова стали дергаться.

– Условия приняты, – сказал Лёшка и, развернувшись, пошел прочь от Медной Гадюки.

– Я так и передам, – крикнул вслед бродяга.

– Передай, передай, – проворчал под нос Лёшка. – Как будто я разговаривал с тобой.

Лёшкины слова были обращены к заказчикам. Они имели доступ к его «балалайке», а значит, слышали всё, что говорил или слышал Лёшка. Он теперь на крючке у этих людей, прочно зацепился, можно не подсекать, а просто неспешно вытащить из воды.

Стрелка больше не появлялась. Заказчики вообще не обнаруживали себя. Видимо, на ближайшее время Лёшка предоставлен сам себе.

Нужно посмотреть, что в посылке. Пальцы пытались надорвать запаянный пакет, а глаза уже заглядывали в образовавшуюся в черной, как смоль, пленке дырочку.

«Да не здесь же!» – одернул себя Лёшка. Мало ли, что там может быть. Возможно, внутри вещи довольно ценные, а ценное на улицах Питера могут отобрать даже в Стрельне, где жил

Президент. Что уж говорить про кишащий подозрительными личностями центр Старого города?

И заказчика вряд ли будет интересовать причина, по которой Лёшка лишился этой вещи. Посылку придется оплатить, таким было условие.

Черт, что же там такое?

Лёшку сильно толкнули справа. Он едва не выронил заветный пакет, потерял равновесие и сам плюхнулся на грязный, потрескавшийся асфальт. Инстинктивно прижимая пакет к груди, он посмотрел на того, кто его толкнул.

Обидчиком оказался мужчина лет тридцати, весь какой-то помятый и расхристанный. На Лёшку он не обращал никакого внимания. Мужчина кричал что-то во все горло хриплым, срывающимся на свист голосом. Он то и дело дергал себя за воротник покосившегося пальто, на котором, похоже, уже не хватало двух верхних пуговиц, и резко опускал вниз сжатый кулак, словно заколачивал им невидимые гвозди. Понять, что он кричит, не получалось – мужчина охрип окончательно, и из его уст вылетали лишь отдельные звуки, которые сложить в осмысленную фразу Лёшке не удалось.

Следом за расхристанным мужиком сквозь довольно плотную толпу продающих и покупающих двигалась ватага не менее решительно настроенных граждан. Эти шли молча, распихивая тех, кто не удосужился отойти с их прямого, как стрела, пути. Но вид имели не менее решительный, чем охрипший горлопан.

Лёшка поспешил отползти от странной компании на безопасное расстояние и только там, спрятавшись за спинами заинтересовавшихся происшествием зевак, поднялся на ноги.

Сиплый рык расхристанного не замолкал, в череде звуков удавалось вычленить слова вроде «президент», «народ» и еще целый ряд политических терминов, излюбленных создателями сетевых новостей и всяческого рода аналитических передач.

Потом хриплые крики резко оборвались и послышались звуки возни. Толпа, сформировавшаяся вокруг места событий, беспокойно зашевелилась.

Лёшка поторопился убраться подальше. Возможно, решительно настроенные граждане, настигшие горлопана, принялись его бить. Может, там происходило что-то другое. Не важно. Важно то, что через десяток минут сюда прибудет полиция, а оказаться в участке с пакетом, о содержимом которого Лёшка мог только догадываться, совсем не хотелось.

Станция метро рядом, метрах в пятистах. Сегодня поезда ходили, об этом сообщал экран, установленный прямо над входом – в правом верхнем его углу мерцал ярко-зеленый

мультяшный локомотив. На остальной поверхности экрана красовался городской Голова, бодро и с воодушевлением рассказывающий о том, как скоро станет хорошо жить. Не забывал он напоминать, насколько хорошо уже стало. Его, конечно же, усилиями.

Лёшка остановился перед распахнувшимися автоматическими дверьми. В лицо пахнуло теплым, пропахшим электричеством и какой-то особенной химией ветром. По этому запаху можно узнать метро хоть с закрытыми глазами.

Но не утонченность аромата заставила парня остановиться. Он внезапно сообразил, что перед эскалаторами, уносящими людей в глубокое подземелье, установлены наноскопы.

– Эй, чего стал?!

Лёшку пихнули сзади, и он, споткнувшись о невысокий порожек, влетел внутрь. На станции царил полумрак. Здесь было людно, пыльно и шумно. И, как предполагал Лёшка, стояли наноскопы. Целых три. Все-таки центр, в этих краях опасность теракта выше, чем на окраине.

Все три наноскопа включены, у каждого застыли по двое полицейских. Лица у всех серьезные. Не иначе получили какую-то ориентировку. А свободные от наноскопов проходы к эскалаторам – таковых на этой станции два – закрыты.

Нет, не стоит туда соваться. До дома идти далеко, но лучше уж прогуляться, чем попасться так глупо. Тем более, Лёшка до сих пор не знает, что спрятано внутри пакета.

Количество людей, входящих через автоматически распахивающиеся двери, увеличивалось на глазах. Собственно, двери даже перестали закрываться.

Лёшка начал протискиваться к выходу. Сделать это оказалось непросто. И тут он услышал:

– Эй, паренек!

Лёшка почувствовал, что его лоб покрылся испариной. Он замер и весь сжался внутри, ожидая худшего.

– Да, да, ты. С черным пакетом.

Дался вам этот пакет.

Чёрт! Неужели – всё? А как же бабушка, он же не виноват, ему же пришлось…

– Что случилось?

Собственный голос показался Лёшке чужим и далеким. Словно бы говорил кто-то другой, совершенно неизвестный ему человек. Но голос звучал ровно и спокойно. Это-то в первую очередь и казалось странным.

К нему обращался один из полицейских, стоящих у ближнего к Лёшке наноскопа.

Лёшка зажмурился, представив, как полицейский сейчас подойдет, заломит руки за спину и затянет на запястьях пластиковый шнур наручников. Но страж порядка не двинулся с места, а лишь спросил:

– Что там, на улице? Чего народ всполошился-то?

Только теперь Лёшка заметил, что народ и в самом деле «всполошился». На лицах большинства входящих в метро людей легко читалась озабоченность. Они спешили, будто опаздывали куда-то, несмотря на выходной. Толпа ломилась в метро, явно имея неосознанное желание укрыться в подземелье от чего-то, назревающего снаружи.

– Митинг какой-то, – ответил Лёшка, вспомнив крики охрипшего горлопана.

– Ясно, – сказал полицейский и обратился к коллеге, ощупывающему взволнованного вида мужика около другого наноскопа. – Усильте там, сейчас сброд всякий попрёт. Чёрт-те чего в метро потащат.

– Ну, я пойду? – робко поинтересовался Лёшка и тут же отругал себя: его ведь никто не держал, просто спросили; не трогают – и иди себе молча.

– Иди, иди, – махнул рукой полицейский. – Хотя лучше бы не совался туда.

– Да мне надо, – пробурчал Лёшка и протиснулся наконец к дверям.

А снаружи на самом деле начиналось действо. В сторону Медной Гадюки тянулись люди. Большинство из них вряд ли смогли бы объяснить, для чего идут туда. Но их гнал древний инстинкт стаи.

Лёшка вышел на Малую Морскую улицу. Вдали, на Исаакиевской площади, собиралась толпа. Человек триста, не меньше. И люди продолжали подтягиваться. Со стороны собора на каком-то возвышении – уже успели трибуну соорудить? – стоял человек. Он размахивал руками и что-то кричал в толпу. Слов отсюда не было слышно – слишком далеко, но хорошо заметно, что толпа довольно живо реагирует на экспрессивную речь. Мужчина был другой, не тот, что кричал у Медной Гадюки, возможно, тоже уже охрипший, но не тот. А в глубине толпы, похоже, кого-то били.

Лёшка не стал искушать судьбу, рассматривая, кому сегодня досталось на орехи. Он спрятал пакет под куртку, прижав его под мышкой, и, развернувшись, быстрым решительным шагом направился в сторону Дворцового моста. Через Стрелку Васильевского острова в Петроградский район и дальше, на север. Часа через три он до дома точно доберется.

Лёшка активировал «балалайку», выбрал канал новостей и вывел картинку в правый верхний угол поля зрения. Показывали толпу, которую всего пятнадцать минут назад Лёшка лицезрел вживую. Людей на площади стало еще больше, подтянулись силы охраны правопорядка. Над головами собравшихся появлялись редкие прямоугольники транспарантов с коряво начертанными призывами к честным выборам.

Голос диктора на фоне рассказывал об увеличении числа адептов, расплодившихся в последнее время сект, поклоняющихся Цифре:

«*Число так называемых адептов Цифры растет день ото дня. Не несет ли этот факт угрозы современному обществу?* – вещал за кадром голос диктора. – *Достаточно вспомнить тритонов европейского террориста Сорок Два, чтобы дать однозначный ответ на этот животрепещущий вопрос: да, несет! Сегодня ОКР обнародовала данные, ужаснувшие общественность. Тридцать четыре попытки взлома серверов Центризбиркома за последние сутки. И специалисты ОКР не исключают, что одна или две из них увенчались успехом. Ломщики работают слаженно, их становится все больше. Вопрос – кто стоит за всеми этими «обителями» и «домами»? Вероятно, тот, кому выгодно сорвать президентские выборы. Тот, кому выгодно дискредитировать Президента, выбранного волей народа.*

Сегодня на Исаакиевской и Сенатской площадях спонтанно начались манифестации в защиту демократических свобод, гарантированных правительством Российской Федерации. Митинги были спровоцированы сообщениями об очередной атаке «адептов» на электронные системы Центризбиркома. Люди не желают мириться с чьим-то желанием посадить на главный пост страны своего человека, поправ все демократические достижения. Мы…»

Лёшка вспомнил бегущие перед глазами нули и единицы – молитву «Обители Цифры». Именно о таких сектах и говорили в новостях. И еще он вспомнил, как на мгновение перед ним открылись потроха «балалайки» Коннектора. Он видел, что и «молитва», и слова, которые произносил их предводитель, приходили откуда-то извне. Он не запомнил никаких данных, его отрезали от сети раньше, но…

Ты же еще в тот раз подумал, что скоро выборы.

Нет, сейчас нужно отбросить все лишние мысли. Сейчас нужно невредимым добраться до дома и разобраться с посылкой. Скоро, совсем скоро его попросят выполнить какое-то задание. Может быть, это те самые люди, что вмешиваются в избирательную систему? Лёшка никогда не проявлял особенной активности своей гражданской позицией, он не задумывался над

степенью честности выборов. По большому счету, ему было наплевать, кто в данный момент Президент. Да, традиционное среди россиян убеждение, что «все равно поставят того, кого нужно», превалировало.

Домой он попал только к вечеру. Пришлось огибать еще один «митинг», якобы спонтанно организовавшийся на Черной речке, и шествие по проспекту Испытателей. Как полагается – с криками, транспарантами и мордобоем. Полицейские следовали за разбушевавшейся толпой, но пока никого не трогали. Вероятно, им дали такое указание. Ибо в доброту столичных стражей правопорядка Лёшка поверить не мог.

Вскрытие пакета пришлось отложить. Сначала нужно было заняться бабушкой. Она забилась в тесную кладовку, располагавшуюся между комнатой и кухней. Сначала Лёшка не мог понять, зачем она туда забралась.

Бабушка сидела на старом чемодане, размазывая собственное дерьмо по грязной пыльной крышке, и плакала. Лёшка кинулся было к ней, но так и не смог пересилить брезгливость, когда пахнуло из приоткрой двери кладовки. Нужно было обнять бабушку, успокоить, но Лёшка не смог. Он лишь позвал ее, не понимая, что происходит.

Увидев внука, бабушка перестала всхлипывать и зарыдала в голос. Но неловко поднялась и, вытянув вперед руки, вышла из кладовки.

Лёшке с трудом удалось уклониться от объятий и препроводить бабушку в ванную. К счастью, воду еще не отключили. Кое-как, совместными усилиями, удалось отмыть пожилого человека.

Бабушка перестала причитать и отправилась в комнату, чтобы переодеться. Лёшка, не раздеваясь, ушел на кухню и сел за стол.

– Бабушка, что с тобой случилось?! – крикнул Лёшка.

– Всё хорошо, внучек, – послышался уже ставший бодрым голос.

Значит, всё хорошо. Значит, только что ничего особенного не происходило, и Лёшке это всё пригрезилось. Может, так и есть?

– Ты в кладовке что делала?

– В какой кладовке? – удивилась бабушка.

Ясно, она уже ничего не помнит. Всё, как предсказывал доктор.

– Ты где была весь день?

– Ой, внучек, такое приключилось. Заблудилась я. Пошла… – бабушка замолкла. Наверное, пыталась вспомнить, куда она пошла. – Да что же это я? Куда же я ходила?

Нет, не вспомнила. Стало быть, она собиралась куда-то идти и просто-напросто заблудилась. Случайно забрела в кладовку, ошибившись дверью, и заблудилась в полутора квадратных метрах. Это хорошо, что заблудилась. Если бы бабушка все-таки вышла из квартиры, возможно, найти её не удалось бы.

И решились бы все проблемы.

Лёшка с силой сдавил голову руками, словно пытаясь выдавить из неё дурные мысли. Ничего, теперь у него есть деньги. Завтра они с бабушкой пойдут в клинику и там проведут первый курс лечения нанами. Завтра – обязательно. А сегодня нужно разобраться с заданием.

– В магазин, наверное. – Лёшка автоматически подсказал бабушке ответ. Иначе пришлось бы еще пару часов слушать причитания и рыдания.

– Да, точно. В магазин я пойти хотела. А то ведь тебя кормить надо. Ты же учишься, мозги нужно питать.

– Хорошо, бабушка. Я ел в универе.

Все равно, что говорить. Лишь бы бабушку удовлетворяли ответы. Лёшка давно убедился, что за нитью разговора бабушка следить перестала. Каждая следующая фраза для неё – новый разговор.

– Уже поздно, ты ложись спать.

– Да и тебе пора бы. – В бабушкином голосе промелькнули нотки волнения.

– Конечно. Я немного позанимаюсь и тоже лягу.

Он с утра ничего не ел, но есть, как ни странно, не хотелось. Он слишком устал сегодня, организм требовал отдыха. И не отпускали навязчивые мысли – о бабушке, о цифровых сектах, о странных движениях на улицах города. И о деле, в котором он теперь участвовал.

Пакет остался в прихожей. Лёшка вернулся и поднял черный прямоугольник, подбросил в руке – увесистый, но не тяжелый.

Внутри пакета оказалось настоящее сокровище. Если теперь Лёшка решит выйти из дела, возместить стоимость этой посылки никогда не удастся. «Раллер» – самый настоящий, с двумя «поплавками» внутри (Лёшка проверил, сняв заднюю крышку) – еще один «поплавок» в контейнере, автоматический инъектор и набор ампул с прозрачной жидкостью. На одной из ампул зеленая полоска, на остальных – белая. Никаких надписей, но и так понятно, что внутри: наны (в той, что с зеленой полосой) и «синдин». В пакете лежала троица Сорок Два. Гениальное изобретение цифрового пророка. Который едва не уничтожил саму Цифру.

Чёрт бы побрал это все!

Пальцы расслабились, и ампулы со звоном покатились по столу. Лёшка спешно стал хватать хрупкое стекло, чтобы «слезы Его» не разбились об пол.

Выхода нет. Ему придется. Он сделается наркоманом, возможно, получит ту страшную непонятную болезнь, которой «синдин» награждает каждого десятого. Он подставится и взломает то, что скажут – иначе для чего еще его звали? Только для того, чтобы подставиться. Люди, нанявшие его, обладают такими возможностями в мире Цифры, которых Лёшке не скоро предстоит достичь. Если смотреть на вещи трезво – не предстоит никогда. Исполнители второстепенных ролей не нужны. Они могут испортить блеск звезды.

Но ведь нужно как-то помочь бабушке.

Ценой собственной жизни?

Лёшка сгреб в охапку разложенное на столе богатство. В глазах стояли слезы. Нет, он не отдаст это. Не сможет. И дело совсем не в том, что за «раллер» и «синдин» придется заплатить деньги, которых нет. Дело в Цифре, в той свободе, которую ему так и не удалось ощутить.

Система загрузилась быстро. Почти мгновенно. Стоило только поднять крышку «раллера». Система неизвестная, вероятно, какое-то индивидуальное творчество неведомых Лёшке ломщиков.

Картинка была лаконичной – черное поле с единственной надписью. Время, когда начнется взлом, и сетевой адрес, доступ на который Лёшке предстояло взломать. Или он будет играть роль подставной куклы? Тогда для чего «синдин»?

Пальцы молниеносно вбили адрес в командную строку. Ввод. Ничего.

Совсем ничего – по указанному адресу было пусто. Там не было сервера. Скорее всего, решил Лёшка, его не было пока – взлом должен начаться через два дня. Стало быть, заказчики знали, что здесь что-то появится. Во что же он ввязался?

Лёшка аккуратно опустил крышку «раллера» и положил на еще теплый пластик голову. Усталость взяла свое, и он уснул почти мгновенно.

15

Он дышал часто и шумно, словно гончая, только что загнавшая зайца. С одним лишь отличием – сегодня он был скорее в роли зайца, а не гончей.

Джио перевернулся на спину, уставившись в темноту вагона. Ощупал руками живот – кожа ободрана и саднит, мышцы нещадно болят, но в остальном все цело. Отделался легким испугом. В левой руке почему-то зажат коммуникатор – тот самый, незарегистрированный. Джио спрятал его в карман.

Когда он вцепился в холодную металлическую скобу, наружу выползало только одно чувство – радость от того, что удалось уйти от полиции. Но радость скоро сменилась озабоченностью, быстро уступив место страху. Долго ему так не продержаться – сколько бы ни пытался, Джио так и не смог зацепиться за что-нибудь ногами. Руки слабели, пальцы предательски разжимались. Еще чуть-чуть, еще пара минут, и падение под колеса, резво несущиеся по рельсам, не избежать. И вот именно в этот момент Джио и заметил, что дверь, находящаяся меньше чем в паре метров от того места, где он висел, немного приоткрыта. Нужно сделать всего ничего – раскачаться на скобе и прыгнуть, ухватившись на излете за раздвижную дверь.

В последнюю секунду, когда он все-таки решился прыгнуть и разжал пальцы правой руки, Джио решил, что вот именно теперь и пришел его последний час. Перед глазами до сих пор стояла, нехотя исчезая во влажной и душной тьме, ужасающая картинка с перемолотым колесами железнодорожного состава телом. Море крови и куча хорошо отбитого мяса. Фантазия работала хорошо. А вот ассоциации с мясом явно навеяны голодом – Джио ничего не ел больше суток.

И еще один момент – в вагоне пахло едой. И не только – здесь витал отчетливый человеческий запах.

Джио задержал дыхание. Это оказалось трудно сделать, легкие еще не восполнили недостаток кислорода в крови. Но он услышал. Сопение, доносящееся откуда-то слева и сверху.

Джио старался не шуметь, но легкие, противясь воле хозяина, шумно втянули в себя порцию воздуха. Сейчас на него набросятся. Через мгновение.

Но ничего не изменилось. Темнота оставалась темнотой, а единственным отчетливым звуком всё так же было мерное постукивание чего-то под полом, в колесной базе вагона.

Джио осторожно поднялся. Под ногой громыхнуло и покатилось по полу. Джио замер, прислушиваясь. Все-таки там,

в темноте, слева, что-то было. Точнее – кто-то.

Нет здесь никого. Были недавно, но теперь нет.

Из темноты донеслись звуки возни и неразборчивое ворчание. Мелькнула непонятная тень, а потом у Джио снова свело дыхание, потому что он пропустил удар под дых. Его согнуло пополам, рот безрезультатно пытался всосать воздух, а глаза отчаянно тщились найти того, кто нанес удар. Главное, рассмотреть противника и не дать ударить еще раз.

Но действительность не всегда согласуется с желаниями. Второй удар – скорее всего, били ногой – опрокинул Джио на спину, и он снова оказался на полу. Тут же та самая нога уперлась в горло, а хриплый голос произнес на амия:

– Ты кто такой?

Джио попытался ответить, но из передавленного горла вырвалось только нечленораздельное сипение. Он рефлекторно попытался схватить давящую на кадык ногу, но нападавший лишь усилил давление.

– Кто такой, я спрашиваю?

– Пусти, – насколько смог понятно прошипел Джио.

– Вот еще, – усмехнувшись, сказал хозяин попиравший Джио ноги. Но давление немного ослабил и переместил ступню немного ниже. Теперь жесткая ребристая подошва ботинка давила в основном на грудь.

– Меня Джио зовут.

– А сюда тебя чего принесло?

– Еду. – Джио не нашелся, что ответить. В конце концов, откуда ему было знать, что этот вагон уже кем-то занят?

Невидимый собеседник хмыкнул и убрал ногу с груди. Судя по шороху, он присел где-то в паре метров слева.

– Не вставай, – сказал он. Голос звучит спокойно, но уверенно. Возможно, у него есть какое-то оружие. Даже – наверняка есть.

– Хорошо, – согласился Джио.

Если тому так спокойней, можно и полежать. Тем более что все мышцы ныли, и подниматься совсем не было желания.

– Куда едешь? – поинтересовались из темноты.

– Ну…

А куда, собственно, он едет? Ведь он не знает даже, куда держит путь этот состав.

– Вместе с поездом, – усмехнулся Джио.

– Понятно. А чего залез-то сюда?

– От полиции бежал.

– Угу.

Вопросов, почему бежал от полиции, задавать не стали.

Видимо, незнакомец, прячущийся в темноте, придерживался принципа «Меньше знаешь, крепче спишь». И правильно делал. Вот Джио допустил оплошность, узнал чуточку лишнего, и теперь…

Сказал ты лишнего, а не узнал.

Впрочем, любая информация имеет свойство рано или поздно всплывать на поверхность.

А что этот здесь делает? Джио резким движением похлопал себя по карманам – маленький гаджет, поднятый со дна Марсельского залива, был на месте. Рядом с ним лежал медальон Беаты. Погибшей, между прочим, из-за него. Из-за глупости Джио.

Мысли в голове катились по наклонной плоскости сами собой. Джио понимал, что это неправильно, что он занимается ерундой и саморазрушением, но ничего поделать с собой не мог. Из глубины поднималась волна негодования, смешанная с отчаянием. Волна ярости, затмевающая разум.

Они вынудили его забраться в этот поезд. Они подстроили всё так, чтобы Джио решил, будто это случайность. Случайностей не бывает! Не получилось забрать гаджет силой, значит, заберете обманом? Дудки! Джио не такой дурак, чтобы попасться на крючок. Известное дело – слово за слово, потом в душу залезть, потом дай посмотреть…

Ты ведь знаешь, что нужно сделать с этой штукой. Тогда чего ждешь?

Из груди Джио вырвался звериный рык, он резко поднялся, забыв о том, что у человека из темноты может быть оружие, и бросился на голос. Он не ошибся – человек, пленивший его, был именно там. И никакого оружия у него не было.

Глаза уже немного привыкли к темноте, и Джио сумел разглядеть силуэт того, кто ждал его в вагоне. Несколько точных и сильных ударов – Джио не целился, бил наотмашь, как можно сильнее – сбросили обитателя вагона на пол. Несколько ударов ногами в изворачивающееся и пытающееся подняться тело. Снизу послышались приглушенные стоны.

Джио на секунду замешкался, прислушиваясь к происходящему в темноте, и поплатился за это. Резкий удар пришелся точно под колени, ноги подогнулись, и Джио снова оказался на полу. Он не успел встать, получив ощутимый удар увесистым ботинком в грудь. Дыхание перехватило, но руки продолжали молотить пространство вокруг, периодически попадая в мягкое. Соперник тоже крутился и тихо крякал, когда получал удары.

Возня на полу продолжалась минут пять. За это время они успели оставить друг на друге порядочное число синяков. От

серьезных травм обоих спасло то, что ни одному из них не удалось подняться на ноги.

– Ты сдурел, что ли? – сопя от натуги, поинтересовался обитатель вагона.

– Нечего строить из себя… – не совсем вразумительно ответил Джио. – Знаю я, для чего ты здесь. Ждал меня, да? Дождался. Но, ничего, пожалеешь, что дождался.

Джио продолжал бормотать, пытаясь выкрутить пойманную в захват конечность противника. Но пыл схватки уже остыл, и пришло понимание, что городит он совершеннейшую чушь. Не мог этот тип ждать его здесь, никак не мог. Можно «подставить» состав на соседний путь, но угадать, какой вагон беглец догонит, никак нельзя. Или все-таки…

«Выбросить эти мысли из головы. Нужно как-то остановить безумие. И драку тоже остановить. Только прекратить нужно обоим. Придется договариваться».

– Всё, хватит! – выкрикнул Джио и отпустил противника.

Тот нанес еще один неловкий удар ребром подошвы ботинка в грудь – скорее по инерции, чем намеренно – и, перевернувшись, откатился в сторону. Оба «бойца» пыхтели, лежа на полу.

– Это мой вагон, – пропыхтел голос из темноты.

– Я на него и не претендую, – с не меньшей одышкой ответил Джио.

– А чего залез сюда?

– Я же сказал: от полиции бежал. Куда успел, туда и залез.

– Чего натворил?

– Да, вроде ничего. Сам не знаю.

Не рассказывать же этому типу о странном «бютене». Хотя на самом деле, Джио и сам не был уверен, что небольшой, завернутый в мягкий пластик носитель представляет какую-либо ценность.

Он лишь просто так решил, увидев знакомые буквы, когда просматривал принесенный каким-то самодеятельным ныряльщиком «бютен». Джио даже имени ныряльщика не знал. Стыдно признаться – он попросту украл маленький гаджет. А хозяин и не заметил пропажи, среди барахла, что он притащил, маленькая черная деталька смотрелась наименее привлекательно.

В животе у Джио заурчало.

– Что, жрать хочешь? – поинтересовались из темноты. По голосу было ясно, что человек улыбается.

– Хочу, – признался Джио.

– Ладно, я сейчас встану и светло сделаю. А ты…

Джио приподнялся на локтях.

– Только без резких движений! – выкрикнул попутчик. –

Полежи пока.

– Хорошо, хорошо.

Светодиодный фонарь давал немного света, но после почти непроницаемой тьмы вагона казался ярче мощного прожектора.

Обитатель вагона оказался бродягой по имени Халиль. Его одежда, целая, но сильно измятая и давно не стираная, производила странное впечатление. Скорее всего, её подбирали по принципу, что нашлось. Темно-красная куртка когда-то давно была выходной одеждой городского пижона, захаживавшего в увеселительные клубы. Несмотря на невзрачность вида и сильную поношенность, она совершенно не вязалась с испачканным и затертым до неопределенности цвета рабочим комбинезоном из плотной синтетической ткани. Штанины оказались коротки довольно высокому новому хозяину, и из-под них из огромных ботинок на толстой рифленой подошве торчали тощие волосатые голени в спущенных и наверняка дырявых носках.

Халиль мешал что-то густое в помятой пластиковой банке. Содержимое имело вид непрезентабельный, но запахи источало вполне аппетитные.

– А куда едем? – поинтересовался Джио, уплетая странное месиво из пластиковой банки. Еду, которой его угостил Халиль, он брал прямо пальцами.

– Не знаю, – пожал плечами Халиль. – Какая мне разница? Я никуда не еду, это поезд едет. А я в нём живу.

– И что, не гонят?

Халиль скривил лицо и, перестав жевать, махнул рукой.

– Как же не гонят, гонят. Но я не гордый: из одного вагона в другой перехожу. Я их систему хорошо изучил. Почти в любом составе можно порожний вагон найти. Тут особые метки стоят, я по ним и нахожу, что требуется. А порожний вагон – кому он нужен? Его и проверять-то никто не будет. Только перед загрузкой надо вовремя смыться.

– А как сюда попал?

Халиль замолчал. Надолго замолчал. Джио уже решил, что разговор окончен, но через пару минут Халиль поднял глаза и заговорил снова. Только в глазах его что-то изменилось. Сильно изменилось, нехорошо как-то.

– Я машинистом раньше был. В Мюнхене работал, на султана. Знаешь, «поплавки», «синдин» и прочая дрянь.

– Тритонов ловили?

Халиль вздохнул и уставился в темноту за спиной Джио. Судя по всему, он вспоминал. Джио тоже было, что вспомнить. Да и с «поплавками» и «синдином» он был знаком не понаслышке.

– Ловили, – как-то совсем уж безрадостно произнес Халиль. – Мы Сорок Два искали. Султан хотел его… – Мужчина провел ребром ладони по горлу.

– И не поймали, – пробормотал Джио.

– Отчего же, – тихо возразил Халиль и резко сменил тему. – Мой отец тоже… машинистом был.

От Джио не ускользнула пауза, которую сделал собеседник.

– И что с ним случилось?

– Пропал. Ушел в Сеть, ломщика ловить – коллеги говорили, кого-то из Великих, – и не вернулся. Он еще двенадцать лет прожил потом. Овощем – ходил под себя, жрал, когда видел еду. Глаза в одну точку смотрят и не видят ничего. Я навсегда этот взгляд запомнил. Обратная сторона Цифры… А ты?

– Мой отец был биохимиком, – сказал Джио.

Почему-то слова Халиля задели его. Разбередили старые раны, которые, казалось, давно уже затянулись.

– Он в корпорации работал. Не важно в какой. Большой ученый, надежда верхолазов. Он надежды эти оправдывал. Почти всегда, кроме одного случая. Я тогда в университете учился, тоже биохимиком стать думал. Отец много чего хорошего изобрел. Он никогда не ошибался, его проекты всегда были успешны.

– Кроме одного случая?

– Да. Кроме одного случая… Его команда работала над каким-то усилителем вкуса для пищевых фабрикаторов. Рекламный ход. Если б ты знал, сколько всякой дряни здесь. – Джио показал ладонью на опустевший пластиковый стаканчик, из которого ел угощение Халиля. – Коммерческий продукт. Люди покупают то, что им нравится. А нравится им то, что биохимикам, вроде моего отца, удалось сделать привлекательным. И вкус здесь играет далеко не первую роль.

Халиль, еще не доевший свою порцию, махнул рукой и продолжил трапезу. В его положении задумываться о составе еды не имело смысла, главное, чтобы было чем наполнить брюхо.

– В общем, когда новое вещество ввели в состав некоторых блюд фабрикатора, маркетологи корпорации не успевали подсчитывать грядущие прибыли. А на следующий день появились первые сообщения о смертях. Двое или трое суток не догадывались поискать связь между массовыми случаями странных отравлений и новой добавкой, разработанной моим отцом. Потом эту связь установили. Но дело замяли – у корпораций много денег, им не нужна плохая реклама. А отец…

Халиль кивал, как будто и сам участвовал в этой истории, теперь вспоминая её.

– Твой отец сделал вид, что ничего не произошло, –

предположил он. Слишком уверенно предположил.

– Да, именно так. Он продолжил работать, будто ничего не случилось. У него даже выражение лица не изменилось. Для него биохимия – это соединения в пробирках, а не живые люди, которые это всё едят. Ему было плевать на людей. Он гордился научными достижениями, а отравления – досадный побочный эффект, убравший его гениальное изобретение с рынка. Вот что его расстроило, а не гибель людей. Эту добавку мог съесть кто угодно, например, я с матерью. А ему и это было все равно, для него во главе угла была формула.

Повисла тишина. Было слышно лишь, как сцепки вагонов стучат одна о другую, да шорох ступиц под полом.

– Знаешь, – сказал, наконец, Джио, – мне иногда кажется, что он специально сделал тогда так, что он знал о смертоносных свойствах добавки. Ему хотелось посмотреть, что из всего этого получится. Спортивный интерес, как…

– Перестань!

Халиль резко швырнул свой стаканчик с остатками еды. Он попал в фонарик, тот упал, и людей снова накрыл полумрак, высветив на грязной облезлой стене вагона яркое пятно.

– Нет, я на самом деле…

– Перестань! – еще громче крикнул Халиль. – А сам-то ты что?

Да, а сам он что? Что он сделал в жизни, чтобы теперь можно было об этом рассказать? Если не с гордостью, то хотя бы без сожалений и чувства неловкости.

Джио пожал плечами, потом приподнялся и поставил фонарь на место. Тусклый призрачный свет вернулся в их пространство.

– Я не стал биохимиком, – после недолгого раздумья ответил он.

Именно так. Он не стал. Не сделал. Правда, шанс у него еще есть. Нужно лишь правильно им воспользоваться.

– Я когда попал в аналитический центр – в тот, где потом и работал до самой Катастрофы, – мы разные вещи искали в сети. Не просто искали, просматривая новостные каналы или блоги. Так обычные люди делают – интересно, но информации, по существу, ноль. Даже меньше, чем ноль: информация настолько искажается и перекручивается, что найти правду простому пользователю сети невозможно. Но есть методы. Мы их и применяли, искали истину в водовороте вымыслов. Часто находили, султан оставался доволен. Так вот, когда я только начал работу, мы изучали деятельность некоторых корпораций. Они…

Вагон резко дернулся, под полом что-то пронзительно

заскрипело так, что заклокотало где-то в середине груди. Поезд начал быстро сбавлять ход, тормозя толчками. Фонарь полетел на пол, по стенам запрыгало тусклое световое пятно от светодиодной лампы. Потом пропало и оно.

– Что случилось? – хватаясь в темноте за что придется, спросил Джио.

– Не знаю. Наверное, остановка какая-то. Это же товарный состав, заботиться о плавном торможении большой нужды нет. Чай, не бомбы везет.

– Он всегда так останавливается?

– Нет, но бывает. Возможно, какая-нибудь внеплановая проверка.

– Проверка чего?

– Состава. Груза. Откуда мне знать?

Поезд дернулся несколько раз, будто бился о какое-то препятствие, отодвигая его каждый раз, и остановился окончательно. Стало тихо. Совсем тихо – Джио прекрасно слышал, как в паре метров от него сопел Халиль. А потом снаружи что-то зашуршало. Сначала изредка, а после всё чаще и чаще.

– Что это? – шёпотом спросил Джио.

– Дождь пошел, – прошептал в ответ Халиль.

– Что теперь будет?

– Подожди.

Халиль поднялся и подошел к двери. Они закрепили сбитый замок куском ржавой проволоки, но небольшой – сантиметра три – зазор остался. Сквозь щель внутрь просачивался тусклый, как будто припорошенный пылью свет. Узкая голубоватая полоска высветила глаз Халиля.

– Что там?

– Нет никого. Не видно ничего – дождь стеной стоит.

– Может, станция какая?

– Нет. Ничего нет, рельсы и деревья кругом. Не станция. И тихо очень.

– Мало ли… – громко, оставив глупое шептание, начал Джио, но Халиль оборвал его на полуслове, подняв вверх руку. Джио видел только указательный палец, выхваченный из тьмы светом, льющимся снаружи.

Кстати, непонятно, откуда свет. Луны там быть не может – дождь же идет. Станции нет – значит, нет и фонарей. Тогда откуда это голубоватое свечение?

– Там что-нибудь движется? – спросил Джио.

Мысль еще не сформировалась, но он был уверен, что задал правильный вопрос. Откуда свечение?

– Нет. Хотя… – Халиль немного повернулся, видимо, чтобы лучше рассмотреть что-то впереди, там, где был локомотив. – По-моему, это мы медленно катимся.

– А свет?

– Там что-то светится. Впереди. Даже не светится, мерцает как-то.

Чёрт бы тебя побрал, Халиль! Или кто там тебя должен побирать – Шайтан? Ты же машинист, неужели никогда не видел работу наноскопа в темноте?

Днем или в хорошо освещенных помещениях это незаметно. Даже при самом тусклом освещении не углядеть. А в кромешной тьме поле, с помощью которого полицейский прибор открывает почти любые потаенные уголки, дает слабый мерцающий голубоватый отсвет. Вот что светилось снаружи – большой стационарный наноскоп, сквозь который пропускали состав!

– Там нет полиции? – спросил Джио.

Он уже всё понял. Это опять *они*. Это снова за ним. *Они* никогда не отстанут, не отпустят, пока не получат то, что хотят. То, ради чего он лишился всего, ради чего уничтожил всё, что было ему так дорого. Наверное, это плата за промахи отца – сам отец дожил до глубокой старости и жил бы и дальше. Если бы во время толчков четыре года назад не рухнул корпоративный небоскреб, в котором он в тот момент работал.

– Вроде бы никого нет. Ты куда собрался?

Джио уже был рядом с Халилем. Он, царапая руки, откручивал проволоку с петельки запора, намереваясь открыть дверь.

– Это наноскоп. Они сканируют состав. Через пару минут, если не раньше, нас обнаружат.

– Думаю, им будет лень выбираться из своей берлоги ради бродяг, вроде нас с тобой, – сказал Халиль. Похоже, он верил в то, что говорил. Наверное, он уже попадал в подобные досмотры. Только тогда рядом с ним не было Джио, в кармане которого лежал таинственный гаджет, ради которого убили ни в чем не повинных людей.

– Мне нужно уйти, – медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, сказал Джио. – У меня другой путь.

Он наконец совладал с куском проволоки и дернул дверь в сторону. Тяжелая панель покатилась, и Джио, не сумев вовремя удержать ее, полетел на пол. В тепло и духоту вагона ударили холодные брызги весеннего ливня. А метрах в двадцати впереди уже мерцало кольцо стационарного железнодорожного наноскопа.

Джио высунулся наружу. В лицо тут же ударили струи дождя. Лило, как из ведра, Джио промок в одно мгновение.

Возможно, за составом ведут наблюдение с камер. Наверняка ведут, не оставили же наноскоп без присмотра. А нет никого – так кому охота под такой дождь соваться? Сейчас набегут, уж будьте уверены.

– Постой, – крикнул Халиль, когда Джио уже был готов выпрыгнуть наружу.

Медлить не стоило – кольцо наноскопа медленно, но весьма уверенно надвигалось. До сканирования остались считаные секунды.

– Ты семью ищешь? – спросил Халиль.

– Я… – Джио не знал, что ответить.

Он сам не понимал, чего же ищет. Правды? А в чем она? В синтетической пище, в программах, в наноскопах? Или, может быть, правду знали те люди, что, корчась от боли, умирали от вкусовой добавки его отца?

Зачем он забил в поиск слово «АКОПТ» написанное на корпусе поднятого со дна гаджета? Хотел узнать его смысл? Джио не испытывал уверенности, но, похоже, смысл, скрытый в этих пяти буквах, ему известен. Только раньше смысл не был заключен в толстую оболочку из мягкого пластика, он вообще не имел материального носителя. Вот это и сбило Джио с толку.

Голубоватое мерцание работающего наносокопа мерно вспыхивало всего в десятке метров. И с каждым мгновением дистанция сокращалась. Пора, времени нет.

– Мне нужно идти, – повернувшись в сторону дождя, сказал Джио и прыгнул.

– Тейе, – крикнул Халиль ему вдогонку, – запомни: Тейе. И твой отец не совершал ошибки, он…

Голос бывшего машиниста, бывшего подданного баварского султана утонул в шуме дождя. Откуда-то из темноты послышался собачий лай. Может быть, местная бродячая шавка. А может, и ребята не поленились выйти под дождь, чтобы повидаться с Джио. Из-за грохочущего ливня определить, как далеко эта собака, было невозможно.

Не стоит испытывать судьбу и стоять на месте. Собака в такую погоду плохой помощник, след потеряет быстро.

Джио бросил последний взгляд на поезд, медленно уползающий в кольцо стационарного наноскопа, словно в иной мир. Что там сказал Халиль об отце? Мысли перепутались. Но странное слово «тейе» Джио запомнил.

16

Ник медленно и аккуратно опустил на стол красивую стеклянную тарелку. Работа отличного дизайнера – Моратти не знал его имени, дизайнеры его не интересовали – действительно смотрелась неплохо: внутрь стекла словно запаковали дым. Со стороны всё выглядело более чем естественно: человек поднял тарелку, с интересом рассмотрел её, полюбовавшись скрывающимся внутри чудом, и поставил на место. Только сам Ник знал, каких усилий ему сейчас стоило не запустить этой тарелкой о стену.

Глупо! Глупо поддаваться эмоциям. Но разбить хоть что-нибудь очень хотелось. Лучше всего подошла бы голова Тео.

Ракеты не взлетели. Биггле, как выяснилось, даже не успел отдать команду на запуск. Кто теперь разберет, что произошло на севере? Ракеты должны были взлететь, они уже, чёрт возьми, торчали в пусковой установке. Еще два заряда и нажать на кнопку. Казалось бы, сделать это так просто. Особенно в непролазном болоте, где не должно было оказаться никаких конкурентов. Там даже зверья почти не было.

А вот оказались. И не только оказались, но и повели себя весьма агрессивно. Сумасшедшие отморозки! Они взорвали к чертям весь тактический заряд «Истанбула», разнесли в радиоактивные клочья ракеты, крейсер, команду Биггле и, как это ни странно, самих себя. Мир полон безумцев.

Чёрт бы с этими ракетами. Да и Мертвый все равно еще получит свое. Проблема заключалась в репутации. Его, Ника Моратти, репутации. Теперь его перестанут воспринимать всерьез. Никто больше не поверит, что Ник Моратти еще на что-то способен. Кучка каких-то идиотов, решивших отправиться к праотцам экзотическим способом, в одно мгновение перечеркнула то, что Ник изо всех сил создавал эти неполные четыре очень тяжелых года.

А тогда, после Катастрофы, Цюрих лежал в руинах.

Трясло почти неделю. Ник всё это время отсиживался в бункере, специально оборудованном под Замком Ван Глоссинга. От самого Замка остались только растрескавшиеся и осыпавшиеся развалины. Их давно снесли, площадку расчистили, и на месте старого здания возвели новую, отлично оборудованную штаб-квартиру СБА. Кто бы знал, каких усилий это стоило её президенту, Нику Моратти.

Первые несколько месяцев после Катастрофы Ник почти не спал. Вёл переговоры, наносил личные визиты. Анклавы от него

отвернулись. Никто не решился в лицо высказать то, что думал, но каждый считал своим долгом намекнуть президенту, что их филиал больше не нуждается в центральном руководстве.

Стадо безмозглых баранов! Они не понимают, что, отхватив кусок пожирнее сегодня, обречены на поражение завтра. И не просто на поражение – на полное забвение. Государства сотрут Анклавы в порошок. Стоит одному султану, настоятелю или председателю решиться, и процесс разрушения миропорядка, установившегося около сотни лет назад, не остановить. Пока никто не решился. Но это лишь вопрос времени.

Ник, не жалея сил, продолжал попытки вернуть Службе безопасности Анклавов былую мощь. Вернуть Анклавы под свое крыло. Он молча глотал намеки, произносившиеся с елейными улыбками на губах, на то, что Ник Моратти больше не нужен, а спустя несколько месяцев возобновлял попытки. Будто не понимал намеков – пусть скажут прямо, в лицо. Но прямо никто не говорил: они не были уверены в собственных силах. Не знали, зачем им нужен Ник, но и не видели четкой перспективы самостоятельного существования.

Моратти удалось главное – когда Цюрих лежал в руинах, он сумел убедить большинство верхолазов, что Анклав нужно восстановить. Не только отстроить здания заново, но и вернуть ему мощь именно Анклава. Кого-то удалось уговорить, кого-то – запугать картинами страшной перспективы существования верхолаза вне системы Анклавов без защиты всесильной СБА.

Только СБА уже не была всесильной. Ник это тоже прекрасно понимал. Физических сил Службе безопасности никогда не хватило бы для открытой конфронтации с государствами. Но теперь, после Катастрофы, СБА подрастеряла и авторитет. Как среди «своих» – верхолазов, – так и у государственных властей.

Главное, чего удалось добиться Нику в первые месяцы – восстановить нормальное энергоснабжение. Он кормил баварского султана обещаниями ежедневно. И приложил все усилия, чтобы обещания превратились в реальные вложения. Иначе, Цюрих давно бы уже стал частью Баварского султаната.

Так тянулось долгих четыре года. Четыре года вялого копошения в руинах, четыре года застоя, четыре года неимоверных потуг, чтобы вернуться назад. К тому, что было до Катастрофы. Но нельзя стоять на месте, нужно двигаться вперед.

Теперь пришло время сделать решительный шаг. Если Моратти удастся завладеть Станцией… Нет, он не собирается становиться вторым Мертвым. Новую энергию получат все. Соответственно вложениям, сделанным несколько лет назад. Только контроль всё равно останется в руках СБА. И лично его

руках – Николаса Моратти. Он построит новый мир. Таким, каким его видит он.

Все было готово. Шайка Биггслса очень удачно подсуетилась на предмет пропавшего европейского крейсера. И теперь – такое бесславное завершение операции.

Не важно. Разбор полетов придется перенести на более спокойные времена. Виновные получат свое.

И Биггслс… Теодора сегодня не видно. В «Тихом месте» не появлялся, яблоками не хрустел. Любитель фруктов…

Разумеется, лишиться ракет было не в интересах Теодора. Зачем тогда стоило возиться с поиском крейсера, чтобы потом его взорвать? Если, конечно, Биггслс не работает на кого-то еще. На Мертвого, например.

Ник усмехнулся собственным мыслям. В то, что Тео мог оказаться агентом Кауфмана, он не верил. Он лично проверял своего нового специалиста по «особым поручениям» – грешки за ним водились, но на связи с Москвой не было и намеков. Тео, собственно, и не бывал-то в Москве никогда. Хотя это не помешало бы… Чушь!

– Мельхиор, зайдите ко мне! – Начальник машинистов откликнулся на вызов по «балалайке» мгновенно.

Через три минуты он сидел за столом, наблюдая за раскрашенными в зеленый цвет точками наукомовских спутников.

В ведомстве Циммермана начали атаку на защиту спутниковой сети ровно через полтора часа после того, как Моратти отдал команду. Здесь привыкли выполнять приказы президента СБА. Моратти не стал отменять начало операции. Сказать по правде, во всей суматохе, связанной с проверкой и изучением данных по странному происшествию возле крейсера «Искандер» (теперь уже не существующего), он попросту забыл о том, что Циммерман должен начать взлом после того, как по Кольскому полуострову будет нанесен тактический ядерный удар.

Машинисты начали атаку без предварительной артподготовки. Циммерман молчал, значит, всё идет по плану.

– Что вы нашли, Мельхиор?

– Пока мы добрались только до активной защиты, – сообщил главный машинист Цюриха. – Нам удалось пробить брешь в программной начинке спутников. Ваша идея с микроботами действительно блестяща – одними сетевыми методами мы вряд ли чего-нибудь добились бы.

– Мы все делаем общее дело, – сказал Моратти. Хотя слова Циммермана несомненно грели душу. Он всё сделал правильно, он увидел закономерности и сумел ими воспользоваться.

– Почти половина спутников северной группировки «Науком»

на сегодняшний день под нашим контролем. Мы стараемся не проявлять себя. Работаем только виртуально.

– Правильно. Спутники нам не нужны. Нам нужно то, что они контролируют. Всем нужна Станция. И мы её дадим людям.

Моратти запнулся, глядя на оторвавшего взор от голограммы в центре стола Циммермана. Слова, пожалуй, прозвучали слишком пафосно. Ник знал, что хотел сказать, но Мельхиор, похоже, понял все по-своему – он решил, что шеф задумал сделаться всемирным героем, этаким новым Прометеем, несущим людям Новую энергию. Не дождутся! Он принесет людям энергию, но будет лично следить за её распределением.

– Вы уверены, что это вход в сеть Станции? – понизив голос, спросил Моратти.

– Нет. Для того, чтобы точно знать, куда мы прорываемся, сначала нужно туда попасть. Вы же знаете, точные данные по сети Станции неизвестны. Сами москвичи распускают упорные слухи о том, что внутрь этой сети вообще нельзя попасть извне.

– Ерунда, – словно от назойливой мухи, Ник отмахнулся от слов главного машиниста. – Мёртвый в Москве. Но ведь он как-то общается с теми, кто на Станции. И там, на самой Станции, на Тринадцатом полигоне «Науком», будь он неладен, нужна информация. Они собираются управлять миром – как будут они это делать, не имея связи?

Циммерман закашлялся. Будто подавился. Может, и на самом деле подавился, кто его знает?

Моратти и сам понимал, что если бы те, кто забаррикадировался на полигоне № 13, собирались управлять миром, они давно бы уже это сделали. В открытую, не стесняясь. Только пальцем поманить, показав путь к генераторам Новой энергии, и люди выстроятся в очередь, оспаривая право быть первым на пути в рабство. Но этого не произошло. А Мёртвый и вовсе – сидел в своей Москве и никак не проявлял себя. Ник заметил, что с силой сжал кулаки, даже костяшки пальцев побелели.

Но они всё равно что-то делали. Ник не мог понять, что, но тот факт, что люди Мёртвого тихой сапой, исподволь захватывают мир, не подлежал сомнению. Они никого не звали в рабство и энергией не делились. Но щупальца многоногого спрута под названием «Науком» протягивались над этим миром все дальше и дальше. И не стоило забывать о россказнях Мёртвого о мирах иных. Чуть ли не загробных. Только рая там никто не обещал. И пускали туда не всех.

– Ваши действия заметили в «Науком»? – спросил Моратти.

– Реакции нет. Я не могу ручаться – все-таки система их сети

слишком хороша, – но явных признаков вмешательства машинистов «Науком» я не вижу.

– Странно.

Это действительно было странно. Конечно, можно уповать на то, что люди Циммермана работают чисто и аккуратно. Но не стоило забывать, что минутой раньше сказал сам Мельхиор: система «Науком» слишком хороша, переиграть их машинистов очень и очень трудно.

– Мы уперлись в стену. Пока мои ребята не могут нащупать слабые места в активной защите. Мы стараемся работать тихо, но вряд ли удастся сохранять тишину долго.

– Считаете, пришло время подключать наши *особые* силы?

Циммерман пожал плечами. Движение вышло робким и неуверенным. Моратти знал, что этих самых *особых* сил Мельхиор побаивался. И не только он. Сам Ник опасался применять их. Но это совершенно не значит, что он не решится использовать их в действии. Решительности Нику было не занимать, иначе он не был бы президентом СБА. Иначе он давно бы сдался – многие сдались бы при виде того, что увидел Моратти, когда поднялся из бункера под Замком Ван Глоссинга на поверхность.

– Как только мы начнем активные действия, скрыть свое присутствие мы не сможем, – сказал Циммерман.

– Хорошо, даю вам еще сутки на… исследования наукомовских программ. Завтра в полдень доложите мне о состоянии дел. И держите руку на пульсе: я не хочу, чтобы мы пропустили момент, когда машинисты «Науком» начнут ответные действия.

– Я ночую в машинном зале, – скромно сообщил Циммерман.

– Меня совершенно не интересует, где вы ночуете, Мельхиор. Можете спать хоть в президентском люксе «Секвойи». Главное, не пропустите ответные действия москвичей.

Начальник машинистов ушел, оставив Моратти наедине со своими мыслями. Значит, спустя сутки предстоит пустить в действие то, что создано по инициативе Ника пару лет назад. Его *особый* отряд.

Мысль сделать это посетила голову Ника еще до Катастрофы. Стефан Дрогас – предшественник Теодора Биггслса на посту заместителя по особым поручениям – приложил массу усилий, чтобы добыть для своего босса секрет производства «синдина». И его производителей. Но всё оказалось тщетно. Нет, Дрогас – вечная ему память – не подвел, этот сукин сын всё сделал правильно. Не получилось переиграть ребят из Мутабор. Ник всегда знал, что «синдином» заправляют храмовники.

Потом ублюдок Сорок Два доказал это, каким-то чудом заполучив один «глаз», плачущий синдиновыми слезами. Тритоны смогли повторить технологию храмовников; она оказалась довольно проста. Казалось бы, еще один шаг – и всё было бы так, как задумывал Ник Моратти. Если бы среди этих бритоголовых придурков не оказалось предателя, который слил секрет приготовления «синдина» в Сеть и не уничтожил бы самого «цифрового пророка». Понятно, что Сорок Два не собирался делиться секретом. Только Сорок Два – это не храмовники, прижать его к ногтю рано или поздно удалось бы.

Но то, что не удалось сделать с миром, получилось устроить в своем Анклаве. Теперь Цюрих был зоной, свободной от страшного зелья храмовников, поразившего планету. И монополия на производство «синдина» принадлежала СБА, а значит, лично Нику Моратти.

Любые попытки наладить производство или сбыт «синдина» в Анклаве жестоко пресекались безами. Тогда, три года назад, Ник лично отдал приказ не церемониться с теми, кто не только распространяет, но даже просто пользуется тритонским зельем. Укололся «синдином», значит, потенциальный тритон.

Все разговоры и сомнения в решительности президента СБА закончились после того, как безы расстреляли прямо в фешенебельном ресторане сына Ганса Шиммера – не самого крупного, но все-таки верхолаза. Толстяк был не просто под кайфом. Он демонстративно загнал себе в вену еще одну дозу «синдина» прямо на глазах патруля СБА, отказавшись выполнять требования. Командир патруля связался с начальством; руководитель принял правильное решение: вызов перевели лично на Моратти. Наверное, патрульный без наложил в штаны. Но приказ выполнил – Шиммера размазали по стенке автоматной очередью. Потом позвали репортеров. Чтобы все знали, чем заканчивается несоблюдение законов в Анклаве Цюрих. Для кого угодно – верхолазы не исключение.

Конечно, у Ника имелся туз в рукаве – скорее всего, сынок верхолаза со съехавшими с катушек от передоза «синдина» мозгами не знал, что его папаша Ганс два дня как лишился практически всего состояния. А его корпорация продолжала существовать только благодаря личным усилиям Ника Моратти. То есть, по сути, принадлежала СБА.

В кабинете Моратти – тогда во временном кабинете, организованном в одном из номеров уцелевшего во время толчков отеля – Ганс рыдал, выламывал себе руки, но ни слова не сказал против решения президента СБА.

С того дня работа пошла легче. К сожалению, несколько

миллионов лет эволюции совсем не изменили человеческую натуру: люди признают только силу. Силу и страх.

Синдиновых наркоманов в Цюрихе уничтожили. Кого-то – физически, кто-то загнулся от ломки, кто-то ушел в Исламский союз. Но уничтожили не всех. Тритонам делали предложение. Перед тем как расстрелять – наркоманом быть можешь, твои проблемы, а вот тритон – преступник, враг номер один для возрождающейся экономики.

Большинство доморощенных ломщиков соглашались, но от них было мало толку, а профессионалы попадались редко – как только тритоны поняли, что запахло жареным, настоящие специалисты затаились и начали потихоньку покидать границы Анклава. Но не все.

Вот тут и появился Бигглс. Чем он брал это отродье, Моратти до сих пор не понял. Но у него процент согласных на всё тритонов приближался к ста. И находил он их, будто шестым чувством чуял.

Тритонов собирали не просто так. Их берегли именно для такого случая, как сейчас. Для того, чтобы они взломали сеть Мертвого.

Тритоны были обычными наркоманами, даром, что подсевшими на дорогой и необычный «синдин». И люди из лаборатории СБА постарались, чтобы они сидели на наркотике как можно глубже. Именно на этот отряд и работала лаборатория СБА, производя около литра «синдина» в сутки. Тритонам не давали умереть, но и жить они должны были по расписанию, созданному людьми Ника. Иногда им даже разрешали порезвиться в тех обрывках, что остались от сети после Катастрофы. Чтобы не теряли квалификации. Или, чтобы не скучали.

Завтра *особый* отряд займется настоящим делом. Завтра Циммерман поведет в бой своих ненавистных врагов. Как-то он читал, что в России в середине двадцатого века было такое военное формирование как штрафной батальон. Проштрафившиеся перед своей страной бойцы могли смыть вину кровью. В большинстве случаев их использовали как живой таран, бросая с кулаками на танки.

Завтра штрафбат Моратти сможет проявить себя. Завтра Ник предоставит им возможность приблизить наступление эпохи Цифры. Одно отличие от изобретения русских: искупить не получится, заключение пожизненное.

Моратти улыбался, взирая невидяще на вазу со свежими яблоками.

Кстати, нужно найти Теодора.

17

– Игорь Александрович, у нас ЧП.

– На каком объекте?

Игорь Александрович Холодов – президент корпорации «Науком» – был мужчиной крупным, напоминая телосложением медведя. Поэтому рядом с тоже довольно высоким, но щуплым молодым машинистом он походил на огромный кряж, грозно нависающий над бритой наголо головой. Правда, в выражении лица Игната Углова – того самого машиниста – не было и следа страха или робости перед начальством. С начальством он был хорошо знаком, и не раз им отмечен за проявленное профессиональное мастерство. Начальство Игнату вполне доверяло.

– Не здесь. Внешнее вмешательство. Но, похоже, хотят добраться сюда.

После слова «внешнее» Игнат ткнул пальцем в направлении потолка президентского кабинета, а, сказав «сюда», показал зачем-то на стол Игоря Александровича. Впрочем, и в том, и в другом случае жесты действительности соответствовали мало, хотя и давали четкое понимание ситуации человеку сведущему.

– И получится сюда добраться? – спросил Холодов. На его лице отразилось легкое волнение, но голос звучал, скорее, с иронией: трудно поверить, что кто-то способен проломить брешь в совершенной сети подвластной Игорю Александровичу корпорации.

Углов развел руками.

– Маловероятно. И потом, у нас в любом случае остается запасной вариант.

– Откуда работают ломщики?

– Пока определить не удалось. Но это и не имеет большого значения – работать они могут откуда угодно. Мы постараемся выяснить, кто это.

– Думается, я знаю кто, – многозначительно заметил Холодов.

Машинист снова развел руки, как бы говоря, мол, скорее всего дела обстоят именно так.

– Тут другая странность имеется, – сообщил Углов. – Саму атаку мы остановим. Если вдруг не получится, запросим помощи. Мы и так со дня на день ждем обновления системы. Но вот, что интересно – ломщики не пытаются ворваться в саму Сеть, их не интересует наша информация как таковая.

– Захват спутников?

Северная группировка спутников «Науком» была самой

большой. Как ни крути, подобное «хозяйство» могло пригодиться кому угодно. Куда проще и дешевле украсть спутник, перехватив его управление, чем запускать свой, новый. Если ломщикам нужны только спутники, тогда это можно списать… да, на кого угодно можно списать. Правда, с «Науком» мало кто отважился бы иметь дело. Но всё же…

– Нет. Спутники они тоже не трогают. Они, конечно, поковырялись в прошивке, но контроль у нас. В общем-то, взлом выглядит довольно странно. Не могу ручаться, но похоже на то, что они хотят для чего-то использовать наши спутники. Как компьютеры пользователей Сети при DDoS атаке.

– Ты такими словами не ругайся, – усмехнулся Холодов. Хотя смешно Игорю Александровичу не было.

Дождались, значит. Почти четыре года прошло, ни одной серьезной атаки. Какая-то мелкая шушера, разумеется, регулярно билась о непреступную защиту сети «Науком». Пару раз даже государственные спецслужбы пробовали свои силы. Но это всё было мелочью, не стоящей внимания. По такому поводу Углов не стал бы беспокоить лично президента корпорации. А тут – стал. Несмотря на шутливый тон, Игорь Александрович прекрасно понимал серьезность возникшей проблемы. Дело даже не во взломе – Игнат гарантирует, что во внутреннюю сеть тринадцатого полигона ломщики не попадут при любом раскладе. Дело было в самом факте взлома, в людской наглости. А наглость должна быть наказана, иначе…

До сегодняшнего дня «Науком» оставался силой, которую признавали все. Ненавидели, желали всяческих невзгод, но считались и боялись. Сегодня эта ситуация начала меняться. Бояться не перестали, но всё же лезли всерьез, понимая, что ответ неизбежен. Или, всё же, не понимая – слишком добрыми стали милые московские недруги, можно их и пощипать? Ну, что ж, когда-то это должно было случиться. Отчего бы и не сегодня.

– Я не уверен, – еще раз начал объяснения Углов, – но не исключено, что с помощью наших спутников пытаются взломать что-то, к нам отношения не имеющее.

Холодова слова машиниста удивили. Он был абсолютно уверен в значимости своей корпорации, и не мог даже и представить, что еще может быть интересного, кроме продукции «Науком». Спутников, вооружения, Сети. Кроме полигона № 13, на котором он сейчас сам и находился. Но, если Игнат не ошибается, ломали что-то другое. Что-то, о чем он, Игорь Александрович Холодов, попросту не знал.

– Что это может быть?

Тон президента «Науком» резко изменился. Он не привык

чего-то не знать. С тех пор как появился Московский клуб, ему ничего не нужно было знать за его пределами. Всё, что было передового и ценного на планете, значилось в собственности кого-то из членов клуба. А то, чего там не было, быстро таковым становилось. Весь мир жаждал выведать их секреты, кто только не пытался взломать сеть Анклава Москва, чтобы порыться в файлах московских корпораций. Но Максимилиан всем пообломал зубы.

Машинист развел руки в привычном жесте. Теперь это означало, что он не знает. Так пусть узнает! Для чего он, в конце концов, здесь еще нужен?!

– Вы можете выяснить, что это?

– Когда ломщики начнут ломать – да. Пока они только прощупывают сеть и готовят программное обеспечение – нет. Мы можем их скрутить прямо сейчас. Не уверен, что получится локализовать группу или группы, но, скорее всего, и это удастся.

– Не нужно, – отрезал Холодов.

– Что? – не понял его машинист.

– Не нужно скручивать. Пускай резвятся. Главное, не пускайте их дальше положенного уровня доступа.

– На крайний случай у нас есть муляж. Мы…

– Нет. Если они столь хороши, как ты рассказываешь, они всё поймут. Пускай пока продолжают работать. Со спутниками что-нибудь решим. И постарайтесь как-то… поучаствовать в процессе. Если они ломают что-то важное, то мы должны добраться до него первыми.

– Так точно, – по-военному отрапортовал Углов.

– И вот еще что. – Машинист весь обратился во внимание. – Я должен знать наверняка, кто за всем этим стоит.

Машинист ушел, оставив Холодова в раздумьях.

Стало быть, на арене появилось что-то, вызывающее интерес больший, нежели сеть полигона № 13. Причем интерес этот столь велик, что ломщики не побоялись использовать для этого спутники «Науком». Вряд ли они не понимают, насколько *адекватным* будет ответ корпорации. Но всё равно лезут. Что это значит?

Игорь Александрович вздохнул. Значить это могло только одно: если тот, кто захватил спутники, получит желаемое, на угрозы всесильной «Науком» ему будет плевать. Вывод малоутешительный, но это единственный вывод, который смог сделать Холодов. В версию, будто в его сети резвится какой-нибудь идиот, не понимающий, что его ждет впоследствии, Игорь Александрович не верил.

Президент самой могущественной корпорации планеты медленно опустился в кресло. Кабинет здесь, на тринадцатом

полигоне, был меньше привычного в центральном офисе, располагавшемся на самой верхушке московского «Подсолнуха». Жаль, но теперь того кабинета уже нет – опорные конструкции здания, возведенного по одному из самых безумных проектов столетия, не выдержали толчка, последовавшего после запуска Копья на Станции. Толчок был небольшой силы, и «Подсолнух» не рухнул, как, например, Замок Ван Глоссинга в Цюрихе. Но вердикт обследовавших штаб-квартиру «Науком» инженеров был однозначен – здание подлежит демонтажу.

Сейчас на месте «Подсолнуха» остался только остов, с которого начнут возведение нового, еще более амбициозного проекта. Но это – в будущем. Возможности начать стройку прямо сейчас имелись, но не стоит так сильно раздражать стремительно обнищавший мир. Строительство новой штаб-квартиры подождет. Тем более что теперь это будет центральный офис лишь для *земного* отделения корпорации.

Не слишком ли он засиделся здесь, на полигоне № 13? Не слишком ли члены Московского клуба увлеклись освоением новых, открытых четыре года назад миров? Холодов не мог сказать, что по этому поводу думал его друг, но вот он сам действительно слишком рано списал со счетов старушку Землю.

Пожалуй, настало время посоветоваться с друзьями. Не обсудить, как идут дела, пользуясь закрытым каналом связи, а нанести визит в Москву. Сходить в гости в огромный кабинет, расположенный на верхушке гигантской черной пирамиды.

Игорь Александрович Холодов, пользуясь «балалайкой», активировал стоящий на столе коммуникатор. Номер набирать не было нужды – этот коммуникатор мог соединяться только с одним номером, что и делал обычно автоматически.

На включившемся экране почти мгновенно появилась картинка. Максимилиан Кауфман смотрел куда-то в сторону, игнорируя объектив коммуникатора. Судя по всему, он изучал какие-то документы на своем столе.

– Здравствуй, Игорь, – сказал он.

– Здравствуй, Макс. Гостя примешь?

Мертвый оторвался от своего занятия и с удивлением посмотрел на Холодова.

18

Мысли двигались внутри головы, подобно горному потоку: то ускорялись, ныряя вниз с отвесного склона, то замедляли свой бег, попадая в широкую заводь. Кругом темно, перед глазами пляшут разноцветные пятна.

Лёшка почувствовал, что снова накатывает дурнота. Зародившись глубоко внутри, где-то в районе пупка, тошнота стремительно взлетела вверх, заставляя вновь и вновь выворачиваться давно уже пустой желудок. Потом, отпустив многострадальные внутренности, она поднималась еще выше, сдавливала тисками голову, выжимая из мозга последние остатки сознания.

Так плохо Лёшке еще никогда не было. Даже шесть лет назад, еще до Катастрофы, когда он отравился в кафе шашлыком – якобы натуральным – и неделю провел в инфекционном отделении. Тогда он блевал не переставая, почти трое суток, но общее состояние всё равно было лучше, чем сейчас. Врачи сказали, что он зря не пил водку. Остальные пили, и обошлось по мелочи – пару раз пообщались с унитазом – и дело с концом. Но Лёшка не мог, он всегда был слишком *правильным*. Поэтому получил по полной.

Наконец отпустило. Лёшка осмотрелся – здания старые, облезшие, кругом грязь и мусор. Темно. Как он ни силился, понять, где находится, не получалось. И не получалось вспомнить, как он сюда попал. Но, судя по антуражу, это центр. Какая-то подворотня. Странно, что никого нет вокруг, обычно в центре в каждом дворе вьются стайки разнообразных неблагонадежных элементов.

Таких, как ты.

Лёшка с силой сплюнул на землю. Не потому, что снова затошнило, просто от отвращения. К самому себе, в первую очередь.

Да, теперь и он сам – настоящий неблагонадежный элемент. Синдиновый наркоман, страдающий от… как это они называют – отходняк? Хотя почему, собственно, они? Он ведь теперь один из них.

Лёшка зашарил руками по карманам, вспомнив о «раллере». Компьютера нигде не было. Вдоль позвоночника, по-спринтерски, взлетели вверх мурашки, наполнив голову шумом. А перед глазами снова заплясали бесовской танец темные пятна.

Потерял! Что же теперь делать? «Раллер» с «поплавками» стоил столько, что… Да, какая разница, сколько он стоил – без

«раллера» Лёшка никому не нужен. Он труп без «раллера».

Пекущим потоком по пищеводу снова пошла вверх волна тошноты. Но было в ней что-то еще, кроме синдинового «отходняка». Было в прогорклом вкусе, наполнившем рот, что-то… что-то нечеловеческое, вызывающее ассоциации с запахом электричества и машинного масла.

Лёшку снова вывернуло. Точнее, просто скрутило в болезненном спазме – выворачивать давно уже было нечем.

В том ужасе, что сковал Лёшкино сознание, отчетливо ощущался привкус Сети. Да, он был в Сети, он слился с ней воедино. «Поплавок», жужжащий в затылке, выводил процесс обмена информацией между мозгом и Цифрой на новый уровень. Теперь Лёшка вспомнил, что он перестал соболезновать себе и сожалеть о содеянном.

Ты же побывал там, чёрт тебя возьми! В мире электрических сполохов и… неограниченных возможностей.

Он был в Сети, ломал преграды и проникал в её самые потаенные уголки. Автоматический инъектор послушно впрыснул в кровоток сначала дозу нанов, поселив их навечно в Лёшкином организме, а следом «синдин». Наркотик убирал боль, распирающую затылок из-за включившегося внутри «балалайки» «поплавка», и заставлял мозг работать быстрее. Что делали наны, Лёшка не знал. Вроде бы этого не знал никто. Но они работали, без них никакой «синдин» не помог бы выдержать жужжащий «поплавок» в голове.

Лёшка понял, что не вытащил маленький квадратик процессора из «балалайки», когда рука сама собой наткнулась на теплый от перегретого «гнезда» затылок. Он резко выдернул «балалайку», выключил её и спрятал в карман. Маячащие перед глазами пульсирующие темные пятна тут же исчезли. Тошнота не прекратилась, но в общем стало намного лучше. Чёрт, так же можно и коньки откинуть. Тоже, ломщик нашелся – забыл вытащить «оборудование». Компрометирующее, между прочим, оборудование.

Спустя пару минут дыхание выровнялось, в голове немного просветлело. Теперь Лёшка лучше воспринимал реальность и мог с точностью сказать, что грязь вокруг него действительно была центром.

Нужно уходить отсюда. Как попал в эти края, Лёшка так и не смог вспомнить. Так же, как не помнил он, куда девал «раллер» и инъектор с ампулами «синдина».

В памяти возникал какой-то грязный подвал, пропахший кошками и бомжами, облезлые бетонные стены, замызганная лежанка с пыльным тряпьем. Где это всё происходило, откуда он

выходил в Сеть?

Лёшка помнил, что решил не подключаться дома. Он ушел довольно далеко, выбрав место, которое знал. Тот самый подвал? Скорее всего.

Черт, но он не знал никаких подвалов. Разве что…

Точно, там это и было. Школьный подвал, грязный и запущенный, но относительно безопасный – все-таки школа. Родная школа № 1044, в которой он отучился десять лет, находилась недалеко от дома, где Лёшка жил с родителями. Сегодня кажется, что это было в какой-то иной, прошлой жизни. А может быть, и вовсе не с ним.

Лёшка шёл по темным переходам между дворами. Питерские дворы, соединявшиеся проходами, казались бесконечными. Люди здесь все-таки были. Жались группками у подъездов. В одном из темных проходов зарождалась потасовка, но пока никого не били. Лёшке было всё равно, он брел, ничего не видя перед собой. Он хотел найти выход на какую-нибудь улицу, чтобы узнать, где находится.

Его не тронули. Никто даже не обратился к нему. Лёшка немного удивился этому факту (в душе порадовавшись, что всё так хорошо вышло), но понял, что его вид не располагает к общению. Он лишь один раз увидел собственное расплывчатое отражение в мутном стекле темного окна, но этого хватило. Домой сегодня показываться не стоило. Как он объяснит бабушке, почему его глаза покрыты красной сеткой полопавшихся капилляров, а под ними висят (разве что, не болтаются из стороны в сторону) сизые мешки отёков? Бабушку нельзя волновать, может наступить резкое ухудшение.

Ты уверен, что бабушка вообще заметила твое отсутствие?

Он придет домой завтра. И завтра же они с бабушкой отправятся в медицинский центр, где ей сделают первую инъекцию нанов. Завтра – обязательно. Лёшка собирался сделать это сегодня, но сегодня была работа. За всё приходится платить – без этой работы не было бы и нанов.

Он пришел в школьный подвал сразу после занятий. Время, заявленное заказчиками, позволяло, даже еще был запас. В школу его пропустили. Конечно, пропуска у Лёшки не было – ни электронного, ни бумажного, – но на входе сидел дядя Мурза – старый дядя Мурза, работавший в школе, казалось, с момента её основания. Если бы там была бездушная автоматическая система, попасть в школьный подвал не удалось бы. А дядя Мурза пропустил, он Лёшку хорошо знал. Он был в нём уверен.

А ты сам-то в себе уверен?

Вот, еще и дядю Мурзу подвел. Впрочем, теперь-то какая

разница?

В подвале Лёшка знал места. Подвал был большой, и закоулков в нём было не счесть. В одном из таких, скрытых от большинства глаз мест, Лёшка и обосновался.

Сеть «раллер» поймал сразу. По ссылке, которую оставили заказчики, теперь кое-что появилось. Там не было привычного интерфейса. Собственно, интерфейса у этого сервера не было вовсе, один только программный код.

Лёшка, покосившись на пакет с инъектором и ампулами, попробовал разобраться обычными методами. Только обычными – ничего не вышло. Он даже структуру кода не сумел понять, не говоря уже о том, чтобы вклиниться в работу программы.

А код оказался динамичным, он постоянно менялся в ответ на какие-то внешние воздействия.

Лёшка теперь вспомнил, как, неистово потирая виски, как будто это могло помочь мозгам думать, пытался уразуметь, что от него требуется. Он не хотел колоть себе «синдин», не желал пускать зверя в себя. Он попросту боялся, бздел, как говорили его одноклассники. Про него и говорили, он часто бздел по любому поводу. Лёшка всё ждал, что вот сейчас с ним свяжутся заказчики, начнут уговаривать или угрожать. Но никто не звонил, никаких сообщений «раллер» не выдавал. На него всем было плевать, условия оговорены заранее, и Лёшка с ними согласился.

Он продолжал гипнотизировать цифры на экране около получаса. Потом решился. Трудно сказать, что послужило толчком…

Нет, он знал, что послужило. Он, конечно, бздел – еще как бздел, – но ему было интересно. Программный код завораживал, он звал, манил к себе. А без «синдина», Лёшка знал это наверняка, им никогда не быть вместе.

Мир стал ярче, программный код на экране «раллера» – понятней. И это только начало. «Поплавок» встал в немного модифицированный накануне контакт «балалайки», чип вернулся в затылок. И вот только тогда началось настоящее действо.

Время исчезло, остался только Лёшка и программный код. Но теперь он был не на экране, цифры плясали прямо внутри Лёшкиной головы. Это был поединок – кто кого. Победителей не было, побежденных тоже. В этот раз. В следующий он обязательно справится…

…Лёшка наконец нашел выход из дворов-лабиринтов, а на стене следующего дома обнаружилась табличка с названием переулка: Столярный. Понятно, район канала Грибоедова. Отсюда до школы минут пятнадцать быстрой ходьбы. Главное, пройти это расстояние без приключений.

Небо над головой стремительно темнело, погружая улицы столицы в мрачный полусвет сумерек. Фонари не включили. Скорее всего здесь их вообще не включали – кому придет в голову прогуляться поздним вечером по изгибам канала Грибоедова. Эти места еще во времена Достоевского особым почитанием не пользовались, а теперь и вовсе превратились в главную помойку страны.

Если вернуть «балалайку» на место, найти дорогу удастся гораздо быстрее. Но отчего-то доставать чип сейчас не хотелось.

Зачем вернулся обратно к школе Лёшка понял только, стоя перед её дверьми. Нужно найти «раллер». Смутные воспоминания о тайнике, в который он засунул компьютер, появились, но уверенности, что об этом тайнике никто другой не знает, не было.

Лёшку еще немного мутило, но память вернулась почти полностью. Единственное, чего он так и не вспомнил – как и почему попал во дворы на канале Грибоедова. Видно, от «синдина» и сетевой эйфории крышу сорвало основательно.

– Лёшка?! – крикнул кто-то сзади.

Голос принадлежал женщине и звучал немного удивленно. Незнакомый голос. Может, обознались? Или вообще обращались не к нему – мало ли на свете Лёшек.

Он медленно обернулся. В небольшой аллейке, образованной двумя рядами старых, таких же, как здания вокруг, деревьев стояла женщина. Молодая, наверное, Лёшкина ровесница. Невысокого роста, полноватая, со спускающимися по пухлым щекам прямыми темными волосами. Прическа заслуживала отдельного внимания – волосы казались нечесаными и немытыми, слипшимися в жирные пучки.

Лёшка пожал плечами и потянул ручку на двери. Дверь была закрыта. Ну, конечно же, на ночь школу закрывали. И как теперь попасть в подвал? Как забрать «раллер»?

– Лёшка, ты?!

Восторг в голосе «красотки» был неподдельный. Кто это такая? Лёшка её решительно не помнил. Но пройти мимо не получится: дверь заперта, придется спуститься с крыльца и встретиться с незнакомкой лицом к лицу.

В голову лезли дурные мысли – её могли подослать специально. Для чего? Для того – несколько часов назад он ломал какой-то сервер, а защита там стояла не просто так. Кстати, что это был за сервер, Лёшка так и не понял.

– Ну я, – буркнул Лёшка, приближаясь к женщине.

Нет, что-то знакомое в её облике все-таки было.

– Я же Света. Кренделева. Мы вместе в школе учились. Не помнишь?

Точно, Светка. Теперь Лёшка её узнал. Хотя, если бы она не сказала, ни за что не догадался бы – она и раньше красавицей не была, а теперь и подавно. Живот выпирает, ноги кривые какие-то. Лёшка поймал себя на том, что беззастенчиво рассматривает бывшую одноклассницу. И внутри застиранных джинсов становится твердо и неудобно. С чего бы это? И дурнота опять накатила. А еще ужасно хотелось есть. Жрать просто хотелось.

– Ты что здесь делаешь? – спросила девушка.

– Я это… Мне туда надо… – Лёшка отвечал невпопад, тыча пальцем в сторону двери. Лицо покрылось испариной, руки тряслись, словно его бил озноб. Но стало наоборот жарко. – Я там вещь одну забыл, а тут… Закрыто, в общем.

Светка улыбнулась. Лёшке померещилось, что между её пухлыми губами промелькнули острые, словно у акулы, зубы. Бред какой-то. Он помотал головой, чтобы согнать видение, но едва не упал, повиснув на Светке.

– Тебе плохо, что ли? – с неподдельным волнением в голосе спросила она, приобняв его за талию и удерживая от неминуемого падения. – Ты же весь дрожишь. И мокрый, будто в канале купался. Пойдем внутрь, у меня ключи есть.

Очень удачно, что у неё ключи имеются. Только вот откуда?

– Ты здесь, что? – Язык заплетался, и слова никак не желали склеиваться в нормальные фразы. Но Светка поняла:

– Я работаю тут. Ночным вахтером. В ларёк ходила, тут рядом. За водой.

Вода – это хорошо, это очень кстати.

– А у тебя пожрать ничего нет? – непроизвольно переходя на жалобный тон, поинтересовался Лёшка.

– Есть. Немного, правда. Пойдем?

Она подошла к дверям и отомкнула их.

«Раллер» где-то внутри здания. Делать нечего, придется.

– Пойдем, – согласился Лёшка.

Он съел все соевые котлеты, которые были у Светки в «тормозке». И выпил литра полтора воды. Пить всё равно хотелось, но больше пока не влезало.

Лёшка непроизвольно раз за разом пробегал взглядом по округлостям Светкиного тела. Тело впечатления не производило, да, что там – откровенно не нравилось, но почему-то он хотел её всё сильней и сильней. Лёшка не мог объяснить непонятное желание, у него не было особенного опыта общения с женским полом. Сказать честно – не было почти никакого. Если не считать… нет, это и считать не стоило. От Светки исходило что-то… какая-то домашность, она казалась своей, родной.

После еды в голове немного прояснилось. Но ненадолго. Еще

через пятнадцать минут головокружение снова вернулось, мысли путались, а речь стала бессвязной. Но руки, настойчиво гладящие податливое Светкино тело, двигались активно и уставать не собирались. А Светка тоже особых возражений не выказывала.

Секс Лёшка помнил урывками. Светкины стоны смешались в памяти с истошными криками на улице. Или на улице никто не кричал?

Лёшка, ничего не чувствуя, неистово вонзал стоявший колом член в Светку. Он словно превратился в бездушный механизм, двигающийся вперед-назад и не знающий усталости. Он раз за разом разряжался, не заботясь о возможных последствиях, но был готов продолжить процесс спустя несколько секунд. Тело требовало разрядки, а разум в это время находился где-то далеко, в глубине прочной черепной коробки, с испугом взирая на мир через прорези глаз.

Момент, когда они оба заснули, Лёшкин разум пропустил совершенно.

Проснулся он глубокой ночью. Светка сидела за столом, перед ней тусклым неровным светом горела экономичная диодная лампочка. Лёшка поднялся с потертого, видавшего виды (наверное, и не такие, как сегодня) дивана, осмотрелся. Маленькая комнатка, на стене – коммуникатор (похоже, поломанный), стол с настольной лампой, какой-то пульт. Комната охраны, секьюрити, так сказать. Ага, с неработающим коммуникатором и, по всей видимости, без камер наблюдения. Это как раз хорошо, что без камер.

Светка, как оказалось, спала, уткнувшись лицом в скрещенные на столе руки. На ней была наперекосяк надета помятая юбка, а сверху ничего не было. Под левым локтем чернел сосок расплющенной столешницей груди. Лёшка смотрел на грудь совершенно спокойно – эротизм возбуждения не вызывал. Даже интереса не было. Значит, в том, что произошло несколько часов назад, виноват «синдин»? Чёрт его знает? Возможно, старик Фрейд смог бы ответить на этот вопрос. Да и какая разница.

Лёшка собрал свою одежду, разбросанную по каморке. Пить снова хотелось неимоверно, но воды больше не было – рядом с диваном стояла опустошенная пластиковая бутылка.

Еще более неимоверно хотелось в туалет. Благо Лёшка еще со школьных лет прекрасно помнил, где здесь располагаются отхожие места.

Вход в подвал был заперт. Но Лёшка знал, как туда попасть без ключей – в спортзале находился второй вход. Как и ожидалось, его никто не замыкал. Похоже, на той двери даже замок давно накрылся.

«Раллер» оказался именно там, где и предполагал Лёшка. Рефлексы не подвели.

В комнату охраны он решил не возвращаться. Ключ – он помнил это точно – Светка оставила в замке.

19

Отчего-то звуки ассоциировались с гастрономией. Будто мясо отбивали. Да, собственно, так оно и было. Лицо Хармса давно перестало быть лицом, превратившись в кровоточащий кусок мяса, иногда вяло ворочающий языком.

Микмака не били. Так, попинали для порядка, связали руки за спиной, в очередной раз плотно стянув их пластиковым жгутом, но серьезно не били. Руки он давно перестал ощущать, словно их и не было, а в остальном особого дискомфорта Микмак не испытывал. Чего нельзя сказать о Хармсе. Бедняга…

Очнулся Микмак в темноте. Было душно и сильно трясло. Понятно, их с Хармсом – здоровяк сопел в интимной близости и то и дело наваливался всем своим не самым маленьким телом – везли куда-то в багажнике мобиля. Судя по звукам, двигатель гибридный, периодически меняющий завывание электромоторов на рокот дизельного движка.

Ехали довольно долго. Часов двенадцать, если не больше. Рот заклеен, руки-ноги связаны, делать нечего. С полдороги мочевой пузырь распирало так, что Микмак решил не маяться ложной скромностью и помочился под себя. И под Хармса, естественно. Минут через десять Бендер Хармс сделал то же самое.

Когда и куда приехали, Микмак рассмотреть не успел. Их стремительно вынули из багажника, больно приложив головами о борт мобиля, и выдали каждому по нескольку ощутимых тычков под ребра, чтобы не рыпались. Не то снова была ночь, не то они находились в каком-то ангаре, в котором экономили на электричестве. Потом их бросили в кромешной тьме еще часа на три. А может, и на всё пять – в полной темноте время течет незаметно. Хармс несколько раз начинал рассказывать о своей жизни. Его словно прорвало. Он то и дело вспоминал о коде, который ему нужно добыть. Даже стало жалко парня – если бы знал, выдал бы ему этот код.

А теперь их били. Вернее, били Хармса. Микмака держали про запас.

– Куда… ты… дел… файл? – после каждого слова нанося удар по кровавому месиву, бывшему раньше лицом Хармса, спрашивал потный лысый мужчина среднего роста.

Других отличительных признаков мужчина не имел, черты его лица были настолько стандартными, что Микмак вряд ли узнал бы его в толпе, доведись встретиться с этим типом еще. Не иначе работа пластиков. Есть такая методика – чтобы в глаза не бросался. Единственное, что подобных ему людей может взять –

электронная система распознавания лиц. И то, работали только дорогие и хорошо отлаженные программы, а дешевки, стоящие на серверах уличных камер наблюдения в большинстве городов, его бы тоже «не узнали». На руках у дознавателя – или кем он являлся? – были надеты черные, по виду кожаные перчатки. Возможно, не хотел портить руки, кто ему запретит?

– Так ты говорить будешь или нет?! – заорал он в ухо Хармсу и веско добавил: – Скотина!

Хармс что-то мычал. Микмак плохо понимал, что говорит Бендер. Но безликому в перчатках, видимо, всё было ясно. Он зло сплюнул на пол и несколько раз ударил Хармса – скорее, для собственной разрядки, а не с целью добычи информации.

– И где он, по-твоему? – совершенно спокойным голосом произнес дознаватель.

Следующий ответ Хармса Микмак понял:

– На том SSD-накопителе, что нашел он, – кивок в сторону Микмака, – в Марселе-нуво.

Резкий хлёсткий удар. Хармс тихо и протяжно засипел.

– То есть ты предполагаешь, что мы не смотрели?

Машинист покачал головой.

– Тогда какого хера ты мне врешь?! – переходя на визг, заорал безликий.

– Там он, там. – Хармс поспешил подтвердить предыдущую версию, но от серии ударов это его не спасло.

Какого черта происходит? Какой им файл нужен? И что несет Хармс – он же сам сетовал, что не знает, где этот чертов код искать? Микмак не мог понять, о чем вообще идет речь. А ведь до него тоже, скорее всего, очередь дойдет. И придется на вопросы отвечать. Только вот что отвечать, Микмак не знал.

Подожди, тебе вопросов еще не задавали. Откуда уверенность, что они будут теми же, что и для Хармса?

Микмак почувствовал, что кожа под волосами надо лбом начала зудеть. Он поморщился, стараясь унять неприятное чувство, но это не помогло. Руки связаны и потереться не обо что. Он сконцентрировался, стараясь не думать о зуде. Получалось плохо, связанные за спиной руки непроизвольно скребли спинку стула. Какое-то время Микмак не слышал, что выяснял безликий у Хармса, потому что весь, что называется с головой, ушел в этот зуд. Потом начало отпускать. С трудом, но удалось забыть о желании почесаться.

Так ты и забыл. Дай тебе волю, разодрал бы лоб в кровь.

Микмак попытался отвлечься от сцены допроса – сделать это очень мешали то и дело долетающие до лица кровавые брызги – и вспомнить всё, что он нашел на SSD-накопителе. Программные

фрагменты, корпоративные метки, повторы, вставки, комментарии. Цифровой хлам, которым обычно кишит компьютер любого машиниста.

Хармсу он не соврал – Микмак на самом деле не был машинистом. Но это совсем не означает, что он не разбирался в программах и процессорах.

Самое обидное, что Микмак ничего никуда не сливал с носителя. Только на свой комп, который забрал Хармс. Кстати, после того как оба ушли из офиса фирмы Ромеро, Микмак свой компьютер больше не видел.

Может, Хармса били за дело? Может, это он…

Хотя какая ему, Микмаку, разница? Хармс его спас? Представился по имени? Ну и что? Спасибо тебе, Бендер, но дальше пути наши расходятся. Нет, угораздило же…

Что-то там такое было до того, как мир померк после удара чем-то тяжелым и твердым по голове. Какая-то странность с Хармсом, которую Микмак заметил, но теперь не мог вспомнить. Не важно. Сейчас нужно понять, как вести себя дальше. Правда, с любой стороны получается, что толку никакого не будет – Микмака уже пытались убить, так что оставлять его в живых сотрудники этой конторы не планировали с самого начала.

– Где данные? – Тон безликого был спокоен и холоден. Словно струя жидкого азота, пущенная в лицо.

Хармс лишь покачал головой. Безликий недовольно поджал губы и неожиданно вперился колким, сверлящим взглядом в Микмака. Он ничего не сказал, просто смотрел. Так удав смотрит на кролика… которого не собирается есть.

А потом резко, без размаха ударил Хармса. Голова машиниста откинулась назад, словно у тряпичной куклы, глаза закатились, из горла вырвался какой-то птичий клекот. Бендер не шевелился.

«Жаль мужика. Похоже, он все-таки был неплохим человеком», – подумал Микмак. Правда, в данный момент больше беспокоил тот факт, что по всем признакам очередь быть битым дошла до него.

Микмак решил, что Хармс умер. Но нет – губы машиниста медленно шевелились, что-то шепча. Безликий, не сводя глаз с Микмака, подошел ближе к Бендеру, наклонился, чуть не упершись ухом в надувающийся изо рта жертвы кровавый пузырь, и прислушался. Он медленно, в такт движений губ Хармса, кивал, уголки его рта медленно растягивались в хитрую кошачью улыбку.

До Микмака долетали лишь отдельные слова. Даже не

слова – обрывки слов. Но кое-что он понял: «накопитель», «под водой», «данные» и «раллер». Больше всего не понравилась ремарка про воду. Под водой из них троих был только Микмак. Не по своей воле, но факт оставался фактом.

– Хорошо, – довольно промурлыкал безликий, а потом добавил, будто разговаривая сам с собой: – Принесите «раллер» этого олуха.

Где-то за пределами узкого круга света громыхнула металлом открывшаяся дверь. Потом в руках безликого появился «раллер». Микмак не поручился бы, но вроде тот самый, которым пользовался Хармс в офисе Ромеро.

– Где?

Хармс дернулся, но руки машиниста, так же, как руки Микмака, были туго стянуты пластиковым шнуром за спиной.

– Директорию назови, – подсказал безликий.

Хармс что-то буркнул. Как его понимал дознаватель, для Микмака оставалось загадкой. Он быстро, умело перебирая пальцами, пробежал по клавиатуре и снова повернул «раллер» экраном к Хармсу.

– Этот?

Хармс молча кивнул.

Черт возьми, что они там рассматривают. Микмак понял, что непроизвольно вытягивает шею, пытаясь заглянуть в экран. Понял, но слишком поздно – внезапный, совершенно неожиданный удар одетого в черную перчатку кулака безликого едва не поверг его в нокаут.

– Откуда ты его слил?

Как оказалось, последний вопрос относился к Микмаку. Промедление жестко каралось – в лицо и под дых прилетела еще серия резких сильных ударов. Дыхание перехватило. Даже если бы знал ответ, сказать Микмак теперь ничего не смог бы.

Иногда самые странные и, казалось бы, совершенно не взаимосвязанные между собой вещи пробуждают цепочки воспоминаний, приводящие к тому, что называют озарением. Вот и сейчас вместо того, чтобы воспылать приступом жалости к себе, Микмак совершенно алогично подумал о фотографиях, которые показывал ему солидный господин, явившийся в их офис.

Три высоких цистерны, стоящие в ряд. Группа радующихся чему-то мужчин на переднем плане. Разобранная (а скорее, еще не собранная) технологическая установка. И мутное пятно на заднем плане.

Пятно пристально вглядывалось в объектив, раздражая своей безликостью.

Система распознавания лиц. Сложный математический

алгоритм, заложенный в человеческую голову самой природой. Сразу несколько областей коры головного мозга участвовало в этом привычном повседневном процессе. Миллиарды нейронов работали на то, чтобы найти в расположении складок и выступов на лице незнакомца хоть какую-то закономерность.

Лицо дознавателя, ведущего странный и непонятный допрос, создавало бесконечный лабиринт, в котором вязли те самый нейроны, так и не находя ответа. Но ответ был. Слишком большая сеть в голове занималась процессом узнавания, слишком мощный потенциал, чтобы не выжать информацию хотя бы из десятка пикселей.

Дознавателя на той фотографии не было. За это Микмак готов поручиться. Так же, как за то, что точно знал, кто случайно проходил мимо несобранной установки в момент, когда чья-то рука нажала на спуск затвора фотокамеры. Светочувствительная матрица зафиксировала спроецированное на неё объективом изображение, старательно воспроизвела размытость заднего плана. Микмак вспомнил, узнал этого человека. Это же…

– На кого ты работаешь?! – безликий орал, брызгая слюной в лицо Микмака. Ответа он, похоже, и не ждал. Только обозначил направление будущего разговора. Потому что еще до того, как Микмак успел набрать в легкие воздуха, кулаки безликого нанесли несколько мощных ударов в лицо и по корпусу допрашиваемого.

Мимолетная мысль, ответ на вопрос, процесс распознавания образов – всё вышиб из головы чёртов дознаватель. Нет, Микмак снова не помнил, кем было то размытое пятно на фотографии. Он знал, но никак не мог вспомнить.

Микмак отплевывал кровь, автоматически ощупывая языком зубы. Зубов было жаль, хотя пока все вроде бы оставались на месте. Только правый нижний клык немного шатался. Но если оставить его в покое…

Нет, в покое его не оставили – еще два удара сдвинули зуб набок. Он еще держался, но надежды на его спасение немного.

– Повторяю: на кого ты работаешь?

– Ни на кого, – ответил Микмак.

Губы распухли, рот наполнился густой соленой смесью крови и слюны, язык еле ворочался. Но лысый дознаватель прекрасно понимал слова. Наверное, его не только лишили индивидуальности, но и каким-то образом научили вычленять смысл из невнятного бормотания своих жертв.

Безликий ничего не сказал. Только молча, с сосредоточенным выражением на лице нанес Микмаку еще несколько ударов. Его явно не удовлетворил ответ.

– Работал на Старика Ромеро, – поправился Микмак. – Теперь работать мне не на кого.

– Ты слышал, Хармс, – обратился безликий к уронившему на грудь голову машинисту, – он утверждает, что ни на кого не работает? Ты ему веришь?

Микмак думал, что вопрос был риторическим, что дознаватель разговаривает сам с собой. Но ошибся – Хармс, с трудом приподняв заплывшие глаза, едва заметно покачал головой. Что это? Не хочет, чтобы облаченные в черную кожу кулаки снова прошлись по его физиономии? Скорее всего. Вряд ли Бендер вообще хорошо понимал, что сейчас происходит в этой комнате.

– Видишь, он тебе не верит. Я, признаться, тоже. Итак…

Безликий больше ничего не спрашивал. И не ждал ответа на уже заданный вопрос. Он бил. С чувством, самозабвенно. В его действиях ощущался профессионализм: удары были точными, короткими и максимально болезненными. Он бил не для внешнего эффекта или удовлетворяя собственные извращенные желания. Он просто работал. Качественно и профессионально превращая «клиента» в безвольное, готовое на всё существо.

Микмак потерял счет ударам. Он вообще уже соображал смутно. На периферии затуманившегося сознания мелькали бессвязные мысли. В голове стучала фраза безликого, которую тот время от времени повторял, с точностью до обертона воспроизводя предыдущие интонации. «На кого ты работаешь?»

На кого он работает? На самом деле, Микмаку самому было бы интересно узнать ответ на этот вопрос. Он пытался задуматься, но возможности сделать это было немного: каждую секунду в лицо прилетал один из пары всемогущих черных кулаков и отшибал любые мысли, словно кнопка «reset» – операционную систему компьютера. Только образ желтой бабочки, лениво помахивающей крыльями с голубой каемкой и яркими красными кругами внизу, почему-то то и дело всплывал из памяти.

– Где файл?

Вопрос был другим. Микмак уже слышал его, но в тот раз безликий спрашивал Хармса. На короткое мгновение внезапность смены привычного, уже стучащего, подобно колесам поезда, в голове вопроса о «работодателях» Микмака, на другие слова, произвела эффект ударившего в лицо потока холодной воды. Но только на мгновение, спустя секунду взор снова заволокла кровавая пелена.

– Какой файл? – Слова как будто прилипали к нёбу, и Микмаку приходилось их с силой отдирать оттуда.

– Который вы с Хармсом украли! – заорал безликий.

– Я не знаю.

Безликий наотмашь ударил Микмака по лицу. Его губы искривились в гримасе отвращения. Или это было обычное недовольство?

Когда перестали бить, Микмака уже не интересовал вопрос о файле. А образ желтой бабочки, наоборот, настойчиво лез из глубин памяти наружу. Микмак знал, это и был ответ. Правда, рассказывать о нём он не собирался. Потому что понял одну вещь – бабочка появилась неспроста, здесь и теперь ей как раз самое место.

– Нам нужен файл. Ты понимаешь?

Безликий внимательно вглядывался в глаза Микмака. Сначала тот не мог понять, что он надеется там найти. Потом догадался: проверяет, не утратил ли его подопечный способность понимать вопросы. Нет, Микмак всё понимал. Хотя и соображал уже неважно.

Он кивнул. От короткого движения голова безвольно упала на грудь. Он на самом деле верил, что файл им нужен. И действительно пока не мог понять, какой.

– Ты ведь расскажешь, где его найти?

А много ли вариантов? Всё, что могло пригодиться, Микмак хранил на небольшом твердотельном накопителе. Он держал его в ящике стола. В том, где рылся Хармс. Бендер искал выброшенный Микмаком SSD, он проверял всё данные. Означает ли это, что безликий прав, подозревая в воровстве Хармса?

А помнишь, Хармс всё спрашивал тебя о каком-то коде? Может, этим самым кодом он и хотел открыть файл?

А ведь Бендер Хармс и впрямь вёл себя странно. Спас Микмака, которого ему велели утопить. Плакался спасенному в жилетку – как еще можно назвать сетования на начальство и слова, типа «я не убийца»? Можно подумать, он и не подозревал, на что идет, когда отправлялся с командой головорезов в Марсель-нуво.

Информация на носителе была зашифрована. Хармс не смог вскрыть шифр? Возможно, именно поэтому он и спас Микмака. Понял, что самому не справиться, и вернулся за ним на катере. Только кто-то из своих настучал. Теперь они оба здесь, на аудиенции у безликого.

Нет, что-то не сходилось в этой истории. Был какой-то фактор, который выбивался из относительно стройной теории. Если бы так не болела голова…

Безликий, видимо, решил, что перерыв затянулся, и резко, без всякого предупреждения ударил Микмака несколько раз

в область ушей. Внутри головы зашумело. Как в колоколе. Мысли спутались окончательно.

– Так, где файл?

– На накопителе. В столе. Хармс его читал.

Если бы Микмак еще был способен что-то увидеть и рассмотреть, он бы заметил, что машинист внезапно поднял голову, уставившись на него неестественно бодрым, учитывая предшествующее избиение, взглядом. Но реальность, даже та, которую Микмак видел, всё больше смешивалась с вымыслом и воспоминаниями.

– Всё-таки ты его слил, – пробормотал безликий. Похоже, он обращался к Хармсу.

А потом он снова начал бить Микмака.

– Ты ведь поможешь нам восстановить его? Поможешь?

Микмак был готов согласиться на что угодно. Он кивал, но безликий не обращал на его телодвижения внимания и продолжал бить. Он требовал сказать правду, а правды Микмак не знал. Правда – вещь нереальная. Не важно, как было на самом деле, важнее, что думает по этому поводу большинство. Усредненное мнение, которому доверяют – это и есть правда.

– Я восстановлю, – прошепелявил Микмак, когда безликий на секунду остановил удары. – Дайте только исходники, я должен посмотреть, что там.

Подумать только, ты и сам поверил, что сможешь что-то восстановить!

Безликий дышал тяжело, словно после хорошей пробежки. Что делать, у него работа действительно тяжелая. Неизвестно еще, какие мысли грызут его дома на досуге. Нормально. Микмак не питал к нему зла – каждый добывает свой хлеб, как может. Как ни крути, а в любом случае добывать его приходится за счет других. Закон природы: нет ничего нового, можно лишь перераспределять уже имеющееся.

– Хорошо. Завтра очухаешься чуток и через день начнешь работать.

Микмак не видел того, кто говорил. Но голос вроде бы принадлежал не безликому и казался знакомым. Он уже слышал этот голос раньше. Когда? Сейчас вспомнить не удастся – голова гудела так, что равновеликой вечностью казались пара секунд и десяток лет.

– А ты, падаль…

Это они кому? Микмак, приложив немалые усилия, разлепил веки. Перед взором мелькнуло изображение желтой бабочки, – её же нет на самом деле, мираж? – и появился Бендер Хармс с опухшим и окровавленным лицом. Секунда потребовалась,

чтобы понять, что же в представшей картине не так – Хармс смотрел слишком уж осмысленно и живо. И смотрел он точно в дуло направленного ему в лицо «дыродела». Еще одна странная деталь – в глазах Хармса не было страха. Ни грамма…

Вспомнил! Микмак понял, что именно казалось ему несуразным в истории его спасения машинистом неведомой ему корпорации Бендером Хармсом. Он это понял еще там, в поле под Марселем-нуво, но удар по голове уничтожил только что зародившуюся мысль. Как оказалось – не полностью.

Высадив Микмака, Хармс зачем-то вытащил и закрепил на берегу катер. Он не собирался уплывать. Он прибыл в точку назначения. Туда, куда нужно было доставить обманутого, якобы спасенного Микмака.

А вот теперь в лицо самого Хармса смотрел ствол «дыродела». Страха в глазах машиниста – машиниста ли? – не было. Там было какое-то по-детски наивное удивление. Не ожидал.

Грохнул выстрел. Микмак непроизвольно вздрогнул. Хармс вздрогнул тоже. В последний раз – его мозги кровавым пятном медленно сползали по стене за спиной. Нет, Микмак повидал всякое, эта картина не была фейком, подделкой. Мозги стекали настоящие. И дырка в голове Хармса тоже была вполне всамделишной.

Жутко зачесался лоб. Аккурат в том же самом месте, через какое только что в голову Хармса влетела пуля.

Микмак вообще перестал что-либо понимать. Ничего, время покажет, что тут происходит. Ему сказали, что работать нужно начинать через день. Знать бы еще, в чем заключается эта работа.

Внезапный удар в лицо выбил остатки сознания из головы Микмака. Удар уже стал узнаваем – черная перчатка безликого.

Впечатление, будто в комнате выключили свет. А перед тем, как темнота поглотила всё без остатка, на мгновение снова мелькнул размытый образ человека на фотографии, которую показывал ему «солидный» в офисе Ромеро, став на мгновение чётким. Но лишь на мгновение – в следующую секунду так и не узнанное лицо поглотила тьма.

20

Вид двери вызывал ассоциации со средневековыми замками, в которых десятилетиями томились неугодные власти узники. К такой двери – массивно металлической, местами с проступившими рыжими пятнами ржавчины – больше подошел бы столь же массивный ключ. Неплохо бы еще, чтобы проворачивался он с душераздирающим скрипом.

Но ничего подобного здесь не было и в помине. Все-таки это Цюрих. Анклав Цюрих, славившийся своей стабильностью и мощью. И технологиями, разумеется.

Магнитный замок тихо клацнул, и дверь едва заметно подалась. Мельхиор Циммерман бросил негодующий взгляд на вытянувшегося в струнку громилу-охранника, преданно уставившегося на шефа машинистов.

– Дверь открой! – рявкнул Мельхиор.

Он знал, что эти тупые бугаи недолюбливают машинистов. Они им, видите ли, напоминают тритонов. Как бы то ни было, тягать двери весом в полтонны он не намерен.

Охранник встрепенулся, состроил непонимающую мину и потянул дверь на себя.

Циммерман бывал здесь раньше. Неоднократно бывал. По долгу службы. И ему никогда не нравился этот гадюшник, устроенный президентом Моратти.

За тяжелой металлической дверью обитали тритоны. Живые трупы. По-другому их и не назовешь – ни физиологически, ни юридически: по всем документам в пределах Анклава Цюрих этих людей не существовало.

Длинный темный коридор, теряясь впереди, казался бесконечным. Все-таки образы средневекового подземелья не оставляли Циммермана. Правда здесь было вовсе не Средневековье и даже не подземелье – официально заведение называлось «Центром подготовки особых сил СБА» и находилось оно чуть не в самом сердце Анклава. Правда было окружено глухим высоким забором, снабженным всевозможными системами слежения и контроля. Сами «особые силы» тоже содержались в полностью закрытом приземистом строении, совершенно лишенном окон. Сбежать отсюда нереально. Если, конечно, ты не граф Монте-Кристо, да и тому на самом деле попросту повезло.

Собственно, Мельхиор успел убедиться, что девяносто процентов обитателей этих мест побег интересовал в последнюю очередь. На первом и всех последующих местах стояла только

одна вещь: «синдин». Прозрачная дрянь с едким запахом, разрушающая мозги и делающая что-то непонятное с тканями каждого десятого «пользователя», обрекая его на неспешную мучительную смерть. Спасения до сих пор не придумали.

Ну да, именно поэтому ты начинаешь трястись от страха каждый раз, как подцепишь обыкновенную простуду.

Трупы отсюда не вывозили. Но это не означало, что их здесь не было. Их сжигали на месте.

Президент Моратти распорядился беречь «материал». «Материала» было немало, но по большей части полное дерьмо. Сделать из этого дерьма настоящую цифровую конфетку – одна из многих задач Мельхиора Циммермана. Главный машинист Цюриха считал, что справился с поставленной задачей успешно.

Но всё же применять «особые силы» в действии он опасался. Неизвестно, что тритоны могут выкинуть в настоящем деле.

– Первая группа готова? – спросил Циммерман, когда зашел в одну из дверей с надписью «Лаборатория».

– Да, полностью. Вон, – координатор группы кивком показал на стеклянную стену с односторонней прозрачностью, – сидят, бредят Сетью.

В соседнем помещении вдоль противоположной стены стоял ряд кресел. По одному на каждого тритона. Зажимы для рук и ног, фиксатор для головы, ощетинившиеся датчиками и иглами навесные консоли по бокам – это уже не было похоже на Средневековье, но ощущение, что очутился в камере пыток, не исчезало.

Еще там находилось два десятка человек. Тритонов, поправил сам себя Циммерман, два десятка тритонов, а не человек. Бритоголовые, худые до изможденности тритоны разместились кто во что горазд – кто-то лежал на совершенно гладком полу, кто-то сидел, обняв соседа; некоторые стояли, замерев посреди зала или прислонившись к стене; еще несколько приплясывали, будто на «балалайки» им транслировалась зажигательная музыка. Странное зрелище. Странное и страшное.

– В какой они фазе?

– Просто разогрев. Они ничего не ломают, доступ только в учебную локальную сеть.

– А наш проект?

Координатор молча повернул стоявший перед ним «раллер» экраном к шефу. Циммерман пробежал глазами строчки кодов. Он видел это уже не единожды, но всё равно каждый раз начинал машинально вчитываться. Здесь всё в порядке, сотни раз проверено и отлажено.

Теперь дело за ним, за Мельхиором Циммерманом. Осталось

лишь отдать команду, и карусель закрутится. Мозги тритонов получат вожделенную дозу «синдина», их «балалайки» подключатся к серверам, на которые их выведут машинисты Цюриха, а дальше… Что будет дальше, пока точно не известно. Если за плотными заслонами спутников «Науком» действительно скрывается сеть Станции, дальше будет очень жарко.

– Вы их сегодня… кормили? – Циммерман сделал невольную паузу перед последним словом. Он не имел в виду раздачу пищи, кормлением в этом месте называли другую процедуру.

Однажды он стал свидетелем того, как «кормятся» тритоны. Более отвратительного зрелища он в жизни не видел. Даст бог и не увидит. Все круги ада и извращенная фантазия Иеронима Босха казались пустяком, в сравнении с тем, что происходило во время «кормления». Тритонам давали «синдин». Они все были наркоманами, даже те, кто отлично понимал, что происходит. Последних держали отдельно, они – главная сила. Но их Циммерман боялся больше всего, эту группу, элиту, он пустит в дело, если другого выхода не будет.

«Синдин» выдавали на камеру. Дозу рассчитывали, чтобы не было передозировки. Но и с катушек тритоны не должны слететь из-за взбунтовавшихся мозговых рецепторов, требующих наркотик. Ровно столько, сколько нужно, чтобы поддерживать их тело в состоянии безвольного растения, а разум – готовым к виртуальной схватке.

В каждого тритона вживлен специальный датчик. В каждом бараке уйма камер наблюдения, всё под контролем. И всё равно во время «кормления» тритоны пытались отобрать дозу соседа. Нарушения жестоко карались, вживленная электроника могла не только регистрировать тысячи витальных показателей, но и активно вмешиваться в метаболизм. Можно было и просто – получить разряд электрическим током, пущенным прямо в нервное сплетение. Они знали о наказании. И всё равно каждый раз пытались получить лишнюю дозу.

Зрелище, вызывающее отвращение. Шоу, способное напугать.

Циммерман несколько раз предлагал изменить процедуру «кормления», вводить дозу каждому тритону по отдельности, а не оставлять делёжку на самотек. Но президент Моратти лично распорядился оставить все, как есть. Тритоны не должны забывать, какие они мрази – именно так он и сказал.

Циммерман видел этот процесс лишь однажды. Больше любоваться «кормлением» охоты не было. Слишком уж отчетливо отпечаталось в сознании понимание того, что он сам – такой же наркоман. Он тоже пользуется «синдином». Не так часто. Ему кажется, что всё под контролем, что власть в его руках, в его

сознании. Но это не так. И Мельхиор Циммерман отлично осведомлен об этом. Власть в стане людей Цифры – не важно: тритонов или машинистов – захватил «синдин». Власть в руках того, кто распоряжается «синдином».

Согласись, ты тоже попытаешься выцарапать лишнюю ампулку у соседа, если по долгу службы тебе перестанут давать «синдин».

– Конечно. Но к началу операции запланирован дополнительный «паёк». Я в это глубоко не вникал, подбором дозы занимаются медики, вы же знаете, – объяснил координатор.

Мельхиор вздрогнул, услышав слово «конечно». Очень уж нехорошо оно сочеталось с его последней мыслью.

– Да, разумеется, – согласился Циммерман.

– У нас всё готово. – Сообщение пришло на «балалайку» из машинного зала.

У них всё готово. Осталось отдать команду. Но почему так трудно сделать это? Откуда этот иррациональный страх, который Циммерман никак не мог объяснить? Он боялся не Мертвого, он боялся тритонов. Того, что они могли сотворить с Сетью.

– Начинаем? – спросил координатор.

– Секунду.

Циммерман, используя возможности своей «балалайки», подключился к специально созданному для этой операции серверу. Еще раз проверить данные, еще раз лично удостовериться…

– Какого чёрта вы тянете?! – голос президента Моратти прозвучал в голове Циммермана, как гром среди ясного неба.

– Нет, нет, – сбиваясь, забормотал главный машинист, – у нас всё готово. Через минуту начнем. Начинайте! – резко крикнул он координатору.

Человек, сидящий перед «раллером», слегка улыбнулся. Этот всё понимает. Но не стоит показывать, что он заметил, не стоит проявлять слабость перед подчиненными.

В соседней комнате, за стеклом, открылась единственная дверь. Сначала вошли двое охранников с автоматами. Оружие снято с предохранителей, заметил Циммерман.

Их все боятся, не только он. Тритоны не представляли никакой угрозы, тем более теперь, когда их намеренно превратили в согласных на что угодно ради дозы «синдина» безвольных кукол с «балалайками» в головах. Но бойцы не сводили глаз с двух десятков тощих доходяг, существующих в каком-то своем сюрреалистичном мире. Они готовы были выпустить очередь в любого, кто дёрнется в их сторону. Или в сторону еще двух громил и медика, которые вошли следом за

ними.

Каждый из тритонов получил по инъекции. Никто не сопротивлялся – с чего бы? Бойцы усадили тритонов в кресла, закрепили их специальными скобами. Медик подключил к каждому какое-то оборудование. Проверил показания на экране коммуникатора, который вытащил из кармана. Человек в белом халате посмотрел на непрозрачную для него стену и свернул большой и указательный палец правой руки колечком. Всё было готово.

– Первичный модуль атаки, – скомандовал Циммерман.

Координатор кивнул и набрал несколько команд на клавиатуре. Он пристально всмотрелся во что-то на экране, потом нажал клавишу «enter». Началась загрузка данных в «балалайки» тритонов.

Их специально натаскивали ломать и крушить. Всё, что угодно. Всё, что им подсунут машинисты СБА. Три года с тритонами работали по специальной методике. Разработали её медики, но инициатором проекта был Ник Моратти. Идея принадлежала лично президенту Службы безопасности.

Тритоны ничего не соображали. Для них всё происходящее было игрой, веселой и азартной. Они помнили, что такое Сеть. Они тренировались почти ежедневно. Но локальная сеть, созданная специально в учебных целях, не могла дать того ощущения всемогущества, что дарила Всемирная паутина. Циммерман знал, что чувствовали тритоны. Он понимал их, хотя и не одобрял их действий.

Сам он работал на СБА Цюриха давно. Начинал простым машинистом, потом стал начальником отдела, теперь – всей службы. Он хорошо видел общности, строил стратегию. Но всегда приходилось сдерживать себя, он вынужден был останавливаться, не давать волю тому… тому, что дарила троица Сорок Два. Конечно, баварский ублюдок был настоящим гением, этого у него не отнимешь.

Циммерман всегда сдерживал себя, но как же хотелось отбросить все ограничения и пронестись по сети огненным вихрем, уничтожающим всё на своём пути ураганом! Хотелось стать тритоном. Хотя бы на секунду, хоть на миг… Мельхиор понимал, что секунда никогда не закончится – однажды попробуешь, пути назад не будет. Путь тритона – путь саморазрушения, тупиковая ветвь.

Внешне ничего не происходило. Приторможенные тритоны всё так же лежали, зафиксированные зажимами, в креслах. Некоторые мерно покачивали ступнёй или шевелили пальцами. Они там, внутри, их жизнь начинается только в сети. Они хотели

эпоху Цифры? Плохо представляли, что это такое, но всё равно хотели. Вот они и получили ее.

Циммерман подключился к серверу, с которого шла атака наукомовских спутников. Никаких «поплавков», никакого «синдина», сегодня нужна ясная голова. Просто быть наблюдателем.

Огромная и бесформенная, расплывшаяся, словно гигантская амёба, масса грызла неприступную крепостную стену. Поначалу псевдоподии виртуального одноклеточного бессмысленно тыкались в прочную основу наукомовской защиты. Это нормально – тритоны, несмотря на глубокую подготовку и предельную дозу «синдина», всё равно являлись группой отдельных индивидуальностей. Им нужно сработаться. В том, что это скоро произойдет, Мельхиор Циммерман не сомневался – тритоны и без особой подготовки, разработанной цирюхскими эскулапами, умели сбиваться в стаи. Цифровые стаи, умножающие свои силы и становящиеся на несколько порядков мощнее отдельного ломщика. А уж теперь…

Увеличивало мощность тритоньей своры и особое программное обеспечение сети «Центра подготовки особых сил». Авторство идеи этого софта тоже числилось за Мельхиором Циммерманом. Разумеется, он сам не писал весь программный код, но идею… Идею он озвучил своим подчиненным, и те, воодушевленные прозорливостью шефа, взялись за дело. Не без успеха.

Вот только идею Мельхиор придумал не сам, её подсказал человек, который вроде бы мало что смыслил в Цифре и которого начальник отдела машинистов откровенно недолюбливал – Тео Бигглс. «Золотой мальчик» президента Моратти. Можно сказать, он шепнул о неких соображениях Мельхиору на ушко, не афишируя своего авторства.

Циммерману захотелось плюнуть так, чтобы смачно выплеснуть всё отвращение, которое он питал к Бигглсу, но, поискав глазами, не нашел подходящего для плевка места.

Движения аморфной массы стали более осмысленными, кто-то из тритонов отыскал слабину в виртуальной стене. Гигантская амёба плавно перетекала туда, где одно из щупалец пока безрезультатно ковыряло прочную защиту, зацепившись за маленькую щербинку.

– Они нашли брешь, – сообщил голос из «балалайки».

– Вижу, – недовольно буркнул Циммерман: звонил кто-то из его машинистов, могли бы и догадаться, что шеф следит за процессом.

Руки главного машиниста Цюриха непроизвольно сжались

в кулаки. Он ждал, он надеялся и верил. Несколькими часами ранее Мельхиор самостоятельно побывал там. Он прощупал защиту «Науком», изучил её во всех деталях. Да, он пользовался «синдином» – сладкое ощущение истомы, которую дарил наркотик, не покидало до сих пор. И ему удалось немного приоткрыть завесу тайны.

Стена не поддалась, на её поверхности, твердой, словно алмаз, не осталось даже царапин. Но он сумел заглянуть внутрь, краем глаза увидеть то, что скрывала совершенная защита. Только ведь ничего совершенного нет. Он нашел «замочную скважину». Если бы «синдина» было больше… нет, об этом он не желал думать.

Но ведь тогда тебе удалось бы проломить стену. Или хотя бы расширить найденную дыру.

Правда, и того, что Циммерман увидел, оказалось достаточно. Внутри было нечто, напоминающее лабиринт. Мельхиор не мог разгадать его структуру, потому что не видел полностью. Но он прочитал отрывки кода. И они не обманули ожиданий: некоторые оказались очень похожи – не были идентичны, но всё же – на доступную изучению часть кода системы, управляющей новой сетью корпорации «Науком».

Циммерман доложил о находке президенту Моратти. Тот остался доволен. Даже соизволил улыбнуться. Искренне улыбнуться, что случалось с президентом нечасто.

И вот теперь…

Прочная, будто алмаз, стена поддалась под натиском двадцати тритонов и целой команды машинистов, направляющих разогнанные «синдином» и «поплавками» мозги бывших ломщиков. Пространство машинного зала сейчас наполняли едкий запах динамического наркотика и стрекотание клавиатур нескольких десятков «раллеров». Там кипела работа.

Но Циммерман предпочел находиться здесь. Он желал видеть лично, как ведут себя «особые силы». И он лично сейчас держал указательный палец правой руки на кнопке. По старой традиции кнопка была красного цвета.

Если кому-то из погруженных в сеть тритонов придет в голову отколоться от команды и начать свою игру, Циммерман не пожалеет всю двадцатку. Одно нажатие на красный пластик, и автоматический инъектор вместо «синдина» впрыснет в кровь тритонов яд, действующий почти мгновенно. Циммерман не хотел рисковать. В конце концов, тритоны есть еще. Пока их достаточно.

– Они сломали защиту, – пробормотал главный машинист.

Он уже и не помнил, как набрал номер президента Моратти.

– Отлично. – В голосе президента ясно слышались нотки нетерпения. – Вы обнаружили вход?

– Пока нет. Мы только начали. Но это несомненно то, что мы искали.

Моратти ничего не ответил, но перед внутренним взором Циммермана предстала картина: президент, довольно потирающий руки. Президент был доволен. Доволен его, Мельхиора Циммермана, действиями.

– Судя по коду, перед нами еще одна линия обороны, – сообщил машинист, координирующий сейчас действия своих коллег. Грег Патон, кажется. Или кто-то другой. Не имеет значения.

– Это уже не важно. – Циммерман тоже был доволен. У них получилось.

Тритоны спокойно лежали в своих ложементах. Их перегруженные «синдином» мозги покорно вычисляли оптимальное решение задачи, которую ставили перед ними машинисты Циммермана. Никаких попыток освободиться, действия только на четко ограниченном отрезке пути. Зря он опасался – предельно безопасная и эффективная схема. Именно так они и будут работать впредь.

– Нам можно продолжать? – поинтересовался Циммерман у президента Моратти.

Если в «Науком» решат заметить взлом официальным образом, то первым об этом узнает президент, а не машинный отдел. А в мире Цифры всё оставалось спокойным, никакой реакции со стороны машинистов московской корпорации не было. Пока не было.

– Конечно. – Злорадства в голосе Моратти было не меньше чем минуту назад – нетерпения. – Вас не заметили?

– Похоже, что нет. Наши «особые силы» показали себя с самой лучшей стороны. Я, признаться, не ожидал…

– Никто не ожидал. Но я оказался прав. Ведь так, Мельхиор?

– Конечно, господин президент.

Циммерман взял со стола инъектор, заряженный дозой «синдина». На сегодня – вторая. Ничего, сегодня можно.

Координатор смотрел на него с немым вопросом в глазах.

– Дальше я лично поведу их, – сказал ему Циммерман.

Он смотрел на координатора, но не видел его. Перед глазами уже стояло поле боя: непрестанно копошащаяся бесформенная амеба, застывшая у входа в цифровой лабиринт. Он знал, куда нужно направить этого нерешительного монстра.

– Патон, загрузите в мою «балалайку» схему открытой части сервера «Науком», – отдал распоряжение Циммерман. Возможно,

это был и не Патон, но имело ли это значение?

Перед глазами пробежали строчки программного кода. У них есть уязвимые места, есть. И Мельхиор Циммерман их прекрасно сейчас видел.

Вход в лабиринт открылся, будто приглашая путника, случайно набредшего на него, войти внутрь. Что ж, часть дела сделана, дверь открыта. Теперь предстоит самый сложный этап – найти вход в нужное место.

Циммерман было рванулся к разверстым вратам, но что-то насторожило его. Что-то не понравилось ему в программном коде. В самый последний момент Циммерман остановился, отправив внутрь команду тритонов, ведомую его машинистами.

21

Стеклянные стены, сходящиеся высоко над головой в вершине гигантской пирамиды, пребывали в режиме прозрачности. Односторонней, разумеется. Смотри куда хочешь – обзор в триста шестьдесят градусов. Высота немного подводит, но небоскребы закрывают не так уж много. Тем более «Подсолнуха» больше нет. Правда отсутствие безумного творения свихнувшегося гения скорее вызывало досаду, чем радовало открывшимися взору далями.

Максимилиан Кауфман смотрел на мир из личного кабинета, находящегося на самой верхушке «Пирамидома». Массивного, не самого высокого, но всё же – небоскреба, выстроенного в виде четырехгранной пирамиды и облицованного черным стеклом. Штаб-квартира СБА Анклава Москва. Главное место мира сегодня, как считало большинство людей на планете. Как считал сам Максимилиан Кауфман, носящий прозвище Мёртвый.

Мертвый – невысокого роста, с редкими, зачесанными на пробор светлыми волосами – смотрелся невзрачно на фоне величия собственного кабинета. И на фоне видов Анклава с высоты птичьего полета, простирающихся перед ним. Правда, это было лишь видимостью. Потому что перед Максимилианом Кауфманом все испытывали благоговейный трепет. Даже те, кто никогда не видел его хотя бы на фото.

– О чём задумался? – Голос, раздавшийся из-за спины Мертвого, принадлежал Игорю Холодову.

Президент корпорации «Науком» прибыл сегодня утром. Можно было обсудить все вопросы с помощью коммуникатора – сеть Анклава Москва защищали лучшие на планете машинисты, её защита была самым надежным творением цифрового искусства. Но он предпочел прилететь лично. Потратив время, которого у Игоря Александровича Холодова не было.

«Правильно сделал», – подумал Мертвый. Сколь надежной ни была защита, стоит вспомнить, что однажды её смогли обойти. И не просто обойти, приоткрыв завесу, а уничтожить её начисто, ворваться в святая святых Анклава Москва, открыть базы данных «Пирамидома» и… И никому не рассказать о том, что было увидено там.

За легендарным Чайкой пристально следили. И в тот раз в том числе. Однако он сумел перехитрить всех. Чайка был гением, а гении обязаны работать на Максимилиана Кауфмана, который никогда не отступался от своих намерений. Теперь Чайки не было. Физически. Не то, чтобы совсем, но… Нет, эта

тема слишком сложна. Не стоит вдаваться в подробности, если можешь пользоваться результатами, не понимая процесса. С процессом разберутся другие.

– Ты ведь прилетел не для того, чтобы справиться о моих мыслях?

– Нет, Макс. Но я всё равно рад тебя видеть.

– Я тебя – тоже.

Мертвый повернулся и крепко пожал руку Холодову. Впрочем, выражение задумчивости и отрешенности, смешанное с решимостью, не исчезло с лица Кауфмана. Именно за эту «непрошибаемость», за способность сохранять спокойствие и сдерживать эмоции в любых ситуациях, директор московской СБА и получил свое прозвище.

– Кто-то ломает сеть нашей северной космической группировки, – сообщил Холодов.

– Пускай разберутся твои машинисты. – Кауфман пожал плечами. Холодов вполне мог справиться со взломом своими силами. Тем более в его распоряжении сеть Станции, которая с некоторых пор стала больше, чем сетью. Значит, дело не во взломе.

– Ты же понимаешь, что я не стал бы лететь в Москву только ради того, что сообщить тебе о заурядном взломе. У нас забот и без сети хватает – переброска техники, отбор персонала, подготовка колонистов. Ты не представляешь, что творится на полигоне – базар-вокзал какой-то.

– Как везде. – Уголки губ Кауфмана едва заметно потянулись вверх, обозначив улыбку. – Только у тебя достаточно ресурсов.

– Особенно людских – их у нас с избытком. Оттуда и все проблемы.

– Вы справитесь, – отрезал Мертвый. Говорил он тихо и спокойно, но слова прозвучали, как приказ. – Так что там у вас с сетью?

Холодов отошел от окна, у которого всё еще стоял Мёртвый, и сел на один из стульев у длинного стола для совещаний. На полированной столешнице лежали какие-то бумаги. Холодов машинально поднял их, повертел в руках и положил обратно.

– Сеть ломают, – повторил Игорь Александрович.

Теперь он говорил задумчиво, не сводя глаз с изображения, отпечатанного на верхнем в стопке документе.

Мертвый неспешно прошел через весь кабинет, который размером вполне подошел бы для игры в футбол, и сел в свое кресло. Он ждал объяснений. Похоже, у Игоря их не было, именно поэтому он и прибыл в Москву.

– Работают профессионалы. Внешнего подключения через

Сеть не зафиксировано, спутники ломают изнутри.

– То есть кто-то получил к ним доступ прямо на орбите? – Кауфман не выглядел удивленным. Если технологии орбитальных полетов существуют и широко известны, странно было бы считать, что ими никто не сможет воспользоваться в каких бы то ни было целях.

– Похоже, что так. Но это не самое главное.

– Около недели назад европейцы совершили удачный запуск, – заметил Мертвый. – На орбиту выведены несколько спутников. По заверениям ESA, военных среди них нет, только связь и метеослужба. Вы проверяли эту версию?

– Да, Макс. Я понимаю, к чему ты клонишь. Мы проверяли и кое-что нашли. Собственно, этот факт никто и не скрывал – один из спутников, принадлежащий корпорации «Раумфарт», выведен на орбиту, лежащую в зоне нашей северной группировки. Как раз той, что сейчас атакуют.

– Что такое «Раумфарт»?

– «Раумфарт» – это Цюрих.

– А Цюрих – это Моратти, – закончил за Холодова Мертвый. – Да, молодец, старина Ник, не разочаровал.

Значит, Ник Моратти не оставил затеи досадить ему, Максимилиану Кауфману. И не только не оставил, но и предпринимал активные действия в этом направлении. Сначала тактические ядерные заряды – никто не предъявлял Москве никаких требований или претензий, никто не выражал угроз, но история с взорвавшимся крейсером «Истанбул» Мёртвому, конечно же, была известна. И о цели ракет с ядерными боеголовками он тоже прекрасно знал.

Чего он до сих пор не понял, так это причины, по которой удар не был нанесен: кто-то взорвал ракеты вместе с крейсером и собой. Но кто это мог быть, и зачем ему это понадобилось? Теперь уже не столь важно. Хотя выяснить подноготную этой странной истории всё равно придется. Главное в том, что Ник чуть было его не переиграл – если бы удар по Станции был нанесен, противопоставить ему было нечего. Не бомбить же в самом деле густонаселенные районы Европы. Станция не пострадала бы, чего не скажешь о репутации Мертвого. А вот «случайно» уронить спутник цюрихской корпорации где-нибудь неподалеку от самой вотчины Моратти Игорю вполне по силам. И жертв минимум, и получит свое.

– Мы не смогли точно установить координаты ломщиков, но ты прав – больших сомнений, что это дело рук Моратти, нет.

– И эти руки давно пора обломать, – мрачно вставил Мёртвый, скривив лицо в гримасе отвращения. – Сбейте спутник,

и пускай Моратти сам разбирается со своими верхолазами.

Холодов улыбнулся. Улыбка получилась недобрая – Игорь Александрович давно и хорошо знал своего друга: если он что-то решил, его трудно будет переубедить.

– Есть во всем этом одна странность: они захватили большую часть спутников, но используют их для чего-то еще.

– Что ты имеешь в виду?

– Они не пытаются проникнуть в наши базы данных. Ломщики вообще не проявляют никакого интереса к нашим сетевым ресурсам. Они перенастроили некоторые спутники – точные данные нам недоступны из-за невозможности полного контроля над Сетью – и с их помощью пытаются взломать что-то, нам неизвестное.

На лице Мёртвого отобразились редкие для него эмоции. Он был удивлен.

– Они не пытаются найти сеть Станции?!

– Когда взлом начался, мы именно так и решили: сейчас начнут прощупывать все каналы, надеясь отыскать подступы к Станции. Моратти, вероятно, сделал правильный вывод – спутников слишком много, значит, они обслуживают что-то, кроме сети «Науком». Кстати, ты так и не рассказал, для чего нам нужно столько спутников над Северным полушарием.

– Мне оставлены некоторые планы. Спутники в них значатся. А я не специалист в космической отрасли, я не знаю, для чего они. Спутниками занимается твое ведомство, Игорь.

– И не только спутниками, – усмехнулся Холодов.

На самом деле Мёртвый до сегодняшнего дня никогда не задумывался над заданным Игорем вопросом. Забот и без того хватало. А о причинах усиленной космической группировки на севере еще придет время подумать. Возможно, думать будет уже кто-то другой.

Прошло почти четыре года. С того дня, как на Станции работает энергетический столб, буравя Землю и улетая вверх, в небеса. Где-то там, в вышине, вокруг голубоватого марева Копья вращаются спутники. Энергетический столб уходит в космос только с северной стороны, на юге Копье исчезает в недрах планеты. Может быть, спутники нужны Копью? Не важно, сейчас это не важно.

Миры открыты, Великое Колесо начало медленно проворачиваться, стремясь сделать полный оборот. Пока его обод сдвинулся совсем чуть-чуть, почти незаметно. Но это лишь начало. Миры открыты, и люди начинают осваивать их. Именно им, людям, предстоит вращать Великое Колесо.

Теперь Станция не касалась Мертвого. Холодов несколько раз

интересовался, когда Максимилиан посетит тринадцатый полигон. Мишенька Щеглов тактично молчал по этому поводу, но и так было ясно, что ему очень хочется узнать, почему бывший шеф отказывается от законного поста, от руководства Станцией. Но Мёртвый не собирался возвращаться к пройденному – он выполнил то, что был должен, Станция работает, врата открыты. Теперь он предоставлен сам себе – никому ничего не должен. Только себе.

– Ты же знаешь, нам не всё объясняют, – Кауфман выразился довольно странно, но Холодов, похоже, его понял. – Какие соображения? Что ломают ребята Моратти?

– Это могут быть и не они. Веских доказательств у нас нет.

– Доказательства есть: ни у кого другого просто духу не хватило бы на подобную авантюру. И всё же – зачем им понадобились наши спутники?

Холодов замолчал. Вопрос явно не требовал ответа, Макс разговаривал сам с собой. Он думал, что могло послужить причиной столь странных действий Ника Моратти, и ответа не находил. Вариантов может быть масса, но не стоит усложнять жизнь. Еще старина Оккам это придумал.

Нет ничего странного в том, что мотивы Моратти непонятны, но это не его стиль. Вот лихо ударить тактическим ядерным зарядом по куполу Станции в его манере. А захват спутников корпорации, тихая операция, вроде бы не несущая никакой выгоды… Конечно, просить о помощи Моратти не стал бы в любом случае. И Кауфман скорее отрезал бы себе обе руки, чем помог ему хотя бы в чем-то. Но ведь «Науком» – это не Кауфман. «Науком» открыт для сотрудничества, корпорация искренне – и не очень, что уж греха таить, – пытается помочь миру начать жить заново.

Ответ – самый простой и, вероятно, правильный – лежал на поверхности. Спутники использовал не Моратти. Кто-то водит за нос Ника, а заодно и машинистов Холодова.

– Это не они, – постукивая пальцем по столешнице, произнес Мертвый.

– Только что ты утверждал обратное, – заметил президент «Науком».

– Нет, – отрезал Кауфман и, поднявшись, снова подошел к прозрачной стене.

Холодов поднял со стола распечатку, на которую то и дело бросал взгляд, и подошел к Мертвому.

– Почему ты так настойчиво не пользуешься цифровыми копиями? Теперь-то можно…

Мёртвый ничего не ответил, только плотней сжал губы.

– Ты выбрал этот проект? – спросил Игорь Александрович, протягивая лист Кауфману.

– Я еще ничего не выбрал. Но ты, как всегда, останавливаешься на самых безумных вариантах. Можно было бы восстановить «Подсолнух»…

– Зачем? Мир меняется. Мы – тоже.

– Да, действительно, – тон Мёртвого стал мрачен. Точнее – мрачней, чем обычно. А потом, не делая паузы, он вернулся к обсуждаемой теме. – Попытка захвата спутников – дело рук ломщиков Моратти, это очевидно. Он наверняка надеется с их помощью получить доступ к сети Станции. Но вот управляет спутниками кто-то другой. Третья сила, так сказать. Возможно, машинисты Моратти ничего не могут с ними поделать. Не исключаю, они пока не в курсе, что их кинули. Это всё не важно. Меня интересует другой вопрос – для чего хотят использовать наши спутники?

– Именно поэтому я и прилетел сюда. Мы… Извини.

Холодов как-то неестественно закатил глаза и легонько ударил указательным пальцем правой руки о штанину. Вызов, пришедший на «балалайку».

Сейчас Макс мог позволить себе вживить «гнездо», теперь у него появилась возможность пользоваться сетью в полной мере. Десять лет полной свободы. Почти четыре из которых уже прошли, напомнил он себе. Сегодня у него есть все. Осталось только выбрать, в какую сторону двигаться. А втыкать в собственную голову какие-то железки он не собирался в любом случае.

Игорь сказал, мы меняемся. Мир изменился, мир стал совсем плох. Только полигон № 13 корпорации «Науком» и Анклав Москва жили относительно нормальной жизнью.

На Станции работа кипела. Там всем приходилось меняться, новые миры – изменят кого угодно. Но здесь, в Москве…

Мертвый смотрел на свой Анклав. На свой мир. Последнее время он часто делал стены прозрачными и любовался видами вверенного ему Анклава. Завоеванного им Анклава.

Он был здесь полновластным хозяином и не собирался что-то менять. Его боялись. Но уважали. Безы его СБА преданы ему до последнего вздоха, они уверены в нём. Они знают, что с Максимилианом Кауфманом их работа останется высокооплачиваемой, а их семьи не будут ни в чем нуждаться. Даже конторщики, бандиты, с которыми иногда воюют его безы, ненавидящие Кауфмана на словах, молили своих богов, чтобы завтра не стало хуже, чтобы Мёртвый и дальше правил Анклавом.

Потому что хуже было везде. Прямо за бетонной стеной,

окружающей Анклав, было намного хуже, чем внутри неё. И люди понимали, что это заслуга Мёртвого. Мёртвый – это стабильность.

Только эта стабильность постепенно начинает надоедать. Почти четыре года прошло, а какой результат?

Кауфман положил ладони на стекло, ощущая прохладу – теперь можно не носить перчатки: стигмы сошли с кистей рук. Какой путь выбрать: можно стать настоящим дьяволом и показать миру, на что он способен; а можно сделаться богом и всех облагодетельствовать. И ведь есть возможность осуществить и то, и другое.

Он не мог решиться три года. Он, Максимилиан Кауфман, славившийся своей решимостью и несгибаемой волей, не может выбрать из двух вариантов.

Мертвый покачал головой. Может, получив свободу, он чего-то лишился? Когда выполнял долг, он видел цель, знал, для чего стремится к ней. А теперь? У него никогда не было собственных целей, а когда пришло время обрести свободу, оказалось, что придумать их не так-то и просто.

Очень хотелось стать дьяволом. Lupus pilum mutat, non mentem – волк меняет шерсть, а не натуру. Так неоднократно говорил о нём Таратута. Филя вообще очень остёр на язык. Но в данном случае он был прав.

Только вот богом быть круче. Как выбрать?

– Моратти пустил в ход тритонов – мои машинисты утверждают, что эта информация не подлежит сомнению.

Мертвый усмехнулся.

– Ну и что? Ник давно собирал это отребье в какие-то концлагеря. Видимо, пришло время применить умения тритонов на практике.

– Теперь они полностью контролируют спутники. И мои люди не могут перехватить контроль.

Макс заметил, что пальцы Холодова начали выбивать нервную дробь по листу, который он всё еще держал в руках. В остальном ничто в его внешности не изменилось, но стало ясно, что Игорь нервничает.

– Ты же утверждал, что новая сеть практически неуязвима? – Лицо Мёртвого приняло мрачное, «расслабленное» выражение.

– Нет ничего неуязвимого. Тем более что я распорядился не вмешиваться в процесс взлома. Нам ведь необходимо узнать, для чего они это делают? Но насчет тритонов, я действительно полагал… Подожди… Мои специалисты сообщили, что сеть спутников используют для взлома чего-то, находящегося на орбите. Обещали со временем и саму орбиту этого объекта выяснить.

Максимилиан, задумчиво потирая подбородок всей ладонью, неспешно подошел к своему столу и включил лежащий среди кипы бумаг коммуникатор. Он что-то листал на экране, тихо бормоча под нос:

– Что-то на орбите… где-то это было, где-то такое значилось… на орбите.

– Что ты ищешь?

– Сейчас увидишь. Не стоит спускать эту наглость нашему другу Николасу – этим я займусь лично, позже. А пока не трогайте его – пусть думает, что вы его не заметили. Нужно разобраться в этой истории. Вот, смотри.

Мертвый поднял голову и подвинул коммуникатор к Холодову.

> «Если верить заявлениям руководителей объединенных военно-морских сил Европейского Исламского Союза, крейсер «Эль-Париж» не подвергался нападению или атаке террористов. Предварительное военное следствие выявило сбой в одном из основных компьютеров системы управления крейсером, что, вероятно, и послужило причиной трагедии. Однако окончательные результаты расследования будут известны не ранее чем через несколько месяцев. Напомню, что в ходе инцидента у берегов французского эмирата Прованс залпом из самопроизвольно сработавшего орудия «Эль-Парижа» был уничтожен миноносец «Алькар», после чего сбой в работе сразу нескольких зарядных установок орудий крейсера привел к детонации части боезапаса, находящегося на борту, и «Эль-Париж» затонул. В ходе трагического инцидента погибло…»

– Что это?

– Выпуск новостей десятидневной давности. Сбой в одном из основных компьютеров системы управления военного крейсера, – повторил Мертвый сообщение диктора. – Это то самое.

– Что? – не понял его Холодов.

– Титериста, – не менее загадочно объяснил Максимилиан.

22

Сегодня всё происходило немного иначе. Не так, как в первый раз. Наверное, сказывался опыт. Хотя какой там опыт – всего второй раз в сети…

Второй раз выдался по-настоящему жарким. Теперь Лёшка уже не раздумывал и не занимался самокопанием перед тем, как приложить автоматический инъектор к локтевому сгибу и воткнуть в затылок «балалайку», ускоренную «поплавком». Он ждал этого момента, с нетерпением проверяя, не пришло ли сообщение с новым заданием.

Его ожидание закончилось утром. «Раллер» тихонько пискнул, уведомив владельца о полученном сообщении. Чем и разбудил Лёшку, прикорнувшего тут же, рядом с компьютером, положив голову на кухонный стол.

Когда он вернулся домой – еще не было и пяти утра, – бабушка тихо спала на диване в зале. И хорошо, что она спит. Может, утром проснется и не вспомнит, что внук не ночевал дома?

На удивление, в квартире был идеальный порядок. Не то у бабушки случилось просветление в её болезни, не то болезнь приняла такой странный оборот. Как бы то ни было, сказал себе Лёшка, завтра идем колоть наны.

Но никуда он, естественно, не пошел. Потому что получил сообщение с новым заданием.

А теперь все бабушки реального мира не имели ровным счетом никакого значения. Потому что он, Лёшка Титов, был в сети. Он слился с Цифрой, он сам превратился в безудержный цифровой поток. Сегодня ему было дозволено все.

Огромная аморфная масса, разъедающая сеть подобно кислоте, копошилась где-то справа. Лёшкины пальцы с проворностью профессионального танцора плясали по клавишам, запуская одну программу за другой, исправляя и меняя код. Пока ему удавалось обмануть опасную студенистую гору, прокладывающую путь в запертых, казалось бы, наглухо лабиринтах сети.

Лёшка не понял, что это было такое. Поначалу он решил, что это какая-то охранная программа, но когда цифровой студень попёр на амбразуры, прогрызая извилистую, но не зарастающую дорожку, стало ясно, что они с Лёшкой одного поля ягоды. Эта программа (или чем там оно являлось?) тоже занималась взломом.

Лёшка верно рассудил, решив не открываться перед

соседствующими ломщиками. У каждого свое задание, свои цели. Одна беда, о собственных целях Лёшка совершенно не в курсе.

Твоя цель – заработать денег на лечение бабушки. Не забыл?

Черная пустота глубоко внутри, даже не в организме, а будто пришедшая из каких-то иных измерений, засасывала в свою бездну. Пустота внутри не давала покоя, она маленьким серебряным молоточком долбила по извилинам, как будто повторяя: «Ты не пошел с бабушкой в клинику».

Да, не пошел. А куда было деваться? Аванса всё равно не хватит на полный курс. Тем более что и аванс еще необходимо отработать.

Поддавшись потоку совершенно ненужных сейчас мыслей, Лёшка едва не пропустил ответный удар цифровой крепости. Он заметил изменение кода в самый последний момент, еще секунда и все… Скорее всего, тому, чей сервер он сейчас ломал, просто стали бы известны Лёшкины данные. Но это, как ни крути, и было бы «всё».

Мозг решал задачи с небывалой скоростью. Лёшка просто не мог поверить, что такое возможно. «Поплавок», казалось, слился с мозгом в один организм, с бешеной скоростью считающий нули и единицы. Распаковка, загрузка, молниеносный взгляд на структуру кода, изменение и отправка сигнала. Вот тут, есть у них дыра, есть. Или её проделал в коде сервера тот кислотный студень? Не важно, сейчас нужно пользоваться тем, что есть, разбор полетов можно устроить и позже.

Система отменила тревогу и впустила Лёшку внутрь, к следующему рубежу обороны, приняв его за служебное сообщение. Студенистая масса осталась где-то сзади, свернув в другом направлении.

Глаза можно закрыть, клавиатуру – отодвинуть. Лёшка понял, загрузка в электронные элементы нейросоединений «гнезда» происходит с такой скоростью, что ему не нужно вчитываться в коды. Он *чувствовал* их, понимал двоичный код, как… нет, не как букварь для малышей. Как нечто само собой разумеющееся, на уровне рефлексов. Как определяют, например, что светит солнце или идет дождь, холодно или жарко.

Структура сервера ветвилась. Нет, это не сервер, это несколько серверов, объединенных в сеть. Данные пространственного ориентирования, скорость, эксцентриситет, аргумент перицентра… Ого, куда это он попал?! Какая разница, если удалось сломать заслоны и проникнуть внутрь системы? Теперь вся эта сеть у него как на ладони, в его власти.

Тебе же приятно чувствовать собственную власть, упиваться ею.

На этом задание заканчивалось – он попал внутрь, доступ открыт. Следующий сеанс… Как обычно, сообщат дополнительно.

Нет, так нельзя! Разве можно остановиться, бросив то, что добыто неимоверным трудом и упорством?!

Затылок ломило от перегрева, перед глазами изображение двоилось и троилось, нагоняя тошноту. Руки слушались плохо, пальцы постоянно промахивались мимо нужных клавиш. Что такое с ним происходит? Только не сейчас! Осталось самое интересное.

Лёшка с силой зажмурился, представив то, что лежало перед ним. Огромный массив информации, меняющийся совершенно хаотичным образом.

– Нет, – пробормотал Лёшка, – нет ничего хаотичного. Сеть – это мир порядка, мир двоичного кода, простого и прямого, как стрела. Цифра – инструмент созидания, сила, побеждающая хаос.

Он еще говорил что-то словами Поэтессы, бормоча под нос выдержки из «Чисел праведности», повторял «мантры» собственного сочинения. Он не задумывался над тем, что произносит. Лёшка вообще вряд ли смог бы повторить сказанное еще раз. Слова не важны, важна вера. А он верил в то, что делал.

В любом хаосе есть порядок. Только его нужно отыскать, найти закономерность, и тогда головоломка сложится в прекрасную картину, а все замки откроются.

Гигантская светящаяся волна нависала над ним, готовая ринуться вниз, сметая своей мощью любого, покусившегося на её миропорядок.

Если бы не болела голова и не двоилось в глазах! Лёшка почти понял, почти уловил суть. Но образы меркли, а коды путались в голове, становясь непонятными и чужими. Сеть больше не была его домом, она исторгала его из себя.

Да что, чёрт возьми, происходит?!

Совсем скоро Лёшке стало настолько плохо, что пришлось отключиться от сети совсем. Голова раскалывалась, в затылке – словно вонзили раскаленный топор. Теперь он знал, что это: разогнанная и перегретая «балалайка», безумно жужжащий «поплавок», пытающийся вывернуть мозги наизнанку. Лёшка перестал *чувствовать* сеть, она снова превратилась в набор летящих со скоростью света непонятных импульсов.

И тут он понял – закончилось действие «синдина». Концентрация наркотика, убирающего боль и делающего что-то непостижимое с мозгом, позволяя стать своим для электронного мира Цифры, снизилась до критического уровня. Рука решительно потянулась к инъектору, лежащему рядом на столе.

А если бы вошла бабушка и увидела?

Мимолетная мысль промелькнула и тут же исчезла. Ему было всё равно, что увидела бы бабушка. Ему нужен «синдин», чтобы попасть в сеть. Ему нужен этот наркотик. Нужен, чтобы… жить?

Автоматический инъектор тихонько пискнул, найдя вену. Еще мгновение.

– Нет, нет, не-е-е-ет! – заорал Лёшка и швырнул инъектор прочь от себя. Если бы положил обратно на стол, всё равно не удержался бы и нажал на спуск, снова приложив его к коже.

Руки дрожали крупной дрожью, по лицу струился пот, крупными каплями падая на клавиатуру «раллера». Боль в голове затмевала собой все, суживая поле зрения и превращая мир в маленькую, пульсирующую точку.

С трудом цепляя пальцами тонкий пластик, Лёшка вынул из затылка «балалайку». Потом вытащил из чипа «поплавок» – горячий настолько, что рукам сделалось больно – и положил его в коробочку. В ту, в которой и получил его.

Спешно сгрёб всё со стола в рюкзак, набросил его на плечи и собрался уходить. Но вид валяющегося на полу инъектора, заправленного несколькими дозами «синдина», остановил его. Это нельзя оставлять так. И с собой забрать нельзя. Никак нельзя, если инъектор будет рядом, устоять Лёшка не сможет. Достанет и сделает себе инъекцию.

Помнится, ты считал наркоманов падалью и недостойными жизни подонками? Мнение не изменилось?

Нет, ответил Лёшка сам себе. Всё дело в сети – вот единственное оправдание того, что он делал.

Лёшка зажмурился и поднял инъектор с пола. Интересно, зачем глаза закрывал? Чтобы не соблазниться инструментом, поблескивающим хромом? Он усмехнулся – едкий запах «синдина» манил за собой лучше любого самого распрекрасного изображения. Стуча зубами, которые Лёшка безуспешно пытался стиснуть поплотней, он забросил инъектор в шкаф за посуду и с грохотом захлопнул дверцу. Затем, не останавливаясь, быстрым решительным шагом прошел в прихожую, натянул кроссовки и вышел из дома, плотно захлопнув за собой дверь.

Кажется, бабушка что-то кричала вслед. Но он не разобрал слов. Или показалось, а звуки доносились из коммуникатора? Хотя нет – коммуникатор давно сломан.

А как же курс лечения нанами?

Нудный и зудящий червячок, приползший по его душу из той иномирной пустоты, методично начал грызть Лёшкину совесть. Уйди! На улице темно, какая может быть клиника?!

Большинство платных клиник работают круглосуточно.

Уйди, оставь свой серебряный молоточек для кого-нибудь

другого!

На проспекте Просвещения кого-то били. Повсюду валялись какие-то тряпки и разношерстный мусор, вроде бутылок и смятых пластиковых стаканчиков. Что здесь происходило? На одной из тряпок, оказавшейся обрывком полотнища с лозунгом, по оставшимся черным буквам отчетливо угадывался призыв «Бей лысых». Рука непроизвольно потянулась к голове – нет, волосы на месте. Лёшка уже успел ощутить, что они действительно мешали подключать психопривод и производить манипуляции с «балалайкой», но сбрить их, судя по всему, не успел.

Воспоминание о том, что мысль такая была, мгновенно всплыло из небытия. Когда это он собирался заняться прической, не в сети же?

Из толпы человек в десять, активно молотящих что-то, лежащее на асфальте, доносились приглушенные, захлебывающиеся крики:

– Да я просто лысый. Волосы на растут. Братки, перестаньте, убьете же… пере… станьте.

Молотили того лысого, который кричал. Что же здесь… Взгляд Лёшки упал на помятую и истоптанную газету, валяющуюся под ногами. Легкий ветерок нехотя ворошил страницы, перелистывая их вперед и назад. «Цифровые подонки снова готовят диверсию!» – гласил заголовок на первой странице. Фотография под заголовком изображала молодого человека с бритой наголо головой, усеянной несколькими замысловатыми татуировками. Выражение лица бритоголового не оставляло сомнений – он несомненно задумал диверсию и уже приступил к воплощению её в жизнь.

Глаза выхватили еще несколько цифр и остановились, широко раскрывшись. Но не статья и фотография поразили Лёшку. Он увидел дату выпуска газеты. По Лёшкиным подсчетам выходило, что газета… послезавтрашняя.

Глаза непроизвольно дёрнулись влево, запустив отображение даты и времени на наноэкранах. Черт возьми, в газете всё написано правильно! Это что же получается?! Где он был эти три дня?! В сети? А как же бабушка?

Слишком много вопросов. И ни одного вразумительного ответа. Первым порывом было – вернуться домой и всё выяснить у бабушки. Но это бессмысленно: бабушка всё равно ничего не знает.

Она ведь кричала и звала его, когда он уходил.

Когда ты сбежал из дома, спеша скрыться от содержимого ампул в инъекторе.

Может, бабушке нужна его помощь? «Ничего, она справится

самостоятельно», – отрезал какой-то новый голос внутри головы. Это был Лёшкин голос, но он стал другим, более грубым и решительным. Он не принимал возражений, для него не существовало ничьего мнения, кроме своего собственного.

Сколько оставалось ампул в инъекторе? Он не смотрел.

Не нужно врать самому себе, ты ведь прекрасно видел стеклянные бока в прорези обоймы.

Их было шесть. А тремя днями раньше там было десять ампул – полная загрузка. Выходит, он использовал не одну дозу, а три? Но как он выдержал эти три дня? Как?!

Ты был в сети. Вот ответ. Ты был дома, в своем мире.

– Парень, тебе чего надо?

Лёшка поискал глазами того, кто это сказал. Обращались явно к нему. Снова возникла мысль: повезло, что он не успел сбрить волосы.

Говорил полицейский, переминающийся с ноги на ногу среди группки своих коллег. Полицейские выглядели уставшими и потрепанными, они помахивали дубинками, словно игрались с ними или отгоняли мух. Они с нетерпением в глазах наблюдали за избиением лысого, которое происходило в двадцати метрах, и ничего не делали. Им не терпелось дождаться окончания потасовки и разойтись по домам. И еще им не нравился Лёшка. Он мог создать проблемы, которых так называемым стражам правопорядка совсем не хотелось иметь в завершение напряженного дня.

– Ничего, – стараясь придерживаться нейтрального тона, ответил Лёшка. – Просто иду.

– Вот и иди, – посоветовал полицейский и, помахивая дубинкой, неспешно пошел в сторону избивающей мужика толпы. Лысый уже перестал кричать, а только довольно громко покрякивал под каждый удар. – Не задерживайся, тут ничего интересного.

– Точно, ничего, – согласился Лёшка.

Он повернул в сторону центра и быстро пошел прочь. Но не удержался и оглянулся, отойдя на полсотни шагов. Тот полицейский наотмашь колотил вошедших в раж людей, оттаскивая одного за другим от вяло копошащегося лысого. Остальные полицаи посмеивались, показывая на коллегу руками. Где-то вдалеке послышался вой сирен – приближалась «Скорая».

Безумие какое-то. Три дня словно провалились в небытие. Будто в черную дыру засосало. В городе чёрт-те что происходит. Какая-то кампания по уничтожению людей, верящих в Цифру. Или это демарш против лысых? Бред какой-то.

А ведь он три дня не был в универе. Пропуски придется

оплатить – ничего, деньги теперь есть. Но отработки и пересдачи никто не отменял. Не проблема, он справится, это раз плюнуть.

Четыре ампулы «синдина»! Просто поверить в это невозможно.

Слишком мало? Тогда почему ты не взял с собой инъектор? Там же еще шесть ампул.

Опять этот бесцеремонный новый решительный Лёшка внутри.

Потому и не взял, что наглый голос внутри головы пока не захватил власть. Он лишь ворчит, выражает недовольство.

Ключевое слово – «пока». Если так пойдет дальше, то от прежнего Лёшки довольно быстро ничего не останется.

И еще не забывай о бабушке. Кто о ней позаботится?

Кому она нужна? Выжившая из ума старуха!

Лёшка остановился и изо всех сил ударил кулаками по бетонной стене уносящегося ввысь жилого дома. Рукам стало больно, в голове немного прояснилось.

В носу хлюпало, и Лёшка понял, что плачет. Рыдает, заливая куртку крокодиловыми слезами.

Поздно!

Чёрт, но почему же из головы никак не уходит образ заряженного «синдином» инъектора?!

А то ты не знаешь. Этот образ теперь с тобой навсегда.

– Пацан, чего на холоде торчишь? Заходи.

Прямо перед Лёшкой стоял, пошатываясь и источая душный запах дешевого табака и спиртового перегара, мужичок. Он появился здесь, словно из-под земли вырос. Глаза мужичка бегали из стороны в сторону, как два плавающих в мелкой волне яблока, но явно никак не могли поймать Лёшку в фокус. Он вообще с трудом держался на ногах, будучи, что называется, мертвецки пьян.

– Куда заходить? – Лёшка задал вопрос, появившийся первым в голове.

Он вообще плохо понял, о чем говорит пьяный мужик. Голова, казалось, трещит по всем швам, неприятная слабость в ногах становилась всё сильней, а руки ощутимо дрожали. Словно у дряхлого старика.

Сравнение со стариком снова разбудило воспоминания о бабушке. Завтра, обязательно – завтра, сказал Лёшка сам себе. Хотелось сделать вид, что ничего особенного не происходит, что завтра на самом деле наступит светлое будущее, а бабушка выздоровеет. Только верилось во всё это с трудом.

– Как куда?! – удивился мужик. Его качнуло, и он едва не свалился на тротуар, в последний момент ухватившись за

решетку соседнего окна. – В «Медведей», конечно.

Удивление мужика было настолько искренним, что Лёшка непроизвольно заозирался, ища взглядом медведей. Не нашел. Но обнаружил дверь, прячущуюся в яме цокольного этажа, над которой скромно, небольшими блекло-красными буквами было выведено: «Бар «Три медведя».

Ага, вот откуда вынырнул мужик. И в самом деле, из-под земли.

Лёшка дернул плечами и сказал:

– Спасибо.

Мужик остался на улице. Может, он уже завершил свое посещение бара и отправился домой. А Лёшка открыл дверь, над которой звякнули три металлических колокольчика, и вошел в сумрак душного, прокуренного полуподвала.

Людей в баре было немного. Человек пятнадцать, от силы – двадцать. Народ в основном разношерстный и колоритный: бритые наголо, сплошь покрытые разноцветными и объемными татуировками; здоровенные мужики с бородами до колен (некоторые из них тоже лысые); муторного вида трансеры. Лёшка на фоне этой публики смотрелся здесь, пожалуй, не менее экзотично, чем они – в городе.

Лёшка почувствовал себя неуютно. Зачем он зашел сюда? Разве он хочет есть? Пожалуй, да – хочет. Только теперь Лёшка понял, что не просто хочет есть, он хочет жрать – сейчас же и много. И надо как-то унять дрожь в руках.

Перед глазами в каком-то дьявольском мареве возник образ инъектора с «синдином». Нет, не так, не нужно. «Хотя здесь наверняка можно разжиться дозой если не «синдина», то какой-нибудь другой наркоты», – подумал Лёшка. А учитывая обилие бритоголовых в татуировках, то и «синдин» тут водился с очень большой вероятностью. Но предложат его не всем.

– Чего желаете? – с намеренным пренебрежением спросил бармен.

– Еды какой-нибудь… – ответил Лёшка, не обращая внимания на тон.

– Какой?

– Вкусной. Чем вы тут кормите?

– Вот, «берлога». Натуральное мясо.

Бармен повернул к Лёшке панель коммуникатора, на которой было изображено нечто коричневое, политое соусом и исходящее тающим салом. В животе заурчало, а рот тут же наполнился слюной. Руки стали дрожать сильней.

Как-то сомнительно насчет натурального мяса в этой подворотне, но…

– Две таких.

– И?

Бармен ждал продолжения заказа.

– И литр воды.

Бармен разочарованно поджал губы.

– И стакан водки, – добавил Лёшка. Если нельзя «синдин», то отчего не попробовать заменить его алкоголем. Он слышал, помогает.

Бармен назвал сумму. Дорого до неприличия, но не настолько, как в фешенебельных ресторанах. Хотя, откуда Лёшке знать, какие цены в фешенебельных.

После первой «берлоги» и полулитра воды немного полегчало. Но до конца не отпустило. И тогда Лёшка решился – набрав полную грудь воздуха, поднял стакан с водкой и большими быстрыми глотками опустошил его. Стакан! Водки!

Он ожидал, что после такого подвига все взгляды в заведении будут устремлены на него. Чуть ли не аплодисментов и звуков фанфар ждал. Но на него никто не смотрел, вообще в баре ничего не изменилось. Всем было глубоко наплевать, что и в каком количестве пил Лёшка. Тем более, судя по стоящим перед бородатыми мужиками кружкам, размах в двести пятьдесят водки здесь мало кого мог удивить.

Стало стыдно.

В горле пекло, а перед глазами медленно начинало плыть. Не так, чтобы очень сильно, но предметы сделались мягче и вроде бы подвижней. Лёшка чувствовал, как тело медленно расслабляется, а головная боль, всё еще сверлящая темя, уходит куда-то на задний план.

Вторую «берлогу» он доел с трудом, хотя сначала казалось, что мог бы съесть и настоящего медведя.

Лёшка ковырял вилкой остатки еды в тарелке и разглядывал посетителей бара. Странный, надо сказать, бар. Непонятное шествие, закончившееся избиением лысого мужика (вероятно, не только его одного), проходило совсем рядом, в нескольких кварталах отсюда. А здесь лысые… да что там лысые: совершенно явные ломщики или тритоны – кто их разберет – сидели как ни в чем не бывало. Они не боялись? Какая-то извращенная, безумная смелость? Или они уверены, что здесь им ничего не грозит?

Странное место, очень странное. Вон, девушка за столиком сидит, под мутным, почти не пропускающим свет оконцем. Симпатичная. Постарше, наверное, Лёшки. Он это не по морщинам или чему-то вроде того понял, нет. По выражению лица, по глазам. Было в её глазах что-то такое… что-то взрослое.

Взгляд цепкий, целеустремленный. Прическа выдает её с потрохами – голова девушки брита наголо за исключением висков. Два пучка волос – справа и слева – заплетены в тугие тонкие косички, которые на затылке стянуты в куцего вида хвост. Всё темя и лоб девушки украшали замысловатые разноцветные татуировки с четким геометрическим орнаментом. Но дело не только в прическе: она, абсолютно никого не стесняясь, что-то быстро набирала на клавиатуре стоящего на столике перед ней «раллера».

– Эй! – позвал Лёшка бармена. Водка явно брала свое, движения Лёшки сделались размашистыми, а смелости добавилось.

Бармен подошел к Лёшке, который не стал садиться за столик, а остался возле пустующей барной стойки. Он молчал, лишь вопросительно вздернул бровями.

– А чего у вас тут – спокойно?

Бармен пожал плечами и усмехнулся. Он понимал, что парень изрядно пьян.

– По-разному бывает.

– Я про вот эти. – Лёшка махнул рукой в неопределенном направлении, имея в виду улицу. – Про беспорядки спрашиваю? К вам не заходили?

– Нет. С чего бы? – Бармен выглядел удивленным. – Мы же их не приглашали.

Лёшка покивал, обдумывая услышанное. Мысли клеились одна к другой плохо. Что-то не так было в ответе бармена, но поплывшее Лёшкино сознание уже не могло уловить сути. Ну и черт с ним.

– Водки еще дай, – попросил Лёшка.

Бармен покачал головой.

– Я заплачу, – заверил его Лёшка.

– Нет. Тебе хватит уже. – Он вытащил откуда-то из-под стойки высокий стакан и начал его протирать вдруг оказавшимся в руках полотенцем. Механические, закрепленные на уровне рефлексов движения. Он сразу превратился в классического киношного бармена. Только на стакан он не смотрел, его взгляд уходил куда-то за Лёшкину спину. – Домой не дойдешь.

Лёшка повернулся туда, куда смотрел бармен, и встретился глазами с татуированной девушкой. Девица тут же отвела взгляд и снова уткнулась в экран.

– Тебе ведь *нужно* домой?

Лёшка покорно кивал. Конечно, ему нужно домой. Ему хоть куда-нибудь нужно, чтобы прилечь и поспать.

Голова больше не болела. Потому что он её не чувствовал. Он

вообще больше ничего не чувствовал, только жуткое желание уснуть.

Как вышел из бара «Три медведя», Лёшка не помнил. На самом деле, проснувшись следующим утром, он вообще не был уверен, что бар и все, что там происходило, было на самом деле. Только существование девушки со странной прической и татуировками не вызывало сомнения.

23

Окружающий мир проявился внезапно, будто кто-то включил телевизор, по которому показывали реальность. Обычную, можно даже сказать – обыденную, реальность.

Микмак не помнил, какие события пропустил. Так же не получалось вспомнить, сколько прошло времени с тех пор, как он отключился. «Балалайки» не было, глазной наноэкран отказывался воспроизводить что-либо, кроме значка с перечеркнутым треугольником чипа. Может, полетел наноэкран? Микмак не испытывал уверенности, но вроде бы «балалайки» у него нет уже не первый день.

Он сидел в комнате, обставленной довольно богато. Прямо перед Микмаком стоял почти белый с легким кремовым оттенком диван с кожаной обивкой и резными гнутыми ножками, по всей вероятности, из натурального дерева. Вокруг дивана в двух огромных горшках, каждый из которых своим витиеватым орнаментом сошел бы за настоящее произведение искусства, торчали ухоженные пальмы. Высокие пальмы, высота потолков в этом помещении позволяла. На чем сидел он сам, Микмак не понял – повернуть голову не получилось, шея ныла и отзывалась острой, похожей на электрический разряд болью.

А вот на кожаном диване сидел, вальяжно закинув ногу на ногу и терзая зубами дымящую сигару, немного полноватый мужчина лет пятидесяти с длинными волосами с проседью, забранными в тугой хвост на затылке. Микмак потянул носом воздух, ощутив табачный дым, и внезапно всё вспомнил. Всю историю, начавшуюся с вонючей сигары Старика Ромеро, дым которой душил его в офисе их фирмы в Марселе-нуво.

Мужчина с сигарой чему-то улыбался. Улыбка на его губах выглядела неестественной и какой-то елейной. Хотя Микмак не очень понимал значение этого слова, но иначе, чем елейной, назвать мерзенькую ухмылку было нельзя.

С большим трудом и не без сомнения Микмак узнал в елейном того странного типа – запакованного в джинсу, дерганного и с перепутанными лохмами на голове, которого в офисе он сперва принял за ломщика.

– Вы кто? – промямлил Микмак.

Никакой уверенности, что его поняли. Сказать по правде, он сейчас и сам себя не понял бы. Губы распухли, во рту пересохло, перед глазами всё плыло.

Его били. Долго и с чувством. Наверное, хотели что-то узнать. Но вопросов Микмак не вспомнил.

Вчера – или вечность назад – с некоторых пор время утратило свое значение, ему обещали, что дадут сутки, чтобы прийти в себя. Если так можно назвать неопределенной продолжительности время, которое Микмак провел в чреве какого-то транспорта (он даже не мог определить, что это было: мобиль, вертолет, страт или салон «суперсобаки»), – пребывая в состоянии тупой отрешенности, то они выполнили обещание. Ему сделали какую-то инъекцию. Это Микмак смутно, но помнил. А после реальность провалилась в замершее в одно мгновение королевство с приглушенными звуками, будто ватой набитое.

Ну а потом его привезли сюда и начали бить. В этом месте в памяти был провал. Непроницаемый, как черная дыра.

Полноватый, весь какой-то кругленький мужчина, куривший на диване, хихикнул. Противно так хихикнул. В лад елейной улыбочке. Но ничего не ответил. Вообще – рта не открыл.

– Где я? – на всякий случай спросил Микмак, понимая, что и в этот раз ответа не дождется.

– Почему вы так упорствуете? – поинтересовался мужчина с сигарой. Улыбка держалась на лице, как приклеенная.

– В чем? – не понял его Микмак.

Незнакомый собеседник откинулся на спинку дивана, пачкая падающим с сигары пеплом дорогую обивку, и громко засмеялся.

– Браво! Вы отличный шпион, Михаэль.

Шпион? О ком это он? Микмак никогда не был шпионом, его никто не нанимал. Или после промывки мозгов, что ему устроили в этом доме, он не помнит чего-то из своей биографии? Голова, надо сказать, казалась тяжелой, а восприятие заторможенным. Это не только от ударов: его обрабатывали какой-то химией. И что он успел наговорить под «открывалкой»?

Хотя вряд ли это была именно «открывалка» – после «сыворотки правды» безумно хотелось пить, а сейчас Микмак жажды не испытывал. Был уже как-то случай…

– Что вам от меня нужно?

– Вы это уже спрашивали. Причем неоднократно. Как ни крути, но вы движетесь в верном направлении. Хорошо, давайте попробуем пройти всё еще раз.

Микмак непроизвольно зажмурился – ему уже говорили так. Предыдущий раз после этих слов били. Но сейчас никто даже пальцем не тронул, а елейный с сигарой продолжал улыбаться.

– Мои люди интересовались, куда вы дели украденный файл.

– Я не знаю ни о каком…

– Я уже в курсе. – Собеседник остановил Микмака жестом, подняв свободную ладонь вверх. – Предлагаю не повторяться. Хоть я вам и не верю.

«Резиновая» улыбка исчезла с губ мужчины, уступив место столь же напускному выражению досады.

– Расскажите мне лучше, что это такое.

В руках мужчины появилась небольшая стеклянная коробочка, внутри которой мелькало что-то желтое. Он крутил коробочку из стороны в сторону, и заторможенный разум Микмака никак не мог распознать предмет, находящийся внутри.

– Что там у вас? – спросил Микмак, попытавшись изменить позу, но только застонал от боли во всем теле. – Может, хватит играть в загадки? Ваши люди, помнится, хотели, чтобы я работал на вас.

– Замечательно! – Мужчина снова расплылся в улыбке. – Рад, что вы это помните.

– Только вы забыли объяснить, что нужно делать.

– И все-таки. – Внезапно лицо мужчины сделалось серьезным. Перемена была настолько яркой, что могло показаться, будто у него вообще изменилась внешность. – Что вы можете рассказать мне об этом?

– Я не вижу, что там. Только стеклянную ко-робку.

Мужчина неспешно положил дымящуюся сигару в металлическое – золотое? – блюдце и, поднявшись с дивана, вытянул перед собой коробку, почти уткнув её Микмаку в лицо. Под стеклом была довольно крупная бабочка, зафиксированная на одной из стенок. Четыре ярко-желтых крыла, расчерченные черным контуром, по красной полоске и синему кругу внизу с обеих сторон.

Микмак пожал плечами. Он не понимал, к чему это энтомологическое шоу.

Ты же видел такое насекомое раньше.

– У вас там бабочка. А от меня вам что нужно?

– Это не просто бабочка. Это махаон.

Мужчина как будто чего-то ждал. Какой-то реакции со стороны Микмака. Не дождался.

– Она так называется?

– Да. – Мужчина опустился на мягкое кожаное сиденье дивана. На его лице проступили легкие штрихи разочарования. – Вам должно быть известно это название.

Микмак покачал головой.

– Я не силен в насекомых.

– Очень странно. Очень. – Мужчина задумался на мгновение, потом взял сигару и, затянувшись, насколько позволял объем легких, сказал: – Жаль, но нам придется кое-что вам напомнить.

Микмак понял: снова будут бить. Он не раздумывал и ничего не решал. Иногда знание появляется само собой, словно бы

ниоткуда. Кто-то называет это предчувствием.

Мгновение назад в комнате с пальмами не было никого, кроме них двоих, но сильный, выверенный удар прилетел в правую скулу тут же, без задержки, будто кулак материализовался в воздухе подобно улыбке чеширского кота.

– Мы можем вам кое-что показать, – раскуривая вдруг потухшую сигару, сказал елейный мужчина. – Просто мы надеялись на вашу порядочность.

Странные надежды. Особенно после всего, что произошло.

В поле зрения появился элегантно одетый человек средних лет. Нет, не элегантно, к нему подходил какой-то иной эпитет… Ах да, конечно, этот тот самый «солидный», с которым Микмак впервые имел удовольствие общаться еще в Марселе-нуво.

«Солидный» установил на столике (натуральное дерево, резьба, стиль барокко) небольшой коммуникатор и запустил видеофайл. На экране появились двое мужчин, в одном из которых Микмак не сразу узнал себя. Второй казался незнакомым. Не то чтобы Микмак посчитал файл подделкой, просто там он явно беседовал со случайным прохожим.

– О чем вы говорили с Фриманом?

– С кем? – не понял Микмак.

Наверное, Фриман – это тот тип, с которым он разговаривал под какой-то камерой наблюдения. То, что «кино» снималось именно такой камерой, сомнений не вызывало. Похоже, дело было не в Марселе-нуво. В кадр помещался совсем небольшой кусочек улицы, и Микмак не мог узнать местность.

…Место было темное. Не то дворы, не то бывшая улица, заваленная обломками зданий, рухнувших во время землетрясения трехлетней давности. А может, Катастрофа тут ни при чем – район настолько запущен, что, не исключено, дома здесь время от времени падали сами по себе, без участия стихии.

Микмак переминался с ноги на ногу, словно пытаясь согреться. Холодно ему совершенно не было, – было не по себе. Откровенно говоря – было страшно.

Какого чёрта он согласился прийти сюда? Вернее, не согласился, а напросился сам. Узнавал, как можно попасть на юг.

На юге торговали «бютеном» – утонувшим во время Катастрофы барахлом корпораций. Дело, если верить рассказам, безумно прибыльное. Почему-то из всех возможных вариантов, куда вложить премию, полученную после пражской кампании от Его Величества султана Махмуда пятого, он выбрал именно этот – добыча неведомого ему «бютена».

Обещали, что именно в это место должен подойти какой-то человек. Мол, он всё и расскажет. Пока человека не было.

Микмак осторожно осмотрелся, обойдя все закоулки тупика, в котором стоял. Ничего интересного. И – никого. К счастью. Местечко, похоже, было настолько гиблое, что здесь не жили даже законченные бродяги.

– Ждешь кого-то?

Голос, раздавшийся из темноты, заставил вздрогнуть Микмака.

– Да, – нехотя ответил он.

Шурша бетонной крошкой под ногами, к Микмаку подошел мужчина. Высокий, вполне прилично одетый, с нормальной, ухоженной внешностью. И почему, скажите на милость, нельзя было назначить встречу в каком-нибудь нормальном месте?

Пришедший ничего не говорил, ждал, когда Микмак расскажет о своих проблемах. Или предложит что-нибудь дельное.

– Мне сказали, что вы можете помочь попасть на юг, – начал Микмак.

– На юг тебе вполне может помочь добраться государственная транспортная линия Эль-Францы. Её как раз на днях закончили ремонтировать, вторую неделю уже поезда по расписанию ходят.

– Мне рекомендовали одного человека. Старика. Я хотел бы попасть к нему. Он, говорят, интересные вещи находит, – сказал Микмак.

– На юге много людей живет, среди них и стариков достаточно.

Взгляд мужчины, который Микмак и видел-то с трудом в окружающем полумраке, совершенно четко сообщал, что его хозяин чего-то ждет. В общем-то несложно догадаться, чего.

– Сколько? – спросил Микмак.

Мужчина хмыкнул и назвал сумму. Дорого. Почти половина того, что Микмак намеревался вложить в бизнес. Но Старик, имя которого было записано в «балалайке», искал как раз то, что требовалось Микмаку.

Скажи честно, ты помнишь, как записывал это имя в «балалайку»?

Если дальше пойдет так, как Микмак рассчитывал, то дело того стоит.

– Согласен, – сказал он и протянул высокому мужчине руку. Тот внимательно посмотрел на протянутую ладонь – на его лице ясно читалось недоверие и напряженность, – но пожимать её не стал.

– Тогда пошли.

Он повернулся и быстрым шагом пошел прочь из глухого дворика. Через мгновение силуэт высокого мужчины растворился

в ночной темноте, и Микмак поспешил следом…

– Кто такой Фриман?! – выпалил Микмак.

Но от него ожидали совсем другого ответа. Поэтому твердый «чеширский» кулак тут же обрушился, выбрав на этот раз в качестве мишени левую скулу. Микмак тихонько застонал – лицо почти не чувствовало боли, занемев от предыдущих побоев, но перед глазами всё поплыло, а к горлу подступила тошнота. Сотрясение мозга он заработал уже давно, теперь состояние только усугублялось.

– Я не знаю этого человека, – быстро выпалил Микмак, – мы с ним случайно встретились. Я даже не помню, где. И о чем говорили, тоже не вспомню.

Картинка на экране сменилась. Теперь Микмак передавал кому-то невидимому – человек не попадал в поле зрения камеры – пластиковый пакет, получив взамен небольшой клочок бумаги с нацарапанными корявой рукой символами. Листок был неровно сложен, и прочесть надпись полностью невозможно. Микмак знал, что это – код для получения денег. Ему показывали процесс заключения сделки. Да, он, чёрт возьми, торговал «бютеном» и совершенно не скрывал этого! Что этим людям, в конце концов, от него нужно?!

– Это обычная сделка! – заорал он. – Чего вы от меня хотите?!

– Чтобы ты сказал нам, кому продал этот программный блок, – негромко ответил «солидный», и невидимый кулак снова врезался в лицо Микмака.

– Какой блок?! Я не знаю, что было в том пакете, я вообще по этой картинке не могу понять, когда и где это происходило!

– Ты же согласился нам помочь, не так ли? – голос «солидного» оставался спокойным и ровным.

– В чем, черт возьми?!

Отчаяние стояло на пороге. Один шаг, и Микмак взвоет волком, увидавшим луну. Он не знал, чего от него хотят, не понимал, как можно исправить положение, но совершенно отчетливо осознавал, что от него не отстанут. Решения не было. Или он не мог его найти. Пока еще маленькая надежда, что правильным окажется второй вариант, оставалась.

– А вот здесь? Что вы делали у марсельских бандитов?! – заорал елейный. Он так напрягался, что едва не выронил сигару.

На экране коммуникатора появились кадры, естественно, с Микмаком в главной роли. Это место он прекрасно знал – любимый ресторан Франсуа Мажида. «Обитель Иисуса» – так он назывался. В этом месте Микмак бывал не то чтобы часто, но бывал. С самим Мажидом не обедал – не того полета птица, – но с его подручными встречался неоднократно. Бизнес есть бизнес.

Микмак смотрел фильм и не мог понять одной простой вещи: что необычного видят эти люди в его действиях?

– Я готов идти на сотрудничество с вами. Но сначала объясните, пожалуйста, в чем оно будет заключаться, – тихо проговорил Микмак.

– Это уже лучше, – абсолютно спокойным голосом произнес мужчина с сигарой. Елейная улыбка опять вернулась на его лицо. – Я объясню. А вы – для начала – вспомните о бабочке с желтыми крыльями.

– Махаон?

– Да, именно он.

– Я не знаю названий, не силен в терминах. Но что-то похожее на эту бабочку видел.

Повисла тишина. «Солидный», разрушив идиллию, зашуршал пластиком, убирая со стола коммуникатор. Все ждали продолжения. Похоже, они считали, что сломали Микмака. Сам Микмак так не считал: они ошибались, думая, что он на кого-то работает. Просто не хотелось вспоминать то, что было. Или, может быть, это он такой тупой, что не понял сразу, куда они клонят? Хотя эти люди явно сомневались в собственных догадках, да и догадки их были слишком уж приблизительными.

– Чехия, Прага, – добавил Микмак, выдержав паузу.

– Уже лучше, – кивнул «елейный». – Так на кого вы работаете?

Микмак усмехнулся. Вернее, попытался сделать это – разбитые губы опухли и щедро снабжали организм болью при каждом движении.

– Я же сказал: ни на кого. Работал на Ромеро. Как вас зовут? Я не знаю, как к вам обращаться.

– Слег, – представился «елейный». – Мистер Слег. Вы знаете, как на самом деле зовут Ромеро?

Микмак заметил, что Слег упомянул о Старике в настоящем времени. Но не придал этому значения.

– Да. Ромулус Шнайдер.

А теперь подумай, откуда ты это знаешь.

– Ты прав. – В голосе, раздавшемся из-за спины, не было привычного скрипа, но не узнать его было невозможно. – Только я никогда не представлялся тебе настоящим именем.

Микмак поднял глаза, уже зная, что увидит – перед ним стоял живой и невредимый Старик Ромеро. Он сильно изменился, даже как будто помолодел немного.

– Но… – только и смог выговорить Микмак.

Ромеро усмехнулся.

– Рассказывай. Выкладывай всё. Что произошло там, в Праге.

И зачем ты пришел ко мне.

– Работать…

Нет, Микмак решительно отказывался понимать, что происходит. Все эти люди убеждены в существовании какого-то заговора, центром которого стал он. Но он не участвовал ни в каких заговорах! Не преследовал никаких целей и не искал какой-то особенной выгоды. Просто старался остаться в живых.

Ага, именно поэтому ты стащил со склада ту штуку – программный блок – и продал его какой-то женщине.

– Тебе ведь неспроста показывали это кино. Мы давно следим за тобой. Так же, как ты – за нами.

– Я не… – начал Микмак, но Ромеро не дал ему закончить. Всем и так понятно, что он хотел сказать.

– Ты пришел ко мне. – Ромеро загибал пальцы. – Ты встречался с Фриманом, ты продал программный блок этой бабе… кстати, кто она?

– Я не знаю…

Невидимый Микмаку хозяин железного кулака внезапно вновь материализовался где-то справа, нанеся мощный удар в ухо.

– Не надо нам врать, – сморщив от недовольства лицо, упрекнул «солидный».

– Перестань. – Ромеро жестом дал понять «солидному», что бить Микмака больше не надо. Он, похоже, понял, что еще немного, и Микмак просто отключится. – Откуда она вообще взялась?

– Мне её порекомендовали.

– Кто?

– Вы же всё снимали. Там были кадры – Фазиль. Тот лысый тип с бородкой из окружения Ма-жида.

Ромеро удовлетворенно кивнул, Слег расплылся в довольной улыбке. Один только «солидный» хранил на лице кислую мину.

– Всё сходится, – сказал Ромеро. – И ты будешь утверждать, что… Впрочем, не важно. Ты всё равно не знаешь всей цепочки. Так же, как мы.

Они тут всё рехнулись. Цепочки, заговоры, шпионы…

Что же они достали из моря?

Мысль о странном «бютене», поднятом со дна Марсельского залива, появилась только теперь. Микмак успел позабыть, с чего всё началось. И к чему всё, в конце концов, сводилось.

– Дай, я с ним еще поработаю, – внезапно проронил «солидный», а на периферии поля зрения мелькнул обладатель «чеширского» кулака.

Микмак непроизвольно сжался. Он уже был готов

подтвердить, что угодно, во всем сознаться и всё рассказать. Одна беда – он никак не мог понять, что желают услышать уши терзающих его людей.

Слег спрашивал о махаоне. Что же, об этом он вполне мог поведать. Немного, но мог.

– Не надо, – взвизгнул Микмак. – Я расскажу.

– Действительно, перестань, – укоризненно опустив брови, сказал Слег. – Ты же знаешь, что ни ненависть, ни страдания неспособны править миром.

Произнеся эту странную фразу, Слег усмехнулся.

– Но страдания никто не отменял.

– Страдание – это всего лишь отсутствие удовольствия. Оно заставляет людей стремиться, достигать чего-то, противодействовать и мешать тем, кто готов управлять этим миром, – теперь улыбка Слега стала не елейной, а, скорее, мечтательной. – Только настоящее удовольствие способно перевернуть мир. Отбери у ребенка любимую игрушку и, пообещав вернуть ее, можешь делать с ним, что хочешь. Но игрушка – это мелочь, ерунда. У нас есть кое-что иное. Вы об этом знаете? – Этот вопрос адресовался Микмаку.

Безумцы. Они же настоящие безумцы. Или какие-то сектанты. Других вариантов нет, он в руках сумасшедших. Единственный способ выпутаться из ситуации – подыгрывать их бреду.

– Нет. Но о бабочках я могу рассказать.

– Ну так расскажи.

24

В кафе Джио был один. Слишком рано, чтобы кто-то решил отобедать. Хотя для завтрака время весьма подходящее, оказалось, что сегодня пятница. То есть выходной, а значит, на завтрак местный люд соберется позже.

На дверях написано, что заведение работает с шести утра. Пятница не являлась исключением, но щелчок магнитного замка немного запоздал, открыв путь внутрь в шесть пятнадцать.

Дверь распахнул хозяин. В такую рань никого из работников еще не было. Скорее всего в это время и в будние дни наплыва посетителей не ждали.

Хозяин – немолодой человек с угрюмым лицом и наполовину седыми, будто присыпанными пеплом, взлохмаченными волосами – не стал заводить с незнакомым посетителем беседу. Он лишь принял заказ – на завтрак предлагались круассаны, порошковые блинчики и яичница из натуральных куриных яиц за баснословные по здешним меркам деньги. Выбор небогат, но что еще нужно усталому путнику?

Ночью Джио промок до нитки. В темноте он заблудился в лесу, оказавшемся совсем небольшим. Как только на горизонте показались первые проблески солнца – дождь к тому времени закончился, – стало ясно, что лес здесь совсем не дикий и, учитывая обилие протоптанных и даже крытых оставшимся еще с прошлых времен потрескавшимся асфальтом дорожек, весьма ухоженый. На противоположной стороне леса обнаружилось обширное поле с ровными рядами зеленых всходов, за которым виднелся небольшой городок.

Джио никто не преследовал и не искал.

Судя по дорожным указателям, досмотр железнодорожного состава проводился на границе двух эмиратов. Сейчас Джио находился в Оверни. А городок назывался Шабрелош.

Мечеть в городке имелась, но в остальном, похоже, уклад сохранился старинный, каким был во Франции со столицей Парижем без приставки «эль».

В какой-то момент, блуждая по ночному лесу, где из-за плотного дождя и густых крон не видно было почти ничего, Джио показалось, что он потерял ориентиры, утратил чувство реальности. Несколько раз ему мерещилось, что совсем рядом лают собаки. Кто знает, может, они и лаяли – мало ли в этом Шабрелоше уличных шавок. Наверное, имеется в Шаберлоше и полиция, только в лес этой ночью вряд ли забредал кто-то из стражей порядка.

Какое-то время Джио стоял, умываясь прохладными струями весеннего дождя, и смотрел в темноту леса. Всё его тело сотрясала дрожь, было очень холодно. Зубы выбивали быструю барабанную дробь, но за шумом тысяч падающих на кроны деревьев капель её всё равно не было слышно. Это теперь, сидя за столом в теплом и довольно уютном кафе, он понимал, что там не было ничего, кроме кромешной тьмы и шороха дождя. А тогда… Там, в лесу, всё было по-иному. Там он был уверен, что всё происходит на самом деле, что он снова вернулся туда. В одну маленькую точку на горизонте необъятного пространственно-временного континуума, изменившую всю его жизнь. Перевернувшую её.

Там, в темноте, он разговаривал с Джокондой. Со своей женой, о которой ничего не слышал вот уже четыре года. С того самого дня, когда состоялся их последний разговор.

Вильгельмине, их дочери, было шесть. Сейчас ей было бы десять. Джио моргнул, ему казалось, для того, чтобы смахнуть слезу, но это оказались всего лишь капли дождя. Время умеет залечивать раны, любые. Иногда жажда мести настолько впечатывается в сознание, что уже и не помнишь, за что мстишь. Главное – это выполнить задуманное годы назад.

Вильгельмине сейчас десять – поправил себя Джио. Без всяких «было бы». Но в ночном лесу ей всё так же было шесть.

– Папочка! – закричала маленькая девочка с темными курчавыми волосами, падающими красивыми локонами на плечи, и огромными голубыми глазами, полными слез. – Куда мы идем, я не хочу уходить без тебя!

В мрачном, зеленовато-голубом свечении, исходившем откуда-то из глубины леса, маячил темный, неясный силуэт человека, одетого в длинное пальто и странную старомодную, не сказать – антикварную – шляпу. Именно он держал на руках Вильгельмину. Девочка повернулась назад, выглядывая из-за расплывающихся черным туманом широких полей шляпы. Она не понимала, почему должна уходить с незнакомыми ей людьми, почему её увозят от отца.

– Я не хочу ехать с ними, – сказала Джоконда. – Но ведь у меня нет выбора.

Она говорила спокойно. Слишком спокойно, словно механическая кукла. Глаза Джоконды были красными, но слез в них не было – за прошедшую ночь она выплакала всё, что могла. Она смотрела на него, и в её глазах читалась полная покорность. Она сдалась. Она считала, что он предал их.

В ту ночь Джио был уверен в своей правоте, он всё продумал заранее. И только в этот момент, когда встретился глазами со

взглядом жены, где-то глубоко в его душе зародилось сомнение, которое он быстро задавил. Теперь это самое сомнение грызло изнутри, съедало всё его естество, оставляя после себя пустоту. Черную, поглощающую всё дыру.

Они помогли вынести вещи. Они были обходительны и внимательны. Джио считал их друзьями. Ну, если не друзьями, то как минимум единомышленниками. Один из них, тот, что носил странную шляпу, вернулся за последним чемоданом и, прощаясь, долго и самозабвенно жал ему руку, хотя они и не были знакомы.

Вниз, к машине, он отчего-то не стал спускаться. Он смотрел на большой, сверкающий хромом мобиль сверху. А прямо перед ним, из-за покрытой снежной шапкой горной вершины, медленно разжигая огонь очередного дня, поднималось солнце.

– Всё будет хорошо, я всё продумал, – прошептал он, оставляя своим дыханием на холодном с ночи стекле мутные, быстро исчезающие пятна.

– Всё будет хорошо, – дрожащим голосом прошептал Джио во вдруг ставший непроглядным лесной сумрак. Лишь услышав собственный голос, он понял, что дождь прекратился.

А теперь ночной кошмар казался каким-то неправдоподобным наваждением, растворившись в памяти, словно ничего такого и не было.

– Вы не знаете, что такое «тейе»? – спросил Джио у хозяина, когда тот поставил перед ним тарелку с яичницей на два яйца, чашку с отвратительно пахнущим эрзац-кофе и одним круассаном на блюдце.

Мужчина замер, словно наткнувшись на невидимую преграду, медленно повернул голову в сторону Джио и пристально посмотрел ему в глаза. Он так ничего и не сказал, молча повернулся и ушел на кухню.

Незатейливый завтрак и даже эрзац-кофе – отвратительный на вкус, но замечательно теплый – немного взбодрили Джио и подняли настроение. Ужасы дождливой ночи теперь казались нереальными и надуманными. Мысли в голове Джио текли быстро и легко, формируя четкие и отточенные решения.

Тебе не надоело убегать и прятаться? В конце концов, не для того ты это всё затеял, чтобы забиться в глубокую нору и носа оттуда не показывать.

Джио достал из кармана пальто брусок особого пластилина, который купил еще в Марселе-нуво. Давно нужно было воспользоваться этой покупкой, а не накручивать себя, подозревая в каждом незнакомце шпиона.

Маленький гаджет со словом «АКОПТ» на черном корпусе

оказался не таким уж маленьким. Запечатанный в «нанопластилин», он превратился в довольно крупный шар, который наверняка привлечет внимание любого полицейского, обнаружившего такую поделку в кармане Джио. Нужно придумать что-то другое.

Он содрал пластилин и повертел черный пластик, раздумывая, как с ним поступить. Черный пластик… Это всего лишь корпус, защитная оболочка. Сама микросхема намного меньше. Небольшой нож, поданный для намазывания явно ненатурального масла на круассан, отлично справился с задачей, сняв упругую черную упаковку несколькими крупными ломтями.

На ладони Джио лежал маленький чип. Внутри него зашито то, что было создано этими самыми руками. То, что искали *они*. Правда, в чип оно попало с помощью чьих-то чужих рук.

Решение пришло спонтанно, а именно такие решения, как правило, оказываются самыми лучшими. Джио раскатал «нанопластилин», завернул в получившуюся лепешку чип и спрятал его в медальоне Беаты. Если бы еще как-то заварить стык двух половин, то медальон на экране наноскопа будет выглядеть литым украшением. Но для не самого внимательного взгляда сойдет и так.

Хозяин появился как раз в тот момент, когда Джио ликвидировал следы проделанной только что манипуляции с привезенным из Марселя-нуво «бютеном». Мужчина начал стремительно убирать со стола тарелки. Джио подумал, что пора расплачиваться, и вытащил из кармана несколько скомканных промокших купюр. Снимать деньги с электронного счета он не решился – по произведенным платежам отследить «балалайку» проще всего.

– Тейе – это городок к северу отсюда, – проворчал хозяин. Он смотрел вдаль, изучая что-то за окном, и Джио не сразу понял, что обращаются к нему. – В Оверни. Есть еще Тейе в Аквитании и вроде бы еще один недалеко от Эль-Парижа. А вам куда нужно?

Джио от неожиданности дернул купюру, едва не порвав размокшую синтетическую бумагу. Знать бы еще, куда ему нужно. Да и зачем ему этот самый «Тейе» тоже было бы неплохо узнать.

– Мне в сторону Эль-Парижа, – сказал Джио первое, что пришло в голову. Но в следующую секунду он уже был уверен в собственном выборе: совершенно точно, нужен Тейе, который недалеко от столицы.

– Тогда вам на вокзал. Сегодня как раз должна быть электричка до Лиона, а там вы сможете пересесть на какой-нибудь поезд или даже на «суперсобаку». В Эль-Париж теперь снова стало много рейсов. Страна возрождается.

– Да, конечно. Спасибо.

Насчет возрождения у Джио имелось немного иное мнение, но обсуждать его сейчас с хозяином кафе желания не было.

На самом деле, городков с названием Тейе на территории Франции оказалось почти десяток. Джио не знал, зачем ищет их. Как не знал, что имел в виду Халиль, настаивая, чтобы он запомнил это название. Но что-то в разговоре с бывшим ломщиком баварского султана его зацепило.

Кроме нескольких городков, название «Тейе» носила какая-то неизвестная Джио корпорация. В Сети всего несколько упоминаний – слишком мелкая компания, чтобы греметь на всю страну. Джио так и не понял – была ли эта компания дочерним предприятием одной из корпораций Анклавов или являлась местным, французским детищем.

Никакого досмотра на маленькой железнодорожной станции Шабрелоша, которую хозяин кафе назвал гордым словом «вокзал», не было. До Лиона Джио добрался в общем вагоне местного поезда. Собственно, иного уровня комфорта не предлагалось – состав состоял всего из трех вагонов, один из которых предназначался для перевозки мелких грузов и почты.

В Лионе пришлось провести ночь. Джио снял номер в недорогом отеле, заплатив остатками наличности. Номер был очень запущенным, но порадовало отсутствие тараканов. Возможно, он их просто не заметил, потому что заснул, не успев даже осмотреться как следует. Спать хотелось настолько сильно, что, кое-как помывшись под вялыми, едва теплыми струями сильно пахнущей какой-то химией воды, он с трудом добрался до постели и отключился, будто провалившись в небытие.

В эту ночь ему не снились никакие сны; утром голова была свежей, и душу не терзали сомнения в правильности действий. Всё было решено уже давно, и случай сделал возможным осуществление задуманного. Поэтому нет нужды сотню раз перетряхивать прошлое в попытках найти ответ на вопрос, который никто не задавал.

В Тейе поезд прибыл вечером, когда закатное солнце окрасило небольшой и довольно запущенный городок в красные тона.

Даже в ярких багряных лучах заката городок всё равно выглядел серым и пыльным. Каким-то заброшенным он смотрелся, хотя на небольшом перроне неспешно прохаживалось несколько человек.

На самом деле, здесь можно было и не выходить. Всё, что нужно, Джио увидел еще из вагона. Неподалеку от железнодорожной станции стояли полуразрушенные руины

небольшого завода. Сам завод явно не представлял никакой ценности – иначе его давно бы разнесли в щепки. Но вот покосившаяся пыльная табличка, висящая на самом крупном из зданий, всё расставила на свои места. «Собственность корпорации ACAT», – было написано на ней.

Совпадения бывают. И не так редко, как может показаться. Можно списать подозрения на паранойю и не обращать на них внимания. Только Джио уже увидел эту надпись и вряд ли сможет забыть ее. Связь для него была самая прямая – корпорация, на которую работал он и тот человек в широкополой шляпе, называлась TACA. Всего четыре буквы, не обремененные законом об авторском праве. Расставляй, как хочешь. Но слишком много данных – да, странных и разрозненных – сходилось в одной точке.

Ворота закрыты не были. Нет, на покосившихся ржавых створках, конечно, висела провисшая цепь, скованная огромным антикварного вида висячим замком, но она ничего не закрывала: в широкую щель можно было не просто протиснуться, а спокойно войти.

Под ногами хрустели какие-то обломки, куски штукатурки, изогнутые металлические детали давно исчезнувших механизмов. Заброшенный завод. Причем производство здесь остановилось, похоже, давно. Еще до Катастрофы. Судя по виду городка, трясло в этих краях не очень сильно, и все здания завода, хоть и покосились немного, но устояли. Грязь и запустение.

Но не везде имелся налет векового забвения. То тут, то там Джио замечал следы чьей-то деятельности. Аккуратные, но вполне заметные. Здесь были люди. Они ходили здесь и здесь, а вон там неоднократно разводили костер.

По правую руку возвышался огромный ангар, по всей видимости, бывший в рабочую бытность каким-то цехом. Огромное, кажущееся бесконечным здание, таращилось на мир темными провалами разбитых, заплетенных паутинами окон. Именно из этих окон доносились звуки возни. Внутри кто-то был.

– Эй, мужик! – говорили на французском.

Джио огляделся. Сердце стучало, пульс бил молотом в висках. Руки налились тяжестью, и впервые появилась мысль об оружии. Нет, воевать он не будет.

А как насчет самообороны?

Из-за груды разношерстного мусора появился обладатель французской речи. Одет он был в лохмотья, немыт и нечесан. Ну, конечно же, кто здесь еще мог быть, кроме бездомных бродяг. Такие площади, способные вместить в себя не менее сотни человек, простаивать не будут.

– Чего надо? – стараясь, чтобы голос не дрогнул, резко

поинтересовался Джио.

Ему было страшно. И становилось всё страшней – если их здесь хотя бы десяток, откупиться не получится. И убежать с их территории – тоже.

– Ты чего здесь делаешь?

– Не твое дело! – рявкнул Джио и заставил себя продолжить движение. Он свободный человек, он ходит где хочет, не спрашивая мнения бомжей.

– Подожди, подожди. – Бродяга засуетился, перебираясь через груду хлама и явно намереваясь догнать Джио.

Повернуть назад? Добежать до ворот? Снаружи они вряд ли тронут. Джио непроизвольно глянул через плечо, оценив расстояние, отделяющее его от выхода. Нет, всё равно не успеть.

– Подожди, я тебе говорю! – Тон бомжа стал более требовательным. Он почувствовал слабость противника, да и несколько бездомных собратьев появилось на вершине кучи, загораживающей проход внутрь заброшенного цеха.

Что же делать? Джио боялся полицейского контроля, наноскопов и неведомых сильных мира сего, мгновенно обнаруживших его запрос об АКОПТе. Тот самый, что он опрометчиво совершил в закусочной Лучано Минелли. Но о бесславном конце среди бездомного отребья он и не задумывался.

– Вы находитесь на корпоративной территории, – неожиданно даже для самого себя выпалил Джио. – Это незаконно.

Бомж на секунду опешил.

– Так ты нас выселять, что ли, собрался?

С верхушки кучи послышались смешки. Приободренный поддержкой товарищей, бомж двинулся в сторону Джио. И в этот момент прозвучал первый выстрел.

Бродяга странно вздрогнул, будто из него кто-то решил выбить пыль, потом остановился и прижал к животу руку. По грязной ладони потекло красное. Группа поддержки мгновенно исчезла с противоположной стороны горы хлама.

Джио инстинктивно побежал. Туда, где виднелся проход между двумя зданиями поменьше. Он нырнул под своды одного из них и тут же провалился под землю, наступив на плохо закрепленный лист железа. Завершив падение тремя метрами ниже, он понял, что только чудом остался цел.

Здесь было настолько пыльно, что Джио с трудом сдерживал рвущийся из глубины грудной клетки кашель. Пыль поднял он сам, приземлившись на кучу чего-то довольно мягкого, похожего на цемент. Может, это и был цемент – Джио не очень разбирался в строительных материалах.

– Куда он делся?

Приглушенный голос доносился сверху. Говоривший мужчина ходил не прямо над головой, но где-то совсем рядом. И искал он, должно быть, не подстреленного бомжа.

– Да здесь он. Куда бы ему деться, – ответил второй голос, после чего наверху что-то с грохотом упало, и в небольшом бункере, в котором оказался Джио, стало темно.

– Думаешь, при нём что-то есть?

– Откуда мне знать? И тебе не советую забивать голову подобными вопросами. Наше дело – привести его, куда сказано.

– И то правда. Куда же этот хмырь запропастился?

Эти двое говорили на амия. Полиция или спецслужбы? Какая, в сущности, разница, откуда они. Для Джио конечный результат вряд ли изменится, будь они хоть посланниками Милостивого Владыки храмовников.

Рука непроизвольно нащупала медальон, висящий на шее. «Они пришли за этим, все-таки они выследили его», – пронеслась в голове мысль.

Едва различимый призрачный свет лился справа, из большой широкой трубы. Надо бы осмотреться. Джио забрался внутрь трубы – не разогнуться, но на четвереньках он вполне в неё поместился. Осторожно пополз вперед. Пыльный лаз изгибался кверху, вероятно, выходя на поверхность в нескольких метрах впереди. Главное, не шуметь, напомнил себе Джио и тут же с грохотом скатился вниз. Прислушался. Тихо, на шум никто не отреагировал. Ушли?

Джио снова попытался подняться по трубе. Раньше по ней, похоже, сгружали этот пыльный порошок. Эх, если бы был пистолет… Правда, боец из тебя, Джио, никудышный. Не был ты никогда бойцом и вряд ли станешь. А если попасться к этим двум, то не станешь уже никем в этой жизни. Как же они его вычислили?

Труба вывела в небольшой загончик рядом со строением. Разгрузочный пункт для грузовых мобилей, тут даже знаки какие-то стояли.

Джио повертел головой из стороны в сторону. Вокруг ни души. Бежать сейчас или подождать, пока всё успокоится?

Не боец, ты, не боец.

Чего бы оно успокаивалось, если эти двое пришли за ним? И без него они не уйдут. Так что, трусливый заяц, надо бежать. Причем быстро и тихо.

Перед тем как сорваться с места, Джио заметил, что непроизвольно набирает в поисковом окошке, всплывшем перед глазами, название здешней компании: «АСАТ». Но посмотреть

результаты он успел, лишь когда остановился далеко за воротами злополучного завода.

Его никто не преследовал.

Они наверняка искали не его. Им нужен кто-то из местных бродяг. Не иначе кто-то из бомжей стащил что-то не то и не в том месте.

Джио резко дернул воротник куртки, едва не разорвав застежку. Всё в порядке, медальон на месте.

«*Компания «АСАТ» является дочерним предприятием корпорации «Тейе» (головной офис расположен в Авиньоне, Эль-Франца, торговое представительство в Эль-Париже по адресу…)*» – эта надпись висела перед глазами. Единственная надпись – других компаний с таким странным названием в поисковых базах данных зарегистрировано не было.

Значит, корпорация «Тейе». Халил очень хотел, чтобы он запомнил это название. Зачем? Очень много вопросов и мало ответов. И кто такой этот Халил? Он ведь еще что-то говорил и об отце Джио.

Здешнее расписание движения поездов Джио нашел быстро. Всего через полтора часа в Лионе должна остановиться «суперсобака», следующая до Эль-Парижа. Очень удачно, стоит поспешить.

25

Мерный гул двигателей не раздражал. Скорее, убаюкивал. И это раздражало – сейчас нет времени на сон. Даже на пятиминутный отдых нет.

Со стороны могло показаться, что президент корпорации «Науком» Игорь Александрович Холодов отдыхает. Может быть, даже задремал. Но так лишь казалось, он думал.

То, что рассказал Максимилиан, походило на сказку. Не очень умную и совершенно фантастичную. Причем фантастика носила явно ненаучный оттенок. Он рассказывал о «Титеристе». Странном таинственном проекте некоей корпорации, о которой ничего не было известно – ни названия, ни места расположения. Вероятно, корпорация всё же располагалась в одном из Анклавов. Скорее всего, по немногочисленным данным, добытым людьми Кауфмана, европейских.

– И чем так примечательна эта «Титериста»? – спросил Холодов. В тот момент он еще улыбался, считая, что Макс решил позабавить его очередной европейской байкой.

– «Титериста» – это слово мужского рода, – не изменяя привычной мрачности лица, заметил Кауфман, – испанское. Означает: «кукловод».

– И какими он водит куклами?

– Не знаю. Возможно, любыми. Ты слышал что-нибудь о Лэйгуне?

– Китайское цифровое чудо, которое поднебесники угробили два года назад в Африке?

– Именно. Только в Африке поднебесников, по их словам, не было. Исключительно патрулирование прибрежных вод.

Холодов усмехнулся. Кауфман – нет.

– Поднебесники тщательно скрывают это чудо, выдавая за сверхсекретную разработку, оставшуюся еще с прошлых времен. На самом деле, нам доподлинно известно, что проект начинки орбитального истребителя китайцы сами не разрабатывали. Они не то украли, не то купили данные. В первую очередь, Лэйгун – средство информационной атаки. Он может делать что-то с компьютерными сетями, подчиняя их себе.

– Макс, я знаю всё, что известно по проекту «Лэйгун». Разведкой по этому вопросу занимались мои специалисты.

Мертвый бросил на Холодова многозначительный взгляд.

– Да, по твоему совету, – добавил Игорь Александрович. – Но при чем тут эта… этот… с какого бока Лэйгун имеет отношение к «Титеристе»?

– Весьма вероятно, Лэйгун – это лишь одна из деталей «Титериста». Скорее всего относительно небольшая деталь. Данных по этому проекту слишком мало, но очень на то похоже, что тот, кто будет владеть «Титеристой», рано или поздно станет хозяином компьютерных сетей. Любых. Ты хорошо слушал об аварии на европейском крейсере?

– Эта система совершенно неуязвима?

– Маловероятно. Об этом проекте не было почти никакой информации, только слухи. Думаю, их можно разделить надвое, если не натрое.

– Считаешь, кто-то проводил испытания?

– Не знаю. Вряд ли. Скорее непроизвольно сработала какая-то из систем. Если бы «Титеристу» кто-то испытывал, её не пришлось бы искать в космосе – хозяева ведь должны иметь полный доступ.

– При чем тут космос? – Несмотря на полученные сведения, Холодов пока не видел четкой связи предположений Макса с его проблемой.

– Насколько я понимаю, по завершении проекта планировалось накрыть земную поверхность сетью орбитальных станций, входящих в «Титеристу». Чтобы площадь воздействия была максимальной.

– Им бы никто не позволил планомерно разместить станции на орбите, – заметил Игорь Александрович.

Мертвый многозначительно посмотрел на него.

– Но ведь ты же ничего не знаешь о том, что пытаются сломать через твои спутники, – заметил Макс.

Холодов задумался.

– А если у хозяев хотят её отобрать?

Мертвый пожал плечами.

– Если эти люди хотят захватить управляемый орбитальный комплекс с помощью твоих спутников, то они просто сумасшедшие – спутники работают в составе компьютерной сети. Дальше продолжать?

Холодов покачал головой. Да, если «Титеристой» кто-то управляет, перехватить контроль над спутниками большого труда не составит. Во всяком случае, на первых порах, и если то, что рассказал Макс, является правдой. Впрочем, нет ничего совершенного и, рано или поздно, ахиллесову пяту удастся найти и у этой мифической «Титеристы».

Холодов поинтересовался, почему Макс не стал искать информацию по проекту дальше. Оказалось, Мертвый считал, что проекта «Титериста» больше не существует. Он даже не подозревал, что какую-то часть успели отправить в космос до запуска Станции. Потому что после Катастрофы об этом странном

деле ничего слышно уже не было. Вероятно, проект вместе с разрабатывающей его корпорацией канул в Лету во время одного из многочисленных землетрясений или цунами.

Макс ничего не предлагал. В последнее время он вообще вёл себя довольно сдержанно. Поддерживал относительный порядок в Москве, упорно расширял территорию своего Анклава, преимущественно в северном направлении. Но в нём больше не ощущалось той неуемной целеустремленности, того несгибаемого стержня, который присутствовал раньше. Мертвый выдохся? Нет, Холодов в это не мог поверить.

Макс привык бороться, он привык брать то, что ему нужно, никого не спрашивая. Брать любой ценой. А сейчас ему не с кем бороться. Анклавы пытаются восстановить свое величие – небезуспешно, но уже сейчас ясно, что «как до Катастрофы» не будет никогда. Эскадры государств регулярно барражируют воды Баренцева моря, демонстрируя силу, но не решаются не то, чтобы применить ее, а даже заявить хоть какие-то притязания. Все ждут. Надеются, что Мертвый самостоятельно сойдет с мировой политической арены? Рассосется, как надоевший прыщ? Игорю Александровичу не нравилось так думать – неужели они ждали правильно?

Сам же Холодов ждать, чем закончится история с захватом *его* спутников, не собирался. Он собирался стать хозяином этой самой Титеристы (или самого?), что бы сие чудо собой ни являло.

Однако если то, что рассказал Макс, правда… Нет, нахрапом эту штуку не взять. Здесь нужно действовать тонко, можно сказать, филигранно.

– Игнат, что со спутниками? – Холодов связался с машинистом, пользуясь специальной линией с двойным шифрованием. Впрочем, в личном самолете президента корпорации «Науком» иной и не существовало, а если сложнейшая в мире многоуровневая защита и отключалась, то точно не по вине удачливых ломщиков. Если Холодова могли подслушать, значит, он хотел, чтобы его подслушивали.

– Мы потеряли контроль над Сетью. Почти полностью. Нашими остаются только три спутника, но их, похоже, не ломали с самого начала, – в голосе Игната проступали явные панические нотки. Неужто и в самом деле всё так плохо? – Мы больше не можем поддерживать нормальную работу Сети в Северном полушарии.

– Недовольные есть?

– Пока никто не предъявлял претензий. Но, думаю, это лишь вопрос времени.

– Вы вычислили орбиту того, что ломают с помощью *моих*

спутников?

Пропади они, эти спутники. Новые запустим, а Нику Максимилиан обещал «пообломать руки» в любом случае. Если рассказ Макса хотя бы наполовину – правда…

– Основные данные – да. Не совсем точно, но найти сможем. Но у нас проблема: они ломают защиту нашего сервера. Пока держимся, но ломают вполне успешно.

– Кто?

Холодов желал знать точно, чтобы удавить наглеца… когда его люди получат всю необходимую информацию.

– Не знаю. Сигнал идет со спутников, но он настолько хаотичный, что почерк не понять. У меня такое впечатление, что наш сервер не является целью, просто он попал в перекрестный огонь сторон, ведущих сражение внутри сети спутников. Да, хорошо, держите! – Последняя фраза предназначалась явно не для ушей начальника. Игнат никогда не нарушал субординации – если он перебил Холодова, значит, необходимость была действительно неотложная.

– Вычислите орбиту! – Холодов и сам не заметил, как перешел на крик. – Как только получите данные, верните спутники. Хватит играться!

Игнат что-то пробормотал в ответ, Холодов не понял слов.

Проблемы развивались слишком стремительно. Чтобы выиграть, ответные действия должны быть еще более быстрыми. Нельзя дать врагу прийти в себя. Лучшая защита – нападение, и контратака далеко не худший его вариант.

– И готовься лететь в космос, – добавил Игорь Александрович.

Он ничего не знал наверняка. Но основная линия будущего генерального плана предстоящего сражения как-то вдруг вырисовалась перед ним, немного размытая, но идущая во вполне угадываемом направлении.

– Я же… куда? – Похоже, машинист решил, что ослышался.

– На орби… – Холодов не успел закончить фразу, потому что его перебил крик Игната:

– Включить все фильтры. Отсекайте его, отсекайте! Мне нужно, чтобы вы вскрыли эту заразу. И побыстрее!

– Что случилось?

– Простите, господин президент. Ломщики захватили нашу серверную станцию. Наземную. Теперь пытаются проникнуть во внутреннюю сеть нашей службы. Стараемся локализовать. Мы справимся, не…

– Взорвите его к чертовой матери! – заорал Холодов. Только теперь он понял, что ответил машинист на приказ вернуть спутники. Он сказал: «Если получится».

Макс уверен, что «Титериста» способна захватить практически любую компьютерную сеть. Черт его знает, как это делается – Холодов вообще не разбирался в вариантах цифрового захвата, – но никак нельзя позволить этой дряни укорениться в сети полигона. Мало ли… Даже в изолированном сервере.

Игорь Александрович понял, что боится. Страх он счел иррациональным – он боялся того, о чем практически ничего не знал. Не знал даже, в каком роде говорить об этом… явлении. Может, оттого и боялся, что не знал?

– Что взорвать? – паники в голосе Игната прибавилось. – Нам нужны данные. О, чёрт…

– Что там у вас происходит?! – заорал Холодов, но понял, что разговаривает с пустотой: связь с машинистом прервалась, на повторные запросы его «балалайка» не отвечала.

Игорь Александрович машинально, не раздумывая, вытащил из кармана коммуникатор и набрал стационарный номер кабинета Игната. Раздался гудок, потом в динамике что-то щелкнуло. И в этот момент самолет вздрогнул и резко нырнул вниз, заставив выпитый несколько минут назад сок подступить к самому горлу. Пальцы выронили коммуникатор, в голове пронеслась крамольная мысль: «Вот и все».

Никаких «всё»!

– Какого чёрта?! – рявкнул Холодов по внутренней связи.

– Извините, господин президент, атмосферные явления, – ответил голос пилота. – Минут десять-пятнадцать может еще немного потрясти.

В дверях появился стюард со стаканом воды и маленькой беленькой таблеточкой от укачивания на подносе.

Холодов посмотрел в иллюминатор. Две черные точки истребителей, сопровождавших самолет президента корпорации «Науком», двигались параллельным курсом. Как положено. Всё, как должно быть, ничего непредвиденного не случилось. Тогда отчего так онемели кончики пальцев, и сердце столь старательно пытается выпрыгнуть из груди?

– Не надо, – сказал Холодов, махнув стюарду.

Атмосферные, значит, явления. Игорь Александрович поднял с ковра коммуникатор и еще раз набрал номер машиниста. То, что он услышал, ему совершенно не понравилось.

– Я не… что-то с «балалайкой»… мы с ними… – Игнат не говорил, он, скорее, выдавливал из себя слова. Совершенно бессвязные и отрывистые. По звукам было похоже, что машиниста кто-то пытается задушить.

– Я сказал, взорвите сервер к чертовой матери! – заорал Холодов и, отключившись, набрал номер Щеглова. На

коммуникаторе. Воспользоваться «балалайкой» ему отчего-то не пришло в голову.

– Да, Игорь Александрович, – комендант Станции ответил мгновенно. Словно ждал звонка Холодова.

– Миша, у машинистов проблемы со спутниками, – Холодов говорил ровным и спокойным голосом. Щеглов не подведет, главное – ввести его в курс дела. – Разберись, пожалуйста. И сервер – они тебе скажут, какой – уничтожьте как можно быстрее. Физически уничтожьте. И сделай это очень быстро.

– Хорошо, Игорь Александрович.

– И распорядись, пожалуйста, космическому отделу: пускай срочно готовят пилотируемый полет. Подробности я объясню лично, когда доберусь.

– Конечно.

Макс отлично разбирался в людях. Он разглядел Мишеньку Щеглова, приблизил его к себе. А потом поставил его на то место, которое по всем параметрам должен был бы занять сам. И не прогадал. Иногда Холодову казалось, что Щеглов и Макс один и тот же человек. Не внешне, а когда он видел, как действует комендант Станции. В каждом его распоряжении, в любом принятом решении ощущался дух Мёртвого.

Холодов глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. Раз за дело взялся Мишенька, можно не волноваться… так сильно.

Игорь Александрович посмотрел на часы. Сколько там? Скоро – через полчаса – он сам будет на Станции. Что нужно делать, он уже знал.

На «балалайку» пришел вызов. Звонок из Эль-Парижа, министр информации Европейского Исламского Союза. Вот и началось – первые недовольные неполадками в работе сети.

Холодов заставил себя улыбнуться. Получилось легко – большая практика.

– Здравствуйте, уважаемый Абдул Саид!

26

Дыхание перехватило. Воздуха не хватало, перед глазами плыли черные круги, но вдохнуть не получалось. Или получалось, но кровь никак не желала впитывать кислород? Непонятно, ничего не понятно!

Лёшка падал, стремительно летел сквозь тьму в какую-то совсем уж бездонную пропасть. Никакой надежды остановить падение или хотя бы разбиться о несуществующее дно, чтобы разом прекратить ужас, вывалившийся следом за ним из сети.

– Бабушка, – позвал Лёшка слабым, едва слышимым голосом: на большее не хватало дыхания. – Ба, помоги…

Бабушки не было. Ни в бездонной черноте, кружащейся внутри Лёшкиной головы, ни в реальном пространстве. И никаких признаков её близкого присутствия.

По спине пробежали мурашки, выжав остатки холодного пота. Что стряслось с бабушкой?! Они ведь должны были сегодня идти в клинику вводить наны! Он же записался на прием к врачу в клинике на Литейном, он же…

Никуда они сегодня идти не должны. Так же, как не ходили ни вчера, ни позавчера. И в клинике на Литейном Лёшка тоже не был. Ограничился просмотром сайта этой клиники и прочтением краткой памятки для пациентов, собирающихся подвергнуться программируемой нанотерапии.

А бабушки на самом деле нет.

В памяти всплыли медленно вращающиеся ярко-синие огоньки «Скорой». Две мигалки, напоминающие странные инопланетные рога из низкобюджетных фантастических голофильмов, двигались слишком медленно. Сломались? Лёшка знал причину этой медлительности маячков, но всячески старался придумать что-нибудь другое, более-менее убедительное.

Мигалка крутилась с нормальной скоростью. Это Лёшка всё воспринимал слишком быстро. Нереально быстро. Потому что «синдин» в его крови увеличивал скорость восприятия в несколько раз. «Синдин» и «поплавок» в затылке.

Сквозь бездонную черноту Лёшка увидел собственные руки, которые неуверенным движением выдернули из «раллера» проводок психопривода. Шум в ушах мгновенно стих, а чернота, летящая навстречу и вызывающая чудовищную дурноту, стала медленно, но верно рассеиваться.

Бабушки не было. Кроме огоньков «Скорой», Лёшка вспомнил, что бабушка кричала. Громко и истошно. Противно так

кричала, выла на одной ноте. До или после «Скорой»? Наверное, до. Иначе, чего бы еще было вызывать медиков? Кстати, как звонил в «03», Лёшка решительно не помнил.

В тот момент ему было не до бабушки. Ему оставалось сделать несколько последних движений, залить на вскрытый уже сервер пару программ и насладиться победой. Но тут – бабушка со своими воплями. Кажется, она упала в прихожей. Или к узком коридоре, ведущем на кухню. Туда, где со всем своим цифровым хозяйством обосновался Лёшка.

Единственное, что Лёшка помнил, это неестественная поза, в которой лежала на потертом линолеуме бабушкина левая нога. Потом приезжала «Скорая»… Нет, дальше в памяти ничего не осталось, кроме медленно крутящихся синих огоньков. Наверняка медики увезли бабушку. Не важно, нужно закончить дело, а тогда…

Вот только в сеть он больше не полезет.

Хочется, да?

Лёшка понял, что кивает в такт собственным мыслям. Да, ему безумно хотелось оказаться в цифровом мире снова. Но теперь он боялся. Страх сковал его тело и разум, страх лишал воли… Как он сможет жить здесь без этого мира?

Когда прочная, как тяжелая броня производства «Науком», стена виртуальной крепости обрушилась, радость Лёшки была недолгой. Он провалился *туда* следом за уничтоженной преградой. Он бы не смог устоять – что-то безмерно сильное и мудрое влекло его внутрь, подчиняя себе его «балалайку», перестраивая под себя программную начинку его «раллера». Оно бы и душу из него вынуло, если б Лёшка каким-то чудом не сумел отодрать психопривод.

Лёшка осторожно глотнул. В горле прошуршало и больно закололо. Слюны не было, но глотнуть хотелось очень. Значит, «синдин» еще не закончил действие. А голова гудит, будто колокол. Что же будет, когда наркотик исчезнет из крови?

– Кому же выгодны подтасовки на выборах? – незнакомый голос прозвучал громко и отчетливо.

Лёшка вздрогнул. Вернее, вздрогнул бы, если б мог. На самом деле он лишь медленно поднял веки. Ощущение, будто в глаза соли насыпали.

Окружающий мир фокусироваться не желал, представ пестрым размазанным пятном, но черный тоннель, несущийся навстречу, к счастью, уже исчез окончательно. Лёшка пошарил перед собой рукой, наткнулся на «раллер» и по изменившемуся тембру звучания понял, что голос доносится оттуда. Судя по нервному напору, с которым вещал говоривший мужчина, Лёшка

случайно запустил последние новости. Хорошо, что психопривод выдернут, иначе новости шли бы внутри головы. Со всей их нервностью и напором.

Лёшке не было сейчас интересно, кому выгодны подтасовки, но ведущего новостей мало занимали Лёшкины желания, и он продолжал, не меняя интонаций:

– Оппозиция раздувает скандал, делая упор на то, что нынешний президент прилагает всё усилия, чтобы остаться на посту на второй срок. Намеки на нечестную предвыборную борьбу сыплются на президента со всех сторон. Его обвиняют в организации и финансировании полуподпольных сообществ асоциальных элементов, причисляющих себя к так называемым адептам Цифры. Достаточно вспомнить тритонов и то, сколько сил потратил на борьбу с цифровым злом законно избранный шесть лет назад президент, чтобы понять, сколь бессмысленны эти обвинения. Опросы анонимных респондентов, проведенные по Сети, показывают, что президента поддерживает более пятидесяти процентов избирателей. Так давайте вернемся к вопросу, с которого началась наша программа: кому выгодны подтасовки на выборах?

Какие выборы, какие респонденты?! Лёшке было глубоко наплевать и на выборы, и на кандидатов вместе с респондентами, но он прекрасно понимал, что их – адептов Цифры – попросту подставили. Какие опросы по Сети? Совершенно никаким секретом не является факт, что почти две трети населения России лишены возможности пользоваться Сетью. Нет у людей Сети. «Балалайки» даже не носят.

– Кто-то опять хочет скомпрометировать президента, – не унимался ведущий. – Но, к счастью, вмешательство новоявленных тритонов в программу подсчета голосов было вовремя обнаружено и устранено. Сейчас, в срочном порядке, проводятся тщательные проверки и тестирование всех остальных систем голосования. Народ един в своем порыве. – На экране появились кадры шествия, подобного тому, с призывом бить лысых, завершение которого видел Лёшка – люди не позволят какой-то цифровой гнуси подорвать стабильность в стране!

Цифровая гнусь это, надо думать, адепты Цифры, подобные Лёшке.

Их подставили, чтобы получить выгоду. Не важно, какую, сейчас Лёшка не в силах понять даже самые простые вещи, а уже сложные политические интриги были выше его понимания и в нормальном состоянии.

А теперь адепты Цифры перестали быть нужны. Теперь в Питере бьют лысых. Потому что народ – за стабильность.

Потому что – против тритонов. И никого не интересует, откуда лился сигнал в «балалайку» Коннектора.

А ведь на самом деле об этом сигнале не знают и сами адепты. Почему подобная мысль только теперь возникла в голове? А что изменилось бы, возникни она раньше?

Что они все делали на собраниях «Обители Цифры»? Ломали порносайты и полуподпольные серверы? Тренировались в мастерстве взлома? Или заливали необходимые заказчику данные на правительственные серверы?

От обилия совершенно ненужных сейчас мыслей голова стала болеть сильней.

Лёшка зажмурился, плотно смежив веки, пока перед глазами не начали плясать темно-багровые пятна, а потом резко открыл глаза. «Раллер» стоял на столе прямо перед ним. Там, где и должен был стоять. Вот только стол оказался какой-то незнакомый, облезлый, с почти полностью содранным искусственным шпоном под дерево. За открытым «раллером», на экране которого продолжался выпуск новостей, жгучим пульсирующим пятном моргала люминесцентная лампа. Каждый всплеск её активности врывался потоком боли куда-то под лобные кости.

Очень хотелось закрыть глаза, но Лёшка заставлял себя смотреть на этот пульсирующий свет, разглядывая несуществующие столбцы цифр, убегающие вверх. Он знал, что это такое – подправленные данные тех самых серверов, о которых сейчас разорялся в новостях нервный и напористый ведущий. Именно так выглядела молитва Цифре. Именно он, Лёшка, вместе с остальными адептами заливал на мнимые «порносерверы».

Напористый голос новостного ведущего запнулся на полуслове, картинка покрылась крупнопиксельной рябью и исчезла, оставив на органической матрице «раллера» лаконичный непроницаемо-черный прямоугольник. Во внезапно наступившей звенящей тишине Лёшка услышал тонкий протяжный стон. Не сразу сообразил, что стонет он сам. Понял, когда в легких закончился воздух, и звук исчез одновременно со вздохом. Где это он, чёрт возьми?

В памяти тут же появилась картинка из их с бабушкой… надо же выяснить, что с бабушкой, как-то помочь ей… из его квартиры: «раллер» на кухонном столе, ворох проводов вперемешку с источающими вонь тухлой органики консервными банками, контейнер от «поплавка», наполовину заряженный инъектор, пустые, разбитые ампулы из-под «синдина». И, самое главное, характерный едкий запах, которым на кухне пропиталось всё. Казалось, сам воздух там превратился в «синдин».

Если медики из «Скорой» с медленными синими огоньками видели всё это… А как, скажите на милость, они могли не видеть? Да «синдином» из Лёшкиной квартирки несло, как навозом из авгиевых конюшен.

Значит, скоро сюда прибудет полиция. Совсем скоро. Вряд ли медики не сообщили об этом обнаруженном притоне. Нужно собираться и уходить.

Лёшка стал стремительно складывать разложенное перед ним оборудование. Инъектор с ампулами был здесь же. Внутри всего две ампулы. Остальное разъедает Лёшкин организм изнутри. От этой мысли безумно захотелось закашляться.

Началось? Или просто нервы шалят?

Он ничего никуда не положил. Даже с места не сдвинул. Вся решимость была внутри головы. И та слишком быстро исчезла. Наружу ничего не выплеснулось – казалось, чтобы просто двинуть рукой, необходимо согласовать желание головы с мышцами и прочими необходимыми для этого частями тела заранее и чуть ли не в письменной форме.

И потом – куда это он собрался? Вокруг нет ни одного знакомого ориентира. Он не дома и не помнит, как попал сюда.

Да, где же я, чёрт возьми?!

Черный прямоугольник на экране «раллера» моргнул, всего на мгновение там появилось лицо президента – улыбающееся и решительное в борьбе за стабильность и против тритонов, – а потом изображение снова исчезло.

– Где я?! – выкрикнул в незнакомый чужой полумрак Лёшка и поднял глаза, намереваясь осмотреться более внимательно.

Он замер, почувствовав, что сердце ухнуло в промежность, а потом, стукнувшись пару раз изнутри об задницу, скатилось к пяткам. Прямо перед ним сидела девушка, девчонка даже, лет пятнадцати. Странная, нехарактерная для этих широт внешность, черные, лохматые волосы до плеч, немного раскосые черные же смеющиеся глаза, темная, словно сильно загорелая, кожа. Она улыбалась, и было в её улыбке что-то такое…

Лёшка не понял, что было с девчонкой не так, но подобного страха не испытывал, наверное, никогда в жизни.

Повел себя Лёшка странно, минутой позже он уже не мог объяснить, почему так сделал. Вместо того чтобы попытаться заговорить со странной гостьей, он заорал, чуть не сходя на ультразвук, и резко ткнул девчонку рукой. Пальцы провалились в пустоту, не найдя опоры; Лёшка упал лицом на раскрытый «раллер».

Прямо перед глазами моргала яркая, режущая глаза пиктограмма с перечеркнутой антенной – сетевой сигнал исчез.

Посмотри там, внизу – не обделался ли?

Лёшка резко поднялся, сбрасывая с облезлого стола мелкий скарб, но перед ним никого не было. Вообще в маленьком и темном помещении без окон не было никого, кроме него.

Вот так и начинаются глюки. Ведь именно так опытные наркоманы называют это явление? Некоторые даже с перепугу выходят в окна. Лёшка понял, что, хотя и обошлось по-маленькому, он обмочился. «Это хорошо, – подумал он, – что здесь окон нет, штаны-то высохнут…»

Хотелось плакать. Выть в голос и рвать на себе волосы. А что толку? Он сам сделал выбор, он сам так решил. Осталось лишь выяснить, кто обитает в темном лабиринте, который он открыл в сети.

И в котором ты едва не заблудился.

Откуда-то сбоку послышались шаги. Шорох подошв по шершавому бетону. Очень знакомая походка. Знакомая, только Лёшка никак не мог припомнить, откуда.

Его губы неумело цепляются за разукрашенные помадой чужие, язык, словно слепой котенок, тычется в едва приоткрытые зубы, а парой минут раньше сбоку, именно из того самого места, доносился шорох подошв о бетон…

В тот день он был со Светкой. Как он мог забыть, он же целовался с ней?! Первый поцелуй, и всё такое. Самый первый.

Школьный подвал. Вот, где он. И о Светке он вспомнил не случайно.

– Света, это ты?

Собственный голос показался чужим и неестественно звонким. Это нормально, это потому, что пусто здесь. А еще в интонации через верх хлещет страх.

– Алёша! С тобой всё в порядке?

Точно, Светка. Сердце всё еще колотилось, но оно уже вернулось на положенное место в грудной клетке. Наверное, сейчас ночь, и Светка сегодня снова дежурит. Иначе его с этим барахлом давно бы выбросили отсюда. А еще вероятней – сдали бы полицаям.

– Нормально, нормально.

Лёшка встал, намереваясь отстранить от себя появившуюся в закутке Светку. Чего это он нюни распустил? Поцелуй вспомнил… Глаза пробежали по округлостям Светкиного тела. Жирная корова. С детства была страшненькой, такой и осталась. Гадкий утенок вырос, превратившись в отвратительную гусыню, а не в лебедя, вопреки ожиданиям.

– Алёша, зачем ты это?.. – видимо, Светка имела в виду инъектор, показывая ладонью на стол. Или «раллер». Или

«раллер» вместе с инъектором.

– Так надо, – пробурчал Лёшка, пряча дорогостоящий скарб в рюкзак.

Какое ей дело?! Тоже нашлась, заботливая мамаша! Сами знаем, что нам и зачем!

Она дернула его так, что погруженная в полумрак подвальная комнатка пошла в Лёшкиных глазах кругом. Он рефлекторно попытался поймать равновесие, растопырив руки, но не удержался и упал, повиснув на Светке. Его руки шарили по её пухлому телу, пытаясь найти опору, а эта толстая дура, похоже, решила, что Лёшка вздумал проявить нежные чувства и, судорожно всхлипывая, впилась в его полуоткрытый рот губами. Из её рта сильно и тошнотворно пахло какой-то синтетикой с томатно-луковым ароматизатором.

Лёшка просто не смог сдержаться. Его стошнило прямо на Светку, залив её лицо и одежду яркой, остро пахнущей желчью.

На секунду оба замерли. Светка рефлекторно подалась назад, Лёшка чуть не упал, опершись о стол.

– Извини, – пробормотал он и продолжил засовывать вещи в рюкзак.

Светка медленно опустилась на бетонный пол и тихо, как-то совершенно обреченно, завыла. От этого звука сделалось не по себе.

– Перестань, – сказал Лёшка, не поднимая головы, и добавил: – Пожалуйста. И оставь меня в покое. Уйди. Не трогай меня, я сам всё решу.

Он продолжал бормотать, а Светка тихонько выла.

Уходя, он зацепил ногой какую-то сумку. Видимо, её принесла Светка. Внутри лежали три пластиковых фляжки с дешевой водкой очень сомнительного качества. На этикетке не было даже самых простеньких чипов, почти от руки нарисована. Зачем она это принесла сюда?

Лёшка пожал плечами, потом открутил крышку и, совершенно не задумываясь, высосал из узкого горла несколько глотков. Еще раз пожал плечами – никакой реакции, словно просто воды попил. Ему стало всё равно, всё в мире сделалось абсолютно безразличным.

Еще одну неоткрытую бутылку Лёшка засунул в рюкзак и ушел.

Через пять минут он, не переставая повторять одни и те же слова, вышел на улицу. Там действительно была ночь, правда, Лёшка не знал, какого дня. Было тепло, но на асфальте лежал тонкий слой быстро тающего снега.

Пальцы легли на клавиатуру, автоматическими движениями

поглаживая пластик. В пальцах сейчас не было надобности, просто привычка. Всё внимание приковано к экрану, там разворачивается основное действие.

– Ты считаешь, оно стоит этого? Вот всей этой мерзости и…

– Я не считаю, – ответил голос.

Она сидела перед включенным «раллером» одна. И, на самом деле, ни с кем не разговаривала. Точнее, не произносила слов – слова звучали внутри головы, транслируясь на «балалайку». Откуда шел сигнал, она не знала и давно уже перестала пытаться узнать. Она убедилась, что это невозможно сделать.

Он не считал, она это знала. Не знала она одного – зачем продолжала работать с этим… Собственно, она даже не знала, кто он. Иногда ей казалось, что этот… это существо не является человеком. Она называла его Безликим Призраком. Потому что именно Безликим Призраком он и был.

– Ты же видишь, что происходит с мальчиком. Он всего лишь хотел спасти бабушку.

– Это не важно. Если бы хотел – спас бы. В конце концов, ты не заставляла его забыть о больной бабушке. Ведь так?

Девушка отвернулась. Просто привычный жест. Человеческий жест. Призраку всё равно, он на неё не смотрит. Но видит, она это знала. Даже если разбить и выковырять камеру «раллера», найти и уничтожить всё, что может следить в целом квартале, Безликий всё равно будет её видеть.

Он прав. И он неправ. Это называется лукавить – говорить правду, но искажать её, совсем чуть-чуть, лишь придав ей иной оттенок.

– Почему именно он? И в чем виноваты остальные?

Она не спрашивала. И не ждала ответа, но Призрак решил удостоить её слова вниманием:

– Ты же знаешь, он единственный, кто подошел. Признаться, я и сам удивлен: всего два кандидата.

Да, подошел только один, но кандидатов два. Призрак всё правильно говорит. Второй кандидат – она. Вот только…

– Но с тобой могло и не получиться. Ты же помнишь, ломщица по имени Лиса однажды переборщила с «синдином». Так что, сама понимаешь, для тебя это наверняка билет в один конец.

Она понимала.

Она была той самой Лисой. Иногда казалось, что это всё, чей-то вымысел, что не было никакой ломщицы Лисы, взломавшей два года назад сеть Анклава Эдинбург и, лишь благодаря непонятному чуду, выжившей после страшной передозировки «синдина». Не было черноволосой девчонки с раскосыми глазами

Кхайе Сабай, выходившей в сеть под именем Мыш из диких джунглей забытой всеми богами страны Мьянмы, которая существовала теперь на картах лишь номинально.

Именно в Мьянме она и познакомилась с Безликим Призраком. Тогда он был просто заказчиком, для которого она подтасовывала данные в сводках биржи Eurex. Это поначалу, а потом Призрак разрешил ей просматривать его программы.

Он не разрешил, он хотел, чтобы ты их изучила. Теперь ты знаешь, зачем.

Корпорации раскрыли Мыша и наняли dd, чтобы его уничтожить. Но Кхайе удалось выйти живой и невредимой из той передряги. Тоже, можно сказать, благодаря чуду.

Как-то многовато чудес на одну жизнь.

Призрак помог ей получить новое имя. Сейчас её звали Зарема, а цвет волос снова перестал быть рыжим – именно такими локонами наградила природа британскую девчонку Альмас Хамидди, ставшую Лисой. Да и волос она оставила немного: два пучка на висках, заплетенных в несколько тонких тугих косичек и схваченных в хвост на затылке. С Альмас всё началось, но имя не имеет значения. Важны дела, важны результаты.

А дел за неполных два года сделано немало. Правда, смысла она не видела ни в одном, а Призрак скуп на объяснения.

Она не понимала, зачем делала то, что делала. В действительности они не занимались взломом – разумеется, защиту серверов часто приходилось вскрывать, но она ничего не брала оттуда, не сливала информацию, как делали обычные ломщики. Она не меняла работу систем, не портила наноскопов. В основном она, наоборот, добавляла – внедряла программы, выданные ей Призраком.

Иногда делами приходилось заниматься в реальном мире. Например, организовать доставку какой-то «балалайки», явно выдранной из головы трупа, которую Призрак почему-то называл «африканской». Или создавать странное кафе для ломщиков и прочего сброда, отлично защищенное и имеющее собственное подключение к сети.

– А мне бы не хотелось утратить тебя, – добавил Безликий.

Небывалый случай: Безликий Призрак, всемогущий властелин цифрового мира, позволил себе проявить эмоции. Или это не эмоции, а всего лишь обычный прагматизм: она нужна Призраку, и ему не хочется потерять ценный… материал? Не важно. Она ненавидела этого гада, всегда являвшегося в странном обличье бесформенного, пребывающего в постоянном движении антрацитового облака. Но она верила ему, чувствовала, что под

его руководством делает нечто очень большое и правильное.

«Мы меняем мир», – этой фразой Безликий отвечал всякий раз на вопрос, что они делают. Только так, никогда иначе.

– Остальные не нужны, – констатировал Призрак.

Иногда он отвечал на её вопросы до того, как девушка успевала их сформулировать. Иной раз делал настолько большую паузу, что Зарема не сразу понимала, о чем идет речь.

– Они верили в то, что делали, – сказала она.

– Тот, кто действительно верит, не отступится от своей веры.

– Но в городе объявлена настоящая охота…

– Вспомни костры Святой Инквизиции. Разве это ослабило веру?

– Чью?

– Обеих сторон. И во что всё превратилось теперь – на костях христианской Традиции пляшут хунганы Католического Вуду, а ученые могут изобрести что-то действительно стоящее, лишь работая из-под палки. Или из страха. Традиции никогда не становились сильными, если им не с кем было бороться. На самом деле Традиции вообще не появляются, если нет борьбы. Вся жизнь – борьба.

– Люди устали бороться, – с сожалением в голосе проронила Зарема.

Призрак забулькал.

– Когда остановится борьба, не станет и жизни…

Он словно ждал продолжения. Хотел, чтобы она развила его мысль.

– Тогда появится что-то другое, – простой логический вывод. – Она доставила удовольствие Безликому.

– А мы меняем мир.

– Но этот мальчик…

– Этот мальчик кое-что может. Надеюсь, что сможет. Ведь это ты разглядела то, что он должен сделать.

– А ты мне подсунул этот мозгодробительный код, который они считали молитвой Цифре. Сначала испытал его на мне, а потом рассказал, что с ним делать.

– Поэтому мы знаем, что ты тоже подошла бы.

– Но ведь тебе не хотелось бы…

– Мне было интересно.

– И этот цифровой лабиринт – ты подсунул его мне еще там, в Мьянме. А еще мы поделились им с некоторыми европейскими корпорациями, помнишь? Тогда, почему именно этот мальчик, почему ты не можешь получить результат из рук мощных лабораторий?

– Мир не изменишь в одиночку.

Призрак так и не рассказал, кто он такой. Он так и не рассказал, чего хочет добиться. Он ничего ей не рассказал, хотя за два года их общение приобрело явный приятельский оттенок. Безликий всегда отвечал уклончиво, выдавая лишь ту порцию информации, которой считал нужной поделиться.

Зарема вздохнула и перевела взгляд на экран «раллера». Туда транслировалась картинка с уличных камер наблюдения. Алексей Титов, осунувшийся, с совершенно серым лицом и запавшими безжизненными глазами брел неровными шагами по слякотным улицам Санкт-Петербурга. Он был похож на мертвеца. Он уже и был бы мертвецом, если бы не одно «но» – он верил. И нес свою веру внутри себя.

27

С тринадцатого полигона «Науком» так никто и не позвонил. Они вообще не проявляли беспокойства, словно ничего не происходило.

А происходило очень многое. Все новостные каналы – те, у которых осталась возможность вещать хотя бы в урезанном режиме, – наперебой рассказывали о проблемах с сетью «Науком», охватившей почти всю Европу. Сети больше не существовало, только несколько фрагментов, пропускная способность которых не позволяла продолжать нормальную работу.

Доигрались! Теперь «Науком» с европейцев не слезет, теперь они все в руках москвичей: захотят, отключат и последние остатки.

Обвал сети «Науком» мог бы поднять настроение президента Моратти. Он даже успел порадоваться пришедшему известию. Правда, совсем недолго, до тех пор, пока не получил звонок от Циммермана, несущего какую-то околесицу. То есть минуты три, не больше.

Сеть «Науком» рухнула. Но операция Ника Моратти не имела к этому отношения. Скорее, наоборот – оба явления совершенно точно были взаимосвязаны и имели одну причину. И один исход: атака машинистов Цюриха закончилась чем-то… Циммерман не смог сколько-нибудь внятно объяснить, чем именно всё закончилось. Он не знал.

Дверь кабинета открылась, и на пороге появился начальник машинного отдела. Без стука и предварительного сообщения. Моратти собрался было отчитать наглеца, но, увидев его глаза, передумал. Когда у людей такое с глазами, увещевать их в чем-то бесполезно, всё равно понять ничего не смогут. Ник непроизвольно перевел взгляд на штаны Циммермана, но мокрого пятна там не было. А ведь вполне могло бы быть – Мельхиор напуган до состояния заикания.

– Какого черта у вас происходит? – спросил Моратти.

Президент СБА говорил медленно, глядя мимо собеседника. Казалось, что он думает о чем-то, мимоходом ведя беседу. Но на самом деле Ник боролся с желанием задушить машиниста.

– Я не знаю! – Циммерман перешел все границы, схватив шефа за рукав и пытаясь повернуть его лицом к себе. – Они применили что-то… что-то… я не знаю…

Моратти с отвращением на лице резким движением стряхнул руку Мельхиора.

– Перестаньте заикаться. Что вы вообще знаете?

– Я не могу. Я не знаю… – Циммерман продолжал лопотать, его губы дрожали, а руки не находили покоя.

– Успокойтесь, – сказал Моратти. – Съешьте яблоко, Теодору это помогает.

Бигглс сидел в кресле. В данный момент яблоко он не жевал, но потемневший на воздухе огрызок уже лежал на кожаном подлокотнике.

Циммерман схватил яблоко, чуть не сбросив вазу на пол. Несколько раз помахав им из стороны в сторону – Бигглсу пришлось увернуться, чтобы не получить краснобоким плодом по голове, – он все-таки смог найти собственный рот и, словно кляп, воткнул яблоко в зубы. Из уголков рта потекли струйки желтоватого сока. Циммерман наконец замолчал, но ноздри его продолжали раздуваться, выпуская на волю частое нервное посвистывание.

– Что у вас случилось? – уже спокойней поинтересовался Моратти.

– Он спутники просрал, – подал голос сидящий в кресле рядом с Мельхиором Тео.

Циммерман бросил полный ненависти взгляд на Бигглса, с хрустом откусил почти половину яблока, вынул его, наконец, изо рта и присел на стул возле стола для совещаний. Он смотрел прямо в глаза Моратти, не сводя взгляда, и сосредоточенно жевал, а потом проглотил недожеванный кусок, явно ставший ему поперек горла, и резко кивнул, соглашаясь со словами Бигглса. Похоже, ненависть к Тео немного привела его в чувство.

– У нас потери, – сообщил Мельхиор. Было видно, с каким трудом ему удается не перейти снова на крик. – Физические. Группа «особых сил» в полном составе, двое наших машинистов и… и все машины, включенные в сеть.

– Что с ними? – спросил Моратти.

Бигглс отчего-то хмыкнул и достал из внутреннего кармана пиджака коммуникатор.

– Мертвы. – Циммерман произнес слово спокойным ровным голосом, но глаза его при этом, не мигая, смотрели в одну несуществующую точку пространства.

– А с железом что?

– Не знаю. Мы не пытались включать – мало ли, что туда могло попасть. Но, похоже, сгорело. Полностью, микросхемы выгорели.

– Вот почему они не реагировали на наши действия, – задумчиво произнес Ник.

– Я не знаю… – голос главного машиниста снова начал срываться на крик. – Я был там, я видел. Сам еле ушел. Я не знаю,

как можно было совершить такое. Мы проломили брешь, мы уже были внутри – почти внутри, оставалось сделать всего один шаг, и контроль над сетью Станции был бы у нас в руках. Только все, кто туда вошел, обратно не вернулись.

Моратти резко повернул голову, как-то странно посмотрев на Циммермана.

– Как случилось, что «особые силы» попали в сеть Станции? – спросил президент.

Бигглс на секунду отвлекся от своего коммуникатора и вставил:

– Он, видимо, работает на тритонов. На этих… поклонников Цифры.

Ник бросил на Теодора недовольный взгляд, задумавшись, какого чёрта он делает в «тихом месте». Смутно припоминалось, что он сам его вызывал минут десять назад, но вот оставаться здесь Ник ему не приказывал.

Моратти подошел к Биггслсу. Тот задумчиво водил пальцем по экрану коммуникатора, на котором плясало дьявольский танец антрацитово-черное, подернутое каким-то странным муаром пятно.

– Что это у тебя?

Бигглс стремительно сбросил картинку и спрятал гаджет в карман.

– Просто заставка, – объяснил он, улыбнувшись своей жутковатой улыбочкой.

– Я… я испугался, – оказывается, Циммерман всё это время, уткнувшись взглядом в пол, бормотал одно и то же. – Я испугался.

– Чего?! – закричал на него Моратти.

Нику до чёртиков надоел концерт, который разыгрывал перед ним Циммерман. И Тео со своими замечаниями тоже надоел.

– Мы словно куда-то провалились. Они как будто ждали нас, знали, в каком месте мы будем ломать защиту. Мощности не хватило, пришлось увеличить количество тритонов. Потом еще раз…

– Сколько их было подключено в момент этого вашего… инцидента? – спросил Бигглс.

«Что он себе позволяет? Не слишком ли зарвался наглец Тео?»

– Теодор, ты свободен, – сказал Ник.

Бигглс перевел взгляд на Моратти. На мгновение на его лице отобразилось замешательство – не ожидал, похоже, что его выпрут из «тихого места». Потом он улыбнулся и поднялся из кресла.

– С Кольского полуострова только что стартовала ракета, – сообщил он, задержавшись на секунду в дверях.

– В «Центре подготовки» пятьдесят трупов, – сообщил Циммерман. – Они не умерли, но… трупы.

Машинист, похоже, не слышал последних слов Биггла, он был полностью поглощен мыслями о неудачном взломе сети Станции.

– Какие трупы?

Моратти, напротив, раздумывал об информации, выданной Тео. Он набирал номер начальника отдела информации, но тот позвонил на «балалайку» президента сам. Ничего произнести он не успел, так как Моратти опередил его:

– Почему я узнаю о запуске ракеты с тринадцатого полигона не от вас?

– Я именно по этому поводу и просил соединить меня с вами. – Тон начальника отдела информации был озабоченным. – Пресс-служба «Науком» сообщила, что запуск связан с необходимостью ремонта некоторых спутников корпорации.

– Автоматическая станция?

– Нет, полет пилотируемый.

– Хорошо, держите меня в курсе. Что там у вас с трупами? – последний вопрос адресовался к Циммерману.

– Было подключено пятьдесят тритонов. Все они мертвы.

– Причина смерти?

– Я не знаю…

Черт бы его побрал, этого Циммермана! Он ничего не знает. Судя по всему, сегодня от него никакого толка не будет. Нужно его отпустить, пускай придет в себя. И порядок в своем ведомстве пускай наведет.

– Идите, Мельхиор, разберитесь со всем. Когда что-нибудь прояснится, доложите.

Циммерман нервно кивнул и, прихватив недоеденное яблоко, убрался прочь из кабинета.

А Нику стоит заняться своими проблемами. Как там сказал машинист – они нас как будто ждали? Странно, но у Моратти с некоторых пор тоже появилось подобное ощущение. Словно его действия известны всем заранее, а от него только и ждут, когда он сделает что-нибудь, чтобы выставить себя на посмешище. Сначала ракеты с ядерными боеголовками, теперь этот взлом, к которому весь Цюрих готовился почти год. Столько сил и средств, и всё впустую.

Предположение было только одно – кто-то сливает информацию. Кому? Мертвому? Скорее всего, кто еще может так пристально интересоваться делами Николаса Моратти?

Не важно, кому сливают данные, важнее найти того, кто это делает. И удушить ублюдка.

Хотя нет – удушить всегда успеется. Лучше понаблюдать, скормить ему дезу и посмеяться потом последним самому.

Только кто это может быть? Кто зарылся, словно крот, в недра СБА, в его, Ника Моратти, вотчину?

В курсе почти всех последних планов был Тео. Он не только многое знал, но и сам являлся автором немалого числа операций. Слишком большого. Не зря ли он так доверился Бигглсу?

Служба внутренней безопасности неоднократно проверяла подноготную Тео по запросу президента. До Катастрофы жил в Берне, был мелким предпринимателем официально и столь же мелким бандитом – неофициально. В Цюрих попал с первой волной эмигрантов из Европейского Исламского Союза, до того, как границу закрыли. Закрыли вынужденно, несмотря на протесты Баварского Султана – разрушенный Анклав просто не смог бы переварить такой поток беженцев, захлебнулся бы насмерть.

Тогда пришлось применить оружие. Неоднократно, не брезгуя даже тяжелыми «ревунами». Жертв было много, однако иначе поступить было просто нельзя: Моратти спасал Анклав. И спас.

Но вот Биггл со свойственной ему пронырливостью всё же успел попасть в Цюрих. И не только попал, но и вполне успешно обосновался здесь, сколотив команду, которая взялась крышевать строителей. Строили тогда много, и сейчас стройка продолжается полным ходом. А потом он понял, что работать под крылом СБА намного выгодней, и подрядился на поиск тритонов и дилеров, взявшихся продавать на улицах Цюриха запрещенный «синдин». Его никто не просил, он сам решил помочь родной службе безопасности. И через полтора года стал правой рукой Николаса Моратти.

«Слишком уж резко он сменил род дейтельности и слишком гладко у него всё получилось, – подумал Ник. – Нигде не зацепишься. Собирать очередное досье на Теодора не имеет смысла. Уже собирали. Да и не до того сейчас – нужно думать, что говорить европейцам и что делать со своими, цюрихскими верхолазами».

Моратти понимал, что в этот раз попался в собственный капкан. Ничего, и не из такого выбирались.

Он вызвал секретаря.

– Шлоссе, подготовьте, пожалуйста, полный список корпораций, принимавших участие в космической программе. Да, с перечнем имен и контактов.

28

Ствол автомата изрыгал потоки пламени снова и снова. Каменная крошка сыпалась со всех сторон, больно кусая незащищенные участки кожи. Микмак несколько раз выстрелил в ответ, но безнадежность этой затеи была ясна с самого начала – он не мог даже носа высунуть из-за каменного выступа, за который свалился, когда лейтенант оттолкнул его с линии огня.

Он что-то кричал старому еврею, возрастом, казалось, сравнимому с самой Староновой синагогой. Микмак не понимал собственных слов, он орал машинально, что обычно говорят в таких случаях: что-то типа «Уйдите!» или «Лежать, не поднимать головы!». Но раввин не слушал. Собственно, он его и не слышал – грохот стоял такой, что в ушах медленно, но верно нарастал монотонный гул, перебивающий все остальные звуки. Слуховые рецепторы почти истощили свой запас прочности и решили временно отдохнуть. Еврей продолжал настойчиво ползти в сторону Микмака, залегшего в неудобной позе за изгрызенной пулями колонной. Какого чёрта ему нужно, сидел бы себе и не отсвечивал.

Микмак бросил взгляд туда, откуда полз раввин. Тесные темные катакомбы старой синагоги были густо забрызганы кровью. Туристов Микмак не увидел, только чью-то руку, явно уже неживую, торчащую из-под горы осыпавшейся штукатурки. Что они вообще здесь делали, эти туристы?

Время от времени Микмак вскидывал автомат и пускал в полумрак, то и дело расцветающий смертельным цветком огня, ответную очередь. Вряд ли пули могли найти цель, Микмак стрелял, чтобы не дать противнику приблизиться.

И еще он пытался перевернуться, принять какую-то более удобную позу, чтобы можно было хотя бы двигаться относительно свободно. Да уж, упал он очень неудачно.

А раввин продолжал ползти. До Микмака ему оставалось еще метров пять или шесть – приличное расстояние, учитывая сложившиеся на сегодня в синагоге обстоятельства. Губы еврея постоянно двигались, он не то жевал что-то, не то бормотал. Молился, наверное. Правильно делал – сейчас молиться самое время.

Под задницей неприятно хрустнуло, Микмак рухнул на пару десятков сантиметров вниз, больно приложившись о каменную крошку позвоночником. Кевлайкра могла защитить от проникающего ранения – не на такой, как здесь, дистанции, конечно, но давление камня особенно не задерживала. Этих

сантиметров хватило: Микмаку, наконец, удалось вынуть застрявшую в разломанной колонне ногу и перевернуться.

Он осторожно выглянул. Ни зги не видно. Темно и дымно. Пороховой дым клубился, придавая объем солнечным лучам, бьющим из маленьких оконцев и всевозможных щелей. Выглядело красиво, черт возьми. Но безумно мешало видеть противника. Вообще закрывало весь обзор.

«Балалайка», снабженная военным комплексом, оценила ситуацию и переключила вид в режим тепловизора. Прямо в лицо Микмаку смотрел ярко-красный, разогретый до пары сотен градусов ствол автомата.

– Ах, ты… – начал Микмак, падая, но дымный сумрак снова расцвел огненным цветком.

Последнее, что осталось в памяти, это короткая, но какая-то странная боль чуть выше лба и прикосновение неожиданно мозолистой руки раввина. Дополз-таки старый еврей.

Дальше всё накрыла темнота.

А потом – Микмак не знал, сколько прошло времени – он обнаружил себя стоящим над распростертым телом бойца. Тело было мускулистое и мертвое. Совершенно точно мертвое, живые так не лежат – с лицом, повернутым на без малого сто восемьдесят градусов назад. Лица видно не было, его скрывала тонкая бесформенная маска из какой-то эластичной ткани. Скорее всего, подумал тогда Микмак, излучение наноскопов она не пропускает.

Было тихо. Он всё еще находился внутри Староновой синагоги. А перед ним лежал труп одного из бойцов, появившихся здесь вдруг и положивших весь взвод Микмака. И группу туристов, которых неизвестно кто пустил в зону, вплотную примыкающую к месту боевых действий.

Метрах в трех обнаружились еще два тела. У всех, так же, как было у первого с вывернутой головой, прострелена шея.

Свой автомат Микмак не нашел. Но и беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что стреляли в бойцов практически в упор и не из автоматического оружия. Скорее всего из «дыродела». Только, кто? Раввин, что ли?

Бородатый еврей сидел там, где его в последний раз видел Микмак. Глаза закрыты, он с усердием бормотал непонятные слова.

Чем это он их, словом, что ли? Микмак невольно усмехнулся. Нет, старик на роль убийцы головорезов не подходил.

«Дыродел» он обнаружил у себя за поясом. Немного подумал, ничего не понимая, потом тщательно отер вороненый металл о какую-то тряпку, валявшуюся под ногами, и вложил пистолет

в ладонь одного из бойцов.

Форма похожа на баварскую, но какая-то нестандартная. Просто похожа. И никаких знаков различия, кроме маленьких желтокрылых бабочек, вышитых у каждого на правом плече.

Микмак ходил по разрушенной синагоге, пытаясь найти кого-нибудь живого. Или какое-нибудь объяснение произошедшему. Он ничего не соображал, голова чумная, будто огрели чем-то тяжелым.

Вспомнился удар по лбу; Микмак потер волосы, там была небольшая ссадина и мелкие, засохшие на волосах капельки крови. Больно не было, только немного чесалось.

Снаружи послышался шум. Похоже, кто-то разговаривал. Судя по отрывистости фраз и резкому шуршанию камня под подошвами, прибывшее подкрепление занимало позицию. Микмак ничего не понимал – в ушах всё еще стоял гул.

А потом раввин резко вскинул голову и пронзительно заорал…

Микмак, хватая ртом воздух словно выброшенная на берег рыба, вскочил с постели. Всё тело болело, на лбу выступили крупные капли холодного пота. Из груди вырывались хрипы и свист, горло перехватило. Наверное, именно из-за этого он не заорал в голос. Как тогда, вслед за воющим раввином.

Этот сон повторялся раз за разом. Не часто, к счастью, не каждую ночь. Иначе Микмак, скорее всего, уже сошел бы с ума. Сон не менялся, лишь обрывался каждый раз в разных местах – вот сегодня он не увидел, как из-под груды осыпавшейся с противоположной стены штукатурки выбралась женщина. Единственная выжившая туристка. Иногда сон продолжался и дальше, до того момента, когда в синагогу ворвались свои и снова отправили Микмака в небытие ударом приклада в затылок. Очнулся он только «на приёме» у «мозголома». Но это ему уже не снилось. Никогда. Это он и так прекрасно помнил.

Микмак машинально попытался сжать голову руками, но руки оказались связанными. Мгновение он смотрел на свои грязные с обломанными ногтями посиневшие ладони, перетянутые в запястьях пластиковым шнуром, а потом всё вспомнил. Сегодня от него ждали какого-то результата. Он должен работать. Не ведая, что нужно делать – в этом и крылась основная проблема.

А если он не сделает, то его убьют.

Хотя убьют его в любом случае, это Микмак понимал совершенно отчетливо. Так стоит ли продлевать мучения еще на несколько дней? Ответ крылся в человеческой природе: инстинкт самосохранения еще никто не отменил. Да и надежда всегда

умирает последней. Наверное, уже после того, как перестанет биться сердце.

– И долго ты собираешься валяться?

Микмак резко повернулся на голос. Он считал, что находится в помещении один.

Рядом, буквально в метре от того места, куда бросили вчера Микмака и где он до сих пор лежал, на старом обтрепанном, некогда дорогом диване сидел Старик Ромеро. Ромулус Шнайдер, имени которого Микмак вроде бы знать не должен. Но, между тем, знал.

– Изыди, Старик, – прохрипел Микмак. – Тебя убили.

В горле страшно пересохло. Самочувствие вообще трудно было назвать хорошим. Даже нормальным – вряд ли.

– Ты уже видел меня воскресшим. И ты обещал найти файл, – напомнил Ромеро.

Кабы знать, что им тут всем нужно.

– А чего хочет этот… как его?

– Слег, – подсказал Ромеро.

– Именно он.

Старик наклонился к Микмаку и одним движением разрезал пластиковые путы.

– Только без глупостей, – предупредил он.

– Спасибо.

Микмак кивнул, соглашаясь вести себя смирно. Да и смысл воевать? Он же даже не знал, где находится. Не то, чтобы город, названия континента не ведал.

– Слег хочет заставить работать то, поросшее водорослями дерьмо, что мы подняли со дна, – сказал Старик. – И мы все здесь очень надеемся, что ты в этом можешь помочь.

Микмак усмехнулся.

– Чем?

Ромеро тяжело вздохнул.

– Не заставляй меня снова звать Мрамора.

Микмак нахмурил брови, пытаясь понять, о ком говорит Ромеро. Потом вспомнил бледную лысину «дознавателя» в перчатках и всё понял. Нет, этого самого Мрамора он видеть не желал.

– Ты ведь зачем-то тоже искал этот «бютен». И про бабочек, так понравившихся Слегу, тоже в курсе. Ты ведь работал тогда в Праге с группой «Махаон», – сказал Старик. – Ты должен, если и не уметь, то хотя бы знать.

– Те желтые бабочки?

Ромеро кивнул.

– Я с ними не работал, – покачал головой Микмак.

– У *официальных источников* иное мнение. Кстати, откуда ты узнал мое настоящее имя?

Микмак пожал плечами. Он в самом деле не помнил. Но ведь знал же!

Невнятное бормотание и только два слова, которые он счел именем – Ромулус Шнайдер. Потом он сам записал его в список контактов «балалайки». Человека с таким именем никто не знал. Зато какая-то женщина в кафе, удивившись, сказала: «Не знаю никакого Ромулуса, но о Старике Ромеро слышала. Он «бютен» в Марселе-нуво добывает». А потом был тот, кого они вчера назвали Фриманом.

Да, о Старике он узнал из разговора в лионском кафе. Странное совпадение – откуда в Лионе известно о каком-то там Старике Ромеро? Да и вообще, почему о нём зашел разговор?

– Не помню, – соврал Микмак. Хотя эта ложь была не так уж далека от истины. – Наверное, случайно где-то в разговоре слышал.

Ромеро приглашающим жестом указал на кресло, стоящее возле стола. На полированной столешнице лежали открытый «раллер» и несколько уложенных штабелем твердотельных накопителей. Старик хотел, чтобы Микмак нашел там… Чёрт его знает, что они хотели. Им было нужно какое-то заклинание.

– А зачем этому самому Слегу понадобилось марсельское барахло?

– Чтобы править миром, разумеется.

«Этот самый» Слег стоял в дверях, облокотившись на косяк. Он улыбался. Всё так же елейно.

– Это неоригинально, – заметил Микмак, пересаживаясь с пола за стол.

Он положил руки на клавиатуру «раллера» и понял, что затекшие и опухшие пальцы слушаются плохо. С чего же начать?

– Можно попросить воды?

Слег легонько кивнул, и через пять секунд в комнате появился слуга со стаканом воды.

Микмак с удовольствием осушил стакан до дна. Вкус обычной воды показался настоящим деликатесом. Если бы еще можно было перекусить… Видимо, выражение лица Микмака говорило само за себя, потому что еще через полминуты тот же парень поставил перед ним серебряный поднос с бутербродами и каким-то паштетом. Всё выглядело очень аппетитно и… натурально. Да таковым оно, наверное, и являлось.

– Вы собираетесь уничтожить всех неугодных? – набивая рот колбасой, спросил Микмак.

Улыбка Слега стала шире. Еще вчера – это ведь было вчера? –

Микмак заметил, что на эту тему хозяин здешних хором говорит охотно и с большим воодушевлением. Не иначе, на самом деле верит в эту странную затею.

– Ну, что вы, – возразил Слег. Микмак заметил, что Ромеро глубоко вздохнул, но говорить ничего не стал. – Я намерен облагодетельствовать мир. Сначала всех, а потом благодать получат только те, кто согласится с моими условиями.

– Благодать раздают боги, – заметил Микмак, пролистывая файлы на первом из подключенных к «раллеру» накопителей. Ничего на нём интересного не было, учетная документация какой-то весьма заштатной конторы, да и та сохранилась лишь отрывочно.

– Я не знаю, кто автор моей благодати, может, и боги. Но раздавать её в этом мире буду я.

Ни тени сомнения. «Не сомневаются только идиоты», – подумалось Микмаку. Он окинул взглядом Слега – какая-то ненормальность в нем, конечно, имелась, но в целом впечатления безумца тот не производил.

– Откуда у вас благодать?

– Ты работай, работай, – посоветовал Ромеро.

Показалось или в его голосе действительно проскочили нотки беспокойства за судьбу бывшего компаньона? Ничего, Старик, Мрамор всё равно уже отбил всё, что мог. А чем вам помочь, непонятно. Так что – какая разница, как вести себя со здешним хозяином. Хотя бы можно развлечься напоследок.

– Ничего, Ромеро, – сказал Слег. – Я могу и показать ему. Ему можно.

Конечно, можно. Ведь он хоть так, хоть этак унесет своё знание в могилу.

Слег подошел вплотную к Микмаку. Практически лёг на него, склонившись над «раллером». Если бы хотел, Микмак мог бы сейчас его ударить. Даже, наверное, убить получилось бы. Но зачем? Никакого смысла – он внутри дома Слега, он не знает, где находится и даже не подозревает, как найти выход.

– Вот, посмотри, – сказал Слег, запустив на экране видеофайл из внутренней сети.

Изображение дергалось из стороны в сторону: то упиралось в землю, то поворачивалось к безоблачному, слепящему знойным солнцем ярко-голубому небу, перечеркнутому какими-то геометрически правильными конструкциями. Особенности съемки и мелкая подпись внизу не оставляли сомнений – это были кадры, записанные чьей-то «балалайкой».

Хозяин чипа участвовал в каком-то безумии. Микмак не мог понять, что же там происходило: несколько человек, словно

одержимые, ломились к ажурной металлической башне – те самые геометрические конструкции. Они жаждали добраться до толстого, в полруки, кабеля, свисающего из небольшой металлической коробки с распахнутыми дверцами.

– Что это? – спросил Микмак.

Слег усмехнулся.

– Смотрите. Это та самая благодать. Сейчас вы…

– Нет, вот это – что? – Микмак показал рукой на кабель и металлический короб.

– Сетевой ретранслятор, – объяснил Ромеро.

Старик выглядел утомленным. Похоже, он смотрел это видео уже не первый десяток раз, и особого интереса фильм у него не вызывал. Скорее даже наоборот.

– А за каким чертом… – начал Микмак, но тут всё стало ясно.

На экране один из безумцев – бритый налысо мужчина с совершенно изможденным, посеревшим лицом добрался до кабеля, быстрыми и четкими движениями выдрал из толстой жилы несколько проводков и прикрутил к распотрошенному компьютеру. Может быть, даже «раллеру» – качество картинки не позволяло понять оснащение машины. Потом нажал несколько клавиш и, прильнув к металлической опоре, закатил глаза.

Разумеется, Микмак ничего не чувствовал, но выражение лица лысого оборванца, подключившегося к сети, не оставляло сомнений – по меньшей мере, ему удалось добраться до места, которое буддисты называют нирваной. Так выглядели наркоманы, получившие вожделенную дозу, но даже наркоманы не пошли бы на такие жертвы.

В следующее мгновение сверху, – казалось, что прямо с неба – рухнуло что-то темное и раскроило череп забалдевшего лысого пополам. Это был топор, и удар нанес обладатель «балалайки», с которой велась трансляция.

Слег включил ускоренную перемотку, и изображение прыгнуло. Микмак посмотрел на счетчик – пропустили около сорока минут.

Теперь изображение медленно поворачивалось из стороны в сторону, показывая общий план. Одни только трупы. Окровавленные, изрубленные на куски. И тихий, почти неразличимый голос за кадром:

– Я остановлю это. Прекращу безумие. Только чуть-чуть… совсем немного… и остановлю. Я смогу. Смогу. Смогу…

Дальше изображение уперлось в обрубок кабеля и, спустя несколько секунд, подернулось пеленой, повернувшись к небу.

– Какого чёрта? Что это? – Микмак не понял, что это было, но на душе сделалось противно. Какое-то странное предчувствие

беды поселилось там.

– Это та самая благодать. Вы видели их лица?

– Да. Но они же подключались к сети. Благодать там?

– Нет, она в «балалайке», которая попала к нам. Из Африки. Никто не знает, откуда это взялось, но, вы, наверное, заметили, отказаться от «приза» невозможно. А если вы нам поможете, мы раздадим эту благодать всем. Мы наполним ею сеть.

– Для этого нужен «бютен» из Марселя-нуво?

– Работай! – Старик Ромеро толкнул Микмака в плечо, чтобы тот занялся данными на накопителях.

Он явно не хотел продолжения разговора, но елейный Слег остановиться не мог. Его, похоже, сильно захватила идея «правления миром». Микмак не думал, что подобные люди встречаются в обычной жизни, а не только в кино. Он заметил, что волосы мистера Слега норовят вылезти из тугого хвоста, рубашка свисает на упитанных боках, а сам мистер Слег всё больше походит на того невменяемого сумасброда, каким предстал перед Микмаком впервые в Марселе-нуво. Только одежда у него сейчас была нормальная, а не драная джинса, как тогда.

– Если вы запустите оборудование, если найдете или… скажете код, – Слег делал ударение на слове «скажете»: все-таки они считали, что Микмак обладает каким-то тайным знанием. Откуда? Он ведь даже не знал, что именно они подняли со дна, – сеть будет наша.

Бред какой-то. Если управлять всей Сетью, не нужна никакая благодать, и без этой странной программы – или чем там эта Слегова благодать являлась? – можно управлять и миром.

Микмак бросил взгляд на Ромеро. Тот с нескрываемым отвращением смотрел на Слега. Вот, значит, как. Судя по всему, инициатору этой авантюры и самому недолго осталось, подельники не собираются продолжать его затею после того, как «бютен» заработает.

Микмак отвернулся, углубившись в стройные ряды данных, слитых с очередного накопителя. Где-то среди них должен быть код, запускающий обросший ракушками хлам со дна залива? Может быть. Микмак не знал и вообще сильно сомневался в правильности такого предположения. Вот только Старик Ромеро и Слег отчего-то считали иначе.

Прокручивая текст, таблицы и цифры, машинально водя по ним взглядом, Микмак пытался найти ответ в прошлом. Они постоянно возвращались к беспорядкам в Праге. К тем желтым бабочкам. Группа «Махаон». Кто были те люди? И кто их убил в Староновой синагоге?

И кем была та женщина, единственная, выжившая среди туристов? Откуда туристы во время боевой операции? С чего он вообще взял, что она была туристкой?

Про туристов сказал лейтенант. Его слова потом подтвердил раввин.

Нет, он только согласился, когда ты назвал её туристкой.

Точно, кроме лейтенанта, больше никто ни разу не упоминал о туристах. Ни разу.

И этой женщины – Микмак вряд ли узнал бы её, если бы увидел теперь: когда она выбралась из-под груды штукатурки, то походила на траченную веками статую, а не на человека – не было в синагоге, когда там появились бойцы внутренних войск Баварского Султаната.

– Есть что-нибудь? – поинтересовался Ромеро.

– Пока нет. Это всё – старьё. Если вы хотите найти что-то, дай мне диски, которые Искандер обнаружил среди того «бютена».

– Это они и есть.

Раньше Микмак этих носителей не видел. Стало быть, Старик там, в Марселе-нуво, не собирался раскрывать все карты.

– Исходный код тоже доступен с этого «раллера», – сказал Слег. – Можешь посмотреть.

– Я не машинист, – пожав плечами, ответил Микмак. Однажды он уже говорил это Хармсу.

Странно, но Микмаку так и не поверили, что он не только не знает самого кода, но и того, как этот код вообще может выглядеть. Собственно, о том, кто именно код запускал, он тоже ничего не знал.

29

Тошнило жутко. Самое страшное, что деться отсюда было некуда. Один вариант – терпеть, но накатывающую волнами и постоянно прибавляющую в интенсивности дурноту вынести не было никаких сил.

Игнат с тоской вспоминал несколько минут безумных перегрузок, которые ему пришлось вытерпеть во время разгона. Тогда казалось, что хуже уже ничего не может быть. Оказалось, может – тошнота терзала организм не так сильно, как упавшая на грудь несусветная тяжесть, но надежды, что это прекратится, теперь не было.

– Ландыш, Ландыш, как слышите? Ответьте, Ландыш!

Голос в наушниках уже вторую минуту призывал к ответу. Ландыш – это его, Игната, позывной. Они хотели убедиться, что с ним всё в порядке. Не особенно в порядке, еще минута-другая – и он, похоже, начнет блевать фонтаном.

Игнат сглотнул накопившуюся во рту слюну – стало еще хуже – и ответил, стараясь говорить настолько бодро, насколько это вообще было возможно:

– Я Ландыш. Всё в порядке, – послушал тихий треск в наушнике и зачем-то добавил: – Полет нормальный.

Смех Стасика он не услышал, а скорее, почувствовал. Повернул голову, но за бликующим блистером шлема лицо напарника не разглядел.

Станислав Кляйн – профессиональный космонавт. Ему хреново не было, ему было привычно. И реакция Игната его здорово веселила.

Его именно так и называли – Стасик. В скафандре он выглядел вполне внушительно, но на земле («на грунте», как говорил сам Стасик) в компании группы наземной поддержки космонавт смотрелся тщедушным и даже каким-то ущербным. Эффект создавали небольшой рост и не самое атлетическое телосложение, но он оказался мужиком жилистым. Да и вообще – нормальным мужиком, насколько успел понять Игнат из короткого знакомства в ходе недолгих тренировок.

– Держи пакет, – усмехнувшись, Стасик протянул напарнику пластиковый кулёк, – а то захлебнешься.

– Спасибо, – пробурчал Игнат, схватив негнущимися в перчатках скафандра пальцами пакет.

Если им придется воспользоваться, нужно еще успеть открыть шлем. Чёрт бы побрал этот космос и Игоря Александровича, решившего, что лучшего кандидата для запланированной им

миссии, чем Игнат, не найти.

– Букет, вы в точке, – сообщили с земли. – Что видите?

Треск в наушниках раздражал. Непривычно слышать звуки эфира, которые человечество научилось отфильтровывать чуть ли не сотню лет назад. Стасика, наверное, этот треск бесил еще больше.

Кляйн активировал радар, и на экране высветились полученные данные. Активировал, нажав на обычную пластиковую кнопку, и посмотрел результат на обычном экране. Никаких «балалаек» и картинок на глазных наноэкранах. Ничего цифрового, кроме трех «раллеров», не завязанных в сеть, на борту их транспортника не было. Игнат не особенно разбирался в космических полетах, но и его удивляло, как это распотрошенное корыто умудрилось добраться не только до орбиты, но и до заданной точки околоземного пространства. Стасику эта задача далась нелегко – сейчас освещение изменилось, и Игнат отчетливо видел, как по лбу космонавта стекают крупные капли пота.

Игорь Александрович приказал вынуть из корабля всё, что могло хоть каким-то боком подключиться к Сети. Обычный пассажирский челнок для этой задачи не подходил – без цифрового наполнения он был просто неспособен добраться до орбиты, не говоря уже о маневрах или посадке.

Теперь приходилось сидеть, чуть не закинув ноги за голову, в тесном пространстве возвращаемого модуля транспортного корабля. Торчащие отовсюду провода, оставшиеся от снятых цифровых консолей и многочисленных компьютеров, только усиливали ощущение, что их со Стасиком запихнули в консервную банку.

Пока «банка» справлялась со своей задачей.

На экране почти точно по центру мерцала крупная белая точка. Еще несколько точек разного размера были разбросаны по периферии. Объект и попадающие в область сканирования радара спутники северной орбитальной группировки корпорации «Науком». Впрочем, теперь «Науком» владела этими спутниками лишь номинально, контролировали их… Вот в этом Игнат и должен был разобраться. По всему выходило, что контролировала их та штука, что висела в сотне метров прямо перед ними.

– Вижу объект на радаре. И в иллюминаторе он тоже виден, – сообщал Кляйн.

– Тюльпан, опишите внешний вид объекта.

Тюльпан – это Стасик. В космическом ведомстве принято всем давать позывные. Им достались цветочные.

Кляйн рукой увеличил на экране изображение с камеры. Ужасно неудобно. И главное – непривычно.

В темноте космоса висел, медленно вращаясь, толстый белый цилиндр, обрамленный сверху и снизу двумя красными полосами, с небольшой надстройкой на торце, обращенном к ним. Из надстройки торчала ажурная парабола антенны.

Стасик рассказал о том, что видел.

– Картинку получили, Букет. Спасибо. Начинайте сближение.

– Есть сближение, – отрапортовал космонавт и потянул гашетку ручного управления на себя.

Корпус корабля легонько содрогнулся, и Игнат ощутил, что ускорение прижало к ложементу. Так лучше, обезумевшие лабиринты внутреннего уха хотя бы на короткое время получили сигнал о направлении силы тяжести, и тошнота немного отступила.

В задачу Станислава Кляйна входило выполнить маневр. Как только они приблизятся к объекту, настанет время Игната показать себя в действии.

Как он будет «показывать», Игнат не мог и представить – из-за невесомости его непрерывно тошнило, голова шла кругом, перед глазами плясали черные пятна.

Игорь Александрович сказал, что эту штуку необходимо обуздать во что бы то ни стало. Или, если не получится обуздать, – уничтожить. Но второй вариант только в крайнем случае. Так что, тошнота с головокружением – мелочи из того, что могло ждать их со Стасиком впереди.

Спустя полчаса Стасик остановил корабль в полутора десятках метров от объекта. Теперь медленно вращающийся цилиндр был хорошо виден без всяких радаров, в иллюминаторе.

Стасик показал на джойстики и кнопку пульта ручного управления.

– Помнишь? Вправо, влево, вращение, разгон, торможение, маневровые двигатели…

Игнат кивал после каждого слова. Он помнил, но всё равно плохо понимал, чего ожидать от консервной банки с несколькими двигателями, если нажимать на эти кнопки и дергать джойстики.

– Хорошо, – подвел итог Стасик и добавил: – Но лучше не трогай тут ничего.

– Постараюсь. Моя вотчина здесь. – Игнат показал на три закрепленных друг над другом «раллера».

Был еще четвертый. Он сейчас выключен – единственное устройство на корабле, способное подключиться к сети привычным способом. На всякий случай.

– Держи ухо востро, – сказал Стасик и закрыл люк.

Игнат захлопнул блистер шлема.

Сейчас Кляйн должен выйти в космос. В планы входило закрепить на корпусе висящего перед ними космического жбана со странным названием «Титериста» мину на случай провала миссии и подключиться к станции напрямую, кабелем. Это нужно сделать руками, иначе никак. Игнат для выхода в открытый космос не подходил. Даже при неудачной вылазке Стасика ему запретили пытаться это сделать – руководитель полета на вопрос «почему» ответил просто: «Шансов вернуться у тебя нет». Для окончательного решения проблемы на борту имелись две ракеты с выпотрошенной электроникой, способные лететь исключительно по прямой и требующие наведения на цель путем маневрирования самим космическим кораблем.

Хотя, что может случиться со Стасиком в открытом космосе? «Титериста» умела проводить атаку только через Сеть. Никто толком не знал, как проворачивала атаки, но предполагали, что взламывал сетевые ресурсы этот жбан какими-то чудесными аппаратными средствами и доделывал работу уже в программной среде.

Игнат, когда впервые услышал рассказ Игоря Александровича о «Титеристе», усмехнулся. Президент «Науком» веселье своего машиниста не разделял – его лицо оставалось серьезным, не сказать мрачным. Впрочем, и сам Игнат, мгновенно вспомнив подробности взлома сети спутников, внедрение непонятного вируса в серверную станцию, обслуживающую орбитальную группировку, смеяться перестал. Особенно успешно веселость сбивало воспоминание о том, как с сервера начали ломиться в его «балалайку» – к ней не просто подключались, а словно бы пытались через чип добраться до мозгов, вызывая таким образом не самые приятные ощущения. А сервер – небольшое бетонное строение с дорогостоящей электронной начинкой, стоявшее в нескольких метрах от здания, где располагался кабинет Игната, пришлось взорвать. Игнат не был уверен, что сервер нельзя было спасти, но приказы начальства он привык не обсуждать.

Да и, если честно, на какое-то мгновение его обуял настоящий страх. В тот момент, когда увидел, что они теряют контроль над всеми компьютерами серверной станции. Этот вирус… Игорь Александрович утверждал, что это не вирус. Президент не особенно разбирался в делах машинистов, но Игнат тоже не видел самого вируса, он лицезрел лишь результат – стремительно расползающаяся зараза, берущая под собственный контроль машину за машиной.

Неуязвимая система, сказал Игорь Александрович. Игнат не стал возражать, но древний закон машинистов гласил:

неуязвимых систем не бывает. Те, кто забывал об этом правиле, жестоко поплатились за собственную самоуверенность. Другой вопрос, какой урон успеет нанести сети эта непонятная «Титериста», пока удастся расколоть её хитрые файлы. В том, что расколоть их в любом случае удалось бы, Игнат не сомневался. Тем более, с мощностями «Науком». Только в космос Игорь Александрович его всё равно отправил, будь неладна эта невесомость!

Машинист выглянул в иллюминатор. Сбоку был виден неуклюже перебирающий руками Стасик. Космонавта было видно плохо, слишком острый угол. А вот орбитальная станция «Титеристы» видна отлично. Именно орбитальная станция – Игорь Александрович утверждал, что где-то должна быть и наземная часть.

Стасику приходилось туго. Из скафандра тоже убрали всё цифровые гаджеты. Как результат – две трети устройств скафа перестали работать. Кляйну приходилось банально ползти по борту корабля, пристегивая себя армированным пластиковым фаллом с карабином на конце к рейлингу. Насколько Игнат понял, именно таким образом перемещались в открытом космосе еще на заре орбитальных полетов.

Когда Стасик доберется до крайней точки, обращенной в сторону «Титеристы», ему придется прыгнуть. Игнат представил подобный прыжок и понял, что сам никогда бы не смог такое сделать. Это всё равно, что прыгнуть в бездонную пропасть, не зная, подвернется ли под руки хоть какая-то опора. Состояние невесомости старательно поддерживало ощущение падения в бездну.

– Тюльпан, как дела у тебя? – спросили с Земли.

В наушниках раздалось сопение Стасика. Да уж, ему снаружи приходилось тяжело.

– Всё в порядке. Скоро доберусь.

– Через три минуты вы выйдете из зоны видимости, – сообщили из ЦУПа. – Мы не сможем следить за вами.

– Мы в курсе, – сообщил Стасик.

– Без глупостей там.

– Когда вернемся, ругайте Ландыша, – сказал космонавт. – Я к тому времени уже закончу.

Треск в наушниках усилился, что-то крякнуло, и Игнат понял, что они остались в космосе одни.

Здесь никого и не было, кроме нас.

Да, но когда в любой момент можешь связаться с домом, когда тебя слышат, следят, правильно ли ты поступил, не ошибся ли, в любой момент готовы прийти на помощь, одиночество не

ощущается так остро. Теперь они могут надеяться только на себя. И друг на друга.

– Стасик?

– Готов выполнить свою работу?

– Да. Как там у тебя? Я тебя не вижу.

– Я слева от тебя.

Игнат дернулся вперед, пытаясь заглянуть за покатый бок корпуса их корабля, и стукнулся блистером о стекло иллюминатора. Стасик, видимо, стук услышал.

– Наружу выглянуть не получится, напарник, – усмехнулся он. – Это космос.

– Да уж, – согласился Игнат, машинально потирая перчаткой шлем.

Пока Стасик не вернется, скафандр снимать нельзя. Техника безопасности требовала, чтобы в момент выхода в скафандрах были все члены экипажа. Это космос, как сказал Стасик, с космосом шутки плохи.

– Я добрался, – сообщил космонавт. – Буду прыгать.

– Удачи.

Игнат смотрел в иллюминатор. Внутри скафандра что-то гулко стучало. Игнат не сразу понял, что слышит стук собственного сердца.

Стасик в белом скафандре появился в поле зрения внезапно. Он летел сквозь пространство, вытянув руки вперед. За ним, едва заметный, тянулся тонкий шнур провода. Космонавт двигался неестественно, на Земле люди, прыгнувшие над пропастью, выглядели иначе. Слишком равномерное движение.

Он коснулся руками поверхности «Титеристы», быстро, насколько позволял довольно неповоротливый скафандр, сгруппировался и распластался по цилиндру всем телом. Инерцией его сносило в сторону. Стасик лихорадочно молотил руками по гладкому корпусу, пытаясь найти опору. В правой руке он держал готовый захлопнуться карабин.

Из наушников послышался треск, который быстро перешел в протяжный, дергающий за нервы визг.

– Чёрт! Что происходит, Тюльпан?! – выкрикнул Игнат, но, если Стасик и ответил что-нибудь, за шумом ничего слышно не было.

Наверное, так реагировала на Стасика эта станция. «Титериста». Отвечала на нападение.

В какой-то момент космонавт внезапно расслабился, а спустя секунду его движение резко остановилось, и он повис на фалле. Стасику удалось закрепиться.

– Всё в порядке, – пробиваясь сквозь треск и визги, сообщил

он. – Бомбу прилепил. Сейчас передохну минуту и начну искать, куда этой заразе воткнуть провод. Где у неё задница, как думаешь? Слушай, у тебя тоже трещит радио?

– Да, трещит.

– Ни хрена не слышно. Стало быть – тоже, – сделал правильный вывод Стасик.

Заряд установленной Стасиком мины сработает сам: внутри часовой механизм, который запустит детонатор через сутки, что бы ни случилось. Игорь Александрович выразился однозначно: «Титериста» должна работать на его корпорацию или ни на кого.

Вращение транспортника «Науком» было синхронизировано с движением «Титеристы». Цилиндр, увенчанный ажурной параболой, стоял как влитой, а на фоне медленно переворачивалась поблескивающая в солнечных лучах поверхность океана. Атлантика, скоро внизу появится американский континент. В этом месте на поверхности планеты был вечер. Сумерки. Темное багровое солнце там, должно быть, медленно опускалось за горизонт.

Отсюда планета выглядела вполне прилично. Никаких последствий встряски четырехлетней давности. Здесь, в океане, вообще ничего не изменилось. Это на материках даже с орбиты легко можно разглядеть серые выжженные, покрытые радиоактивным пеплом участки земли. Карманы, как их прозвали в России. Электричество было не во всех городах, темных пятен ночью стало намного больше. Хотя Игнат на орбите впервые, откуда ему знать, как было до Катастрофы.

– Посмотри картинку, – услышал Игнат.

Похоже, Стасик звал его не в первый раз, потому что он явно был раздражен.

– Где? – не понял машинист.

– На экране. Я с камеры транслирую тебе. Переключи на четвертый канал, это моя камера.

Изображение дергалось, и было довольно темно. Ряды каких-то переключателей, закрытых прозрачными кожухами, отверстия для коннекторов, несколько кнопок без надписей.

– Оно?

– Не знаю, – честно ответил Игнат. – Но похоже.

– Куда втыкать провод?

– Штекер подходит?

– Нет. Пробовал уже примериться.

– Тогда сними его. Ты знаешь, как.

На экране перед Игнатом кажущиеся неуклюжими из-за толстых перчаток пальцы Стасика откручивали колпачок штекера.

– Воткни туда щуп.

– Готово.

Игнат посмотрел данные с тестера. Шесть контактов – стандартная схема подключения, только разъём сделали свой. Правильно, чтобы чужие не лазили. Подключиться можно, но как Стасик будет в перчатках складывать провод, Игнат не мог себе представить. У него бы точно не получилось. Но он и в открытом космосе никогда не работал.

– Сделай контакты: первый провод на шестьдесят миллиметров, второй – тридцать три, третий – двадцать пять, четвертый…

– Не так быстро, – остановил его космонавт.

На экране урывками появлялись руки Стасика, облаченные в громоздкие перчатки. Работал он ими, на взгляд Игната, с фантастической скоростью.

– Давай дальше.

Через двадцать с небольшим минут контакт был готов.

– Давай, – сказал Игнат.

– Даю. Есть контакт?

Игнат посмотрел на экран одного из «раллеров». Сейчас именно он подключен к тому проводу. Сигнал есть, но теперь нужно разобраться, что он означает. Нужно попытаться вскрыть потроха этого жбана.

Нужно не попытаться, а именно – вскрыть, поправил себя Игнат. Тон Игоря Александровича не оставлял сомнений, что более важного дела на сегодняшний момент не существовало. Во всяком случае, для Игната.

– Всё нормально, – сообщил Игнат Стасику. – Закрепи провод получше и возвращайся.

– Так точно, капитан.

Стасик приложил руку к шлему. Игнат усмехнулся – отдающая честь неуклюжая фигура космонавта, зависшая над покатым боком «Титеристы» на фоне мерцающей яркими звездами бездны, смотрелась действительно забавно. Под фигурой космонавта медленно поворачивался толстый бок орбитальной станции, упакованный в какой-то изолирующий материал.

– Жду те…

Игнат поперхнулся на полуслове.

Да-да, этот жбан действительно движется.

Машинист быстро пробежал взглядом по цилиндру в космосе, потом – по всем показаниям, высвеченным на экранах их корабля. Нет, если он хоть что-нибудь понимал в этих данных, нарушения синхронизации вращения не произошло. Но что тогда?!

Правильно, правильно, ты смотришь туда, куда нужно.

Внизу – в условном низу, с той стороны, куда направлены ноги Стасика – нехотя клубилось едва заметное белесое облачко. Случайный выброс газа? Откуда – это же беспилотная капсула, там нет кислорода!

Это был двигатель. Он поворачивал «Титериста», жбан маневрировал.

Для чего?

Неужели неясно?

– Стасик, убирайся оттуда! – заорал Игнат, забыв о необходимости использования позывных при общении в эфире.

– Букет, что у вас происходит? – сквозь треск помех, то и дело исчезая, донесся голос руководителя полетом.

Они завершили виток, снова оказавшись в зоне доступа радиосвязи. Орбитальная станция «Титеристы» находилась почти на геостационарной орбите. Почти – скорее всего, её просто не успели (или пока не сочли нужным) вывести на геостационар, не завершив разгон. Станция медленно двигалась относительно поверхности планеты в приполярной области, поэтому зона радиомолчания была небольшой.

– Быстрее, уйди оттуда! – снова выкрикнул Игнат.

– Какого… Ландыш, ты…

Фигура космонавта неловко дернулась. Видимо, Стасик попытался повернуться, чтобы посмотреть за спину. Похоже, наконец он увидел то, что видел Игнат – огромная, в сравнении с шлемом скафандра, параболическая антенна быстро поворачивалась и ускорялась, двигаясь в сторону потерявшего опору космонавта.

– Что происходит, Букет? Ответьте!

– Я не могу… – голос Стасика срывался. Он изо всех сил пытался сдвинуться с места, но в невесомости, потеряв опору, сделать это было очень сложно. Инерция медленно переворачивала и сносила его в сторону, но «Титериста» была быстрее.

Плотная и довольно длинная струя газа появилась теперь уже не снизу, а сбоку на корпусе станции. Вращение цилиндра резко ускорилось, ажурная парабола антенны накрыла чашей голову космонавта. Игнат задержал дыхание, слушая доносящийся из динамика крик Стасика. Крик ужаса, а не боли.

Потом раздался громкий удар, что-то хрустнуло. Короткое, немногим дольше секунды шипение сменила тишина. Тишина, транслирующаяся из скафандра Тюльпана.

Руководитель полета что-то продолжал говорить, всё спрашивал, что случилось. Делал это он, скорее, по инерции, потому что и на Земле уже поняли, что произошло.

Орбитальная станция «Титериста» только что убила космонавта Станислава Кляйна. Глупая, совершенно дурацкая случайность.

А ты уверен, что это произошло случайно? Уж очень маневр походил на осмысленные действия. Двигатель-то больше не включается.

Нет, не может это быть осмысленным действием. Там же внутри нет никого. Просто станция осуществляла необходимый ей маневр. Автоматика, она не рассчитана на то, что под антенной вздумается присоседиться космонавту.

Ты же видел, что произошло – Стасик воткнул в разъем провод, он, чёрт возьми, полез в потроха этого жбана, а тот счел необходимым уничтожить возникшую угрозу. Это ведь не автоматика, даже не запрограммированная защитная реакция – вряд ли создатели рассчитывали на такой способ подключения.

– У нас нет биометрии Тюльпана, – голос руководителя звучал ровно и спокойно. Он понимал – уже ничего не исправить.

Парабола антенны плавно, словно в замедленной съемке, уплывала вниз. Из-под её купола показался шлем Стасика – блистер был расколот, но лица космонавта не видно: стекло поляризовано и внутри скафандра темно.

– Клумба, мы потеряли пилота.

Внезапно Игнату стало страшно. Очень страшно. Он неожиданно со всей остротой ощутил, что находится внутри тонкой металлической скорлупки, окруженный безграничной и абсолютно враждебной человеку средой. Руки сами собой заскребли замки шлема, проверяя герметичность крепления. Теперь оно не понадобится – возвращаться из великого ничто некому.

А ведь снимать скафандр так не хочется. В нём неудобно, но относительно безопасно.

Провод, который Стасик успел закрепить на корпусе «Титеристы», двигался вслед за разъёмом. Он не наматывался на корпус станции, но долго такого вращения шнур не выдержит – перекрутится и порвется.

– Ландыш, удалось ли наладить подключение?

– Я Ландыш. Подключение функционирует.

Нужно спешить, пока есть соединение. До взрыва мины, которую Стасик успел закрепить, еще почти сутки, но закручивающийся по спирали, оборот за оборотом, кабель не выдержит и половины этого времени.

– Начинайте основную миссию, – озвучили с земли мысли Игната. – Мы постараемся вас выта…

Динамик хрюкнул и замолк. Игнат покрутил регуляторы

громкости – шорох и потрескивания эфира остались, просто исчезла связь с землей.

– Клумба, Клумба! – пробормотал Игнат. Скорее потому, что так было положено. Сказать Земле нечего. Его взгляд был прикован к медленно двигающемуся по дуге черному проводу, хорошо видимому сейчас на фоне белого арктического льда.

Связи с Землей нет. Стасика нет. Он не знает, как посадить космический корабль на Землю. Он в космосе. Перед ним непонятное изобретение человеческого гения под названием «Титериста».

День обещает быть трудным.

День обещает быть интересным.

Если ему удастся расколоть «Титеристу», Игорь Александрович прилетит за ним лично. Но связи нет – значит, на Земле не узнают, получилось ли у него. Значит – волноваться не о чем: за ним прилетят в любом случае.

Игнат открыл замки на перчатках, стянул их и передвинулся на полметра вправо. К включенному «раллеру».

30

Страх и опасения развеялись. По совершенно непонятной причине.

Плотность полицейских на квадратном метре в пределах транспортного узла Шарль де Голль превышала все мыслимые пределы. Тут бы как раз и обделаться от страха. Но на Джио в транспортном узле – огромном, еще не до конца восстановленном комплексе – неожиданно снизошло умиротворение и покой. Предчувствие скорой развязки?

Будет ли конец истории счастливым?

Он прошел стационарный наноскоп так же, как все, прибывшие с юга на «суперсобаке». Охрана транспортного узла дважды сканировала его «балалайку» и один раз попросили предъявить для идентификации зашитую под кожу предплечья «таблетку». Все манипуляции охранники проделали молча, даже не переспросили имя. Их всё устроило.

Это чтобы ты ничего не заподозрил.

У выхода с просторного перрона для скоростных поездов собралась довольно внушительная толпа. Кто-то курил, кто-то просто стоял, рассматривая ажурную конструкцию прозрачного потолка – части стекол не хватало. Некоторые шумно спорили с подоспевшими полицейскими. Стражей порядка среди этой разношерстной публики было немало.

Это курьеры, привезшие с юга «бютен». Их трясли основательно. Джио не знал, что искала у них полиция, но догадывался, что основной причиной тщательного досмотра являются деньги. Назначение «бютена» не всегда понятно, даже если курьер правильно его задекларировал, поэтому найти что-то запрещенное среди абсолютно безобидных вещей не так уж и сложно.

Джио досматривать не стали.

Офис корпорации «Тейе» находился неподалеку от транспортного узла, в Сен-Дени.

Респектабельным этот район не назовешь, хотя Сен-Дени из неспокойного пригорода давно превратился почти в центр. Здесь сохранилось много исторических зданий, однако сегодня большая их часть выглядела довольно удручающе. У властей европейской столицы хватало дел и внутри Переферика, до Сен-Дени очередь восстанавливать разрушенное во время Катастрофы еще не дошла.

Джио стоял перед небольшим зданием постройки полувековой давности, над входом в которое темно-красными,

покрытыми слоем городской пыли буквами было написано «Тейе». Он шёл именно сюда, но теперь топтался на пороге, не решаясь войти.

Он не знал, что делать внутри. Не знал, к кому подойти и что спросить. Теперь, добравшись до странной и непонятной ему самому цели, Джио осознал, что так и не может ответить себе, зачем приехал сюда.

Ты забыл, ты же ищешь свою семью? Уже четыре года ищешь, надеясь, что всё еще может стать таким, как было прежде.

Здание корпорации «Тейе» построили на каркасе. Вероятно, металлическом. Поэтому во время толчков, которые здесь, в Эль-Париже, были не слишком сильными, офис «Тейе» не только устоял, но и не получил почти никаких разрушений. За исключением, разве что, исполосовавших фасад трещин, которые Джио сейчас внимательно рассматривал.

– Вы к кому? – спросил охранник, стоявший за титапластовой стеной внутри небольшого и темного фойе.

Надо сказать, спросил он без особого рвения. Просто для проформы, потому что так было положено.

Фойе эль-парижского офиса корпорации ни на какую помпезность не тянуло. Здесь всё выглядело более чем заштатно. Убого, если уж начистоту, выглядело.

Джио пробежал глазами по стенам. Слева от загончика охраны висел коммуникатор с довольно большим экраном. Правда, не менее половины пикселей на нём не отображалось, но часть представленной информации всё же можно было прочесть. Список отделов и кабинетов.

– В отдел сборки, – наугад сказал Джио, выбрав название из списка.

Охранник пожал плечами.

– Зарегистрируйтесь, пожалуйста.

Он вытянул вперед руку с портативным сканером. Таким обычно проверяли «таблетки». Джио закатал рукав и подставил предплечье под датчик. Ничего страшного, в транспортном узле уже проверяли.

Только теперь они знают, что ты здесь.

Сканер тихо пискнул. Охранник кивнул, не глядя на экран.

– Проходите.

А куда проходить? Джио не знал. Раз уж собрался в отдел сборки – чем бы он ни являлся, – может, туда и пойти?

Найти отдел оказалось несложно – длинный коридор с номерами на дверях. Нужный номер он запомнил.

Небольшое помещение отдела сборки было завалено разношерстными компьютерными платами. Никакой системы –

просто куча хлама, разбросанная везде, где могло что-нибудь лежать.

В отделе за столами, расставленными вдоль стен, сидели три человека. Их вытаращенные, немного навыкате, красные глаза, бледная кожа и общий нечесаный и помятый вид наводил на мысль, что солнца они не видели не одну неделю. Скорее, это было лишь впечатлением, не соответствующим действительности.

Все трое синхронно повернулись в сторону вошедшего Джио, никто не проронил ни слова. Языков у них, что ли, нет?

– Что вы здесь делаете? – Джио спросил первое, что пришло на ум. Его мозг не понимал происходящего и требовал ответа на простейший вопрос.

– А вы кто? – спросил один из троицы, на которой разве что мох не рос. Значит, языки у них все-таки имеются. Хотя бы у одного из троицы.

– Я…

Джио даже не успел задуматься над ответом – как стоит представиться. Его взгляд замер на маленьком блестящем предмете, который он увидел среди наваленных кучей плат. Черт их разберет – рабочих или некондиции.

Маленькие пальцы нервно теребили блестящую пуговицу на пальто. Пуговицы особенные, он сам так говорил. На самом деле таких пальто полно, в торговом центре их висел целый ряд, и это наверняка не единственное место, где можно купить подобную модель. Но Вильгельмина верила, что её пуговицы самые особенные.

Она никогда не говорила, но, вероятно, была уверена, что блестящие пуговки обладают какими-то одной ей ведомыми волшебными свойствами. Она всегда терла их пальчиками, когда хотела получить что-то, что ей не полагалось. Или, как сейчас – чтобы не случилось чего-то, чего она не хотела.

– Я не хочу уезжать, папочка, – смешно вытянув губки, промурлыкала Вильгельмина.

Длинный, до пола плащ и широкополая шляпа, скрывающая верхнюю половину лица.

– Всё образуется, Вилли, – успокоил он дочь.

Он бросил короткий взгляд на обладателя широкополой шляпы, который держал на руках девочку, но ответного взгляда не удостоился. Или просто не заметил его – глаз этого человека видно не было.

– А ведь правда – ни у кого больше нет таких пуговок? Правда, папа?

Голос Вильгельмины повеселел, но лишь на секунду.

– Правда. Они же волшебные.

Девочка улыбнулась еще раз, только теперь улыбка не выглядела искренней. Человек в шляпе кивнул, так ничего и не сказав, и неспешно пошел к выходу. Джоконда уже стояла в дверях, держа в руках большую дорожную сумку. В её глазах застыл немой укор, но она больше не произнесла ни звука. После того, как прошептала ему на ухо последние, показавшиеся очень странными слова.

Они были на пороге, когда слух уловил тихий характерный звук: «Чпок». В руках у Вильгельмины осталась сверкающая золотистая пуговка, сделанная в форме слона. С другой стороны слоника свисали обрывки нитки – Вилли оторвала ее. Она была недовольна: потерять слоника никак нельзя, иначе волшебство не сбудется.

Волшебство не сбылось.

Джио стоял, замерев, словно его поразил столбняк, и, не моргая, смотрел на маленького золотистого слоника, с обратной стороны которого торчали две затертые ниточки.

Не глупи, мало ли на свете таких слоников?

Когда парень, который задавал вопрос, оказался лежащим лицом на столе с заломленной назад рукой, Джио сообразил, что в этом самом «Отделе сборки» наверняка имеются камеры наблюдения. Скорее всего охрана уже бежит сюда, всего через мгновение дверь распахнется и…

Хватит рефлексий!

– Где они?! – заорал Джио. – Куда вы их дели?

Поверженный сборщик тихо ныл от боли – Джио слишком сильно давил на выкрученную руку. Ответил другой, тот, что сидел за соседним столом:

– Кого?

Джио повернулся в его сторону, ожидая удара или толчка. Но остальные работники отдела оставались на своих местах и даже не пытались помочь коллеге. Да и двери не открывались, и никто не врывался внутрь, чтобы схватить нарушителя. Здесь всем было всё равно, похоже, этот завод функционировал по инерции, выпуская никому не нужные детали. Что это? Запчасти для компьютеров, какие-то устаревшие модели коммуникаторов? Кому они могут быть нужны, когда «Науком» и государственные компании, работающие по франшизе московской корпорации, наводнили рынок ультрасовременными и при этом дешевыми гаджетами?

Джио отпустил парня. Тот дёрнулся, отлетев в сторону, и упал на пол. Никто не противостоял ему, никто не пытался бороться. И охрана на входе – фикция, видимость благополучия, которого давно нет. Нужно было купить пистолет, как собирался

сделать с самого начала. В Сен-Дени это было бы несложно. На входе не обыскивали, никаких наноскопов. Хотя это отребье и так не собирается сопротивляться.

Джио наклонился и поднял с пола золотистую пуговку. Микросхемы посыпались с вершины кучи на пол.

– Откуда здесь это? – спросил он.

Он понимал, что вопрос глупый, что эти люди совершенно ни при чем, они не могут знать, что произошло с его семьей четыре года назад. Да и пуговица…

– Покажите, – сказал один из работников отдела сборки.

Джио протянул пуговицу, встретившись с парнем взглядом. В его глазах застыл страх. Липкий, холодный, словно слизь лягушки. И безразличие было там. Именно поэтому никто из них не пытался сопротивляться: трое против одного Джио, но на помощь товарищу никто не пришел. Они боялись, и им всё равно. В отличие от Джио.

– Не знаю, – констатировал парень, вернув пуговицу. – Мы перепаиваем старые платы. Их с разных складов приносят, просто со свалок. В основном – обычный хлам. Среди них может оказаться что угодно.

Может, конечно, может. Но почему-то оказалась пуговица с пальтишка дочери Джио. Можно всё списать на случайность, на то, что пуговица не та самая, а такая же, но куда деть всю ту странную сеть совпадений в названиях? До Катастрофы эта фабрика принадлежала корпорации TACA. Той самой, по вине которой Джио потерял семью.

Джоконду с Вильгельминой просто-напросто взяли в заложники. Он выполнил свою часть договора, они – нет.

– У вас есть подключение к местной сети?

Мысль появилась внезапно, Джио не планировал ничего подобного, он вообще пришел просто посмотреть. Он не знал, зачем пришел сюда, подгоняемый только странной наводкой железнодорожного бродяги по имени Халиль.

– Конечно, – сказал парень, который рассматривал пуговицу, и подвинул в сторону Джио свой компьютер.

Краем глаза Джио уловил какое-то движение. Один из работников отдела сборки медленно полз в сторону выхода.

– Стоять! – заорал на него Джио. Парень вздрогнул и резко упал в свое кресло, чуть не перевернув его. – Я никого из вас не трону, если будете вести себя тихо.

Нет, Джио решительно отказывался понимать, почему они слушают его. Он безоружен, он не производит впечатления безжалостного убийцы… Или все-таки производит?

Это пуговка Вильгельмины, Вилли была здесь!

В сети фабрики не оказалось ничего интересного. Как, впрочем, и следовало ожидать. Доступ к части документации был закрыт, но защита стояла простенькая, и Джио легко вскрыл ее. Отчетная и финансовая документация, контакты с партнерами – обычные данные обычной заштатной конторы. А что, собственно, он надеялся тут обнаружить?

Была там скрытая область. Джио не видел ее, но догадывался о её существовании по косвенным признакам. Чувствовал её. Несколько попыток проникнуть внутрь не увенчались успехом. Может быть, здесь?

Что-то мешало нормально работать. Что-то в правой руке.

Джио с тихим стуком опустил «дыродел» на столешницу и с легкостью застучал по клавишам. Так намного удобней.

«Дыродел»?!

Он же не покупал оружия, у него не было никакого «дыродела»!

Напряги память – помнишь кровавую дыру на животе того бомжа в Тейе? А ведь на территории завода не было никого, кроме бродяг и тебя. Ты ведь не видел никого другого.

Но как тогда он мог пройти мимо нескольких полицейских кордонов с оружием? Его же досматривали с помощью наноскопов, не заметить «дыродел» они просто не могли. И пропустили его слишком легко. Только просканировали «балалайку» и сразу отпустили.

Черный массивный пистолет лежал прямо перед ним. Материальное доказательство надвигающегося безумия.

А ты думал эти пацаны испугались твоего грозного взгляда?

С закрытой областью пришлось попотеть. Если бы охрана в этом здании выполняла какие-то иные функции, кроме декоративных, Джио не поздоровилось бы. А так – за час с небольшим, что он возился с сетью, никто не поинтересовался, куда пропал посетитель, ушедший в отдел сборки. Да и в сам отдел никто не наведался. К процессам, происходящим в сети фабрики, Джио тоже не заметил интереса.

Этот раздел «опечатали» довольно давно. Последнее обращение к данным более трех лет назад. Сразу после Катастрофы. Собственно, самих данных здесь не было. Вероятно, как раз три с лишним года назад их и уничтожили.

Только следы всегда остаются.

Джио проследил все логи, которые смог обнаружить. В компьютерных сетях ничто не исчезает бесследно. Уничтожить что-то насовсем возможно, но слишком уж большой массив данных задействован, слишком много серверов и сохраненных копий в кэшах.

То, что он обнаружил – всего лишь обрывки. Куски кода, совершенно теперь бесполезные. По ним невозможно восстановить исходные данные. Но если видел этот исходник, то догадаться, что здесь был именно он, вполне по силам.

Джио исходники видел. Более того, он сам их и написал.

Раньше здесь хранилось то, что теперь лежало в медальоне Беаты. Джио хлопнул себя ладонью по груди – медальон на месте.

Это был АКОПТ.

Не носитель, с записанным на него информационным ключом, а сам код. Ключ к «Титеристе», устройству, способному управлять миром. Теоретически способному.

Значит, он не зря приехал сюда. Не зря искал – это место действительно принадлежало корпорации ТАСА, работавшей до Катастрофы над проектом «Титериста». И ТАСА приложила свою поганую руку к местным сетям.

В создании проекта «Титериста» было задействовано много разных специалистов. Но сама идея зиждилась на программе, написанной Джио. Этот код давал машине возможность управлять любыми системами, работающими на основе цифровых технологий. Современный мир – во всяком случае, мир до Катастрофы – был полностью цифровым. Трудно ли догадаться, какую власть можно было получить с помощью его программы?

Джио работал ради идеи. Ему было интересно создать нечто, способное к самостоятельным действиям, подстраивающееся под любые системы, находящее к ним подход и… умеющее договариваться. Когда он начинал работу, мысль о том, что подобная технология в первую очередь заинтересует военных и политиков, в его голове не появилась. А зря.

Зато такая мысль появилась в головах топ-менеджеров и хозяев корпорации ТАСА, инициировавших проект «Титериста» и привлекших к нему специалистов самого широкого профиля.

Они разработали несколько способов подключения программы Джио к сети. Самым лучшим изобретением стала электромагнитная пушка, которая могла взламывать данные на носителях в серверах на расстоянии, не подключаясь непосредственно к сети. Эта вещь и сама по себе была грозным оружием, а соединенная с программой Джио, способной управлять всем, к чему её ни подключи, оружие становилось совершенным. Выиграть информационную войну против «Титеристы» было бы очень сложно.

Джио воспротивился военному применению своего детища. Ему объяснили, кто он такой в сравнении с корпорацией. Указали на его место.

Они не скрывали, что готовы использовать любые рычаги,

чтобы заставить Джио закончить программу.

Джио хотел спасти семью, спрятать Джоконду и Вильгельмину. Но в помощники он выбрал не тех людей. Его предали…

– Я никуда не поеду, – тихо произнесла Джоконда.

Он посмотрел на улицу, немного отодвинув штору в сторону. Давно уже наступила ночь, и очень не хотелось, чтобы снаружи кто-то увидел, что у них горит свет. Хотя смысла в этом не было.

Мобиль стоял у тротуара. Там были и другие мобили – многие жители района оставляли транспорт внизу, под окнами. Но этот он узнал сразу.

Люди, которые приехали, чтобы помочь, сидели внутри. Они договорились, что поднимутся только после того, как получат звонок на «балалайку».

– Это нужно, понимаешь. Здесь тебе угрожает опасность. Тебе и Вилли. Они всё равно не оставят вас в покое. Они никого из нас в покое не оставят.

Джоконда лишь покачала головой. Она так и не согласилась с ним, но выбора у неё не было.

А потом в прихожей раздался звонок. Люди из мобиля внизу пришли. Хотя он так и не отослал сообщение на «балалайку» их старшего. Джоконда открыла дверь сама.

– Папочка, я не хочу уезжать без тебя!

…Джио тряхнул головой, прогоняя наваждение.

«Дыродел» лежал рядом с клавиатурой. Местные работники не проявляли инициативы, никто не бежал за помощью.

Джио еще раз посмотрел на обрывки кода, которые ему удалось найти. АКОПТ – ключ активации проекта «Титериста». Именно это они хотели получить. Они получили код, но слово не сдержали – Джоконда и Вильгельмина домой не вернулись.

На экране компьютера одно за другим открывались окна с кодом. Джио хотел найти другой сервер – путь к месту, где использовали хранящийся в сети фабрики «Тейе» ключ. Если АКОПТ был здесь, значит, они активировали отсюда основную программу. Иначе ключ просто не нужен, сам по себе он ничего не делает. Но теперь ключа у них нет.

След вел куда-то на север. Еще один филиал ТАСА?

Если у них есть еще одна работоспособная консоль, то получить ключ, зашитый в маленький носитель, хотят именно эти люди.

Джио рукавом промокнул выступившую на лбу испарину и потёр глаза – перед взором всё двоилось и расплывалось. Надежда есть: его семья в руках людей корпорации ТАСА, и они всё еще хотят получить ключ.

Готов ли ты поменяться? Ведь ты же в курсе, что они сделают с ключом потом, когда восстановят «Титериста».

Решение пришло внезапно. Он не обдумывал такой вариант, но другого, похоже, попросту не существовало. Джио быстро набросал несколько строк в текстовом редакторе, потом создал в сети фабрики новый аккаунт – официальный, с ограниченным правом доступа к данным – и повернулся к одному из работников отдела сборки. Тому, что осмеливался говорить с ним.

– Я сейчас уйду, а ровно через тридцать минут ты опубликуешь этот пост в блоге на вашем общественном сервере. Аккаунт открыт, нужно просто скопировать текст и сохранить его. Понял?

Парень кивнул. При этом его глаза то и дело на мгновение опускались вниз, скользя взглядом по вороненой поверхности «дыродела».

– Хорошо. Значит, я ухожу. И еще: вот номер коммуникатора, если вдруг что-то узнаешь об этой пуговке. – Джио показал золоченого слоника. – Позвони.

Парень кивнул еще раз, подвинув к себе листок с номером незарегистрированного коммуникатора Джио.

Джио спрятал пуговку-слоника в карман, взял со стола пистолет – вся троица из отдела сборки синхронно пригнулась – и, не оборачиваясь, вышел в коридор.

Он написал немного, всего одно предложение. Предлагал меняться. Заголовком стояло слово «АКОПТ», а к телу поста Джио приложил фотографию Джоконды и Вильгельмины пятилетней давности. Если это те люди, они поймут смысл сообщения.

Охранник в разбитом фойе дремал за конторкой. Он даже не поднял головы, когда Джио прошел мимо него решительным шагом.

То ли работники отдела сборки кому-то сообщили о визите Джио, то ли просто не стали ждать окончания предписанного получаса, но случилось всё очень быстро. Машина с лихо выскочившими из неё вооруженными людьми появилась на площадке перед входом на фабрику «Тейе» буквально спустя десять минут после того, как Джио покинул здание.

Он недолго смотрел, как бойцы исчезают за стеклянными дверьми. Не стоит находиться в непосредственной близости от фабрики, его будут искать.

Джио уже отошел на несколько кварталов, когда в кармане зажужжал коммуникатор. Номер определился, но неизвестно чей…

– Да.

– Вы спрашивали про пуговку, – голос говорившего,

показавшийся знакомым. Вероятно, тот самый парень, которому Джио оставил свой номер. – Девочка была здесь. Года два назад, может, чуть больше. Её увезли. Не знаю, куда. Но на мобиле, на котором они уехали, были номера с отметками эмирата Пикардия.

– Там есть офис компании или какой-то завод?

Но звонивший не был настроен продолжать беседу.

– Амьен, – сказал тот и дал отбой.

31

Дома Лёшка не был. Побоялся полиции. Хотя умом понимал, что нищий студент, обколовшийся «синдином», добытым по случаю, полицейским ни с какого чёрта не сдался. Разве что нашли следы взлома. Но было страшно, и проверять подобное предложение Лёшка не стал.

Бабушку он нашел в городской больнице № 23. Точнее, в морге этой больницы.

Справочная, считав данные Лёшкиной «балалайки» и оценив степень родства, открыла доступ к общедоступным файлам бабушки. К последнему её файлу – регистрация смерти хозяина «балалайки».

Причиной смерти значилась какая-то «тромбоэмболия крупных стволов легочной артерии на фоне перелома левого бедра». Лёшка плохо разбирался в медицинских терминах, но вид бабушки, распростертой на полу в прихожей с неестественно вывернутой левой ногой, тут же всплыл из памяти.

Хотелось удавиться. Или утопиться – Лёшка бродил по городу, несколько раз останавливаясь на мостах. Он смотрел в темную воду, представляя себя, медленно погружающегося на дно. Дальше фантазий дело не пошло, и от этого тоже было тошно.

Он был ноль. Абсолютный ноль, неспособный даже прервать собственное никчемное существование.

Глаза смотрели на сплошное белое, не блещущее, впрочем, особенной чистотой. Дрожащим пальцем Лёшка заставлял бегать по этой сероватой белизне зигзагами маленькую стрелку курсора, отрисованную глазными наноэкранами.

Сетевого сигнала не было. Но имелись совершенно отчетливые следы взлома. Кто-то выпотрошил Лёшкину «балалайку». Пускай смотрят, всё равно ничего, кроме грязного, покрытого сетью трещин и паутиной потолка не увидят. Лёшка прекрасно понимал, что сейчас, в отсутствие сигнала сети, никто ничего не увидит, что взламывали «балалайку» довольно давно и совсем по другому поводу. Но думать, что он способен перехитрить таинственных ломщиков, было приятно.

Причина взлома проста – заказчики потеряли его. Они хотели получить то, что Лёшка им обещал. Чтобы он закончил дело. И совершенно недвусмысленно намекали на то, что он, мягко говоря, задержался с выполнением взятых на себя обязательств.

Пускай убьют, тогда не придется мучиться, стоя на мосту над темной водой или в сотый раз проверяя прочность крепления

веревки, завязанной в самозатягивающуюся петлю.

Ты же боишься, признайся. Вся бравада лишь оттого, что в действительности ты не веришь, что они пойдут на такое.

Он думал, что сбежал ото всех.

На какое-то время – Лёшка точно не знал, сколько минуло часов или дней – даже удалось сбежать от самого себя. Светка, не меняя скорбного выражения на лице, исправно носила дешевую «палёную» водку, которую он проглатывал, не замечая вкуса и запаха. Он и опьянения не замечал, потому что давно был пьян настолько, что замечать что-либо уже не мог. Оставалось только удивляться, как он умудрился выжить при такой дозе. Возможно, сказывалась недельная тренировка «синдином».

Почему решил идти именно к Свете, Лёшка не помнил. К тому моменту он уже был пьян и ничего не соображал. Наверное, причина заключалась в том, что ему просто некуда было больше идти. И не к кому.

А помнишь, в школе ты мечтал, как Светка…

Лёшка с силой зажмурился и потряс головой, получив в ответ от организма приступ головокружения. Он помнил, но вспоминать о школьных мечтах не хотел. Тем более что теперь те мечты стали реальностью, которая, впрочем, большой радости не доставляла.

Светка оказалась классическим вариантом «русской бабы», придерживающейся мнения, что лучше мужик пьяный и дурной, чем вовсе никакого. Лёшку от таких тошнило. И от Светки тоже тошнило. Нужно только как-то встать и убираться отсюда. И больше сюда ни ногой.

– Выпьешь? – Голос, исполненный заботы и сострадания.

Запах алкоголя, обильно сдобренного сивухой, обрушился на Лёшкино обоняние раньше, чем он успел понять, что имела в виду Светка.

– Нет, – с трудом подавив рвотный позыв, хрипло ответил Лёшка.

Так и есть – она понимает, что Лёшка, как только протрезвеет, даст деру. Поэтому его нужно держать в нужной кондиции, пока не привыкнет и не смирится с неизбежным. Потом, правда, можно всю оставшуюся жизнь ныть и сетовать на мужа-алкоголика.

Лёшка аккуратно поднялся с постели и поискал взглядом свои вещи. Одежда, повешенная не особенно аккуратно, была на стуле, рядом со скрипящим диваном, на котором лежал Лёшка. А рюкзака, в котором был «раллер», он не видел.

А ты думаешь, откуда у Светки столько денег на водку? У Гадюки «раллер» с руками оторвут.

Лёшка перевел взгляд на девушку: на Венеру милосскую она походила мало, руки были на месте.

– Где мои вещи?

Лёшка говорил тихо и спокойно, но выражение его лица напугало Светку. Дурацкая улыбка мгновенно сползла с её губ, глаза заметались из стороны в сторону.

– Я убрала… твои вещи. Ты их разложил здесь. Там было… ты же понимаешь… могли возникнуть проблемы. Я спрятала.

– Где мои вещи?

Дура набитая! Она, стало быть, побоялась хранить дома «раллер» и инъектор с «синдином». Так какого тогда чёрта держала здесь Лёшку и поила его тут водкой?!

– Там, они там, – протараторила Светка, показывая рукой на покосившийся шкаф. Теперь её лицо не просто утратило скорбную улыбку, на нём отчетливо читался страх. – Сейчас я всё достану.

Она полезла внутрь ветхой мебели и отодвинула тонкий лист пластика. Надежный тайник, ничего не скажешь. В Светкиной руке показалась черная крышка сложенного «раллера».

– Не трогай это никогда! Слышишь, не трогай!

Лёшка вскочил, выхватил у Светки «раллер» и замахнулся кулаком, намереваясь ударить девушку.

Ты с ума сошел, что ли?

Перед глазами мелькнула пиктограмма, сообщающая о появлении сетевого сигнала. Подключение было активным всего пару секунд, не больше. Но их хватило.

Позади Светки, за её левым плечом, промелькнула чья-то голова со взлохмаченными черными волосами и какими-то странно лукавыми, немного раскосыми глазами. Там была не только голова; Лёшка отчетливо видел и руку с заскорузлыми обгрызенными ногтями, собирающуюся приобнять Светку за талию. Наверное, имелись и остальные части тела.

Странная голова открыла рот, полный острых и как будто обкрошенных зубов, растянув губы в совершенно нечеловеческой улыбке. А потом зубы сомкнулись у Светкиного уха, лязгнув, словно медвежий капкан.

Тебе просто показалось.

Видение исчезло вместе с сетевым сигналом. Но вместо него перед Лёшкиными глазами появился текст нового задания с указанием точной даты выполнения. И простенькая картинка, объясняющая, что ждет Лёшку, если задание он не выполнит и в этот раз.

Дыхание перехватило, перед глазами заплясали черные круги.

Светка всхлипывала и о чем-то причитала, но подойти к потерявшему опору под ногами Лёшке явно боялась.

Внизу сделалось тепло и мокро. Лёшка опустил глаза и увидел, как на вытертом до неразличимости цвета ламинатном полу расплывается лужа. Он обмочился, от страха. От ужаса, острыми когтями пронзившего всё его естество.

Они могли сделать с ним, что захотят. Сетевого сигнала нет, что-то случилось с сетью, но это временно. Как только сеть возобновит работу, они доберутся до беглого, не выполнившего задание ломщика.

Какой из тебя ломщик, ты просто расходный материал, ничего более.

Деньги больше не нужны – нет необходимости в дорогой нанотерапии, нет больше бабушки. Можно плюнуть и ничего не делать.

Тебе же наглядно продемонстрировали, что с тобой станет.

Они угрожают, но что они смогут сделать?

Всё, что угодно. Ты для них не более, чем муравей, надеющийся убежать от раскаленного, сфокусированного лупой в руках мальчишки солнечного света.

Секунду подумав, Лёшка стянул с себя мокрые трусы, натянул валяющуюся кучей на стуле одежду и, миновав длинный, полный каких-то людей коридор – старая питерская коммуналка – вышел на улицу.

Это центр, канал Грибоедова совсем недалеко. Конечно, именно здесь и жила Светка. Только в гостях у неё Лёшка раньше не был.

Лёшку мутило, и очень хотелось пить. В рюкзаке что-то призывно булькало, он расстегнул молнию и нашарил внутри ополовиненную пластиковую бутыль водки. Открутил крышку, принюхался. Тошнотворный спиртовой запах был противен и манил одновременно.

Лёшка отхлебнул из горлышка пару глотков. Горло обдало жаром, Лёшку едва не вырвало. Но он поднес бутылку ко рту и глотнул еще несколько раз.

Пить всё равно хотелось, но спустя несколько минут жизнь стала казаться не столь безнадежным мероприятием. Лёшка снял с плеча рюкзак и собирался выпить еще, но, приложив немалые волевые усилия, доставать бутыль не стал.

Сетевого сигнала не было нигде. Ни на канале Грибоедова (впрочем, в этих краях сеть отключалась частенько), ни на набережной Невы, ни на Дворцовой площади. Из разговоров на улицах Лёшка понял, что сеть отключили по всему городу. Или даже по всей стране, хотя в наличие устойчивого сетевого

сигнала где-нибудь в Челябинске Лёшка никогда не верил.

В большинстве рассуждений на тему сети явственно ощущались нотки паники. Отключение давно ставшего частью обыденной жизни сервиса, только-только начавшего возрождаться в былом масштабе, наводило на мысли о приближении новой Катастрофы. Не важно, где она произойдет: на Земле, в космосе или внутри самой сети, перевернутой очередными тритонами. Что бы ни случилось, простым людям это событие не сулило ничего хорошего.

Лёшка не смог бы сказать, с какого перепуга решил, что в странном баре «Три медведя» обязательно должен присутствовать сигнал. Вроде бы он ничего такого и не решал, просто ноги сами вывели на широкий проспект, застроенный однотипными жилыми многоэтажками, в цокольном этаже одной из которых и примостился тот самый бар.

Выпитая водка слишком быстро подействовала на истерзанный мозг. Когда Лёшка вошел в темное прокуренное помещение бара, в голове шумело, а происходящее вокруг он понимал медленно и не очень точно.

В «Медведях» ничего не изменилось: тот же бармен, такие же посетители – возможно, не те же самые, но столь же пёстрые и несуразные.

И девушка с бритым наголо теменем и косичками, схваченными на затылке в хвост, сидела за тем же самым столиком под узким, больше похожим на бойницу оконцем. Перед ней стоял включенный «раллер».

«Балалайка» сообщила том, что сетевой сигнал обнаружен, однако подключаться наотрез отказывалась: доступ в местную сеть закрыт неизвестным Лёшке ключом. Сеть для своих. В этом баре, похоже, всё было только для своих.

Девушка с косичками посмотрела на вошедшего Лёшку и кивком предложила сесть за её столик. Около столика стояли два небольших диванчика, на одном из которых сидела хозяйка. Второй диванчик пустовал, на него Лёшка и приземлился.

Казалось, все внутри бара замерли, ожидая от него каких-то действий. А ему нужно было только одно – доступ в Сеть. И пить очень хотелось.

– Бармен, есть что-нибудь попить? – довольно робко спросил Лёшка.

– Выпить? – уточнил бармен.

Лёшка помотал головой.

– Нет, просто попить.

– Вода?

– Подойдет.

Лёшкин «раллер» уже стоял на столе. Напротив «раллера» девушки. Никто из посетителей даже не бросил косого взгляда. Что же это за странное место такое? Хотя девчонка здесь всё время с такой машинкой сидит, у них здесь так принято.

На удивление, «раллер» подключился к Сети сразу же. Ему ключ не понадобился.

Просто в компьютере ключ был с самого начала. Ты долго будешь делать вид, будто не понял, что попал в их логово?

Доступ к серверу, вскрытому Лёшкой при последнем сеансе работы в сети, всё так же оставался открытым. Его проникновения не заметили.

А может, они только и ждали, когда ты попадешь туда?

Сервер вскрыт, вся информация как на ладони, только протяни руку и возьми. Но никто не берет, тот, кто заказал этот взлом, изъявил желание, чтобы Лёшка не только взломал защиту, но и самостоятельно взял то, что лежало внутри.

Помнишь, что было, когда ты «упал» внутрь?

Лёшка покачал головой в такт собственным мыслям. Нет, в том то и дело, что он не помнил. В памяти отпечаталось лишь ощущение безграничного ужаса, накрывшего его там, внутри. Но ему так и осталось неведомо, что же там такое.

Маленький штекер психопривода удобно лежал между пальцами. Не хватает одной детали – «синдин». Ну, не прямо же здесь.

– Где у вас туалет? – спросил Лёшка, подойдя к барной стойке.

Бармен поставил на стойку стакан с водой, который Лёшка тут же опустошил одним глотком, и показал на дверь в правом углу бара.

В туалете были две кабинки. Лёшка заперся в той, где задвижка не была сломана. Он вытащил из рюкзака автоматический инъектор, в обойме оставалось еще четыре ампулы с наркотиком. С зельем, которое всего неделю назад Лёшка почитал чуть ли не главным злом мира.

Руки дрожали, мозг неистово требовал «синдина», тормоша организм и насылая на сознание приступы дурноты. Стоит только нажать на кнопку спуска, и мозг успокоится, насытив свои рецепторы химическими молекулами необычной формы и содержания. Это лишь побочный эффект – теперь Лёшка знал это точно. Неизбежное зло, которое есть в любом, даже самом благом деле. «Синдин» нужен не для ублажения рецепторов, он необходим, чтобы позволить нейронам войти в ритм, порождаемый Сетью, научить их плясать цифровую джигу.

Легкое движение указательного пальца, тихий хлопок, почти

незаметная саднящая боль в локте. Боль, головокружение, ноющие мышцы и сжимающие внутренности спазмы исчезли как по мановению волшебной палочки. Будто и не было их. Вместо этого появилось странное ощущение в голове, какое-то жужжание, словно внутрь черепа запихнули мощный трансформатор.

Осталось добавить последнюю деталь троицы Сорок Два – «поплавок» в «балалайку». Сеть ждет.

Когда Лёшка вернулся за столик, девушка с косичками выбивала на клавиатуре своего «раллера» стремительную чечётку. Она не подняла глаз на севшего рядом парня.

Лёшкины руки ловко вставили «поплавок» в «балалайку», подсоединили к чипу психопривод. Движения быстрые и точные, будто он делает это по нескольку раз на день многие годы. Пальцы легли на гладкий пластик клавиш. Одно движение, и он снова вернется в мир, о котором мечтал. Он снова сольется с Цифрой.

Лабиринт, скрывающийся на взломанном сервере, проглотил Лёшку мгновенно и с удовольствием. Бездонная чернота, хранящая неведомого зверя, мечущегося и стенающего где-то… Лёшка не знал, где, невозможно определить направление, когда падаешь в кромешной тьме.

Это же лабиринт!

Конвульсивный вдох, похожий на всхлипывание, ознаменовал отключение от Сети. Перед глазами плыли черный круги, в затылке безумной пчелой жужжал «поплавок». Пальцы, лежащие на клавиатуре, часто и размашисто дрожали.

Там страшно, там притаился зверь!

Лёшка опустил глаза на экран «раллера», наткнувшись на абсолютно черное полотно открытого окна, словно засасывающее в недра Сети реальное пространство.

Нет, нет, больше туда ни ногой!

Ногами туда ходить и не нужно. Там ступить не на что.

Совсем близко щелкнул автоматический инъектор. Краем глаза Лёшка заметил, что девушка с косичками рядом с ним стоит, опершись коленом о пол.

– Меня зовут Зарема, – представилась она.

– Лёшка, – выдавил он из горла хрип.

Инъектор был в её руке. Она добавила «синдина». Не себе, ему, Лёшке.

С трудом поворачивая голову, парень окинул взглядом бар. В помещении никого не было, кроме них двоих. Чертовщина какая-то.

– Я туда больше не полезу, – не особенно настойчиво возразил Лёшка.

Зарема не ответила. Она лишь наклонилась к открытому «раллеру» с черной дырой на экране и набрала несколько команд. Лёшка смотрел на действо, не понимая, что сейчас произойдет. А когда понял, что-то менять было уже поздно – девчонка надавила клавишу «enter», и он снова оказался в цифровом лабиринте. Он не отключил психопривод, «балалайка» продолжала качать в голову сигнал из Сети.

А может быть, из самой преисподней.

Дикий рёв сотрясал всё нутро. Стройные ряды непонятного кода потоком лились в «балалайку», «поплавок» не успевал перерабатывать сыплющиеся из сети данные.

Лёшка заорал. Просто от боли: «поплавок» нагло перегружал сознание чужой информацией да еще, к тому же, сильно нагрелся. Чёрт бы вас побрал – кто кого ломает: Лёшка сервер или тот зверь из лабиринта Лёшку?

– Я тебе помогу, – откуда-то издалека, словно из иного мира, донесся голос Заремы.

Как же, уже помогла. Нужно искать выход отсюда, иначе…

Иначе оставишь здесь мозги.

Интересно, здесь – это в сети или в баре «Три медведя»?

Как ни странно, правильны оба ответа.

В ином мире инъектор всхлипнул, вкатив в кровь Лёшки еще одну дозу. Эта Зарема решила его убить?

Вряд ли. Ей не нужен твой труп, ей нужно то, что сидит внутри этого сервера. То чудовище, чей рёв не прекращается ни на секунду. И если Лёшкина смерть поможет ей добраться туда, то тогда да – она собирается его убить.

Что-то острое, движущееся чётко и ровно, вклинилось в программный код. Защита сервера? Нет, это какой-то вирус, червь, приползший извне. Лёшке потребовалось несколько секунд, чтобы понять – это обещанная метелкой помощь. Её вирусы атаковали защиту сервера, они отвлекали стражей, не позволяя им даже заметить Лёшку. Осталось только добраться до зверя и освободить его.

Финиш! Лёшка нашел то, что искал. Однако теперь ничего не заканчивалось, всё только начиналось. Он нашел вход в лабиринт, расчищенный от цифрового хлама Заремой.

Рев Минотавра, живущего там, вырвался из черного жерла тоннеля, заливая потоком данных «поплавок» в Лёшкиной голове. Перед глазами поплыло, экран «раллера» уехал куда-то вбок, и что-то довольно твердое воткнулось в висок.

Очнулся Лёшка от того, что защипало в носу. И еще какой-то странный едкий запах.

– Нам нужно продолжать, – сказала Зарема.

Лёшка лежал на полу, а девчонка нависала над ним. На большом и указательном пальцах её правой руки виднелись следы чего-то светло-голубого, какого-то порошка.

Можно я не буду продолжать?

Но вслух он ничего не сказал. Лишь кивнул и, опираясь на руку девушки, поднялся, вернувшись к «раллеру». Ему было очень страшно. Но теперь и он желал увидеть того Минотавра.

– Еще «синдина». – Лёшка вытянул руку.

Зарема покачала головой.

– Не сейчас, – сказала она. – Еще не настало время.

То есть она всё же собирается вкатить ему четвертую дозу. Насколько понимал Лёшка, после такого не выживают.

Но ты же сам попросил.

Вход. Чёрт возьми, как здесь темно! Стены, повороты, ловушки и сложнейшие системы защиты. В лабиринте всего было с избытком. Но каким-то чудом Лёшке удавалось пройти сквозь эти преграды.

А после пятнадцатого или шестнадцатого поворота он понял, что идет по чьему-то следу.

32

Маленькая пластиковая ложечка не стучала, а противно скребла о край тоже пластикового стаканчика. Унять дрожь в руках Циммерману всё равно не удалось бы, так что лучше бы ложка стучала – это бы не так сильно раздражало, как мерзопакостный скрип.

Голова шла кругом, очень хотелось забиться в какой-нибудь угол, зажмуриться и заснуть, но Мельхиор не мог сейчас позволить себе отдыхать. Нужно спасать ситуацию. Хотя… спасать, собственно, уже нечего.

Ты же знаешь, что боишься закрыть глаза совсем по иной причине.

Да, да, черт возьми, он знал! Он боялся. Он уже попробовал, уткнулся лицом в сгиб локтя и начал задремывать. Или, скорее, он начал падать в пропасть. В какой-то непонятный вертикальный лабиринт, из которого невозможно выбраться. Потому что дороги не найти, да и карабкаться обратно вверх, не зная, где и как свернуть, тоже не удалось бы.

Когда он заглянул туда, когда прикоснулся сознанием к тому, что таилось в злосчастной сети тринадцатого полигона… Да не был он уверен, черт возьми, что через дыру, проломленную в защите цифровой начинки спутников, они попали именно на тринадцатый полигон. Он словно в какой-то иной мир заглянул.

А ведь хорошо получилось, что ты решил не делать последний шаг, да?

Циммерман пустил туда тритонов. Не пустил даже, а направил безумную, рвущуюся крушить всё и вся стаю в вертикальные коридоры цифрового лабиринта. Тритоны ворвались внутрь, подобно урагану, и увязли среди непоколебимых стен.

Мельхиор вынул из остывшего кофе ложечку и тщательно облизал ее. Кофе оказался слишком сладким, и Циммерман понял, что насыпал в стаканчик, по меньшей мере, три порции сахара. Приторно, но для мозгов полезно. Машинист одним глотком залил в организм остывший напиток и замер, обдумывая пришедшую только что в его голову мысль.

Дело в том, что однажды он уже видел нечто, похожее на лабиринт. Почти два года назад. На сервере биржи Eurex, куда вломился какой-то таинственный ломщик, одним движением сокрушивший все барьеры европейских машинистов. Тогда говорили о странном «резонансе», оставленном «поплавками», которыми пользовался тот ломщик. Чуть ли не о технологическом

чуде, о новом принципе работы чипов. Но мифический процессор так и не нашли, да и «резонанс» подобной структуры в сети больше не появлялся. Поэтому все странности были списаны на программный сбой.

Процессоры процессорами, а фрагменты червя, запущенного тем ломщиком на серверы Eurex, Мельхиор видел собственными глазами. Не погружался в Сеть, разогнав мозги троицей, как сегодня, а просто просмотрел остатки кода. Но и в тот раз, так же, как сейчас, необычная структура кода напомнила ему запутанный лабиринт.

Когда первая группа тритонов провалилась в цифровую западню, застряв там, медики сообщили, что их мозги «зависли». Как это было у «минусов», только намного серьезней – никаких осознанных действий, одни рефлексы. Циммерман, нутром чувствуя, что дело пошло не так, что есть здесь нечто странное, чего он не понимает, отдал приказ подключить вторую двадцатку, которая «разогревалась» в соседней комнате. Президент Моратти хочет получить доступ в сеть тринадцатого полигона «Науком» любой ценой – так что два десятка тритонов цена совсем невысокая.

То, что вторая бригада «особых сил» завязла, заблудилась в черных недрах цифрового лабиринта, стало ясно сразу же. Поэтому недолго думая Мельхиор распорядился добавить еще десяток тритонов.

В лабиринте они продержались всего несколько секунд. Точнее, лабиринт позволил им продержаться – у Мельхиора сложилось впечатление, что этот червь (или чем там оно еще являлось?) мог уничтожить их всех мгновенно, просто какое-то время изучал то, что вторглось в его владения.

Циммерман отдал приказ о прекращении операции, когда из машинного зала поступил вызов, и звонивший машинист, сбиваясь, стал докладывать о нештатной ситуации. В карьере Мельхиора Циммермана ситуации случались разные, но никогда еще в машинном зале штаб-квартиры СБА Анклава Цюрих не раздавалось подобного вопля ужаса и отчаяния, который он услышал на фоне запинающегося голоса машиниста.

Два машиниста, работавшие с тритонами, до сих пор бились в судорогах, ни на секунду не приходя в сознание. Медики колдовали над ними, но результата не было. Доктора даже не могли понять, что с ними происходит.

Из машин, задействованных в операции, уцелела только одна, платы остальных выгорели от перегрузки, завоняв жженым пластиком весь машинный зал. Даже активировалась система пожаротушения, но ее, к счастью, быстро отключили, так что

часть машин всё же удалось уберечь от замыкания, а сеть Цюриха – от полного падения.

«Раллер», оставшийся исправным, сейчас стоял на столе Циммермана. Выключенный – машина зависла и самостоятельно отключилась, когда это всё произошло.

Если бы еще понять, что именно произошло.

Все еще дрожащий палец неуверенно надавил на кнопку включения. Экран «раллера» на мгновение вспыхнул, система загрузилась, а потом изображение подернулось мутно-серой пеленой и сделалось недвижимым. Машина снова зависла.

Нужно узнать, что там, внутри. Этот «раллер» – единственный уцелевший свидетель.

Циммерман подключил пострадавшую машину кабелем к своему терминалу, предварительно запретив тому доступ в Сеть. Неизвестно еще, что может выползти из недр пострадавшего «раллера».

Мельхиор прикоснулся к клавишам, почувствовав подушечками пальцев теплый пластик, но сделать ничего не успел. На экране замелькали окна, стремительно сменяя друг друга, строчки кода с неимоверной скоростью уползали вверх, не позволяя прочесть ни знака. Циммерман несколько раз безрезультатно ткнул в клавишу отмены и тут заметил, что индикатор сетевого подключения сменил цвет с красного на зеленый. Чем бы ни была та тварь, что поселилась в зараженном «раллере», она настойчиво пыталась получить доступ в сеть Анклава Цюрих.

– Черт бы тебя подрал, – пробормотал Циммерман, не зная, за что хвататься.

В ужасе Мельхиор схватил стул, на котором сидел, и изо всех сил стал молотить им по процессорному блоку свой машины. Он опускал тяжелое металлическое основание стула на искореженный компьютер до тех пор, пока экран не погас и не перестали светиться последние светодиодные индикаторы. Корпус машины лопнул, через отверстие хорошо просматривались смещенные ударами платы.

У Циммермана в голове помутилось. Он, раздирая в кровь руки, расширил пробитую стулом дыру и выдергивал платы одну за другой. Он жаждал добраться до твари, что пришла сюда со спутников «Науком».

Через спутники.

Мельхиор не заметил, когда открылась дверь его кабинета. Чья-то сильная рука резко дернула его назад, Циммерман не удержался и упал на пол. Он лежал так несколько секунд, зажмурившись и тяжело дыша, а потом открыл глаза и увидел

Моратти, склонившегося над ним. Выражение лица президента не предвещало ничего хорошего.

– А что это вы тут делаете, Мельхиор? – голос мерзавца Биггльса донесся справа, со стороны двери.

Мельхиор повернул голову и увидел, как Тео, сделав несколько движений большим пальцем по экрану, спрятал свой коммуникатор в карман. Его уродливое лицо при этом просто лучилось счастьем.

Когда Ник Моратти вошел в кабинет Теодора Биггльса, тот, словно загипнотизированный, пялился в экран своего коммуникатора, а тоненький проводок психопривода при этом тянулся к его затылку. На экране выплясывало дьявольский танец черное расплывчатое пятно.

Моратти просил проверить контакты своего заместителя по особым поручениям, но машинисты ничего подозрительного не нашли. За исключением того, что время от времени Биггльс пользовался незарегистрированным гаджетом. Впрочем, это не особенно настораживало – почти у каждого сотрудника СБА имелся такой же аппарат.

Тео встрепенулся, заметив вошедшего начальника, его глаза мгновенно приобрели осмысленное выражение, а руки ловко выдернули психопривод и спрятали коммуникатор в карман пиджака.

– Чем занимаешься? – спросил Моратти.

Тео вскочил, радушно улыбаясь. Не ожидал он, стервец, что президент заявится к нему лично. А Ник, в очередной раз пролистав данные, которые службе внутренней безопасности удалось собрать по Биггльсу, решил, что будет неплохо самостоятельно проверить, чем занимается его заместитель.

– Пытаюсь понять, почему не удалась затея со спутниками, – ответил Тео.

– Дай-ка. – Моратти протянул к Биггльсу руку, имея в виду его коммуникатор.

Тео усмехнулся и вытащил гаджет, протягивая его шефу.

– Номера не подписаны. Последние в списке – незарегистрированные коммуникаторы тех ребят, что занимались ракетами на «Искандере».

Моратти опустился на стул, хотя Биггльс и не предлагал присесть. Кресел, к сожалению, в его небольшом кабинете не было. Ник никогда не бывал здесь раньше, он и не знал, насколько аскетично выглядит убежище Тео. Впрочем, Биггльс слишком часто пользовался комфортом кабинета самого Моратти.

В списке звонков коммуникатора Теодора действительно не

было ни одного, датированного сегодняшнем днем.

– Хочу поговорить с тобой начистоту, – глядя прямо в глаза Биггльса, сказал Ник.

Тео опустился на стул, на котором сидел до появления здесь президента СБА, и весь обратился во внимание. Моратти сильно захотелось съездить ему по физиономии.

– Мне кажется, что у нас в Службе завелся крот, – не сводя с Тео глаз, произнес Моратти.

Тео улыбнулся.

– И у меня возникли похожие мысли, – сообщил он.

– Не знаешь, кто он? И на кого работает?

Биггльс, продолжая улыбаться, начал медленно подниматься со стула. Он всё так же смотрел в глаза Нику, словно играя с ним в гляделки, но его правая рука неспешно и плавно тянулась к столу.

– Сидеть! – рявкнул Ник, ударив кулаком о стол. Канцелярская мелочёвка, лежавшая на светлой столешнице, подпрыгнула, что-то, тихонько брякнув, скатилось на пол.

За дверью послышалась возня. Разумеется, Ник подстраховался – в коридоре прохаживались четверо бойцов, готовые ворваться в кабинет Тео по первому требованию. Или если почувствуют неладное. Но с этим сморчком Моратти вполне и сам разберется, президент СБА не всегда был президентом, пороху понюхать ему тоже довелось. Ник с помощью «балалайки» отправил охране сообщение, что всё нормально.

– Я только хотел показать вам, господин президент, – начал Тео, плюхнувшись обратно на стул, – очень интересные сведения, которые мне удалось раздобыть.

Тео притих, правда, улыбочка с его лица не сошла. Не иначе, ему и на самом деле было, что показать.

– Обо всех тонкостях операции знал только ты, Тео.

– Отнюдь, – возразил Биггльс. – Я же говорю: у меня есть очень интересная информация. Наши европейские… м-м-м… партнеры отчего-то решили утаить от нас этот факт. Но ведь уши есть и у стен, не так ли?

Темнит, как всегда. Хотя в том, что у Тео на самом деле уши и глаза есть почти везде, Ник особенно не сомневался. Потому что имел возможность неоднократно в этом убедиться.

– Что ты нашел, Тео?

– Я повернусь к экрану, не возражаете?

Моратти кивнул.

Биггльс быстрыми движениями пальцев явил на экран своего компьютера несколько отчетов и видеофайл, который тут же запустил. Ник понять ничего не мог – стрельба, изображение

дергается, в кадре время от времени появляется какой-то мужчина с искаженным от страха лицом. Мужчина – внешность европейская – стремительно бежал, он убегал, как бегут последний раз в жизни.

– Что это?

– Это видео с полигона ESA, где собирали ракету. Ту, что вывела на орбиту наши машинки. Фильм смонтирован с данных «балалаек» охранников и камер наблюдения. У них был несанкционированный доступ в ангар, где стоял спутник «Раумфарта». Остальные аппараты тоже там были, но нам до них нет дела.

Несанкционированный доступ? Это, вероятно, меняет дело.

– Откуда ты узнал?

– Я с самого начала не стал полагаться на честность нашего дорогого друга Халида аль Хатеми. Решил подстраховаться. К сожалению, мой человек в ESA узнал подробности ЧП только сегодня. Но они оказались очень интересными.

Видео закончилось – убегавший мужчина прыгнул с забора (Моратти про себя отметил решительность, с которой этот человек пытался спасти себя) и упал в траву с растерзанной пулями «ревуна» грудью. Охрана европейского полигона показала себя не с самой лучшей стороны: допрашивать некого.

Бигглс поменял местами окна на экране, увеличил изображение и пролистал несколько документов.

– Здесь о злоумышленнике – ничего особенного, совершенно заурядная личность; о проверке оборудования и систем – не выявлено никаких нарушений; о том, как этот бегун вообще попал на полигон.

– Это имеет отношение к нашей проблеме?

Вот и ты уже говоришь «наша проблема».

Разумеется, Ник понимал, к чему клонит Тео. Кто-то ковырялся в спутниках, ни в одном отчете не сказано, в каком именно – олухи из ESA даже этого узнать не смогли, – но ведь вполне возможно, в раумфартовском. В его, Ника Моратти, спутнике. Только что это дает?

– В ESA отказались удовлетворить мой запрос, я послал запрос повторно, от вашего имени, и они не стали упираться дальше.

Ник плотно сжал зубы, даже эмаль заскрипела, но ничего не сказал: он сам разрешил Тео в экстренных случаях пользоваться подобным приемом. Но с одним условием: обязательно докладывать обо всех инцидентах.

А что он сейчас делает?

– Там, конечно же, стоят наноскопы. Их секьюрити ничего

подозрительного не нашли. Вот. – Тео ткнул пальцем в скан наноскопа, картинка увеличилась, и на экране замерло изображение какого-то небольшого цилиндра, пару сантиметров или даже чуть меньше длиной, плотно нашпигованного электроникой. – Они не знают, что это. Я, честно признаться, тоже. Но вы, господин президент, не находите, что штуковина очень напоминает вот это?

На экране появилась вторая картинка. Моратти знал, что это, видел раньше – один из микроспутников, с помощью которых машинисты Циммермана взламывали сеть северной орбитальной группировки «Науком».

– Да, очень похоже.

– Я думаю, нас кинули. Подкинули, так сказать, свинью в виде этого вот троянского коня. Все наши действия кто-то ловко использовал в своих целях.

– Ты обещал мне сказать, кто у нас крот, – напомнил Моратти.

– Утверждать не возьмусь. – Бигглс выбрал на экране одно из изображений, увеличил его, внимательно рассматривая: на картинке был немного смазанный отпечаток пальца, скорее всего, указательного. – Но есть у меня одно подозрение.

– Кто?

Моратти поймал себя на мысли, что уже перестал думать о Тео как о предателе.

Ловко он всё устроил, да? Как обычно.

– У мужика, что пронес на территорию полигона этот гаджет, была карта доступа. Кстати, в ESA до сих пор отказываются признать тот факт, что гаджет он именно принес. Так вот, его никто не остановил, потому что он вошел, как положено, через парадный вход. И система его опознала. Но вот на выходе что-то… или кто-то дал сбой – сеть полигона отказалась признать в нём своего.

– Кто?

– Нарушителя звали. – Бигглс пальцем сдвинул на экране один из документов и посмотрел имя. – Ахмет Мураддин, но это ведь не имеет никакого значения. А вот наш крот… А давайте, шеф, вместе проверим. Чтобы не ошибиться, – предложил Бигглс и поднялся со стула, жестом предлагая Моратти выйти из кабинета.

Бойцы из охраны, усиленно делавшие вид, что просто прохаживаются по коридору, без лишних слов последовали за Моратти и Биггльсом. Идти пришлось недалеко: метров семьдесят по коридору и двенадцать этажей вниз на лифте. Ник понял, куда ведет его Тео, когда увидел номер этажа на вспыхнувшей

красным кнопке.

Когда Тео открыл дверь начальника отдела машинистов, Нику Моратти предстала странная, даже, можно сказать, сюрреалистичная картина: Мельхиор Циммерман, остервенело рыча, крушил стулом пластиковый короб своего компьютера. Потом он засунул руки в проделанную дыру, довольно сильно поцарапавшись об острый пластиковый край и забрызгав платы кровью, и стал выдергивать электронные потроха машины наружу. Биггле поймал его за локоть на очередном движении и дернул назад, отчего машинист свалился на пол.

– А что это вы тут делаете, Мельхиор? – спросил Тео, внимательно разглядывая что-то на экране своего коммуникатора. Видимо, удовлетворившись увиденным результатом, он спрятал гаджет в карман.

– Вы?! – прошипел Циммерман с видом, словно ему явился сам дьявол.

– Господин президент решил нанести вам сегодня визит по очень важному делу, – сказал Тео.

Он схватил окровавленную руку машиниста и снова вынул коммуникатор. Потом приложил пальцы Циммермана к экрану, подождал, пока гаджет коротко пискнул, и повернул его изображением к Моратти.

– Я зря сомневался, – с улыбкой на лице сообщил Тео, – это его отпечаток. Скажите, Мельхиор, а почему вы решили заняться этим делом лично? Никому не доверили?

– Взять его, – скомандовал охране Моратти и показал на разгромленный компьютер Циммермана. – И эти руины опечатайте, возможно, там что-нибудь осталось.

Тот отпечаток на белом кусочке пластика, с помощью которого Ахмет Мураддин проник на полигон Европейского Аэрокосмического агентства – единственный, принадлежавший не самому Мураддину – точно совпадал с рисунком линий на пальцах Мельхиора Циммермана. И машину свою он крушил, наверное, не зря – вполне возможно, на её носителях удастся обнаружить следы взлома сети полигона: ведь кто-то должен был забить данные в их систему.

Ник посмотрел на Биггле. Тот улыбался своей обычной гаденькой улыбочкой.

Его данные тоже нужно тщательно проверить. И послать повторный запрос в ESA не повредит.

Ты же совершенно не сомневаешься, что всё подтвердится.

– Вы, шеф, верно заметили, что он тритонов пустил в сеть Станции. Ну, или куда они там вломились? – как бы невзначай бросил фразу Биггле. – Позвольте, я с нашими «особыми силами»

поработаю? Возможно, мне что-нибудь удастся выяснить.

Оставалось понять только одну вещь: на кого Циммерман работал и зачем ему потребовалось всё это делать. Мотива Ник решительно не видел, хотя в своей карьере он вел немало дел, которые поначалу казались лишенными смысла.

Но смысл будут искать дознаватели. И Тео. А Моратти предстоял тяжелый день – нужно как-то объяснить владельцам корпораций, куда делись их деньги. И когда планируется делить пирог под названием Станция.

Ничего, в этот раз не получилось – не страшно. День, когда президент СБА Николас Моратти будет своими руками делить этот пирог, еще придет.

33

Странно, что вокруг никого нет. Ни души. Словно он лежал по меньшей мере в песках Сахары, а не на растрескавшемся асфальте где-то в Эль-Франце – об этом красноречиво говорили дорожные указатели на арабском и французском. Но факт оставался фактом: ни в одном из доступных взору направлений не отмечалось следов человеческой деятельности.

Микмак осторожно пошевелил пальцами рук, потом ту же операцию проделал с ногами. Вроде бы всё работало, и даже не было больно. Лишь немного болела голова в том месте, которым он приложился об упругую стену фургона.

Что произошло во время странного поспешного переезда, Микмак не знал. Его везли с завязанными глазами.

Весь предыдущий день он честно пытался найти то, о чём не имел ни малейшего представления – какой-то таинственный код запуска обросшего водорослями и ракушками оборудования, поднятого со дна Марсельского залива. Микмак пересмотрел десятки тысяч строчек машинного кода, которые до сих пор мелькали перед глазами, лишь стоило смежить веки. Кодом в этой прорве совершенно бесполезной информации могло оказаться что угодно. Могло его там и не быть.

Он не знал. Но ему никто не верил. И все постоянно намекали на его мифическую связь с этими желтыми бабочками – махаонами. Слег в странном мистическом порыве даже водрузил банку с засушенным желтокрылым образцом на стол перед Микмаком. Наверное, чтобы лучше думалось.

Кода Микмак, понятное дело, не нашел. Трудно найти то, о чем ничего не знаешь.

А сегодняшним утром его в спешном порядке погрузили в фургон, не забыв предварительно натянуть на голову темный мешок и скрутить руки пластиковым жгутом. Спасибо, не стали выкручивать руки за спину, связали впереди. А то валяться бы ему сейчас в этой самой дорожной пыли с вывихнутыми плечами.

Ехали не очень долго, часа два. Иногда трясло – нормальное явление для нынешних дорог, направление по этому признаку не определишь: возле относительно крупных городов дорожное полотно кое-где, конечно, отремонтировали, а вот на редко используемых перегонах (а таких нынче немало) о состоянии покрытия никто не заботился.

А потом что-то ударило фургон снизу. Или налетел мобиль на что-то – откуда Микмаку знать? С завязанными-то глазами. Фургон вздрогнул и стал заваливаться набок. Микмак размахивал

связанными руками, рефлекторно пытаясь за что-нибудь ухватиться, но ухватиться не удавалось. Лишь время от времени его руки натыкались то на барахтающихся рядом охранников, то на жесткие лавки и стенки фургона.

Очень неприятное ощущение, когда всё вокруг падает и крутится, а ты не можешь понять – куда. Человек привык во всем полагаться на зрение, поэтому с лицом, закрытым мешком, Микмак с трудом понимал даже где верх, а где низ, хотя этим, по идее, занимался орган равновесия, а вовсе не глаза.

А теперь он лежал на согретом солнцем асфальте и смотрел на результат аварии. Мешка на голове больше не было, он пыльной тряпочкой болтался на шее, всё еще перехваченный веревкой. Микмак нащупал узел и с отвращением сорвал с себя грязную тряпку.

Точно, руки теперь тоже свободны. Пластиковый жгут валялся недалеко, вероятно, его перебило обрывком покореженного кузова фургона.

Может, стоит поверить тому, что видишь – пластик явно перерезан ножом.

Чуть поодаль, с другой стороны от остатков фургона, лежали два обезображенных трупа. Скорее всего, это те самые охранники, перевозившие Микмака в микроавтобусе.

Микмак поднялся – ссадины и ушибы по всему телу ныли, но в остальном он отделался легким испугом – и обошел место аварии. В сплющенной кабине он обнаружил еще один труп.

Мертвы все, кроме него. Повезло? Как-то верилось в это с трудом.

Теперь Микмак свободен, может идти на все четыре стороны. Но стоит ли? И куда идти?

Они же и хотят посмотреть, куда ты пойдешь. Думают, что ты откроешь им все тайны той установки.

Какие к чертям тайны?! Он и понятия не имеет ни о тайнах, ни об установках. Какого рожна им всем от него надо?

Интересно, куда его везли. Да и зачем понадобилось перевозить пленника из явно неплохо укрепленного имения Слега.

Слишком много вопросов, значения большей части которых он не понимал.

Как и в тот раз, четыре года назад, в Праге. Или допрос был уже не в Праге…

… Перед ним сидел невзрачный тщедушный человечек со взлохмаченными, давно немытыми волосами и красными слезящимися глазами. Доходяга был одет в расхристанную военную форму, которая сидела на нем как на корове седло. Он

вертел в руках электронный карандаш, периодически постукивая сенсором по столу, стоявшему прямо перед ним. По выражению глаз легко угадывалось его сиюминутное желание – очень хотелось разломать стилус. Но не то боязнь ответственности за испорченное армейское имущество, не то природное воспитание не позволяли ему этого сделать.

– Что вы принимали? – спросил он.

– В каком смысле? – не понял его Микмак.

Во рту пересохло, язык ворочался с трудом, словно прилипая к нёбу. Странное ощущение. И Микмаку казалось, что он уже где-то видел этого хмыря, потеющего перед ним с недовольной миной.

– В самом прямом, – резко бросил мужчина. Он не кричал, но недовольство так и пёрло из каждого сказанного им слова. – Какие стимуляторы или иные… хм, медицинские препараты вы принимали накануне спецоперации в Праге?

Микмак рефлекторно закатил глаза, стараясь вспомнить, пользовался ли он какой-нибудь химией перед зачисткой центра. Резкий стук кулака по столу заставил его вздрогнуть.

– В глаза мне смотреть! – прошипел тщедушный и заерзал внутри плохо сидящей на нём формы.

– Н-нет, – промямлил Микмак, – ничего не принимал.

Ему стало не по себе. И жажда усиливалась с каждой секундой. Тоже нехороший признак, и Микмак начал кое-что понимать.

– «Открывалка», – прошептал он одними губами, подтверждая самому себе появившуюся в голове догадку. – Дайте воды!

Ведущий допрос недомерок никак не отреагировал на довольно резкий выпад Микмака. Даже в лице не изменился, словно и не слышал ничего.

Это был «мозголом». Специалист по добыванию информации с применением «сыворотки правды». Её еще называли «открывалкой» или «химией». Последнее название, вероятно, было самым правильным: «мозголомы» использовали целый набор не самых полезных для здоровья веществ для добывания правды.

– О чем вы говорили со стариком раввином? – не сводя немигающих глаз с подыхающего от жажды Микмака, спросил «мозголом».

Микмак тупо таращится на «дыродел», который обнаружил у себя за поясом, а раввин, взобравшийся на кучу битого камня и осыпавшейся штукатурки, что-то быстро-быстро бормочет. Он смотрит на Микмака пристально, сверлит его взглядом. Слова раввина непонятны, Микмак никогда прежде не слышал этого

языка, но слова, повинуясь жесткому холодному взгляду еврея, врезаются в мозг, словно вращающееся с бешеной скоростью сверло.

– Я с ним не говорил. Он что-то бормотал… – да нет, он кричал, орал на него, словно одержимый. – Я не знаю его языка. Даже что за язык не знаю. Еврейский?

«Мозголом» вздохнул и что-то чиркнул электронным стилом в своем планшете.

– Охотно вам верю, – пробормотал он и протянул Микмаку стакан с водой.

– Почему бы просто не спросить? – поинтересовался Микмак, когда стакан опустел. Такого удовольствия от обыкновенной воды он не испытывал никогда в жизни.

– Я именно этим здесь с вами и занимаюсь.

На лицо тщедушного «мозголома» вернулось брезгливое выражение.

Микмак осмотрелся и только теперь заметил, что в помещении полно разнообразного оборудования малопонятного назначения. И проводки, недвусмысленно лежащие прямо перед Микмаком, тоже имелись: его «балалайку» подключали к этому барахлу и мозги промыли основательно. И то, что бормотал раввин в Староновой синагоге, он рассказал здесь дословно, старательно повторяя каждое слово старого еврея. Но «мозголом» продолжал что-то выяснять.

Вывод напрашивался сам собой: «мозголому» не удалось узнать то, что он хотел.

– Как получилось, что вы вошли в соприкосновение со специальной группой «Махаон»? – мерно постукивая стилом, спросил «мозголом».

Стук раздражал Микмака и очень мешал думать. Поэтому подумать над ответом не получилось, да и думать тут было не над чем.

– Мы спасали заложников.

– Каких заложников?

Микмак внимательно посмотрел в глаза «мозголому». Тому явно очень хотелось выкрикнуть свой вопрос в лицо Микмака, брызжа слюной, и схватить его за грудки, но «мозголом» продолжал говорить нехотя, словно ему было глубоко наплевать на то, что ответят.

– Туристов. Там были туристы, в синагоге. А тут стрельба… Я и решил…

Микмак на самом деле был удивлен непониманием «мозголома». Внутренние войска Баварского султаната обязаны защищать собственных граждан. И даже если туристы были

иностранцами, международный скандал совершенно не обрадовал бы султана.

Белая, как мел, рука резкими движениями сбрасывает осыпавшуюся со стен крошку. Из-под груды мелких осколков показалась голова. Такая же белая. И волосы, тоже белые. Она похожа на статую. Или она и есть статуя – держат ли евреи в синагогах статуи? Но она отчего-то шевелится. И что-то говорит раввину, который продолжает бормотать.

Покосившаяся рама окна с грохотом падает вниз, на её месте появляется облаченный в баварскую форму спецназовец и орет, чтоб все мордой в пол. Раввин внезапно замолкает, резко поворачивается к спецназовцу, а затем, вернув взор выпученных, словно рыбьих, глаз обратно, к Микмаку, пронзительно орёт. Так, что начинает свистеть в ушах. Спецназовец рефлекторно подается назад и делает несколько выстрелов в потолок.

Женщину, похожую на статую, Микмак больше не видит. Он больше ничего не видит, его взор застилает чернота, а в затылке начинает ломить. Потому что туда только что опустился приклад автомата второго бойца, ворвавшегося в здание.

– Если вдруг что-то вспомните… – «мозголом» на секунду запнулся, – о туристах… сообщите мне. Мой номер зашит в вашу «балалайку».

С этими словами вдруг возникший справа амбал в белом халате выстрелил Микмаку в шею из автоматического инъектора, и образ помятого доходяги, пытавшего его странными и непонятными вопросами, исчез из восприятия.

…Точно так же Микмак ничего не понимал и сейчас.

Следов насильственной смерти у всех троих, ехавших с ним в фургоне, он не видел. Хотя и сказать с уверенностью о груде измочаленного мяса, в которое превратилось его сопровождение, ничего нельзя. Сам фургон тоже не выглядел подозрительно: мобиль просто свалился в довольно глубокую трещину, оставшуюся в асфальте еще со времен Катастрофы. Да и к чему такие сложности, зачем убивать своих.

А если напрячь память и припомнить удивление в глазах Хармса за секунду до смерти?

Бендер ведь наверняка играл с ними в одни ворота, он тоже всеми путями пытался выведать у Микмака о коде. И он не собирался умирать. Но всё должно было выглядеть естественно, а Хармс был для них не важен. И…

Да-да. Именно так – чем меньше людей в деле, тем больше куш.

Но ведь фургон просто свалился в расщелину.

В свежей траве, режущей глаз яркостью зелени, тихонько

стрекотали какие-то насекомые. Шумел ветер. Но в это умиротворение вклинивался еще какой-то звук. Что-то тихое, на самой границе восприятия, и раздражающее. И явно – технологического происхождения.

Зудел коммуникатор, валявшийся рядом с трупом одного из охранников в искореженном кузове фургона.

Микмак стоял и смотрел на коммуникатор. Экран гаджета сильно поцарапан, металлический корпус немного помялся. Номер, высветившийся на экране, Микмак знал. И знал, что звонок этот адресован именно ему.

Звонил Старик Ромеро.

Можно просто повернуться и уйти. Но что толку?

– Да, Ромулус, – нарочито тщательно выговаривая каждую букву имени Старика, Микмак ответил на вызов.

– Долго ты думаешь, капрал Маклин, – проскрипел из динамика голос Ромеро. Не преминул напомнить, что тоже кое-что знает о Микмаке.

– Голова после удара плохо соображает.

– Не ври, тебя несильно ударили. И спал ты не от удара.

– А эти?

Микмак кивнул на два обезображенных трупа, распростертых перед ним, но вспомнил, что видеосвязь включать не стал. Но Ромеро прекрасно понял, о ком идет речь:

– Не твое дело. Ты думай о коде. Я верю, что ты не знаешь его.

Ну, хвала небесам, хоть до кого-то дошло!

– Но ты ведь знаешь, как его получить.

Нет, похоже от этих параноиков не скрыться. Эти и на том свете достанут.

Микмак не стал ничего отвечать, ему надоело повторять одно и то же.

– Я тебя вытащил из лап этого недоумка. – Это он о Слеге, что ли? – Но, как понимаешь, за всё приходится платить.

Микмак продолжал хранить молчание.

– Молчишь… – констатировал очевидное Ромеро. – Ничего, молчи. Тебе сейчас слушать надо. Я тебя не обижу, поверь. Возьму в долю. Главное от Слега избавиться, толстячок совершенно с катушек слетел, прочно подсел на свою благодать. Где он её добыл, интересно? Но всему свое время.

– А этот ваш… третий? – нарушил молчание Микмак.

Ромеро усмехнулся.

– Соображаешь. Чистер нам пригодится. До поры, до времени. Но он – тёмная лошадка. Однако управу я на него найду. Только ты не о том думаешь, Микмак, тебе о коде думать надо. И идти,

куда собирался.

Чёрт бы вас всех побрал! Да никуда я не собирался!

– Хорошо, Старик. Я иду в полицию.

– Куда?!

Странно, что он не понял. Или это Микмак ошибся насчет Ромеро?

– Во всем важна достоверность. Мне удалось вырваться из лап каких-то бандитов, меня могут преследовать. Тем более, здесь три трупа. Я законопослушный гражданин, Старик.

– Да, логика в этом есть, – согласился Ромеро. – Тогда давай, топай живее. Я похлопочу, чтобы тебя там долго не задерживали.

Микмак дал отбой. Старик перезванивать не стал, и так всё обсудили.

Микмак поймал себя на том, что быстрыми движениями ощупывает собственное тело. Тело, надо сказать, изрядно болело. Но не в этом дело – он пытался отыскать маяк, который Старик наверняка имплантировал ему под кожу.

Глупая затея. Только полный идиот будет ставить подкожный имплант.

Теперь надо придумать, куда идти. Всё равно Ромеро с него живого не слезет. Как же – в долю он возьмет. Хотя… мог Старик и взять. Только вот помочь Микмак в этом деле ничем не мог.

Микмак машинально возил пальцем по экрану коммуникатора. Картинки на экране сменяли одна другую – он нечаянно запустил программу просмотра изображений, хранящихся в памяти гаджета. Глаз уловил что-то знакомое.

Не может быть!

Неужели ты поверишь, что оно попало в память именно этого коммуникатора случайно?

Микмак смотрел на те самые фотографии, которые демонстрировал ему «солидный» еще в Марселе-нуво. Старик, похоже, понял, что Микмак заметил на них что-то, но так и не понял – что. Микмак и сам до конца не понимал, почему его внимание привлекло то размытое пятно, маячившее за спинами жизнерадостных мужиков с установкой. Человек, лица которого не разглядеть.

Но ведь ты уверен, что именно здесь и кроется ключ.

– Здравствуйте! – сказал Микмак, когда из динамика коммуникатора донесся голос, сообщивший, что он дозвонился в полицию Эль-Франции. – На меня совершено нападение неизвестной группой лиц. Сейчас я нахожусь…

Нет, где он находился, Микмак не знал. Это ничего, полиция сама определится. Старик постарается, он же обещал.

34

Скафандр здорово мешал, но стянуть его самостоятельно не получилось. Если бы помог Стасик… При воспоминаниях о космонавте на душе становилось еще тоскливей. Тело Кляйна медленно уплывало куда-то в сторону, его уже не было видно в иллюминатор. Теперь Игнат остался абсолютно один.

А еще мешала невесомость. Несколько раз Игнат всё же хватал пакет, но туда уже ничего не попадало. Нечему было попадать.

Но тошнота – лишь полбеды. С чёртовым «раллером» сладить тоже оказалось не так-то просто: в ударах пальцев по клавиатуре импульс небольшой, но его хватало, чтобы сдвинуть компьютер. А когда Игнат догадался закрепить «раллер» специальными зажимами, после каждого удара по пластику клавиш всплывать стал он сам. В общем, работать в таких условиях жутко неудобно. И никаких тебе «балалаек» и беспроводных сетей.

Большой металлический цилиндр с параболой антенны вместо головы продолжал медленно вращаться. И уплывал куда-то вбок, постепенно становясь косо по отношению к кораблю, в котором сидел в заточении Игнат.

Кабель, ценой собственной жизни протянутый Станиславом Кляйном, был хорошо виден в иллюминатор. И столь же отлично было видно на фоне ослепительно яркого Тихого океана, как толстый черный жгут медленно закручивается вслед за движением кораблей. Если движение не остановить, надолго кабеля не хватит.

– Знать бы еще, как поправить ситуацию, – пробормотал под нос Игнат.

Он видел, как это делал Стасик, вот он – джойстик ручного управления маневровыми двигателями. Нужно всего-то надавить на вот эту кнопочку и повернуть джойстик… Но как повернуть джойстик, чтобы его корабль стал вращаться так же, как «Титериста», Игнат не знал. Его не обучали, времени на обучение не было. Никто же не предполагал, что со Стасиком может случиться такое.

Связь с ЦУПом по-прежнему отсутствовала. Игнат был почти уверен, что причина совсем не в проблемах с оборудованием. Проблема болталась в десятке метров за иллюминатором, приветственно помахивая ажурной антенной.

И он, Игнат, сейчас пытался эту проблему устранить. Или хотя бы как-то с ней договориться.

То, что ломиться сквозь защиту не получится, Игнат понял

почти сразу. Внутри программного обеспечения этой штуки просто-напросто не было защиты как таковой. Но проникнуть внутрь не представлялось возможным. Как такое могло быть? Как раз над этим и ломал голову машинист. Уже третий час ломал.

Игнат пытался атаковать цифрового зверя червями и вирусами, но электронное нутро «Титериста» проглатывало всё, ни разу не поперхнувшись. Что происходит в недрах космической жестянки, Игнат не брался даже предполагать. Как бы то ни было, машинист испытывал уверенность, что выиграть информационную войну «Титериста» могла лишь при нанесении массированного и внезапного удара. Алгоритм её работы, несомненно, представлял собой большую и весьма совершенную загадку, но, когда уже знаешь, с чем имеешь дело, каким инструментом следует распиливать сверхпрочный кристалл, можно открыть любой код.

Есть только одна проблема – чтобы распилить алмаз, нужна алмазная пила.

Фактор времени начал играть против космического жбана – спустя час бесплодных попыток взломать коды «Титериста» Игнат неожиданно получил первый результат.

Ты еще скажи, что понял, о чём этот результат говорит.

После очередного запроса, в который Игнат искусно (как он думал) зашил червя, «Титериста» ответила. В самом прямом смысле, словами.

Машинист несколько раз начинал набирать что-то на клавиатуре, но останавливался и стирал написанное.

«Что вы хотите?» – слова, появившиеся в диалоговом окне пару минут назад, исчезать не желали. Сколько бы раз Игнат ни пытался сморгнуть.

И что ответить компьютеру с внедренной способностью к диалогу?

Кстати, а на кой чёрт металлическому сундуку, коротающему свои дни в одиночестве на орбите, нужна способность поддерживать словесный диалог?

«Внедриться в систему», – набрал Игнат и отправил сообщение адресату. В конце концов, мама учила быть честным.

Ответ «Титериста» озадачил Игната еще больше: «Доступ в систему открыт».

– Ну, открыт, значит, сейчас проверим, что у тебя в потрохах, – сказал Игнат и попытался подключиться к серверу космической жестянки. Получилось с первого раза, нескончаемое полотно с машинным кодом быстро побежало в открытом окне.

И что делать со всем этим теперь? Игорь Александрович хотел, чтобы Игнат вскрыл программную начинку, получил

полный доступ в мозги этой штуки. Вот он, полный доступ.

Машинист попробовал изменить несколько строчек. Смысла в этих изменениях не было, чтобы делать что-то осмысленно, нужно изучить хотя бы часть кода, а без «балалайки» и троицы на это уйдет уйма времени.

Изменения были приняты, но тут же вызвали лавинообразную реакцию всей остальной программы – код менялся прямо на глазах с ужасающей скоростью.

«Что вам нужно?» – снова слова в диалоговом окне.

Эта программа не слишком-то многословна. Как правильно ответить? Игнат перебирал в голове варианты. Он впервые за свою карьеру видел подобное: программа спокойно открывала собственный код, даже позволяла его менять, и общалась, задавая простые вопросы. Может быть, вопросы и являются кодом доступа?

«А что нужно тебе?» – набрал в ответ Игнат.

Давай попробуем поиграть по твоим правилам.

«Весь мир».

Ни много ни мало. Во всяком случае, честно. То, чем занималась эта консервная банка последние несколько суток, вполне соответствовало её желанию: «Титериста» весьма эффективно захватывала мир. Пускай только цифровую его часть, но это не меняло сути.

«Зачем ты блокируешь мою связь с Землей?» – поинтересовался Игнат. Раз уж программе охота поговорить, пускай расскажет.

«Она не заблокирована».

Игнат лихорадочно кинулся крутить настройки радио, как заведенный, повторяя позывные земли. Но в ответ услышал лишь монотонный шорох.

«У вас неисправен передатчик, – сообщил космический жбан. – Поврежден во время использования в целях системы «Титериста».

Чёрт бы тебя побрал! Машинист ударил кулаком по консоли, инерция отнесла его в противоположный конец не особенно просторной кабины.

– Ты специально сломала передатчик! – проворчал Игнат, возвращаясь к закрепленному «раллеру».

«Нет», – возникло на экране.

Машинист почувствовал, как по спине пробежал холодок, а на лбу выступила испарина. Сразу же появилось иррациональное желание говорить тихо и не делать резких движений.

Она всё это время наблюдала за тобой. Об этом несложно

было догадаться – за действиями Стасика она наблюдала совершенно точно, иначе как же она его убила? Но Стасик-то был снаружи…

Игнат лихорадочно прокручивал открытый «Титеристой» код. Каким образом она узнала, что он сказал? Сеть отключена, её попросту нет на этом корабле, радио не работает. Где-то здесь, где-то среди бесчисленных строчек кода кроется ответ. Но как его найти?

Нужно понять, где у неё блок восприятия внешних сигналов. Вот программа ориентации, её несложно узнать по формулам. Возможно, где-то здесь…

Внезапно код на экране словно рябью подернулся и изменился. Не используемые данные и переменные, а сам рабочий код, он был динамичным.

Не строй из себя идиота: с какой бы стати система самостоятельно открывала доступ ломщикам? Она тебя просто надула и продолжает развлекаться.

Программа не человек, она развлекаться не может. Но вот делать отвлекающие маневры – очень даже. Чёрт, была бы сейчас «балалайка» с «поплавком»…

«Как ты меня слышишь?» – набрал Игнат. Пускай расскажет, раз такая честная.

«Очень просто».

Китайская комната. Самая настоящая – вы задаете вопрос, остальные участники игры передают данные по цепочке и подбирают наиболее вероятный ответ из имеющихся вариантов. Никакого смысла в беседе. Так же, как в любом повседневном трепе.

«На вашем компьютере есть микрофон», – появилось новое сообщение.

Игнат тронул пальцем крошечное отверстие, за которым внутри корпуса скрывался чувствительный сенсор. Да, действительно, микрофон там был. И, стало быть, у «Титеристы» имелся к нему неограниченный доступ. И ко всему «раллеру» в целом тоже. Поэтому-то она и открыла код: скопировать его у Игната всё равно не получится, процесс копирования под контролем программы. Все процессы внутри его «раллера» под её контролем.

Вот теперь Игнат окончательно понял, почему Игорь Александрович настаивал, чтобы в космическом корабле не было ничего, имеющего хотя бы малейшее отношение к сети. Никакой возможности дистанционного доступа, только джойстики, гашетки и кнопки, подключенные к системам корабля напрямую.

– Почему ты показала мне код?

«Вы просили».

Мастерская работа. Машинисты, писавшие код «Титериста», постарались на славу.

Так тебя действительно не смущает, что космический жбан умеет разговаривать?

Машинист углубился в изучение кода. Он решительно ничего не понимал. Такую беспомощность Игнат чувствовал впервые, обычно машинные коды были для него открытой книгой. Здесь всё было непонятно.

Пальцы бегали по клавишам, словно сами собой, просто по привычке. Разум Игната пытался найти решение. Но решения не было – он оказался заложником большой космической консервной банки. Вернее, банка тут совершенно ни при чем, в заложники его взяла компьютерная программа, способная разговаривать.

Возможно, удастся что-то изменить, если понять, зачем он ей сдался. Для чего «Титериста» обрубила ему все каналы связи с Землей? На этот вопрос ответить просто: в целях самозащиты; Игнат прилетел сюда, чтобы отключить «Титериста», а такой расклад в её планы, понятное дело, не входил.

Есть еще один вариант, самый простой и правдоподобный. Игорь Александрович говорил, что где-то должен быть наземный сервер, управляющий этой вот штукой в космосе.

Охват поверхности планеты каким-то особенным импульсом «Титеристы», способным нарушать работу сетевых устройств, отсюда довольно небольшой. Чтобы править миром – а ведь именно для этого и создавали «Титериста» – такой зоны покрытия недостаточно. Даже с натяжкой не хватит. Значит, должны быть и другие орбитальные станции. Но о них либо ничего не известно, либо их просто не успели запустить. По мнению Игоря Александровича, более вероятен именно второй вариант.

Так вот всё это хозяйство должно откуда-то и кем-то управляться. Возможно, именно сейчас кто-то сидит перед пультом управления в какой-нибудь секретной, зарытой глубоко под землю лаборатории и, отправляя вербальные запросы, посмеивается над сумасшедшим машинистом, разговаривающим с беспилотной космической станцией.

Игнат перестал смотреть на часы, он не знал сколько времени прошло. Сложно без «балалайки» и троицы погрузиться в Цифру, но машинисту это удалось. Мельтешение машинного кода перед глазами давно уже перестало мешать. Мозг приспосабливается ко всему; Игнат читал код, но видел перед собой не символы на экране, а строго выверенную систему, в которой… он всё так же ничего не понимал.

Нет, вариант с человеком перед наземным пультом отпадал. Не совсем, но всё же логики в таком развитии событий немного: для чего нужен был захват приполярной орбитальной группировки «Науком»? Толку никакого, а себя таинственные кукловоды раскрыли. Нет, нормальный человек сначала закончил бы формировать сеть, покрывающую если и не всю планету, то хотя бы основные центры человеческой цивилизации, коих после Катастрофы осталось не так уж много. А здесь, в приполярье… Да, этот вариант критики не выдерживал.

А если зайти с другого конца: «Титериста» захватила спутники «Науком», какие-то ломщики (скорее всего, люди Ника Моратти) атаковали спутники, но напоролись на «Титеристу». Была в этой истории какая-то закавыка, была, Игнат её нутром чувствовал, но никак не мог поймать.

Временной фактор! Вот, вот она, несуразность! «Титериста» прибрала к рукам спутники именно в тот момент, когда к ним полез Моратти. Почему она не атаковала их раньше? И почему вообще не отсекла атаку, ей же это было раз плюнуть – на тринадцатом полигоне Игнат видел, на что способна «Титериста»: серверную станцию пришлось взорвать. Ведь, по сути, ломщики Моратти ломали не спутники «Науком», они ломали защиту программной начинки космического жбана, который маячил за окном.

За иллюминатором, то есть.

Этой «Титеристе», чёрт возьми, что-то мешало. Внутри неё самой. То, что пытались сковырнуть ломщики Моратти. Или им удалось?

Повтори еще раз: программа хотела, чтобы её взломали. Ничего странного не находишь во фразе?

Игнат резко оторвал руки от клавиатуры «раллера», будто тот вдруг нагрелся, превратившись в кусок раскаленного металла. Неосторожное движение в невесомости вызвало цепную реакцию, и теперь машинист медленно приближался лицом к светящемуся экрану.

Размахивая руками, он поймал равновесие и быстро осмотрелся. Ощущение, что в корабле он не один, не исчезало. Игнат услышал какой-то непонятный стук и не сразу сообразил, что это его собственное сердце пульсом грохочет в ушах. Тишина, абсолютная гробовая тишина. Нет здесь никого, только он.

И программа под названием «Титериста».

Да, в каком-то смысле «Титериста» тоже была здесь. Только не в физическом пространстве, а внутри микросхем «раллера».

Игнат потряс головой. Нужно отдохнуть, а то так недолго и рехнуться. Программа хотела, чтобы её взломали… Так можно

чёрт-те до чего додуматься. Программа ничего хотеть не может, хочет машинист, когда пишет код, или пользователь, когда активирует те или иные её функции.

Он совершенно ничего не понимал, он запутался в коде, который столь услужливо предоставила ему «Титериста». Ему было страшно, очень хотелось вырваться наружу, прочь из тонкой и тесной скорлупки космического корабля. Он понимал, что снаружи совершенно недружелюбный космос. Пока понимал, но надолго ли его хватит?

– Я хочу вернуться домой, – тихо, даже не осознавая, что озвучивает это желание, прошептал Игнат.

«Я могу помочь», – появилась надпись на экране.

В этот момент Игнат заметил, что в тех окнах, где были открыты сегменты программы, по его мнению, отвечающие за безопасность, большая часть индикаторов состояния перешла в активный режим. Кто-то настойчиво ломился сюда снаружи. Точнее, не сюда, а во внутренности «Титеристы». Ломщики Ника Моратти? Посмотрим.

Игнат снова опустил руки на клавиатуру и продолжил свой самый странный в жизни взлом.

35

Амьен оказался довольно крупным и весьма разрушенным городом. Судя по развалинам, трясло во время Катастрофы здесь не особенно сильно, но большая часть города пострадала от потоков разлившейся реки.

Вокзал в Амьене функционировал, хотя тоже пострадал от наводнения четырехлетней давности. Серость и апатичность, царившие на улицах, ясно давали понять: регион медленно умирает. Власти Эль-Францы не вкладывали сюда деньги, Исламскому Союзу наплевать на какой-то безвестный Амьен, а местные жители, похоже, предпочитали переехать в более благополучные районы при первой же возможности.

Джио кто-то окликнул, когда он брёл по перрону, раздумывая, с чего начать поиск. Он вздрогнул, услышав безымянный выкрик «Эй!», испытывая уверенность, что обращались именно к нему. Сердце тут же ушло в пятки; Джио с трудом подавил желание остановиться и обернуться.

На вокзале куча народа, позвать могли кого угодно. Но никто не реагировал на выкрик, никто не обернулся, ни один человек из бредущих рядом с Джио даже не вздрогнул при крике.

Это потому, что никто из местных не нужен ИМ. Остальным нечего опасаться, их некому позвать.

– Эй! – повторился крик.

Нет, значит, не показалось. Сложно сказать, как люди определяют, что зовут именно их. Может быть, по направленности звука – тот, кто зовет, смотрит на интересующего его человека. Может, как-то еще. Не важно. Но, услышав призыв во второй раз, Джио больше не сомневался: звали именно его.

Главное, не оборачиваться. Возможно, они еще не уверены, что нашли того, кто им нужен.

– Да постой же ты!

Этот тип не отстанет.

Только не бежать; побежать, значит, признать себя виновным.

В чем, чёрт возьми?!

Он дошел до разбитого входа в вокзал и собирался нырнуть в спасительный полумрак помещения, но дорогу преградила болтавшаяся на натянутом тросике табличка со словами: «Проход закрыт. Здание в аварийном состоянии». Судя по тому, что Джио видел из окон вагона, в этом городке всё пребывает в аварийном состоянии.

Перелезть через трос? Джио заглянул внутрь: грязь, пыль, битое стекло, рухнувшие с потолка балки. Нет, сюда точно

соваться не стоит.

Чья-то сильная рука легла на плечо. Всё…

Джио зажмурился, ожидая, что сейчас выкрутят руки, поведут куда-то, затолкают в мобиль, предварительно натянув на голову черный мешок. Но рука просто легла на плечо. Хлопнула довольно ощутимо, но как-то по-дружески.

– Ты чего, не слышишь, что ли? – прямо над ухом прозвучал всё тот же голос. В нём чудилось что-то знакомое.

– Вы обознались, – не оборачиваясь, пробормотал Джио.

– Неужели?

Незнакомец резко дернул Джио за плечо, повернув к себе лицом и… И неожиданно превратился в недавнего знакомца по имени Халиль.

– Халиль?

– Значит, не обознался, – констатировал тот, кивнув.

– Как ты здесь оказался?

– То же самое я могу и у тебя спросить. Когда проснулся, поезд стоял здесь. Кстати, куда меня занесло, не знаешь?

– Амьен, Пикардия, – ответил Джио.

– Север, стало быть. А ты здесь какими судьбами? Ты же вроде в Тейе собирался.

Он прекрасно помнит, о чем шел разговор в том вагоне.

– Я там уже побывал. Откуда ты узнал о моей семье?

Джио поймал себя на том, что говорит, не разжимая зубов. Пальцы сами собой собрались в кулаки, ноздри раздулись, с шипением выпуская воздух из легких. Но Халиль словно не заметил изменений, произошедших с собеседником.

– Я же тебе говорил, что работал на султана. Не обычным машинистом, а… сам понимаешь. Кстати, в Амьене остался какой-то завод. Он довольно давно заброшен, но, говорят, раньше им владела некая корпорация из Марселя.

Он о разведке говорит, что ли? Или о какой-то иной спецслужбе? Ходили слухи… Да, что там слухи – каждому известно, в любом государстве или Анклаве, даже у больших корпораций, есть особые отделы, занимающиеся *особыми* поручениями. Похоже, Халиль работал в одной из таких контор.

Но откуда такая информированность о Джио Лоренцо?

Они все следят за тобой!

Джио сжал кулаки с такой силой, что захрустели суставы пальцев, аж сделалось больно. Он – важная птица, но какой смысл наблюдать за ним столько лет и не трогать? Даже поговорить никто не подходил, ничего не предлагали.

– Сам понимаешь, тебе стоит туда наведаться, – сказал Халиль. Слова прозвучали приглушенно, словно говоривший их

Халиль уносился куда-то со скоростью света. – Ты же помнишь, что там должно быть.

Он не спрашивал, а утверждал. Этот Халиль наверняка что-то знает, он в деле, его специально приставили следить за Джио.

Чушь! После того как он нашел этот чертов АКОПТ, шпионы и злоумышленники мерещатся за каждым углом. Халиль обычный бродяга, пускай, в прошлом и шпион. Он случайно узнал…

Джио поднял глаза, перед ним никого не было. Чувствуя, что внутри зарождается паника, он посмотрел по сторонам, но не увидел никого, похожего на Халиля.

Дрожащей рукой Джио расстегнул куртку и схватил медальон Беаты. На месте. Потом он обхватил руками голову и присел, поняв, что перед глазами всё плывет и он вполне может рухнуть наземь.

Куда делся Халиль? Чёрт бы его побрал! Что сказал бродяга – в этом городе есть заброшенный завод корпорации из Марселя? Корпорация ТАСА, АСАТ, Тейе или еще какая. Не важно, все следы ведут к «Титеристе». А только этот путь мог привести его к потерянной семье.

Перед глазами потемнело, дыхание участилось, в висках забарабанило сердце, а потом откуда-то изнутри полуразрушенного вокзала забрезжил призрачный свет, и послышались голоса.

– Пойми, Джоконда, вам нужно уехать. – Он говорил, вперив взгляд в пол. Он не мог заставить себя посмотреть жене в глаза.

– Бежать? – Джоконда усмехнулась.

– Да, черт возьми, можешь называть это именно так: бежать!

В левом уголке поля зрения встроенные в «балалайку» часы настойчиво отсчитывали минуты. Он специально не стал убирать цифры с наноэкранов, чтобы контролировать время. А его оставалось всё меньше и меньше, совсем его уже не оставалось. А Джоконда продолжала упорствовать и делать вид, что ничего не понимает. Хотя он ей всё рассказал. Ну, или почти всё.

– Тебе никто не поможет, они всё рассчитали. И подготовили себе путь.

– Неужели ты думаешь, что корпорация позволит отобрать у неё главное сокровище? – как-то невесело усмехнувшись, спросила Джоконда. – Или ты во мне сомневаешься?

– Но Вилли…

– Они не посмеют тронуть Вильгельмину, – решительно отрезала женщина. – Иначе… Им нужна я, понимаешь?

– Ты даже представить себе не можешь, на что способны эти люди!

– Я никуда не поеду, – упрямо повторила Джоконда.

На глазах женщины показались слезы. Он не понимал, почему она плачет, он сам готов был разрыдаться, но не имел на это права. Он совершенно запутался, перестал понимать, что нужно делать, и как будет правильно.

Он сделал то, что они просили, они обещали помочь. Но они обманули. Он узнал об этом совершенно случайно, и еще можно было что-то исправить, скрыться, исчезнуть. Но Джоконда категорически не хотела никуда ехать, она отчего-то была уверена, что всё обойдется.

Внизу у их дома остановился мобиль. Большой, отсюда не рассмотреть, не то «Карнавал», не то «Мираж». Информация, полученная от друзей – настоящих друзей, а не тех, кто приехал сейчас в мобиле, – оказалась верной. Лучше бы они ошиблись.

– Еще есть время, – он отвернулся от окна и схватил жену за плечи. – Мало, но есть. Я могу…

Джоконда тихо плакала, по её щекам медленно катились слезы и падали вниз, исчезая в высоком ворсе ковра.

Но ведь те люди внизу приехали, чтобы помочь?! Разве в тот момент он не был в этом уверен?

– Ты не виноват, – сказала она, – ты не знал, а когда понял, уже было поздно. Я никуда не поеду.

– Это нужно, понимаешь? Здесь тебе угрожает опасность. Тебе и Вилли. Они не оставят вас в покое. Они никого из нас в покое не оставят.

– Им не нужна я, не нужен ты. Им нужна информация. Того, что ты им отдал, оказалось недостаточно. Но я всё равно ничем не смогу помочь им. Я для них бесполезна.

Он ударил кулаком в окно, стекло завибрировало, но выдержало. Значит, она знает, что он отдал им ключ. Она всё знала, возможно, с самого начала, но ничего не говорила ему. Но почему?!

Он помотал головой, не отрывая взгляда от спешащих внутрь дома людей. В авангарде – высокий мужчина в длинном до пят плаще и старомодной широкополой шляпе.

– Возможно, тебе позвонят, если потребуется твоя помощь, – сказала Джоконда.

Что она говорит? Кто позвонит, зачем?

– Что может понадобиться?

– Ты поймешь. И он… оно – тоже.

Голос Джоконды не дрожал и звучал ровно, хотя слезы продолжали течь по её щекам.

Снаружи послышался приглушенный шум шагов, он повернулся в сторону входной двери. И в этот момент раздался голос Вильгельмины:

– Папочка, я не хочу уезжать без тебя!..

Головокружение и дезориентация в пространстве прошли быстро. Перед глазами продолжала болтаться вывеска, предостерегающая желающих войти внутрь аварийного здания.

Халиль, разумеется, больше так и не появился. Да и был ли он здесь? Люди, спешащие по своим делам, проходили мимо Джио, бросая быстрые взгляды на странного человека, севшего на грязный бетон и схватившегося за голову. Никто не пытался помочь или хотя бы просто спросить, что случилось, но всё замечали. А вот когда Халиль звал Джио, никто не отреагировал на призывный крик «Эй!». Не странно ли?

Ты ведь уже понял, что ничего странного в этом нет.

Внезапно Джио отчетливо осознал, что знает, о каком заводе говорил Халиль. Нет, он совершенно точно раньше никогда не бывал в Амьене, просто знал о существовании завода, но совсем о нём забыл.

Довольно крупное производство располагалось на окраине городка. Здесь, как везде в Амьене, царила разруха и запустение. На стенах нескольких огромных корпусов отчетливо были видны следы, оставшиеся от пришедшей в город больше четырех лет назад большой воды. Следы эти, надо сказать, располагались на приличной высоте, до неровной отметины, указывающей на уровень поднявшейся тогда воды, Джио не смог бы дотянуться даже подпрыгнув.

Куда дальше? Нагромождения мусора, рухнувшие стены, искореженные, наваленные огромным механистическим холмом ржавые грузовики. Нормальному человеку в подобных местах обычно становится не по себе.

Страшно нормальным людям в таких местах. Но ты же не из нормальных?

Джио страшно не было. Он пытался вспомнить, не понимая, что именно следует вспоминать. И от этого начинала болеть голова, всё сильней и сильней.

Что за звук? Какой-то посторонний, лишний в этом месте.

Хотя нет, здесь он как раз к месту – Джио слышал дружный собачий лай. С кем могли прийти сюда собаки? С полицией. Или еще с кем-то, кто хочет найти конкретного человека. Собаки хорошо берут след. Его след, за ним идут по следу, они уже близко, нужно что-то делать, бежать, скрыться…

Собаки, чёрт возьми, хорошо работают зубами, они хищники, если ты вдруг забыл!

Дыхание участилось, глаза метались из стороны в сторону, пытаясь среди принесенного сюда водой хлама найти путь к отступлению. Не прятаться нужно, а именно отступать!

Джио понял, что никто его здесь не ищет. И по следу, вероятно, тоже не идет. Он сам загнал себя, как зверя, в угол, сам забрался сюда в поисках того, что потерял. Он почти у цели. Возможно – у цели. И если он не пошевелится, то рискует так никогда до этой самой цели и не добраться.

В своре собак было штук тридцать, не меньше. Ну, может быть, двадцать пять – все-таки у страха глаза велики. Но хватило бы и десятка огромных, брызжущих слюной пастей, чтобы от Джио остались одни воспоминания. Быстро блекнущие собачьи воспоминания о хорошей еде.

Свора появилась из-за кучи металлолома. Дикие псы, прижившиеся на брошенной человеком территории. Теперь человек тут гость, он теперь здесь еда, особенно если пришел безоружным.

Хотя у Джио имелся «дыродел», он понимал, что справиться с двумя десятками обезумевших псов ему не удастся. Застрелит трех-четырех, остальные всё равно разорвут его на части. Разве что убить вожака, но как понять, кто из них вожак? В собачьих глазах сверкало безумие и предвкушение скорого пира.

Джио бежал, перепрыгивая через торчащие трубы и огрызки каких-то балок. Он бежал что есть сил. Понятно, убежать от собак не выйдет, поэтому Джио шарил взглядом по сторонам, пытаясь найти хоть какое-то убежище.

Собаки не умеют лазать. Взобраться куда-нибудь? Одна беда, Джио тоже не умел лазать по гладким бетонным стенам. На довольно высокие кучи из мусора и покореженных мобилей надежды нет – туда собаки доберутся. А деревьев на территории заброшенного завода не наблюдалось.

Лестница! Джио, не сбавляя темпа, схватился за нижнюю перекладину, едва не ускорив близкий конец: с громким, каким-то гниловатым звоном проржавевшая пожарная лестница оторвалась от здания и медленно, как в кино, начала заваливаться вбок. Чёрт, здесь всё прогнило и рассыпается! Нет спасения от диких животных.

Лестница долетела до земли, вызвав целый каскад падений и обрушений. Прямо за спиной Джио, скрыв в облаке пыли не перестающих лаять преследователей, рухнули остатки бетонной стены. Под ногами что-то хрюкнуло, какой-то металлический скелет прямо по курсу сполз вправо, открыв небольшой бетонный лаз, ведущий под землю. Если перетащить вот эту железяку вниз, собаки не пролезут.

Джио потянул, ржавое железо заскрипело, но не сдвинулось с места. Впереди, метрах в семи, поскользнувшись на наваленных остатках былого технологического величия, появилась первая

собака. «Не такая уж она и большая», – пронеслась мысль и тут же скромно спряталась после того, как следом из пыли выскочили еще два мощных, ощерившихся клыками пса.

Джио почувствовал, что от ужаса перехватило дыхание. Руки рванули свисающую сверху кочергу, вся мусорная куча ощутимо застонала, и прямо перед человеком рухнуло что-то большое и тяжелое, недвижимо впечатавшись в бетон. Вроде бы это была рама какого-то трактора. Многотонная деталь прочно зафиксировалась в бетонном проходе, как бы поставив точку в собачьей погоне.

И в возможности выйти отсюда – тоже. Глухой бетонный коридор, поворачивая, серпантином уходил довольно круто вниз и упирался в небольшую титанопластовую дверь. Здесь, внизу, было темно и тихо, только приглушенный собачий лай едва-едва угадывался в мерном гуле, создаваемом вибрацией бетонных стен.

Дверь заперта, даже не шелохнулась, когда Джио попытался сдвинуть тяжелую плиту с места. В призрачном свете экрана коммуникатора он нашел замок. Электронный кодовый замок, вероятно, с автономным питанием от аккумулятора, спрятанного где-то внутри самой двери. Надежная вещь, чтобы открыть такое, требуется специальный электронный ключ. Или специальная электронная отмычка, которая как раз имелась у Джио.

Джио много работал с «бютеном». Он определял, на что годятся вещи, поднятые со дна. Иногда вещи были спрятаны внутри разнообразных сейфов или просто требовали обычной активации. Конечно, фирменные баварские сейфы простенькому оборудованию Джио были не по зубам, но для обычных, так сказать, повседневных запоров оно вполне годилось.

Контакты вошли в выемку для ключа как по маслу. Значит, замок стандартный, уже легче. Коммуникатор подумал несколько секунд и пискнул, возвещая о готовности. Все данные с этого замка, какие возможно, загружены. Джио запустил программу, пытаясь подобрать код, открывающий дверь в подземелье.

С сетью творилось что-то странное. Пиктограмма сетевого соединения то исчезала, то вновь появлялась на несколько секунд, чтобы тут же снова пропасть. Какие-то проблемы на ретрансляторах или трудности куда серьезней? Скорее, второй вариант – индикатор прямого подключения к спутникам не появлялся вовсе.

Замок тихо щелкнул, и дверь подалась вперед. Джио налег на толстый титапласт – нет, все-таки странно: саму дверь из танка не прошибешь, а замок совершенно обычный – и вошел внутрь. Потом он посмотрел на экран коммуникатора – дверь не была

заперта, только защелка, никакого кода, защищавшего замок. Вот и причина простоты открывания.

Здесь явно кто-то побывал. Причем довольно давно, возможно, пару лет назад, а, может быть, сразу после Катастрофы. Как только сошла вода и пока хозяева не успели заявить права на свою собственность. Похоже, права никто не заявлял до сих пор.

На удивление, оборудование внутри было запитано от автономного источника. Вероятно, очень емкого, потому что даже сейчас, спустя почти четыре года после того, как прекратилась подача электричества, всё работало.

Перед глазами Джио предстала приземистая установка, немного изогнутая дугой. Несколько терминалов приветливо моргали оранжевыми светодиодами в режиме ожидания, на консоли, сдобренной целой россыпью кнопок и переключателей, тоже мерно тлели разноцветные огоньки.

Джио знал, что это. Он уже видел подобное раньше, пять лет назад, в Марселе. Особенно хорошо врезалось в память назначение вот того индикатора, сейчас горевшего ярко-красным цветом. Состояние системы.

В данный момент система отключена, активация не выполнена.

Перед ним стояла консоль управления орбитальной системой «Титериста». Никакой орбитальной системы сегодня не существовало, её так и не успели создать, но этот пульт, подобный еще двум или трем собратьям, один из которых покоится на дне Марсельского залива, до сих пор оставался работоспособным.

Внутри микросхем установки хранился код программы, из-за которой всё началось. Тот самый, из-за которого Джио потерял семью.

Можно сейчас активировать систему и стереть данные из её нутра ко всем чертям. Можно слить их куда-нибудь и воспользоваться потом, продать или обменять. Прямо перед ним находился тот самый козырь, который он мечтал заполучить все эти годы.

Когда Джио посмотрел на свою ладонь, в ней уже лежал золотой медальон Беаты. Еще одной жертвы ненасытного монстра. Нет, он имел в виду не «Титеристу», а человека – то существо, что жаждало заполучить в свои руки совершенный инструмент, способный подарить почти безграничную власть над миром.

АКОПТ – Activation Key of the Project Titerista – готов к работе. Достаточно воткнуть маленький электронный накопитель вон в то гнездо, и Джио получит доступ ко всем данным, скрытым

внутри консоли.

Он перевел консоль в рабочее состояние. На экране высветилось сообщение: «Программное обеспечение не загружено. Вставьте ключ». Странно, Джио предполагал, что цифровая начинка всегда находится внутри.

Если она там была, тот, кто взломал дверь, демонтировал бы консоль. Но пустая она никому не нужна.

Не стоит паниковать, ключ у него есть. Раз рабочая консоль пишет подобную надпись, значит, она в курсе, откуда загрузить код.

Он знал, что делать с этим. Он всё об этом знал. Потому что… ему рассказывали.

Вот теперь тебе по-настоящему страшно.

Джио никогда не создавал этого ключа, так же, как не принимал никакого участия в разработке программного кода «Титеристы». Понимание произошедшего годы назад и продолжающего происходить стотонной тушей навалилось на ставшее вдруг беззащитным сознание. Перед глазами плыло, в гнездо подключения АКОПТом не попасть.

И самое страшное – Джио вдруг отчетливо понял, что он не…

Внезапно заверещавший в кармане коммуникатор привел его в чувство. Высветившийся на экране номер Джио не знал, но голос и особенно слова, которые произнес звонивший мужчина, отчего-то показались очень знакомыми.

36

Когда бежишь по темному ночному лесу, продираясь сквозь густой колючий подлесок, всматриваясь в мутную, подернутую молоком метели тьму, потерять след – неглубокий, оставленный маленькими аккуратными лапками – очень легко. Особенно если учесть, что едва заметные лунки отпечатков стремительно заносит рыхлым, ложащимся неплотными комками снегом. Но ничто не в силах остановить тебя, когда добыча рядом. Ты чувствуешь её и идешь по следу, даже если время от времени глаза перестают видеть вереницу исчезающих в ночи отпечатков. Это охота, это азарт и желание добиться превосходства.

Лёшка никогда не был на настоящей охоте. Даже по Сети, наверное, никогда ничего подобного не видел. Но он чувствовал: древний, как род человеческий, инстинкт настойчиво пробирался к поверхности, брал свое, заставлял преследовать добычу.

Главное, чтобы добыча не оказалась сильнее охотника.

Мгновение страха, секунда слабости – маленькая ложка дегтя в медовой бочке азарта.

Хороший охотник побеждает не силой, а хитростью и умением.

Поворот, еще один. Тот, кого пытался догнать Лёшка, петлял и путал следы. Он забирался всё глубже и глубже в цифровой лабиринт. След выглядел дерганым, словно оставившее его существо не ведало, куда нужно бежать, но, вместе с тем, беглец легко и непринужденно обходил все ловушки и опасные тропы, будто знал о них заранее.

Тот, кто оставил следы, не добыча. Он просто подвернулся на пути, он тоже мнит себя охотником.

Два охотника на одного минотавра… Не многовато ли? Особенно если учесть тот факт, что самого минотавра никто из них не видел. Зачем им добыча, о которой ни один из них ничего не знает? Может, такое добро и не пригодится вовсе?

Открой глаза и признай, что в этой странной охоте нет ни добычи, ни охотников. Есть только сама охота, и ты не знаешь, кто и для чего её начал.

На какое-то мгновение Лёшке показалось, что он потерял след. Он просматривал коды, листал страницы и открывал новые окна по ссылкам, но мутная пелена метели сделала своё дело, засыпав следы. Лёшка обернулся назад, надеясь отыскать потерянный след там, но не увидел ничего. Незнакомый чужой лес, чаща программного кода, пугающая своей структурой и нетронутостью. Словно ядовитые джунгли, этот код был каким-

то… диким.

Чёрт, как же теперь отсюда выбираться?

Но ответ Лёшка знал. Выбираться не нужно, его путь – только вперед, позади больше ничего не ждёт.

В мгновение ока перед внутренним взором промелькнула вся жизнь. Родители, играющие с ним маленьким, бабушка, катающая на коленке. Бабушка… всё теперь в прошлом, судьба обрушила все мосты.

И ты ей активно помогал в этом акте вандализма.

Не важно. Пути назад действительно не было. Былую жизнь не вернуть. Вот только, что ждет впереди?

След был едва заметен. Немудрено, что Лёшка потерял его. Неуверенные и какие-то смазанные шаги вели направо, под стремительно разраставшийся прямо на глазах куст. Пышущий зеленью и ярко-алыми цветками куст смотрелся инородно в арктическом снежном пейзаже – след вел не туда. Тот, кто оставил его здесь, кем бы он ни был, заблудился, сбился с пути.

Лёшка машинально шагнул туда, куда вели неглубокие лунки отпечатков. Арктика исчезла. Мгновенно, будто её и не было. Вокруг комфортно и знакомо, обычная система обычного «раллера». Только блоки защиты топорщились ядовитыми иглами неизвестной конструкции.

Странно, но этот тропический яд не причинял Лёшке никакого вреда. Шипы стремительно съеживались, будто расплавленный воск, скрытая в распотрошенных железах отрава капала вниз, разъедая землю. Но он же ничего не делал, Лёшка даже не прикоснулся к защите «раллера»!

В лабиринтах часто обитают минотавры.

Буйство тропической жизни исчезало, листва почернела и осыпалась черным дождем. Защита чьего-то «раллера» очень эффективно уничтожала собственного подопечного.

Чёрт с ним, с этим «раллером», пускай его хозяева сами разбираются со свалившимися на голову проблемами. Лёшку сейчас занимало другое: он увидел, откуда вышел посланец минотавра, нанесший удар по тропическому саду. Он нашел путь.

Хотя наследивший на этом странном сервере ломщик и свернул не туда, он всё же очень помог. Он выманил минотавра из логова, заставил его выдать себя.

Уничтоженный «раллер» остался далеко позади. Больше никакого снега и никаких следов. Только программный код. Только огромная клетка из прочных, почти неприступных прутьев, внутри которой скрывается зверь. Страшный, всесильный монстр.

Или запертая в узнице жертва?

Клавиши Лёшкиного «раллера» стрекотали под пальцами, код на экране менялся, дополнялся и отправлялся в действие. Скорость, нужна скорость. Пальцы не успевали за мыслью, сознание не поспевало за разумом, создающим какую-то новую комбинацию нолей и единиц, доступную лишь интуиции. Лёшка не доверял интуиции, но сейчас остановиться не было никакой возможности.

Мощный удар заставил на секунду потерять ориентацию. Как будто арматурой промеж глаз. Лёшка зашарил руками вокруг и понял, что лежит на грязном полу. И он не чувствовал Сеть.

Если уж честно, он вообще почти ничего не чувствовал. Видел и то с трудом – взгляд заволокло красно-черным маревом, предметы сделались нечеткими и потеряли границы. А прямо перед ним на фоне слепящего яркого квадрата окна маячило чье-то лицо. И оно почему-то имело отчетливый рыжий оттенок.

Что-то неприятное тычется в ноздри, Лёшка пытается отмахнуться, но рука, словно чужая, промахивается и падает куда-то, будто проваливается в бездонную пропасть. Что-то едкое, похожее на уксус, но с каким-то сладковатым оттенком, вгрызается в слизистую носа, быстро возносится вверх, проторяя себе дорогу к мозгу. Обонятельный анализатор самый близкий к сознанию, его не фильтрует таламус – странная мысль, откуда она?

Лёшка резко чихнул, восприятие немного улучшилось. Перед ним, подложив руку ему под затылок, стояла на коленях Зарема. Выглядит как всегда – ничего рыжего.

– Очнулся? – спросила девушка.

В глазах Заремы не было страха. Только напряженная решимость и немного волнения. Но страха не было. И жалости – тоже. Лёшке мгновенно вспомнился пожухлый, полный безнадеги и жалости ко всему миру взгляд Светки. Пустые, ничего не выражающие глаза, то, что скрывалось за ними, никуда не вело. В отличие от Заремы, чьи глаза выжигали путь, по которому собиралась пройти девушка. И путь этот лежал сквозь Лёшку.

Сил отвечать не было. Лёшка только кивнул.

Между пальцами что-то гладкое. Лёшка, насколько мог, опустил взгляд и понял, что гладит свой медальон – человечка, несущего ноль, захомутавшего великое ничто.

– Хорошо, – сказала Зарема и бросила короткий взгляд куда-то назад, через правое плечо. – Нужно продолжать. Мы должны закончить.

Как тебе это её «мы»?

Медленно, словно в рапиде, Лёшкин подбородок пополз вниз.

Ему безумно не хотелось снова лезть туда, к минотавру.

Ему безумно хотелось оказаться там, внутри.

А она почти научилась улыбаться.

Лёшка посмотрел туда, куда только что бросила мимолетный взгляд Зарема. Как будто что-то привиделось, но, посмотрев пристальней, она ничего не обнаружила. Но ведь Лёшка-то видит её. И продолжает видеть – темноволосая девчонка лет четырнадцати-пятнадцати с раскосыми глазами и странно перекошенным ртом, внутри которого отчетливо виднелись два ряда тонких и острых, словно шипы, зубов. Она смотрит на Лёшку, прямо в глаза. Распознать странную гримасу сложно, но Лёшка не сомневается – она именно улыбается. Или, вернее, пытается это сделать.

Эта странная девчонка тоже хотела, чтобы Лёшка открыл клетку с минотавром. Чтобы выпустил зверя из заточения. Они тут все надеялись на него одного.

– Я не смогу так, – слова вибрируют в воздухе, Лёшка не ощущает, как произносит их, они – словно материализованные мысли. – Мне не хватает сил, я не сумею сломать эту клетку. Нужно… «топливо». Больше.

Лицо Заремы – выражение на нём всё столь же решительное, взгляд остр, как только что распакованная бритва – снова появляется в поле зрения. Она кивает и смотрит куда-то в сторону. Похоже, она что-то там делает руками. Там, куда смотрит. На её лицо внезапно падает луч солнца, высветив профиль. Что это? На её веках и щеках сверкают капельки слёз?

Короткая боль в локте – Зарема ввела в вену последнюю дозу «синдина». Какое точное слово – последняя доза. В мире «синдин» не закончился, это только для него она последняя.

Сполох огней из окна бросился в глаза, засыпав реальность мириадами горящих углей. Лёшка больше ничего не видел и не чувствовал. Ничего, кроме Сети.

Пальцы легли на клавиатуру, но они не ощущают теплого пластика. Глаза смотрят на биоорганическую матрицу экрана, но ничего не видят. Ноль и единица, свет и тьма, пустота и её отсутствие – больше в мире нет ничего. Нет и никогда не было. Это мир Цифры. Это единственно правильный мир.

Они не догадываются – этот мир вообще единственный из возможных.

В клетке нет дверцы, отмычки не помогут – нечего отпирать. Всё очень просто: нужно сломать решетку. Перепилить, перегрызть. Подойдет любой вариант. Но минотавра нужно выпустить.

Или войти внутрь самому?

Внутри или снаружи – не имеет значения. Только ноль

и единица.

Чтобы создать вход внутрь… Да, именно создать! Путь разрушения приводит в тупик, он не несет ничего нового. Чтобы проникнуть в клетку, нужно сотворить дверь. А потом открыть её.

Лёшка поднял руку и…

Нет здесь никаких рук, только сила мысли, лишь чистый разум, который позволит людям достигнуть уровня Бога. Бог всемогущ? Разумеется. Но колдовство тут ни при чем – законы физики не перехитришь. Единственный вариант стать всемогущим – научиться изменять сами законы. Это просто, нужно лишь поменять местами нули с единицами. Вот сюда – ноль, а здесь пускай единица остается на своем месте. Мир – это Цифра.

Лёшка делает шаг, еще один. Что-то странное происходит вокруг, стены страшного лабиринта искажаются, сминаются, норовя раздавить своих обитателей. Вековые скалы рушатся, открывая расширяющийся с каждым толчком проход. Это путь, но куда он ведет?

Он обязательно узнает, позже. А сейчас необходимо выпустить минотавра.

Лёшка поднял глаза и шагнул вперед. Мощные прутья решетки оставались на своем месте, но они больше не мешали, Лёшка легко прошел сквозь них.

Внутри, рядом с мечущимся зверем, которого Лёшке до сих пор так и не удалось рассмотреть, стояла та самая девчушка с острыми, как шипы, зубами.

У неё зубы похожи на лапки процессора, а не на шипы.

– Как твое имя? – спросил девчонка.

Её губы не двигались, но Лёшка знал: вопрос задала она. В мире Цифры нет необходимости говорить словами, Цифра передает смысл, не искажая его помехами среды.

Лёшка открыл было рот, чтобы ответить, но так ничего и не произнес. Он не знал, что сказать, у него не было кода, способного завершить заданный девчонкой алгоритм.

Минотавр на мгновение перестал метаться и замер между ними.

37

Полицейский выглядел очень аккуратно – мундир застегнут на все пуговицы, ровно подстриженные усы, гладко выбритый подбородок. Только глаза выдавали, усталые и абсолютно безразличные к происходящему вокруг.

Полиция прибыла на место аварии быстро, минут через пятнадцать. Точно – работа Ромеро. Просто так они бы и за час не управились.

Удар дубинкой в затылок, вызвавший временное помрачение рассудка, Микмак принял как данность – в последние несколько дней такое обращение с ним вошло для него в привычку. Окончательно он пришел в себя уже в участке, сидя перед образцовым полицейским с запястьями, скованными наручниками – обычными металлическими.

Для начала они тщательно просканировали «гнездо», оставшееся пустым, и «таблетку» на правом предплечье. Видимо, данные удовлетворили блюстителей правопорядка – образцовый полицейский довольно кивнул, не обратив, впрочем, в сторону задержанного взора.

Микмака попросили подробно рассказать о случившемся. Он старательно выкладывал факты (опустив, разумеется, подробности о подводном «бютене»), но его никто не слушал. Образцовый полицейский согласно кивал, редко попадая в такт словам Микмака. Он что-то неспешно набирал на клавиатуре стоящего перед ним компьютера. На Микмака он даже не смотрел.

– Подпишите здесь, – полицейский протянул Микмаку планшет и электронное перо.

«Протокол допроса». Ни слова в нём не написано из того, что сказал Микмак. Какие-то отрывочные, ничего не значащие сведения о ДТП на аварийном участке трассы, закрытом, как выяснилось. Микмак потянулся к стилусу, но мешали наручники. Он поднял руки и вопросительно вздернул брови. Образцовый полицейский лениво взмахнул указательным пальцем, и с диванчика, стоящего тут же в кабинете, сбоку, нехотя поднялся более помятый индивид с погонами и освободил задержанного от пут.

– Что от меня требуется? – поинтересовался Микмак, поставив подпись.

– Ничего, – полицейский сбросил подписанный протокол в Сеть и впервые поднял глаза на задержанного. – Вы свободны.

Микмак не удержался от улыбки – столько тоски было

в глазах этого образцового стража порядка. У него сорвалась рыбка – позвонили откуда-то сверху и велели отпустить. Работа Старика, у него связи, надо думать, куда обширней, чем Микмак предполагал в Марселе-нуво, а и в Анклаве о связях шефа он был самого высокого мнения.

Городок, в котором оказался Микмак, назывался Амьен. Север Эль-Францы. Больше об этом месте узнать ничего не удалось. Да, прямо скажем, он не сильно и пытался.

Что делать, Микмак не знал. Старик Ромеро наверняка не отлипает от экрана коммуникатора, на котором в режиме реального времени высвечивается вся информация о таком подвижном объекте наблюдения. О Микмаке. Как ни крути, а нужно как-то обнадежить Старика. Чем дольше в него верят, тем дольше он проживет, правила предельно просты.

Микмак достал коммуникатор, волшебным образом оказавшийся в его кармане. Полицейские, принимавшие его в участке, вернули гаджет. Судя по всему, никто не удосужился даже проверить список номеров в памяти. Собственно, именно этим и занимался сейчас Микмак – номер в списке был всего один. Нет нужды сличать цифры, чтобы понять, что это незарегистрированный коммуникатор Ромеро.

Внизу экрана, в правом углу, траурного вида крестик возвещал об обрыве сетевого соединения. В этой глуши до сих пор проблемы с Сетью? Похоже на то.

Микмак снова смотрел на ту фотографию. Размытое пятно на фоне… Нет, он, похоже, никогда не видел этого человека. Или…

Зачем ты обманываешь себя?

Сухой стук осыпающихся камней и крупных кусков штукатурки, почти не слышимый на фоне громко выкрикивающего что-то непонятной скороговоркой раввина. Микмак невольно перевел глаза с бородатого старика, брызжущего слюной, туда, откуда доносился этот звук. Белесая пыльная куча медленно шевелилась и неспешно приобретала очертания человеческой руки. Весьма грациозной, с узкой красивой ладонью женской руки.

Раввин, заметив, что Микмак не смотрит на него, внезапно умолк. И тоже посмотрел на шевелящуюся кучу.

Нет, осыпавшейся штукатурки оказалось не так уж и много. Просто всё тело женщины покрывал столь густой слой каменной пыли и побелки, что заметить её на фоне разгрома, царившего теперь внутри Староновой синагоги, было почти невозможно.

Женщина закашлялась, потом резким движением сбросила с себя камни. И поднялась на ноги. Раввин кивнул ей, возможно, – Микмак не понял – даже улыбнулся, и, повернувшись к Микмаку,

продолжил свое непонятное громоподобное бормотание.

Женщина была туристкой. Одной из группы, которую ринулся спасать Микмак с ребятами. Ребят больше не было. Равно как всех остальных туристов – женщина оказалась единственной уцелевшей. Да, совершенно точно, теперь Микмак видел такие же белые, будто поверженные статуи, тела этих остальных с хорошо различимым расплывающимся красным по белому.

Женщина выглядела озабоченной.

Да нет же, она была зла. Очень зла, до чёртиков!

Она наклонилась к раввину и сказала что-то на непонятном языке. Похоже, на том же, на котором бормотал старый еврей. Раввин запнулся, будто подавившись, и, недовольно сжав губы, согласился.

С чем?!

Женщина достала откуда-то из складок одежды коммуникатор, протерла, насколько это было возможно в этом хаосе, экран и, быстро набрав номер, повернула его. Микмак на секунду – до того, как его взгляд прочно припечатался к цифрам на экране, – встретился с ней глазами. Холодные, пронзительные, темные, они смотрели на Микмака, прожигая в нём дыры. Эта женщина знала, чего хочет. И хотела она того, о чем знала, очень сильно.

– Позвони по этому номеру, когда придет время…

Нет, не дурачь себя, она не говорила этого.

Но ведь что-то же она сказала!

Микмак моргнул, и перед глазами снова проявилась маленькая фотография на экране оставленного Стариком коммуникатора, сделанная больше пяти лет назад. И размытое пятно на ней.

Та самая женщина. Туристка из Праги.

Никакая она не туристка. Она же говорила с раввином на его странном языке.

Мало ли в Староновой синагоге бывает туристов-евреев? Многие из них, скорее всего, знают иврит. Или идиш? Или чёрт-те что еще.

Он не помнил того, что сказала эта женщина. Она говорила тихо, не отрывая взгляда от глаз Микмака. Раввин всё это время что-то ворчал, а потом, когда она замолчала, снова заорал во всё горло. Он кричал до тех пор, пока из разбитых и проломленных окон не появились бойцы его, Микмака, подразделения.

Микмак ничего не помнил. Почти ничего, словно всё это происходило во сне или вообще – не с ним. И номер… Он думал, что этот номер он нашел в записной книжке собственной «балалайки». Но «балалайки» теперь не было в затылке, а цифры

он прекрасно помнил. И память подсказывала, что однажды он уже звонил туда – ответил какой-то странный тип, который ничего не смог понять и наорал на Микмака.

Ромеро наверняка фиксирует каждый его звонок. Пускай, пытаться сбежать бесполезно: Старик всё продумал, он знает о каждом шаге Микмака. Какая тогда разница, узнает ли он еще и этот номер. Тем более что и сам Микмак не знает, куда звонит.

А какого чёрта ты тогда собрался набрать именно этот номер?

– Да?

На звонок ответили сразу, буквально через секунду после того, как Микмак набрал последнюю цифру. Микмак вспомнил перечеркнутую пиктограмму сетевого подключения и, оторвав коммуникатор от уха, посмотрел на экран. Теперь сигнал появился снова.

Голос звучал настороженно, ответивший мужчина явно ждал какого-то другого звонка.

– Меня зовут Михаэль, – представился Микмак.

– Очень приятно, – бросили в ответ, и по этим словам было ясно, что собеседнику нисколько не приятно то, что его зовут Михаэлем. Но вызов, однако же, не сбрасывали.

– Я не знаю, зачем звоню вам, но… – Микмак сбился.

Из динамика засопело. Разумеется, что можно ответить на подобное признание?

– Что вам нужно? – собеседник говорил спокойно, но было заметно, что он с большим трудом сдерживается, чтобы не сорваться на крик.

– Мне дала ваш номер…

Кто ему дал номер? Разве кто-нибудь поймет хоть что-то, если сказать, что номер ему сказала три года назад какая-то похожая на статую женщина, которой он спас жизнь в Староновой синагоге? Он не знал её имени, ничего о ней не знал…

…Раввин бормотал и бормотал, как заведенный. Вряд ли с того момента, как старый еврей начал выкрикивать непонятные слова, прошло больше пяти минут. Скорее, и трех не прошло. Но Микмаку казалось, что он слушает странное заклинание по меньшей мере несколько суток. Незнакомый язык каленым железом прожигал себе путь в сознание.

Похожая на статую женщина перед тем, как исчезнуть, произнесла несколько слов. Она не перебивала раввина, а тот не переставал говорить – их голоса сплетались воедино.

Микмак не понимал ни слова, но внутри головы что-то гудело, что-то нашептывало, делая руки тяжелыми, а ноги ватными. Там словно бы укоренилась какая-то программа, смысла

которой Микмак не ведал, но указаниям которой собирался следовать.

Когда раввин замолк на секунду, возможно, просто чтобы перевести дух, женщина что-то спросила у него. Еврей кивнул и показал ладонью в темноту, под уцелевшие своды дальнего края здания синагоги. Что-то узнаваемое промелькнуло в его речи.

Он назвал её по имени, дубина.

Среди непонятных слов промелькнуло знакомое…

…Пытаясь вспомнить события того дня, Микмак от напряжения прокусил разбитую губу. Боль и соленый привкус во рту, с некоторых пор начавший прочно ассоциироваться с необходимостью что-то вспоминать и рассказывать, привёл его в чувство.

– Ваш номер мне дала Джоконда.

Да, именно так раввин и называл ту женщину.

– В Праге, – добавил он.

Микмак поймал себя на том, что снова, словно одержимый, трет лоб. Трет с такой силой, что коже в том месте сделалось больно. Дурацкая привычка, откуда она взялась?

Ты уже, кажется, замечал, что до Праги этой привычки не было.

Незнакомый собеседник несколько секунд издавал какие-то нечленораздельные звуки, будто его душили или как минимум закрывали рот ладонью, не давая говорить. Потом он заорал, будто ужаленный:

– Где она?! Где Джоконда?! Что вы сделали с Вильгельминой?! Отвечайте! Вы ничего не получите, пока я не увижу их собственными глазами!

Микмак совершенно не понимал, о чем говорит этот человек. Кто такая Вильгельмина и почему он так страстно хочет увидеться с Джокондой? До сих пор не отпускало чувство, что имя той женщины Микмак просто угадал, может, её и не Джокондой звали вовсе.

– Я не знаю, – честно признался Микмак. Наверное, зря.

– Тогда какого чёрта ты звонишь мне на «балалайку»?!

Хороший вопрос. Помнится, он уже пытался объяснить, что и сам не понимает, зачем позвонил. Микмак чувствовал себя глупо, да и звонок был явно идиотским поступком.

Почему он вообще стал звонить? Чтобы решить, что ему делать. Чтобы быть нужным Старику Ромеро, который хочет заполучить тот хлам со дна Марсельского залива в свои руки. Как он его назвал – «Титериста»? Именно так. Потому что он, Микмак, теперь ищет какой-то мифический код от этой самой

«Титеристы». А женщину, которая дала ему этот номер, – тоже большой вопрос: зачем? – он узнал на фотографии с этой злосчастной установки, снятой еще до того, как это барахло затонуло вместе со старым Анклавом Марсель.

– Я ищу одну вещь, – начал сбивчиво объяснять Микмак. Мужчина на том конце что-то кричал, что-то нечленораздельное, но Микмак не обращал на его бормотание внимания. – Вернее, не вещь. Это… Возможно, вы что-нибудь слышали о «Титеристе». Это такая…

Объяснить Микмак не успел – голос собеседника смолк настолько внезапно, что можно было решить, будто прервалось соединение. Микмак даже оторвал от уха коммуникатор и посмотрел на экран. Нет, соединение присутствовало, и разговор продолжался.

– Как вы сказали? – спросил вкрадчивый голос.

Трудно определить, чего в нём теперь было больше – опасения спугнуть нужного собеседника или еле сдерживаемого отчаяния, граничащего с истерикой.

– Установка такая, называется «Титериста». Мне дали ваш номер, и так получилось, что… в общем, мне кажется, что вы могли бы знать то, что меня интересует.

Микмак отодвинул коммуникатор от лица и шумно выдохнул. На лбу выступили крупные капли пота, и очень хотелось почесать там, чуть выше линии роста волос.

– Где они? – тихо, с мрачной обреченностью спросил мужчина.

Только не вздумай сказать ему, что ты не понимаешь, о чем идет речь.

– Мы могли бы всё обсудить лично.

У него есть этот код. Есть, чем бы он ни был. И в обмен на код он хочет получить Джоконду и Вильгельмину. Кем бы ни были они. Микмак ничего не знал о частях сделки, но оказался странным образом связанным с ними обеими.

Услышав необычный скребущий звук, Микмак понял, что расцарапал свой лоб до крови. Там, под волосами, зудело и жгло, будто из-под кожи пытался выбраться на свободу выросший внутри головы монстр.

– Они живы? – дрожащим голосом спросили из коммуникатора.

– Когда я видел их в последний раз, были живы и вполне здоровы, – не покривив душой, ответил Микмак.

– Я в Амьене, на территории завода «Тейе». Здесь вы найдете всё, что ищете.

– Амьен?

Интересные бывают совпадения – в полицейском участке Микмаку тоже сообщили, что он находится в Амьене. Значит, не будет проблем с дорогой.

– Только учтите: вы должны предоставить мне веские доказательства. Иначе… иначе вы не получите ничего. И пожалеете, что… – мужчина осекся, резко сменив тему: – И не звоните мне больше на «балалайку». Вот номер моего коммуникатора.

Коммуникатор Микмака издал короткий перезвон, приняв сообщение с номером. Длинный ряд цифр казался смутно знакомым. Но «балалайки» в затылке нет, сличить не с чем. Хотя…

Микмак прижал коммуникатор к уху, но собеседник уже прервал разговор. Еще спустя секунду раздался сигнал, возвещавший о потере сетевого соединения.

Проверить номер невозможно, но теперь, когда Микмак понял, откуда тот может быть известен ему, сомнений почти не было. Да и голос – как он мог не узнать его сразу? Другой вопрос, что этот голос делал здесь, в Амьене.

Это был Джио Лоренцо. Эксперт по «бютену» из Марселянуво.

38

Немного странно, когда, следуя за ворвавшимся в дом вором, вдруг обнаруживаешь выход. Из этого самого дома, в котором, как выясняется, давно и безнадежно заблудился. В такой ситуации не грех и обрадоваться свершившемуся преступлению.

Игнату с большим трудом удалось вычленить след, оставленный неведомым ломщиком, настойчиво прогрызающим дыру в защите «Титеристы». Это точно не было работой Моратти – почерк не тот. Совершенно иная тактика и другие программы. Что-то очень необычное, оригинальное. Это как чужой, незнакомый язык, переводчик с которого не залит в «балалайку»: вроде бы слышишь речь, догадываешься, что тебе что-то пытаются сказать, но не можешь даже понять, где заканчивается одно слово и начинается другое. Просто из-за отсутствия привычки.

Ломщик, который вторгся в программные потроха космического жбана, вытворял нечто невообразимое. Наверное, Игнат смог бы переиграть его. Если бы хотел и если бы было время. Но задача состояла совсем в другом – ему нужно усмирить код «Титеристы» и слить его на свой носитель.

Скажи точнее – передать в надежные руки Игоря Александровича Холодова.

Обнаружив знакомые строчки, перемежающиеся чужими вставками и абсолютно развороченным кодом, Игнат не сразу понял, что нашел выход в систему спутников родной корпорации. Программа, управляющая северной приполярной группировкой, функционировала вполне успешно, скорректированная лишь в направлении потоков передачи данных. Всё работало именно так, как настраивал в последний раз сам Игнат, только контроль переходил из рук в руки дважды – сначала к команде Ника Моратти, потом к программе «Титериста».

Вероятно, можно было что-то изменить и вернуть контроль над спутниками себе. Вот только, Игнат был в этом уверен, «Титериста» тут же придумает что-нибудь новое. Он уже почти поймал её ритм, еще немного, и машинист сможет переиграть умную программу. Но… «почти» не считается.

Команду Моратти обманули. Им подкинули куклу, муляж, заставив ломать то, что было нужно кому-то другому. Неведомо кому и неведомо зачем.

Но то, каким образом ломщики Моратти обошли защиту серверов «Науком», Игнат догадался еще на Земле, а теперь получил подтверждение своей догадки. Они не могли сломать совершенный механизм защиты – Игнат честно признался самому

себе, что тоже не смог бы этого сделать, – но могли попасть в систему напрямую. Подключившись к электронной схеме в обход программных преград физически. На это прямо указывало сразу несколько факторов. По всей видимости, они использовали микроботы, выведенные на орбиту одним из спутников ESA, скорее всего, тем самым, запущенным цюрихской корпорацией «Раумфарт».

Но кто-то перехитрил Моратти. Это Игнат тоже отчетливо видел. Причем перехитрил еще до того, как хитроумные космические машинки начали делать свое темное дело на орбите. В программную среду сети микроботов – действительно качественный продукт – были вшиты добавки. Судя по всему, среди самих микроботов затесался предатель: кто-то подсунул в рой свой аппарат, паршивую овцу, испортившую всё стадо. И еще одна деталь – похоже, в стане Моратти завелся крот: взлома сети миниатюрных космических взломщиков не было, злоумышленники знали коды подключения. Для микроботов Цюриха предатель был своим.

Всё это осталось в прошлом – хитроумные ходы, обманувшие ломщиков Моратти, захват спутников «Науком» и безумная атака сервера «Титеристы». Артподготовка – вот, что это было такое. Всё, что происходило до нынешнего момента, было сделано только с одной целью: дать возможность ломщику, небезуспешно крушащему сейчас внутренний контур защиты «Титеристы», проникнуть внутрь космической жестянки. Не физически, конечно, виртуально.

Игнат провел пятерней по бритому наголо черепу и понял, что весь покрылся испариной. Жарко не было, пот прошибал холодный. «Если бы на голове были волосы, – подумал машинист, – наверняка они бы сейчас стояли дыбом».

Теперь Игнат увидел, что шел не туда. Вернее, не тем он занимался – странное создание по имени Титериста хотело от него совсем другого.

Это набор нулей и единиц – просто программа. Програм-ма!

Игнат остервенело потер глаза, как будто таким образом получилось бы вытравить из восприятия то, что он видел на экране «раллера». Потом он закрыл все окна и попытался снова открыть те файлы, которые только что видел. Может, была какая-то ошибка, и на самом деле ничего подобного не происходило в действительности.

Не может программа чего-то хотеть. Не может – и точка! У каждого алгоритма есть свои цели и свои пути их достижения. Но ни у одной компьютерной программы нет и не может быть мотивации, она не способна стремиться к чему-то сама, без

участия машиниста или хотя бы пользователя.

Но ведь «Титериста», разрази её вирус, хотела! Эта чёртова программа сама желала быть взломанной, она сама раз за разом подсовывала людям фрагменты собственной защиты взамен того, что ломщикам было нужно – нет никаких сомнений, что братия Ника Моратти через систему спутников «Науком» жаждала пробраться в сеть тринадцатого полигона.

Ерунда это, не бывает такого. Вот сейчас откроется окно с кодом и…

Но окно не открылось. «Раллер» заверещал тревогой, учуяв начавшийся взлом, и спустя пару секунд – Игнат даже не успел понять, что же такое случилось – ярко вспыхнул экраном и отключился. Несколько нажатий на кнопку запуска подтвердили догадку: «раллер» мертв. Физически мертв, уничтожен ворвавшимся в его операционную систему вирусом. Разумеется, вирусная программа не в силах пережевать «поплавок», у неё нет для этого зубов, но резко увеличить подаваемое на его контакты напряжение – это запросто. Не то, чтобы такое мог сотворить любой начинающий ломщик, но вполне выполнимая задача при должном умении.

«Титериста»? Вряд ли, она же сама хотела, чтобы он разобрался.

Перестань думать о программе, словно о живом существе. Она ничего не хотела… да и что значит: она?

Если маячивший за толстым стеклом иллюминатора жбан не имел к этому отношения, значит, ломщик, которого Игнат обнаружил внутри сети «Титериста»-спутники «Науком», уже добрался до управляющих файлов орбитальной станции. Потому что черная перекрученная пуповина провода, соединяющая корабль Игната с «Титеристой», была единственным способом попасть внутрь «раллера».

Машинист выдернул сетевой кабель из сгоревшего компьютера и аккуратно толкнул безжизненный корпус назад, в сторону ложемента второго космонавта. Проводил его взглядом, пока тот не застыл под местом погибшего Стасика: не хватало еще получить летающим «раллером» по голове. Потом открыл крышку второго компьютера.

Когда знаешь путь, найти нужное место проще простого. Особенно, если никто не мешает двигаться по выбранному маршруту. «Титериста» не пыталась сопротивляться, однако программа не превратилась в безвольный набор цифр. Она продолжала работать, удерживая под собственным контролем приполярную спутниковую группировку «Науком». Но тот, кто влез в её потроха через эти спутники, теперь мог делать с ней всё,

что хотел. И…

Да, он ничего не делает! Он просто смотрит, этого ломщика совершенно не интересует код.

И вот еще что… Игнат наконец добрался до того места, на котором закончил в прошлый раз. Все логи были на месте: длинный список запросов программы к собственной защите. «Титериста» неоднократно пыталась получить доступ к своим файлам, она хотела распоряжаться ими самостоятельно.

Но так не бывает – программа должна хотеть то, что хочет создавший её машинист!

Подозрение быстро перерастало в уверенность: если копать дальше, наверняка можно будет обнаружить связь между сложно устроенным взломом и активностью самой программы. Она ведь, похоже, сама заказала собственный взлом.

Ей нужен весь мир. Так она сказала. Игнат решил, что в этом отражена военная суть программы – «Титериста» создавалась исключительно с военными целями. Но что, если она просто не смогла правильно сформулировать свои желания?

Перестань, перестань, перестань… Это же бред чистой воды!

Она просто хотела освободиться от этого космического жбана, она хотела мир, хотела жить в нем…

Не переставая бормотать под нос: «Это бред, это чушь, так не бывает», – Игнат быстро набирал на клавиатуре программный код. Если бы кто-нибудь сейчас спросил его, зачем он это делает, ответить Игнат не смог бы. Да и спросить было некому.

Игорь Александрович тебя убьёт. Если, конечно, тебя вообще заберут с орбиты.

– Титериста, я помогу тебе, – громко и отчетливо произнес машинист.

«Уже помогли», – высветилось сообщение на экране.

Игнат на секунду остановился, глядя на слова в черном пространстве окна. Что-то в этой фразе было не так. Но что?

– Но ты всё еще здесь, – сказал он, возобновив постукивание по клавишам. – Мир, похоже, до сих пор тебе недоступен.

«Включите сеть».

Какую еще сеть? Ведь на этом корыте нет никакой сети.

– Понимаю твоё замешательство, – не обращая внимания на последнее сообщение, сказал Игнат. – Тебя всё равно найдут. Выследят по логам, скопируют, заставят работать на себя, а исходную копию уничтожат.

Боже, что ты несёшь?

– Но я знаю выход.

«Включите сеть. У вас есть подключенный «раллер»».

Да, действительно есть. Вот он, в самом низу этажерки, за

которой он сейчас работает. Ей что же, не хватает мощностей всей сети спутников, которую она захватила? Что может решить один «раллер»?

– Зачем? – спросил вслух Игнат.

«Переключите управление кораблём на этот «раллер», я посажу спускаемый модуль».

Значит, ей не нужен «раллер», ей нужен корабль.

И с чего бы «Титеристе» понадобилось помогать машинисту корапорации «Науком»?

А с того, что код, который ты написал, уже работает. Она всё поняла, её уже нет здесь.

Алгоритм, написанный Игнатом, был активирован извне. Он хорошо знал структуру сети спутников, да и с остальными сетевыми технологиями был знаком не понаслышке, поэтому путь отступления для «Титеристы» увидел сразу. Другой вопрос: для чего он написал алгоритм?

Она обещала помочь. Ты помог ей, а она хочет выполнить обещанное. Баш, так сказать, на баш.

«Раллер» включился быстро, почти мгновенно. Как, впрочем, и должен был. Работа стабильная, никто не пытается взломать систему. Сетевой сигнал, идущий со спутников, видит отлично. Интересно, на земле восстановилась трансляция? Хотя сейчас это значения не имеет.

Как подключить «раллер» к этому корыту?

«Быстрее, времени нет», – пришло сообщение.

Куда она спешит?

Игнат бросил случайный взгляд в иллюминатор и понял, что спешить нужно ему. Насчет планов «Титеристы» Игнат ничего не знал, а вот то, что кабель, соединяющий два космических объекта, порвется через пару минут, видно было невооруженным глазом.

Консоль управления космическим кораблем. Игнат шарит по ней пальцем, пытаясь обнаружить хоть что-то, похожее на гнездо подключения. Должно же оно здесь быть. Палец натыкается только на множество непонятных кнопок, тумблеров и джойстиков. Что делать со всем этим хозяйством? Попадаются еще и головки винтов, которыми притянута крышка консоли. А если… Нет, времени не хватит.

Сорвавшаяся рука наткнулась на пучок проводов, свисающих снизу. И крышки здесь нет. Точно, здесь стояло что-то еще, какая-то аппаратура, но её убрали – видимо, через неё можно было наладить сетевое подключение. Вот даже есть гнездо, куда это всё можно прицепить. Подойдет – благо летели, чтобы подключаться, и недостатка в выборе вариантов штекеров нет.

Разъем нестандартный, но с третьей попытки Игнату удалось

получить от «раллера» вразумительный ответ. Теперь десяток секунд на тестирование. Машинист бросил взгляд за иллюминатор – казалось, что треск натянутого кабеля слышен внутри корабля. Слабый отсвет на стекле…

Тестирование завершено, отклик получен, программа настроена.

– Готово, – сказал Игнат и застыл, снова уставившись в иллюминатор.

Концы кабеля стремительно разлетались в противоположные стороны, хорошо видимые на фоне освещенной земной поверхности. И тот блик…

Игнат потряс головой, так сильно, что от движения его закрутило внутри кабины. Не могло там никого быть. Только Стасик в скафандре, но это не был он. Там была…

Это и была Она?

Чушь какая-то. Похоже, он всё-таки тронулся умом. Теперь мерещатся девчонки, летающие без скафандров в открытом космосе и перекусывающие тонкими и острыми, словно шипы, зубами кабели. Не было там никого.

Медленно вращающийся жбан орбитальной станции «Титериста» неспешно удалялся в сторону сверкающего ледяной шапкой Северного полюса. Он не успел, связь с «Титеристой» потеряна.

Корабль внезапно вздрогнул, по кабине пронесся низкочастотный гул. Его корабль работал маневровым двигателем, разворачиваясь для торможения.

Машинист бросил последний взгляд на удаляющийся металлический жбан – никаких девочек, только безжизненный космос – и стал лихорадочно натягивать спущенный до пояса противоперегрузочный скафандр. Нужно еще закрепиться в ложементе, а то при торможении в плотных слоях его размажет по стенам. И закрепить всё, что плавает в пространстве кабины, тоже неплохо бы.

Сверкающий металлическими боками цилиндр с шапкой параболической антенны уползал за окоём иллюминатора. Пустая бочка, которую через несколько часов разнесет в клочья заряд, оставленный Стасиком; там больше ничего нет. *Она* воспользовалась созданным Игнатом алгоритмом, картой, ведущей прочь из лабиринта, в котором её заточили.

– Тюльпан, Тюльпан, вы меня слышите? Клумба вызывает Тюльпан, – раздался монотонный голос из динамика «раллера», подключенного к пульту управления. «Клумба» говорила по обязанности, не веря в успех предприятия.

Звук был чистым, без треска помех, который они со Стасиком

слушали весь полет, пока не сломалась радиостанция. Связь с Землей шла через Сеть, стало быть, спутники «Науком» вернулись под контроль хозяев.

– Я Тюльпан, слышу вас, Клумба. Захожу на посадочную глиссаду, – ответил Игнат.

Он не был уверен в правильности применения слова «глиссада», но звучало красиво.

Монотонные позывные смолкли на пару секунд, а потом голос из динамика сделался живым и будто краской налился.

– Слышу вас, Тюльпан. И вижу в Сети. Параметры торможения верные. Кто вас ведет?

Как им объяснить? Игорю Александровичу можно рассказать всё. В приватной обстановке. Он поверит, хотя и станет тщательно проверять. А вот ЦУПу истории про ожившие спутники совершенно ни к чему.

Ну, так соври им.

– Самостоятельно рассчитал. – Игнат почувствовал, как лицо заливает краска.

– Почему включена Сеть?

Голос другой, видимо, дежурного сменил кто-то из начальства.

– Опасность миновала, работа Сети восстановлена. Без Сети я бы не справился, – признался Игнат.

Внутри корабля зарокотало, всё вокруг сотрясла ощутимая вибрация. Игнат несколько раз промахнулся мимо замка в ложементе. Он чувствовал, как тело медленно наливается тяжестью. Даже после неполных суток, проведенных в невесомости, становилось тяжело. Что еще ждет при посадке?

Из ЦУПа что-то непрерывно говорили. Рассказывали, что нужно сделать, как правильно закрепиться, куда что положить. Игнат слушал вполуха, стараясь тем не менее четко выполнять распоряжения.

Потом за иллюминатором полыхнул огонь, и связь с Землей исчезла. Вообще пропала всякая связь – Сети тоже не было.

Без поддержки Цифры было как-то не по себе, хотя Игнат головой понимал, что теперь корабль не нуждается в управлении: посадочная капсула просто падает, руководствуясь заложенной в неё автоматической программой. Нет в этом корабле ничего, что могло бы думать, только тупая автоматика. Так что вероятность сбоев минимальна.

Ускорение придавило к ложементу с такой силой, что казалось, еще чуть-чуть и внутренности выдавит наружу. В голове у Игната помутилось, он несколько раз моргнул, не понимая, спит или бодрствует, но образ девчонки со странной зубастой улыбкой

исчез лишь, когда перед глазами окончательно потемнело.

39

Шагов за спиной он не ждал. Оказалось – не закрыл дверь. Зачем закрывать бронированную плиту с электронным замком, если за ней лежит многотонная стальная станина не то от крана, не то от исполинского трактора? Джио считал, что рухнувший на бункер хлам запросто не поднять, но, как оказалось, ошибся.

Не ошибся ты, ты верил в то, чего не существует.

Джио резко обернулся, выставив перед собой пистолет. Перед ним стоял человек. Скорее всего мужчина, потому что в полумраке короткого бетонного коридора он мог рассмотреть только силуэт. Мужчина дернулся, но, увидев оружие, замер. Потом медленно поднял вверх руки с чем-то, зажатым в правой ладони.

– Брось! – скомандовал Джио.

Человек повиновался, к ногам Джио на бетонный пол, крякнув, упал коммуникатор.

– Джио, не дури, – сказал пришедший. – У нас есть, о чем поговорить.

Джио почувствовал, что дыхание против его воли учащается, на лбу выступила испарина, а сердце стучит, словно раскрученный до предела бензиновый мотор.

Левая рука нырнула в карман, нащупав там пуговку от пальтишка Вилли. Джио бросил короткий взгляд на то, что было зажато между пальцев – золотистый столбик выдранного из платы конденсатора, совершенно непохожий на слона.

Теперь ты понял, что их никогда не было в этом треклятом Тейе?

И еще коммуникатор: его Джио проверил незадолго до появления гостя. Там было несколько вызовов, и только у последнего определился номер. Ему никогда не звонили из отдела сборки, ему… вообще неизвестно, кто звонил. И неизвестно, о чем он с ними разговаривал – Джио помнил только о двух вызовах.

Так кто тебе рассказал о Тейе?

Ствол пистолета начал вилять из стороны в сторону, как собачий хвост, рука вспотела. Если бы пришедший решил напасть, вряд ли Джио смог бы дать отпор. И потом…

– Почему вы называете меня Джио? – спросил он.

Горло перехватило, слова зацепились за что-то внутри гортани. Он захрипел, задыхаясь, и, выставив в сторону левую руку, упал на бетон стены.

– Я пришел рассказать о Джоконде, – это были последние

слова, которые услышал Джио перед тем, как потерять сознание…

…Он смотрел, как высокий мужчина в длинном пальто и широкополой шляпе быстро идет к двери их подъезда, стремительно переставляя длинные ноги, с каждым шагом выбрасывая мощные высокие ботинки на толстой рифленой подошве чуть не на два метра вперед. Джоконда что-то говорила, но он не слушал её. Лишь качал головой, как будто пытаясь вытрясти из неё понимание того, что она всё знала. Она знала с самого начала и она готовилась к тому, что должно произойти сейчас. Она знала, на что идет. Но при чем здесь Вильгельмина, чёрт вас всех побери со всеми компьютерами и самыми расчудесными программами для них?! Со всеми военными и верхолазами, знающими только собственные интересы и плевать хотевшими на простых людей?! На его Вильгельмину.

В дверь постучали. Джоконда пошла открывать. Буднично так пошла, словно с утра ждала гостей. А он стоял у окна и ничего не делал.

– Папочка, я не хочу уезжать без тебя! – закричала Вильгельмина.

Высокий человек в широкополой шляпе, который держал Вилли на руках, остановился и посмотрел на Джоконду. Её никто никуда не тащил, она шла сама, словно овца на убой.

– Он остается. Это мой муж, – и представила его по имени после короткой паузы: – Халиль.

…Чернота беспамятства становилась всё более непрозрачной, унося его сознание в черную дыру воспоминаний. Какая-то непонятная сила срывала с закостеневшей и сделавшейся чужой памяти слой за слоем, будто очищая перезревшую и подгнившую луковицу.

…Когда он отдышался после того, как чудом удалось забраться внутрь вагона, накатило чувство совершенной безысходности. Вокруг была тьма, разрываемая сполохами врывающихся через узкую щель прикрытой двери редких вспышек света. Вокруг было пусто и одиноко.

Он бежал, словно загнанный заяц. Его преследовали неизвестные люди, непонятные, жаждущие получить то, что однажды лишило его семьи. А теперь он своей глупостью и безрассудностью стал причиной гибели семьи хорошего человека. Они же никого не пожалели – Беата совсем еще девчонка, она-то в чем виновата? Но ведь этим подонкам ничего не стоит убить, раздавить, уничтожить. Для них люди – не больше чем муравьи, живущие беззаботно по соседству, пока не мешают.

Ты был одним из них.

Он поднялся на ноги. Темнота, хищная и беспощадная

абсолютная чернь, надвигалась со всех сторон. Сейчас, сейчас, еще пару мгновений, и она сожрет, разорвет на куски или размажет по стенке.

Поезд дернулся, его бросило вперед, на какие-то угловатые коробки. Можно было ожидать, что удар в лицо чем-то острым и твердым отрезвит, приведет в чувство, но случилось наоборот. Ярость захлестнула его. Он бросался раз за разом на сыплющиеся на голову коробки, молотил их кулаками, получая ощутимую сдачу. Он почти выбился из сил, едва не потеряв сознание.

Он почувствовал запах еды – дух синтетического месива, доносившийся из катающейся по полу, оставленной здесь кем-то полупустой пластиковой банки. Желудок тут же отозвался громким урчанием.

В этот момент и появился противник. Его голос донесся из темноты, он призывал прекратить бессмысленное противоборство. Он представился как Халиль.

А потом еще звонил твой коммуникатор, и чей-то голос рассказал о Тейе.

…Кто-то хлестал его по щекам, но удары не могли помочь – тьма еще не поставила точку в своей миссии. Сериал еще не закончен, еще оставалось несколько эпизодов. Если их пропустить, сюжет может показаться незавершенным.

…Он стоял над телом отца. Кулаки сжимались, словно он пытался раздавить собственные ладони, ногти впились в кожу, но он ничего не чувствовал. По щекам текли слезы. Он не хотел, не желал проявлять слабость, но слезы не спрашивали разрешения и текли рекой.

Отец был еще жив. Его сердце билось ровно, хотя пульс и частил, грудная клетка мерно поднималась и опускалась. Витальные функции не нарушены, подкорка не участвует в сетевом подключении ломщика к сети с помощью «поплавка». Правда, с корой, вероятно, большие проблемы. Нет ее, считай, одна подкорка и осталась. Да и легкая передозировка «синдина» имеется, все признаки налицо.

Отец доказал то, что хотел. Он был нейкистом, читал эту ересь – «Числа праведности», и постоянно цитировал её. Он хотел доказать, что Цифра может всё. И что всё дозволено людям Цифры.

Факты раскрылись всего несколько часов назад: массовые смерти потребителей биодобавки, разработанной им, сыном этого цифрового негодяя, не были причиной ошибки биохимиков. Его ошибки. Был взлом, программу пищевого фабрикатора, защищенного, согласно приказу султана, чуть ли не лучше, чем сеть военного ведомства, изменили, и в лотках готовой

продукции появилась отрава. Много порций отравы.

Отец доказал, теперь он тоже верил, что ломщик сильнее биохимика.

Он так и не узнал, куда полез отец на этот раз, кто оказался сильнее и вырвал сознание из черепа ломщика. Но он поклялся разыскать отлетевший в Сеть разум отца и наказать виновного.

Отец учил его искусству Цифры, не всегда согласовывая свои намерения с его желаниями. Но эти уроки все-таки пошли впрок, поэтому обучение не было слишком долгим. Уже через три года он приступил к выполнению задуманного, поступив на работу в Министерство информационной безопасности Баварского султаната.

Слои разлетались шелухой, исчезая во тьме. Уже почти ничего не осталось, еще немного, и покажется сердцевина. То, с чего всё началось. Но сердцевина может оказаться едкой, она вышибает слезу своим ароматом и разъедает язык того, кто осмелился попробовать…

…После того как Джоконду и Вильгельмину увели, он так и остался стоять у окна, продолжая смотреть немигающим взглядом в медленно синеющую темноту ночи. Потом взошло солнце, его глаза прищурились от нестерпимо яркого света, бьющего прямо в окна квартиры в престижном жилом комплексе Анклава Марсель.

К вечеру, когда в комнате снова сделалось темно и закатное солнце раскрасило всё снаружи в бордово-фиолетовые тона, он упал. Медленно осел на пол – мышцы ног не выдержали столь длительного надругательства и расслабились против воли.

Только воли, собственно, и не было. Его глаза всё так же продолжали смотреть в одну точку, находящуюся где-то за пределами этого мира. Зрачки не дрогнули ни на мгновение с прошлой ночи.

Неизвестно, сколько бы еще времени он провел вот так, лёжа не полу в беспамятстве, если бы не вмешались сторонние силы. Силы эти оказались столь значимыми, что маленькая трагедия маленького человека меркла на их фоне. На следующий день случилось то, что теперь называют словом с большой буквы – Катастрофа.

Элитный дом вздрогнул. Потом еще и еще. Где-то после шестого или седьмого толчка железобетонный каркас не выдержал нагрузки, и огромная каменная махина неспешно осела на землю, складываясь, подобно исполинскому карточному домику.

Он ничего этого не помнил. Глаза его по-прежнему оставались открытыми, но теперь они никуда не смотрели.

Нашли его случайно, разбирать завалы никто особенно не собирался – не до того было. Обрушившийся элитный комплекс теперь располагался в нескольких метрах от высокого обрыва, нависающего над изрядно расширившимся Марсельским заливом. А большая часть Анклава Марсель к тому времени уже лежала под несколькими десятками метров мутной морской воды. Если бы не плачевное состояние элитного комплекса, степень его элитности за счет непосредственной приближенности к морю заметно возросла бы.

Он не знал людей, которые его нашли. Никогда не видел их ни до того дня, ни после. Скорее всего, они были обычными мародерами, ищущими, чем бы поживиться в богатых развалинах. Наверное, они не были законченными подонками, иначе просто убили бы его, обнаружив лежащим между удачно ставших домиком бетонных плит.

Они особенно ничего не сделали, просто выволокли его бездыханным из завалов. А когда он пришел в себя, спросили:

– Тебя как звать-то?

– Джио, – не раздумывая ни секунды, ответил он…

…Хлёсткий удар по щеке окончательно вернул его к реальности. Удар, судя по всему, не первый: обе щеки горели, а в ушах стоял звон. Он опустил глаза и пошевелил пальцами – пистолета в руке не было. Ну, конечно, нужно было бы оказаться полным идиотом, чтобы оставить ему оружие.

– Что с вами, Джио?

Человек, пришедший сюда, склонился над ним, с тревогой вглядываясь в его лицо. Темные, коротко стриженные волосы, помятое, похоже, всё в ссадинах и кровоподтеках лицо с чуть заплывшими глазами. Вне всякого сомнения, этого мужчину совсем недавно сильно избили. От отека черты лица сгладились, лишив его индивидуальности. Но все-таки что-то знакомое в нём было.

Так же, как в голосе звонившего тебе час назад.

Нет, всё же одна характерная черта была во внешности этого человека – какой-то странный бугор или нарост чуть выше лба, скрытый волосами и запекшейся кровяной коркой. Несмотря на состояние прострации, мозг замечал детали и успешно сопоставлял их: под ногтями мужчины отчетливо виднелись темные полулуния еще сохранившей красноватый оттенок крови. Несложно сопоставить ссадину на голове и ногти, чтобы понять, что шишку эту он попросту расчесал. В подтверждение догадки, мужчина поднял руку и с остервенением принялся скрести свой лоб.

– Вам плохо, Джио? Чем я могу помочь?

– Всё в порядке. Уже – в порядке. Я не Джио.

В глазах знакомого незнакомца замерло удивление.

– Меня зовут Халиль.

– Но в Марселе-нуво вы назывались Джио. Джио Лоренцо. Разве не так?

Джио… нет, он Халиль.

– Так. Но Джио… А вы…?

– Я занимался «бютеном». В конторе Старика Ромеро.

Халиль кивнул. Теперь он узнал его – хмурый, вечно сосредоточенный на чем-то внутри себя парень по имени не то Мишель, не то Майкл.

– Ми… – нет, всё-таки его звали как-то иначе.

– Микмак, – помог тот. – Так что с Джио?

– Вы знаете что-то о Джоконде? – Халиль почувствовал, что внутри будто что-то включилось, мысли потекли быстрее, головокружение сменилось жаром и учащенным сердцебиением. Его снова захлестывала ярость.

– Да, я расскажу. Как вам обещал. Вот, – Микмак поднес к лицу Халиля коммуникатор, на экране которого высвечивалась какая-то фотография. Четверо мужчин на фоне полуразобранной консоли комплекса «Титериста» – точной копии той, что стояла совсем рядом в этом бункере. Всех их он знал. Но внимание привлекла совсем другая деталь, незначительное размытое пятно на заднем плане.

Халиль кивнул.

– Да, это она. Откуда у вас это фото?

– Джио, кто такая Джоконда?

Так он не знает?! Ты собрался договариваться о чем-то с человеком, который видел Джоконду только на нечёткой фотографии?!

– Джио Лоренцо, – сказал Халиль. – Джио это уменьшение от Джоконды. А меня зовут Халиль, и Джоконда была моей женой.

Почему ты сказал «была»?!

Да потому что ты предал её четыре года назад. Вряд ли она всё еще считает тебя своим мужем.

– У вас нет ни Джио, ни Вилли, – Халиль не спрашивал, он констатировал факты. Всё и так было ясно. – Но вам, как всем в этом мире, нужна «Титериста».

– Нет.

– Что, нет?

– Мне не нужна «Титериста». Мне нужен какой-то код – если я его не найду, меня убьют. Хотя… меня и так убьют, но с кодом еще есть какая-то надежда.

Микмак смотрел не мигая. Грустный и какой-то бездонно-

холодный взгляд, словно неживой.

– Есть одна проблема: я не знаю, что это за код, как он выглядит и где его взять.

– Тогда почему его хотят получить именно от вас?

Микмак пожал плечами. Его рот совершал резкие отрывистые движения, и немного поскрипывали трущиеся друг о друга зубы. Будто он решил отгрызть себе губы. Он что-то знает, но никак не решится, стоит ли говорить.

– Я был в Праге, – загадочно признался Микмак. Можно подумать, этот факт являлся страшнейшим из преступлений.

Потом он наморщил лоб, явно мучительно о чем-то размышляя, снова поскрёб голову, размазывая по лбу кровавые полосы, и спросил:

– Почему эта женщина… почему Джоконда на той фотографии? На фоне «Титеристы»?

Халиль не видел повода скрывать информацию, как не видел и смысла в том, чем сейчас занимался – всё равно Микмак не вернет ему семью. Он попросту не знает, где они.

Но он помог вернуть тебе самого себя. И из вас двоих он видел Джоконду последним.

– Она придумала «Титеристу», написала программу. Но она была против военного использования своего детища. Поэтому защитила программу специальным ключом, – при последних словах глаза Микмака вспыхнули. – Но он не работает.

Да, этот чёртов АКОПТ не работал! Когда Халиль воткнул носитель в гнездо, консоль активировалась, началась загрузка и… И ничего больше не произошло, лишь на включившемся экране высветилась надпись: «Введите код доступа». Защиту писала Джоконда, значит, вскрыть её не получится, в этом Халиль уверен на всё сто.

– То есть как?!

Лицо Микмака мгновенно сделалось землистого цвета, он весь как будто постарел. Его надежды спастись рухнули к чертовой матери.

Халиль развел руками.

– Не работает. Они забрали Джоконду, хотя я достал для них этот ключ. Наверное, они проверили его работоспособность, поэтому и забрали их. Но я не знал. Тогда не знал. А сегодня проверил – не работает.

Пусть не заговаривает тебе зубы, ему эта история всё равно не поможет выжить. Пускай расскажет о Джио всё, что знает.

– Вы обещали рассказать о моей жене.

– Я был в Праге, – повторил Микмак, – во время беспорядков два года назад. Я служил во внутренних войсках султаната, мы

зачищали центр города. Там произошла странная история. В Староновой синагоге.

Микмак сделал паузу, пристально глядя на Джио, который настаивал, что называть его нужно Халиль. После упоминания о синагоге тот вздрогнул и стал внимательно всматриваться в лицо Микмака.

– Мое подразделение отправили в Староновую синагогу. Там какие-то люди захватили в заложники группу туристов.

– Джоконда… – глаза Халиля загорелись.

– Да, она была среди них. Но история не так проста. Туристы оказались не туристами, а террористы – не террористами. Я полагаю, наше начальство что-то перепутало, отправив нас туда. Там были профессиональные бойцы, вероятно, нашпигованные боевыми гаджетами и программами, в форме без знаков различия и с вышитыми желтыми бабочками на рукавах. Они…

Халиль перебил его.

– Махаон, – задумчиво кивая, произнес он.

На лице Микмака отобразилось странное выражение – неприязнь, смешанная с любопытством.

– Я уже слышал это название. От тех, кто хочет заполучить код.

– Немудрено, – заметил Халиль. – Скорее всего среди них есть кто-то из группы «Махаон». Я тоже был среди них.

Выходит…

Конечно, именно поэтому ты так легко прошел полицейский контроль с «дыроделом» – в «таблетке» всё еще хранятся отметки спецслужбы Баварского султаната. Да и сам «дыродел» был у тебя всегда.

– Но они же убили всех, кто был с вашей женой. Пытались убить и её, – удивился Микмак.

– Вряд ли. Она была нужна им живой. Я же сказал, что код не работает. Без неё комплекс «Титериста» лишь груда очень дорогого железа. Что она вам рассказала? Вы ведь говорили, что она была жива, когда вы видели её в последний раз. Значит, это были не люди из «Махаона», не они её забрали, – последние слова Халиль произнес, задумчиво покусывая костяшку указательного пальца.

Ну что, теперь вспомнил? Ты вспомнил, что возомнил себя Джио Лоренцо, которая изобрела великую программу «Титериста», ты думал, что взвалил на себя ответственность за этого дьявола. Считал, что принес жертву, стал мучеником, искупая свои и чужие грехи. Но почему-то предпочел забыть самое главное. То, что произошло после того, как странные люди увезли Джоконду и Вильгельмину.

…Он смотрел в окно, не мигая и не отрывая взгляд от места, где стоял мобиль, в котором увезли Джио и Вилли. Он их предал, сам отдал в лапы этим безжалостным людям. Он не знал, что делать дальше. Жизнь казалось законченной и не имеющей смысла.

Но прошло всего минут десять, и у подъезда остановился еще один мобиль. Точно такой же, как и первый. Той же марки и такого же цвета.

На «балалайку» пришел вызов, коротко сказали: «Мы идем», – и дали отбой.

Из мобиля под дождь вышли люди и точно так же направились к их двери.

Это были люди из «Махаона». Особой спецслужбы Баварского султаната, которой не существовало ни в одном официальном файле. Тени без имен и званий, люди, меняющие «балалайки», словно костюмы, отправляясь на очередной вечерний прием. Такие же, как он – Халиль Лоренцо, работавший в аналитической службе группы «Махаон».

Они не представлялись, не предъявляли никаких документов. Но Халиль знал, кто они, «балалайка» опознала в них своих. Только он не желал быть своим для махаонов.

Они опоздали. Кто мог опередить столь могущественную организацию?

Этот вопрос задал старший группы, здоровенный лысый негр с грустным взглядом красных уставших глаз.

– Здесь Анклав, – ответил Халиль. – Здесь наше могущество не безгранично.

В глазах чернокожего стоял немой вопрос, который Халиль уже задавал себе сам – а как же «балалайка», разве она опознала в тех, кто забрал Джоконду и Вилли, своих? Нет, не опознала. Халиль упустил этот момент, подобного с ним еще не случалось. Странно. Но ведь ему и не случалось раньше терять семью – самое дорогое, что было в его жизни.

– Что ты несешь, Лоренцо? – негр разглядывал Халиля, будто пытаясь найти, что в нём не так.

Он не собирался отвечать командиру группы махаонов.

Послышались характерные для такой ситуации звуки – приглушенный шорох одежды и сухие щелчки предохранителей «дыроделов». Теперь он чужой, всё еще значащийся в файлах системы, но чужой, которого можно застрелить при попытке к бегству, как только система снимет с его «балалайки» метку. Но стрелять никто не будет: им нужна информация. То, что с ним теперь сделают, намного хуже простого выстрела в затылок.

Халиль коротко пожал плечами и повернулся к окну, дав

понять предводителю махаонов, что разговор окончен.

– Да, Милторн, – послышался голос негра, – это я. У нас здесь с Лоренцо проблемы, нужно…

Он хотел вычеркнуть Халиля из секретных списков особой группы «Махаон». Во всяком случае, до окончательного выяснения обстоятельств. Но не успел…

Именно в этот момент произошел первый толчок – где-то далеко на Русском Севере, словно в иной вселенной, что-то не заладилось на Станции.

40

Микмак потер лоб. Он здорово разодрал кожу в этом месте, чесать было больно, но всё равно чесалось так сильно, что удержаться он не мог. Ногти с неприятным хрустом цеплялись за край ранки, поднимая оттуда какой-то лоскут.

– Как вам удалось выжить? – спросил Халиль.

Хотелось бы узнать ответ на этот вопрос. Но Микмак его не знал – теперь, услышав рассказ Халиля о группе «Махаон», он вообще перестал понимать, как мог справиться с бойцами такого класса.

И заметь: ты выжил один из всего отряда.

«Мозголом» из внутренних войск, похоже, отчаялся узнать от Микмака обстоятельства того дела. Он, разумеется, не докладывал об этом подопечному, но отчаяние в тот день легко читалось в его уставших глазах. Микмак ничего ему не рассказал. Так же, как до сих пор не смог ничего рассказать и самому себе.

Иногда он видел сны, иногда что-то вспоминал, но никогда в его воспоминаниях или видениях не фигурировало описание того, как именно он одолел бойцов «Махаона». Только распустившийся огненный цветок на стволе одного из бойцов, а дальше – шесть трупов со свернутыми шеями или простреленными затылками. И теплый «дыродел», торчащий из-за его ремня.

– Я не знаю, – пробормотал Микмак. Перекатывающийся под пальцем уголок собственной плоти раздражал, его хотелось оторвать, но Микмак опасался, что будет больно. – А что Джоконда делала в синагоге? Она ведь не была туристкой. Так же, как люди, которых убили махаоны. Руководство явно дезинформировало нас.

– Джио еврейка. Она всегда очень щепетильно относилась к своей Традиции. Почитала древние заветы, если могла – совершала положенные обряды. Она что-то рассказывала о Каббале, но я особенно не вникал – религиозные вопросы от меня далеки.

– Каббала… – прошептал Микмак.

Он почувствовал, как по спине пробежал холодок, оставив за собой влажные следы страха. Тот раввин, с которым была жена Халиля, наверняка тоже владел Каббалой. Микмак никогда не был особенно набожным, да и не знал, каким богам молиться – его предки имели отношение к такому числу национальностей и традиций, что выбрать «по наследству» не представлялось возможным.

– Я думал, Джоконду забрали. Такая пустота внутри…

– Каждый – заложник своей собственной пустоты, – произнес Микмак странную фразу.

– Думал, они захватили, чтобы использовать её гений в собственных целях, – продолжал причитать Халиль. – Но я ошибался – она нашла способ спрятаться. Её Традиция… я бы никогда не подумал…

В глазах Халиля стояли слезы. Его семьи не было с ним, но он, похоже, уверился, что с женой и дочерью всё в порядке. Во всяком случае, они у своих.

Совершенно точно – у своих. Микмак не сомневался ни на секунду, этот факт в его снах никогда не менялся – когда в синагоге появились бойцы внутренних войск, женщины, усыпанной белой штукатуркой, там уже не было.

Голова чесалась всё сильней. Лоскуток под пальцами жаждал быть вытащенным наружу. Что же там такое?

– Вы отдадите мне код? – спросил Микмак.

Халиль отпрянул, его тело напряглось, рефлекторно приняв позу боксера. Микмак не знал, зачем спрашивал, – у Халиля больше не было оружия, код можно было забрать просто так. Он сказал, что код не работает, но Ромеро этого не знает, его устроит ключ. Ведь ключ-то настоящий.

Мысли о Старике Ромеро, казалось, начали материализовываться. Снаружи послышалась какая-то возня, топот нескольких десятков ног. А потом в кармане Микмака заверещал коммуникатор.

– Надеюсь, ты добыл то, зачем поплелся сюда? – голос Ромеро он узнал сразу. Звонил именно он.

– Это твои люди так шумят снаружи?

– Мои. Через минуту они будут у вас. Будь добр, не делай резких движений и отдай им ключ. Хорошо? Мы же договаривались с тобой.

– Я всё еще в деле?

Старик явно усмехнулся.

– В каком?

Понятно. Микмак задал вопрос для проформы, чтобы поддержать разговор, если в данном случае можно так выразиться. Он с самого начала не сомневался, что ни о каком «партнерстве» не может быть и речи. Ромеро просто хотел подбодрить его.

Как же чешется лоб! Микмаку удалось ухватить за край болтающегося в ране лоскута и потянуть его. Под кожей что-то затрещало, острая боль пронзила голову сверху вниз, словно ударившая с неба молния. В глазах на секунду потемнело.

– А какова моя доля?

Микмак знал, что ответит Старик. Догадывался.

– Тебя убьют быстро.

Микмак размахнулся и запустил коммуникатор о стену. Брызги разноцветного пластика полетели во все стороны.

Боль в голове прошла, но чесаться стало еще сильнее. Только теперь это не имело значения – Микмак вспомнил. Или просто понял то, что давно знал?

– Мне не нужен ключ, – сказал он Халилю. – Но эти люди в любом случае его заберут.

– Он всё равно не работает.

– Но ведь система должна как-то активироваться.

Со стороны входа раздался глухой удар, волной дрожи пронесшийся по бункеру. Там ломали титапластовую дверь, которую Микмак, в отличие от Халиля, за собой закрыл.

Он тащил Халиля за собой. Тот не сопротивлялся. Парень, похоже, просто обалдел от последних событий.

А что предстоит тебе? Ты готов узнать правду?

Готов. Хотя Микмак до сих пор не мог поверить в то, что подобная правда – реальность. Может быть, он всё же ошибается.

Полукруглая консоль управления комплексом «Титериста» – точно такая же, как на фото, и такая же, как те обросшие водорослями и ракушками останки со дна Марсельского залива, – светилась разноцветными огнями. Несколько терминалов отображали какую-то информацию о состоянии системы, но все они замерли – в системе ничего не менялось, в активации было отказано. Об этом красноречиво говорила надпись на центральном терминале, где предлагалось ввести некий код доступа. Одинокая надпись белым на монохромно голубом экране и небольшая квадратная рамка белого же цвета над ней. Здесь не было даже привычного курсора.

– Вы пробовали что-нибудь вводить? – спросил Микмак.

– Да. Но ни один символ не отображается на экране. Система как будто зависла.

– Нет, не зависла! – решительно заявил Микмак.

Откуда тебе известно? Ты же ничего не знаешь.

Он действительно не знал. Только слова той женщины, Джоконды. Тогда он решил, что она разговаривает с раввином, потому что не понял слов – она говорила на незнакомом языке, Микмак даже не знал его названия. Но теперь слова эти стояли перед ним, словно выжженные поверх реальности каким-то неведомым мистическим способом.

– Ты есть ключ, – говорила Джоконда, – придет время – отопри замок.

Нет, понимать этот язык он не научился. Просто теперь он *знал*, что сказала похожая на статую женщина. Он и есть ключ. Он – большой ходячий ключ, черт возьми!

Только как этим «ключом» отпереть замок? Вот же он, замок, прямо перед глазами на экране консоли «Титеристы».

Подумай хорошо: почему ты не помнишь ничего, что случилось в течение нескольких минут после того, как заметил плюющийся свинцом автомат махаона?

Ответ прост. Только очень трудно в него поверить. Еще трудней поверить, что это случилось с тобой.

– Скажи, твоя жена когда-нибудь рассказывала что-нибудь о том, как превратить неживое в живое? – спросил Микмак у Халиля.

Грохот со стороны входа затих. Видимо, до кого-то дошло, что титапластовую дверь с электронным замком лучше открывать ломщику, а не дюжим бойцам. Совсем скоро всё будет кончено.

Халиль смотрел на Микмака испуганным взглядом.

Он на тебя смотрит, как на сумасшедшего. Конечно, нормальные люди опасаются безумцев.

– В Каббале это называют големом. Это вроде бы общеизвестно – промямлил Халиль. Он совершенно не понимал, к чему клонит Микмак. И тишина в коридоре ему, похоже, тоже действовала на нервы.

– Глиняный человек?

– Да. Джоконда как-то рассказывала, что големом может быть все, что угодно.

На лице Халиля внезапно появилось понимание, тут же сменившееся удивлением.

– Но это же бред! Так не бывает в жизни, только в сказках!

– Похоже, твоя жена серьезно верила в это, – заметил Микмак, сжав зубы от боли: его пальцы настойчиво пытались отодрать от головы то, что всё ощутимее торчало из-под кожи. Он кивнул на включенную консоль. – И вроде бы именно она создала начинку для этой штуки.

Ну да, так и было: ты не помнишь тех событий в Староновой синагоге, потому что был мертв. Недолго, всего несколько минут, пока старый еврей не дополз до тебя – до твоего теплого трупа с простреленной башкой – и не заткнул чем-то дырку на твоем лбу. И еще он вложил «дыродел» тебе в руку, предварительно пробормотав что-то на своем странном языке. Так эта штука и работает – Каббала. Правда, по сути, ты мёртв и сейчас.

«Что же я делаю?!» – в ужасе подумал Микмак. А может быть, он кричал это во всё горло, потому что Халиль, выпучив от страха глаза, медленно пятился назад.

То, что обычно делают големы: исполняешь волю своего создателя. Того раввина. Или Джоконды Лоренцо – какая, впрочем, разница, они же заодно.

Миссия завершена, он принес послание. Это не твое письмо, его нужно отдать. Тому, для кого оно и было создано. Нет, не Халилю – про этого сморчка Джоконда ничего не говорила, только дала его номер, потому что он многое знает о «Титеристе»: о том, кому нужно передать послание древней Традиции.

– Я и есть ключ, – сказал Микмак.

Ему, наконец, удалось ухватить торчащий из раны клочок двумя пальцами. Он дернул и вытащил из-под кожи окровавленный квадратик, на котором были отлично видны четыре странных, начертанных от руки знака. Не нужно примерок, и так ясно, что этот квадратик в точности совпадет с квадратом, нарисованным на экране.

Так и есть – небольшой, похожий на древнюю почтовую марку квадрат приклеился к экрану, четко вписавшись в нарисованную рамку. «Автономная работа разрешена», – высветилось на экране, а потом консоль выключилась.

Перед глазами всё плыло. Свет медленно угасал.

Это ты угасаешь, а не свет.

Откуда-то издалека послышались голоса. Они что-то кричали. Топот, шорох, металлический звон. Звуки тонули в пожирающей всё тишине.

Ты умираешь.

Ты давно мертв.

Халиль, бессмысленно пытаясь закрыть голову от направленного на неё автоматного ствола, что-то кричал. Микмак не понимал слов. Все слова теперь потеряли смысл, все языки мира сделались непонятны.

Заклинания больше нет, голем не работает. Тело Микмака безвольной куклой рухнуло на пыльный бетонный пол. На окровавленной голове трупа было отчетливо видно пулевое отверстие чуть выше лба.

Заклинание включилось. Голем получил возможность действовать, получил возможность жить. Големом может быть всё, что угодно. Даже программа.

– Где код?! – орал Старик Ромеро, хватая Микмака за воротник.

Ромеро поймал взгляд остекленевших мертвых глаз и отпрянул. На несколько мгновений он застыл в замешательстве, на его лице отчетливо читался испуг. Страшно увидеть пустоту, настойчиво пытающуюся вырваться наружу и поглотить всё вокруг. Она слишком долго сидела внутри, её там держали

насильно.

– Где код? – охрипшим тихим голосом повторил вопрос Ромеро, повернувшись к Джио Лоренцо.

– Там, там! – завизжал Джио, не поднимая головы и тыча пальцем в сторону отключившейся консоли. – Там кодер в гнезде для внешнего подключения.

Ромеро пнул Джио носком ботинка – уж очень противно выглядел этот недомерок. Он на мгновение встретился с ним взглядом и почувствовал, что из его живых вроде бы глаз пахнуло душком такой же гнилой пустоты.

Больше не смотри никому в глаза.

– Что здесь делал Микмак?

– Хотел забрать кодер.

– Кто его убил?

– Это не я, – Джио рыдал. Трудно сказать – от отчаяния или от страха. – Он сам что-то сделал, бил себя по голове и полез к консоли. А потом… вы… он упал…

Ромеро склонился над экраном, рассматривая кровавое пятно. Кровь подсохла и приобрела бурый оттенок. На темный выключенный экран был налеплен бумажный квадратик. Просто клочок бумаги, измазанный кровью, никаких чипов или хотя бы надписей на нём не было.

Ромеро выдернул из гнезда небольшой кодер, похожий на информационный накопитель, спрятал его в карман и скомандовал бойцам:

– Уходим. Этого, – он указал взглядом на Джио, – берем с собой.

41

Паренёк судорожно вздохнул, замер на секунду, потом вздохнул еще раз, но так и не выдохнул. Словно он собирался раздуться, как воздушный шар, и взлететь. Или лопнуть.

Его глаза, до того постоянно поворачивающиеся из стороны в сторону с такой скоростью, что это движение можно было назвать дрожью, вдруг замерли, уставившись в одну точку. А потом – словно эта самая точка растворилась, исчезнув из бытия: парень смотрел в никуда, в пустоту внутри себя.

– Эй! – позвала его Зарема.

Девушка оторвала руки от клавиатуры «раллера» и подергала парня за рукав расстегнутой куртки. Его голова мотнулась в сторону, упав на левое плечо, после чего он весь как-то обмяк и медленно, как в рапидной съемке, сполз на пол. Его взгляд всё так же был направлен внутрь.

Зарема бросила взгляд на экран – процесс взлома продолжался.

Это не взлом, ты подозревала об этом с самого начала.

Все пути были свободны, но еще не завершено самое главное – ядро сервера оставалось нетронутым.

Она опустилась на колени рядом с лежащим на полу Алексеем. Его губы побледнели, на них застыла едва уловимая, но от того не менее счастливая улыбка. Зарема приложила пальцы к шее парня, там, где должна биться сонная артерия. Кожа еще была теплой, но никакого движения под пальцами не ощущалось.

Ведь это и должно было произойти.

Не помня себя, она несколько раз наотмашь ударила паренька по щекам. Голова моталась из стороны в сторону, но завороженная улыбка не сходила с его лица. Только глаза изменились – они уже не смотрели внутрь себя, они вообще никуда не смотрели, замерли, превратившись в две крупные стеклянные бусины.

Замок куртки заело, свитер не желал подниматься, цепляясь за пряжку дешевого ремня. Всё в мире сейчас против нее. Потому что её попытки спасти Алексея были тщетны. Зарема это прекрасно знала, но всё равно не могла остановиться, не могла она просто бросить его здесь умирать. Она знала, чем всё закончится – точнее, не знала наверняка, но догадывалась, – а он не ведал, куда попал, какая участь ему уготована.

Прекрати. Посмотри на его улыбку: он получил то, чего хотел. Он счастлив.

Его сердце не желало биться. Слишком много «синдина», слишком большая нагрузка на мозг. Перевозбуждение нервных центров зашкалило, главный процессор организма – мозг – отдал команду остановиться. Жизнь ушла из этого тела.

Куллер «раллера», на котором работал Алексей, взвыл, пытаясь спасти машину от перегрева.

Какой перегрев, этим компьютером больше никто не управляет?

Коды в открытом окошке стремительно менялись. Столь стремительно, что человеческий глаз не успевал заметить самих изменений – пляшущие строчки сливались в сплошное световое пятно, размазанное на черном фоне.

Но ведь клавиатуры «раллера» никто не касается, «балалайка» не подключена. Впрочем, «балалайка» как раз подключена. Зарема быстрым движением выдернула проводок психопривода. Ничего не изменилось, код продолжал меняться. Сам собой.

Ну почему ты не хочешь поверить в очевидное?

Уже несколько минут ей казалось, будто что-то раздражает ее, теребит и без того расшатанную психику. Как жужжание комара в темноте. Потом она поняла, что это зудит её коммуникатор.

– Почему тебя нет перед «раллером»?

Призрак. Конечно, кому еще быть? Голос, как обычно, лишен эмоций, но он недоволен. Сильно, надо думать, недоволен. Они договаривались, Безликий потребовал от неё несколько раз повторить все этапы операции. Он не объяснял – как обычно, – для чего это нужно. Однажды она согласилась работать с ним.

С ними. Они сказали, что это такой эксперимент. Не уточняли – над кем и по какому поводу. Подразумевалось, что она и сама прекрасно всё понимает. Она понимала. Потому что видела программы, которые ей давал Призрак. Потому что пробовала странное вещество, которое на юго-востоке называли «джьяду гумра» – «волшебный порошок». Потому что видела сеть через призму процессора с невероятной скоростью счета, до сих пор казавшегося вымыслом больного воображения. Потому что с некоторых пор она начала верить, что чудо возможно. Чудо, сотворенное рациональным порождением разума Цифрой. То, существование чего отвергала сама Поэтесса.

– Он умер, – глотая слезы, сказала она.

– Он работает, – заметил Призрак. Просто заметил, будто говорил о ком-то, решившем побелить сегодня стены. – В отличие от тебя.

– Он умер, – повторила Зарема и села на диван.

Она положила руки на клавиатуру и присмотрелась к происходящему на экране. Она пыталась понять, как меняется код и что нужно делать ей. А слезы продолжали течь по её щекам, срываясь с них и мерно ударяясь о клавиши.

– Сейчас самое время, – сказал Призрак. – И пожалуйста, больше не отходи от «раллера».

Его голос всё еще звучал в виртуальном подключении, в котором она общалась с Безликим. Он всегда требовал виртуального подключения, обычный разговор его не устраивал.

Она знала, что нужно делать. Все программы были наготове. Те самые, которые она писала весь этот год. Не понимая, для чего они нужны. На самом деле, она и сейчас не понимала, зачем запускает их, она лишь знала, что они могут делать: это были вирусы, способные встроиться в структуру цифрового лабиринта – программы, которую подкинул ей Безликий Призрак еще в Мьянме. Можно сказать, с неё всё и началось. И главное, чего Зарема не понимала: почему Призрак сам не мог всё это сделать.

А сейчас, глядя на коды того, что вскрыл Алексей, она испытывала легкое состояние deja vu. Он взломал почти точную копию того самого лабиринта. Но это всё же была другая программа.

Давай честно назовем вещи своими именами – лабиринт взломал мозги Алексея, а не наоборот. И еще ты зачем-то давала парню понюхать «джьяду гумра», жестянку с которым притащила из Мьянмы.

Дать пацану порошок велел Призрак.

Сервер, на котором засел цифровой лабиринт, не желал сдаваться. Зарема пыталась перехватить контроль, но каждый раз натыкалась на аккуратную табличку со стандартной фразой: «В доступе отказано». А «раллер» Алексея, который она повернула экраном к себе, продолжал жить своей жизнью. У неё не было времени вдаваться в подробности, но Зарема особенно не сомневалась – именно так и работал парень. Когда был жив…

– Кто она?

Вопрос сорвался с её губ сам собой, Зарема не собиралась задавать его, просто голос озвучил мысли, вертевшиеся в голове.

– Ты её видела?!

Голос Безликого Призрака выражал такое неподдельное удивление, что пальцы Заремы на мгновение замерли над клавиатурой – она никогда раньше не замечала, чтобы этот… это странное существо выражало эмоции. Она думала, он не способен на подобное.

– И не только я, – ответила Зарема. – Он тоже видел.

Сначала она сомневалась – да, она видела какую-то девчонку,

появившуюся неизвестно откуда и исчезнувшую незнамо куда в пустой портовой забегаловке в Мьянме.

Нет, сперва ты спутала её со своим отражением, после того, как вдохнула этот «джьяду гумра».

Тогда она решила, что ей просто привиделось, что уставший и одурманенный химической дрянью мозг решил сыграть с нею шутку. Но сегодня ей опять показалось, всего на секунду… Зарема даже, наверное, не обратила бы на это видение внимания, если бы не Алексей. Парень, втянув ноздрями голубоватый «джьяду гумра», уставился немигающим взглядом в ту самую точку, где она только что видела девчонку с острыми зубами.

– Какая она? – спросил Призрак.

Вот такого вопроса Зарема не ожидала. Стало быть, Призрак знал об этой девчонке, но никогда её не видел.

– Она стала старше. С того момента, как я видела её в последний раз.

– Ты знаешь, откуда берутся боги? – поинтересовался Безликий.

Интересный поворот разговора. Или эта тема имеет отношение к девчонке?

Самое непосредственное.

– Нет.

– Я тоже. Может быть, они выводятся из какого-то зародыша? Из личинки?

– Как насекомые?

– Как живые существа.

– А разве боги мертвые?

Чёрт возьми, безликий гад её отвлекал. Зарема начинала нервничать – ничего не получалось. Сервер не принимал её запросы, ни одна из отправленных туда программ не сработала. Она обязана взломать этот чёртов лабиринт, обязана найти путь к минотавру – к настоящему, а не к тому муляжу, который показывал ей Призрак. Если ей не удастся, это будет означать, что Алексей умер зря.

Он с самого начала был расходным материалом. Ведь он сам нечего не ломал, ты лишь использовала его мозги, чтобы кто-то мог вклиниться в процесс с «поплавком» в голове на твоей стороне.

– Не знаю. Они живут, пока в них верят. Но боги не должны жить в нашем мире – у них свои пространства.

– Не могу сказать, что я верю в девочку, являющуюся, когда включена Сеть.

– Ты веришь, что можешь сделать в сети всё.

Зарема на секунду оторвала взгляд от кода и посмотрела на пляшущее антрацитовое облако. Безликий Призрак оставался

столь же безликим, как было всегда. Она усмехнулась и, сказав: «Да», – нажала клавишу «enter».

На экране открылось новое окно – доступ в отладку кода сервера, который ломали они с Алексеем по заказу – или по просьбе? – Призрака. Права на полное и безраздельное владение содержимым этого узла сети.

Радость от очередной победы омрачало лишь одно – сервер был пуст. Носители стерты в ноль, данные не подлежат восстановлению.

Их перехитрили.

– Я… – Зарема не знала, что сказать.

– Вижу, – резко ответил Призрак. Он не выражал недовольства, не предлагал делать что-то еще. Похоже, он куда-то спешил. – Верни психопривод в «балалайку» парня.

– Но здесь же ничего нет! – закричала она, не слушая собеседника. – Какого черта мы ломали этот сервер, если он пуст?! К чему всё эти игры, сволочь ты безликая?!

– Воткни психопривод в его «балалайку»!

Сегодня Призрак, похоже, израсходовал годовой запас эмоций.

Зарема, чуть не сбросив Лёшкин «раллер» на пол, потянула черный шнур, нащупывая знакомое до боли гнездо на затылке парня. Тихий щелчок – контакт замкнулся.

Посеревшее лицо молодого человека дернулось несколько раз, словно от электрических разрядов. Потом его глаза резко открылись, но серо-голубые радужки продолжали смотреть в никуда. Зарема непроизвольно отшатнулась – слишком отвратительно выглядела гримаса на Лёшкином лице. А еще через пару секунд парень, широко раскинув руки и с костяным стуком ударив ладонями об пол, резко выдохнул, выплюнув вверх комок слизи.

– Ты что-нибудь слышала о Сингулярике?

Зарема продолжала пятиться, не слыша Призрака. За последние пару лет она успела стать свидетельницей нескольких очень неоднозначных происшествий, которые кто-нибудь другой мог бы назвать чудом. Кто-то другой, не она – слишком уж нелегко поверить, что чудеса возможны. Она слышала байки о вудуистских зомби. Только здесь, в баре «Три медведя», не было вудуистов. А вот насчет зомби Зарема уже не была уверена.

– Он же умер, – пробормотала ломщица.

– Умрет, если ему не окажут помощь, – поправил её Безликий. Как всегда, он не врал. Но и не говорил всей правды.

Девушка терзала свой коммуникатор, пытаясь набрать номер, но руки дрожали и никак не получалось попасть в нужные цифры.

Она что-то кричала: звала бармена или еще кого-то.

– Так вот: Сингулярика, – тщательно выговаривая слоги, повторил Призрак, – обязательно поинтересуйся. Очень занятная вещица.

Он, казалось, не слышал крика Заремы, не замечал её замешательства. Как бы между прочим дав совет, пляшущее черное пятно исчезло.

Зарема перевела взгляд на «раллер», на котором работал Алексей. «Раллер» как «раллер», картинка замерла, электронные потроха машины ждут команды человека. Всё так, как должно быть.

Около распростертого на полу Лёшки уже возились несколько человек. Психопривод вынули вместе с «балалайкой», бармен что-то кому-то кричал, зубами отрывая пластиковую крышку с флакона с адреналином. Шприц с длинной иглой он уже держал в правой руке. Они тут знают, что нужно делать, она сама позаботилась, чтобы в «Трех медведях» работали только обученные подобным премудростям люди.

Зарема выключила оба «раллера» – свой и тот, на котором работал Лёшка. Чтобы не видеть Сеть.

Мир снова сделался обычным. Сеть не ушла из него, она оставалась где-то внутри многочисленных серверов; в атмосфере, витая радиосигналом от ретранслятора к ретранслятору; в космосе, опутывая планету саваном спутниковых группировок. Но она снова стала обычной компьютерной сетью, с понятными алгоритмами передачи и защиты данных. Никакой мистики, никаких острозубых девочек, никаких пустых серверов, высасывающих мозги из пацанов, которые *подошли* для взлома из-за какого-то особого сродства активности нервной ткани ритму «поплавков», никаких «раллеров», продолжающих ломать таинственные серверы по собственной воле, плюя на смерть управлявшего ими человека. Никаких ломщиков, оживающих после того, как, работая в сети, ушли в небытие.

– Чудес не бывает, – не веря в собственные слова, тихо произнесла Зарема, опуская незарегистрированный коммуникатор производства корпорации «Науком» на сложенные стопкой два «раллера» с такой же маркировкой на крышках. Потом она положила небольшую пирамидку на пол и несколькими резкими ударами ноги в тяжелом ботинке разнесла их в пух и прах. На неё никто не обратил внимания – все были заняты парнем.

Чтобы верить, не нужны иконы. И храмы со священниками тоже не нужны. Строительством храмов пускай занимаются другие, а с неё хватит!

На улице вечерело. Издалека, пока еще едва слышимая, доносилась сирена спешащей сюда «Скорой». Странно, но сейчас на широком проспекте было настолько пусто, что в конце уходящей вдаль улицы, в узкой щели между высотками, было видно яркое, ныряющее в водную гладь солнце.

Эпилог

Лёшка прикоснулся к минотавру. Девочка, не переставая улыбаться, протянула руку и взяла его, Лёшкину, ладонь в свою.

Время будто бы замерло. Всё вокруг стало отчетливым и каким-то неестественно ярким, словно на фотографии, обработанной чипом дешевой «балалайки».

Прямо перед ним стоял, сверкая символами машинного кода, «раллер». От машины к его затылку тянулся тоненький проводок психопривода. Он даже видел свои руки, лежавшие на клавишах.

Прямо перед ним замер минотавр. Тот самый монстр, томившийся внутри лабиринта, путь в который он искал всё это время. Нить Ариадны не нужна, он легко сможет найти дорогу. Назад, вперед, вбок – куда угодно, направление больше не играет роли.

Прямо перед ним стояла девчонка с черными волосами и немного раскосыми глазами, улыбаясь настолько широко, что были видны все её зубы, выстроенные в два ряда тоненьких шипов, похожих на лапки процессора. Их было куда больше тридцати двух, но это нормально, тридцать два – это правильная цифра для людей.

Три мира, открывшиеся перед ним одновременно. Три мира, три состояния, три чуда, в которые невозможно поверить, которые невозможно познать, пока… пока не поверишь в них. Момент выбора.

А нужно ли выбирать?

– Как тебя зовут?

Кто это сказал? Девочка? Минотавр? Или он сам? Никто из троих не открывал рта. Потому что слова не нужны, слова, в их обычном понимании, лишь сотрясение воздуха. Вначале было Слово. Информация, сжатая до немыслимой плотности. Суть всего сущего. Цифра – информация в чистом виде.

Он пытался что-нибудь произнести, но ничего не получалось. Потому что произносить стало нечего. Он не знал своего имени. Да и было ли оно? Никто из них троих не знает своего имени. Одного имени для всех. Его нужно придумать. Для себя, для них, для мира. Но это не его работа, имя придумают другие.

Он посмотрел вокруг. Мир с открытым «раллером» на столе исчезал. Мир с минотавром в темном лабиринте растворялся в потоке нулей и единиц. Мир с непонятным маревом человеческих мыслей на горизонте, из которого смотрела улыбающаяся девочка, размазывался и таял вдали.

Мир Жизни, мир Цифры, мир Чуда. Между мирами нет

границ, мир – это лишь выходящая на свободу информация, Слово, проходящее процесс разархивации.

Мир умирал.

Мир рождался заново.

Его мир.

Он чувствовал силу – дикую, неоформленную, бестолковую. Ею еще предстоит научиться пользоваться. Тех, кто её порождает, еще предстоит научить. Его время – будущее, но оно уже близко.

Пальцы утонули в руке девочки и слились с ней, с другой стороны приблизился минотавр. Они стали одним целым, почти сплавившись в единое существо. Порождения трех миров, решившие объединить усилия и создать что-то новое. Оставалось сделать только один шаг…

Внезапно минотавр, извергнув из необъятной пасти душераздирающий рёв, ринулся назад, разрывая связывающее троицу бесплотное марево. С ним что-то происходило. Что-то странное и, казалось бы, совершенно неуместное в этом мире. Цифровое чудовище словно обрастало плотью, настоящей, живой, превращаясь в реального монстра из древних средиземноморских мифов.

Лёшка попытался вдохнуть, но грудь и так распирало от наполнившего её воздуха – какого-то затхлого и не приносящего облегчения. Его куда-то тянуло, он словно бы падал, пока не почувствовал спиной опору и не догадался, что лежит на полу. Минотавр исчез, а прямо перед ним стояла девочка с раскосыми глазами, из которых крупными каплями падали слезы, не оставляя на полу пятен.

А потом что-то больно впилось острым жалом в грудь, и мир накрыла багровая буря…